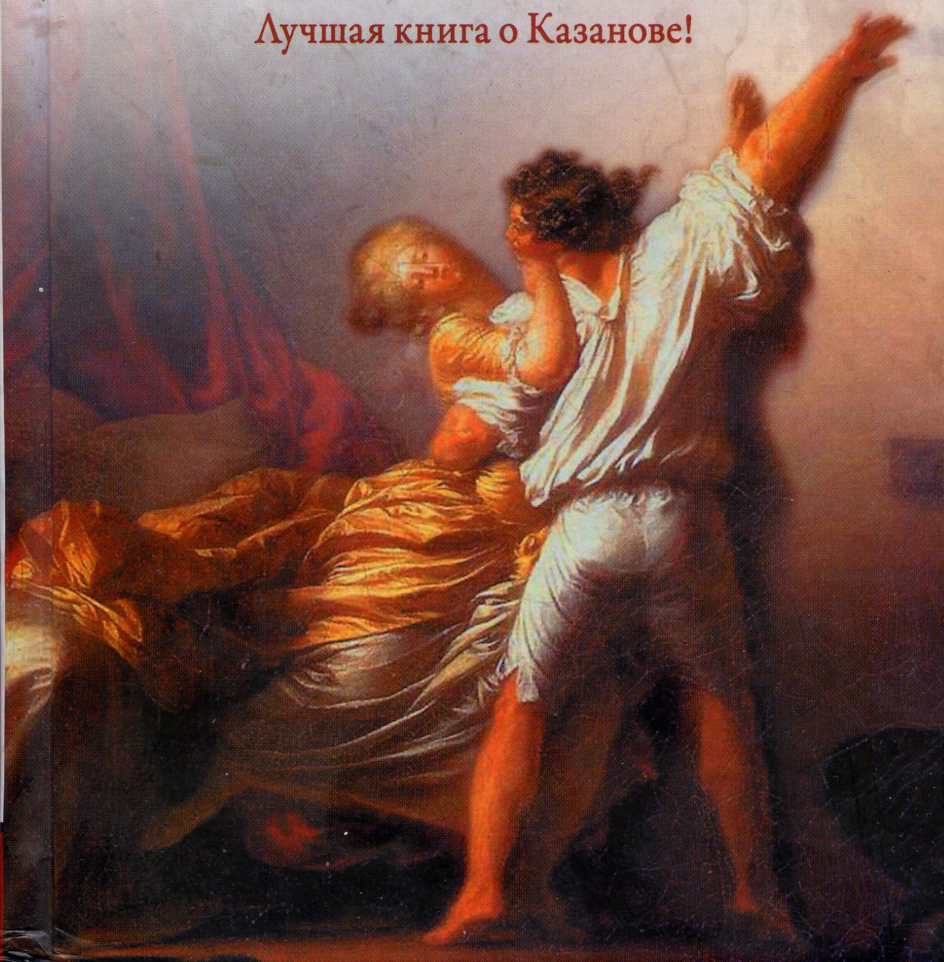

■ Иен Келли ■

КАЗАНОВА

Лицедей, шпион, любовник.
Лучшая книга о Казанове!

Иен Келли

Иен Келли

КАЗАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Астрель

Полиграфиздат

МОСКВА

УДК 94(450)(092)
ББК 63.3(4Ита)-8
К34

Ian Kelly
CASANOVA

Перевод с английского Е. Васильевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Intercontinental Literary Agency и Andrew Nurnberg.

*Книга подготовлена издательством «Мидгард»
(Санкт-Петербург)*

Келли, И.

**К34 Казанова / Иен Келли; пер. с англ. Е. Васильевой. – М.: АСТ:
Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 443, [5] с.**

ISBN 978-5-17-065490-1 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Ист. библио. (84)-3)

ISBN 978-5-271-31835-1 (ООО «Изд-во Астрель»)

ISBN 978-5-4215-1529-6 (ООО «Полиграфиздат»)

Компьютерный дизайн А.А. Барковской

ISBN 978-5-17-065450-5 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Биографии)

ISBN 978-5-271-31841-2 (ООО «Изд-во Астрель»)

ISBN 978-5-4215-1530-2 (ООО «Полиграфиздат»)

Компьютерный дизайн Э. Э. Кунтыш

Личность Джакомо Казановы была и остается загадкой, тревожащей умы историков и биографов. Кто он? Один из многочисленных авантюристов XVIII века? Тайный информатор правителей? Мошенник, чей талант граничил с гениальностью? Бонвиван и ловелас? Идеальный любовник? Великолепный литературный мистификатор, знаменитые «Мемуары» которого не имеют ничего общего с реальностью?

Современные историки до сих пор не могут прийти к единому мнению об этом легендарном человеке.

Иен Келли использовал в своей книге множество неопубликованных ранее материалов – от протоколов венецианской инквизиции до писем самого Казановы – и эти документальные свидетельства позволяют читателям по-новому взглянуть на жизнь загадочного итальянца.

УДК 94(450)(092)
ББК 63.3(4Ита)-8

© Ian Kelly, 2008

© Перевод. Е. Васильева, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Посвящается К. К.

Человек это мир в миниатюре.

Рабби Натан, II век н. э.

ПРЕЛЮДИЯ

TEATRO DEL MUNDO*

В первую минуту моего сна я наблюдал за видениями танцующих тел, очертания которых были слишком знакомы и освещены множеством великолепных огней.

Казанова. Записки о грезах (1791)

Двенадцатого сентября 1791 года на пражских улицах Рытиржска и Гарвиржска образуется затор. Лошади испуганы вспышками сигнальных ракет и фейерверков. Провиант, который сквозь голодную толпу перевозят в крытых двуколках из монастыря от Пржикопа на бал по случаю королевской коронации, охраняют войска. А шестидесятишестилетний венецианец выходит из кареты к огням портика театра Ностича. Всего лишь несколько дней назад он был здесь на премьере нового творения Моцарта, сочиненного в честь недавно коронованного императора. Но моцартовское «Милосердие Тита» понравилось Джакомо Казанове не больше, чем той, для которой эта опера была написана, — молодая императрица насмешливо говорила, что герр Моцарт придумал «*porcheria tedescha*», «дрянную немецкую пародию на оперу». Казанова предпочитал «Дон Жуана»: он участвовал в сочинении либретто и посетил премьеру, состоявшуюся в том же самом театре. Как говорят, своему старинному приятелю

* Театр мира (*ит.*).

либреттисту да Понте венецианец сказал: «Вы видели это? А я практически это прожил».

* * *

С момента премьеры оперы в театре произошли перемены. По мере того как Казанова продвигался в первые ряды партера театра Ностица, он будто погружался в атмосферу Венеции своего детства. За аркой авансцены, позади поднимающегося занавеса возвышались подмости, где лишь неделей ранее впервые представляли связную историю приключений Дон Жуана, теперь же все было декорировано тканью: для предстоящего этой ночью коронационного бала здесь возвели атриум протяженностью в двести шагов. Атриум выходил за оркестровую яму, за театральную погрузочную платформу и даже за тыловую стену здания, разобрannую профессором инженерии пражского императора таким образом, чтобы коридор бального зала мог визуальнo простираться в бесконечность благодаря исчезающим перспективам. Задрапированный в восемь тысяч элей* красного богемского полотна бальный зал был переполнен многочисленными придворными Габсбургов, танцевавшими под музыку скрытого в театральных ложах императорского оркестра Антонио Сальери. Зал отражался в двойной фаланге венецианских зеркал, был украшен драпировками и золотыми шитьем, канделябрами и искусственным мрамором, карнизами и потолком-небесами.

Та ночь 1791 года в театре Ностица ознаменовала конец эпохи. Францию охватила революция, и французская королева, сестра нового императора, очутилась в тюрьме. Для многих из шести тысяч аристократов, собравшихся на сцене театра под нарисованными Джованни Тартини небесами,

* 1 эль приблизительно 114 см. — *Здесь и далее примеч. перев.*

тот танец оказался прощанием с известным им миром — заключительным актом Венецианского карнавала, послел- него из множества маскарадов.

* * *

Будучи ребенком, Казанова видел похожие торжества. Ежегодно в Венеции в день Вознесения — когда дож совершает брачную церемонию между Венецианской республикой и морем и весь город отдается во власть карнавала — венецианцы наслаждаются собственным *teatri del mundo*, «театрами мира». И зрелище это бывает двух типов. Одни представления устраиваются за счет казны на принадлежащей республике плавучей сцене, пришвартованной у Пьяцетты, рядом с Сан-Марко; обычно эти высокопарные постановки, полные мифологических аллегорий с участием богов и небожителей, которых изображают облаченные в роскошные костюмы аристократы, сопровождаются обильными фейерверками. Но кроме этого, поблизости от площади Сан-Марко происходят небольшие уличные выступления театра теней: отголоски тьмы в нашем мире, возвышенные и смешные одновременно, показывающие носорогов, уродцев, «американцев» и «амурные сцены» в свете «волшебных фонарей» для отважного нового мира потребителей-вуайеристов. Вот почему эти маленькие *teatri del mundo* также называли еще и *mondi nuovi*, «новые миры». Если судить на основе тех кратких заметок, которые Казанова оставил относительно своих грез (их обнаружили в пражском архиве, пока они не разобраны и представляют собой неоценимое открытие для биографа), ум Казановы обратился к этим *teatri* после той ночи в 1791 году, и на балу в Ностице он грезил сюрреалистическими видениями обнаженной танцующей плоти; «глазные яблоки и носы, гениталии обоих полов и

инные части тел — все они были слишком знакомы мне». Великий летописец столетия оказался свидетелем последнего танца уходящего века: двор Габсбургов веселился в собственном teatro del mundo среди театральных декораций, и человеческие тела сплетались в слепящем свете театральных огней, многократно отраженных в зеркалах.

* * *

Из Праги Казанова вернулся к своему столу в библиотеке, за которым работал в холодном замке в Богемии. В его воображении толпились разрозненные образы и воспоминания, и свои дни он проводил, пытаясь придать более структурированную форму повествованию, которое он так и не увидит изданным: отчету о людях и местах, ароматах и вкусах, сексе и чувственности дореволюционного века. Восемнадцатое столетие Казановы во многих отношениях само было teatro del mundo — миром, поклонявшимся театру. Сформированная и отраженная в огнях этого мира и в литературе, упивающаяся театром, жизнь Казановы — начиная с его записок о грезах и до мемуаров — была выстроена как спектакль, подчинена усвоенным им понятиям изменчивых, рефлексивных перспектив Венеции и ее комедии дель арте. Рожденный в Венеции, тогдашней театральной столице, и в семье актеров, он всю свою жизнь путешествовал и в каждом уголке Европы отдавал дань долгой традиции венецианских маскарадов. Его успех в жизни и в любви, как распутника и либертена, был куплен благодаря способности заново изобретать себя, превращать в выгоду каждую выпавшую карту, а всю свою жизнь — в один великолепный подарок. Ирония не покинула его и той ночью 1791 года — способного чувствовать себя живым только посредством воспоминаний и писательства, — когда его мир, казалось, максимально ост-

ро осознавал радости жизни, стоя перед лицом драмы своей искусственности. Сочиненная Казановой «История моей жизни»* как никакой другой документ оживляет столетие, в котором он жил, и та особенная радость, с которой Казанова описывал свою жизнь, служит заветом для нового понимания себя. Как знает каждый венецианец, есть маска и есть некая сущность под маской; революционная же новая эра надеялась понять личность с учетом обоих компонентов.

* В настоящем издании текст «Истории моей жизни» Дж. Казановы цитируется в переводе, соответствующем используемым И. Келли отрывкам, которые не всегда совпадают с изданными ранее русскими переводами. Это связано с тем, что оригинальный текст Казановы подвергался издательской правке и цензурированию, начиная с первого французского издания, что сказалось также и на последующих переводах. — *Примеч. ред.*

ВСТУПЛЕНИЕ
ОПЕРА-БУФФ
ПОД НАЗВАНИЕМ ВЕНЕЦИЯ

Мемуары Казановы составляют самую полную картину столетия, предшествовавшего Французской революции, они зеркало жизни, поскольку наполнены тайнами жизни человека и эпохи.

Ф. В. Бартольд (1846)

Казанова был бы удивлен, узнай он, что сегодня его помянут почти исключительно из-за его сексуальной жизни. Он гордился своим интеллектом и познаниями в науках, и в разное время был виолончелистом, солдатом, алхимиком, целителем и даже библиотекарем, а изначально вообще готовился стать священником. Подавляющую часть собственной жизни он провел далеко от родной ему Венеции в попытках сделать различного рода карьеру в Париже и Санкт-Петербурге, Лондоне и Праге, Дрездене, Вене, Амстердаме и Стамбуле. Он несколько раз сделал и потерял состояние, основал государственную лотерею, написал сорок две книги, а также сочинял пьесы, либретто к операм, стихи, оставил после себя философские и математические трактаты, работы с календарными исчислениями, юридические труды и работы по геометрии. Он перевел «Илиаду» Гомера на современный итальянский язык, способствовал

появлению во французской музыке оратории, был известным гурманом и практиковал каббалу, да еще написал научно-фантастический роман в пяти томах. Но после смерти Джакомо в 1798 году место его захоронения вскоре было забыто. Его международная слава пришла посмертно и благодаря одной-единственной книге — «Истории моей жизни», которая в течение поколения после смерти венецианца лежала неопубликованной и только относительно недавно стала доступной в полном виде.

Казанова оставил миру непревзойденное жизнеописание: 3800 страниц фолианта, рассказывающего о его жизни с 1725 по 1774 год. Об остальном он никогда не писал. Иногда он собирался опубликовать эти мемуары, иногда — полностью сжечь их, но каждый день смеялся над своим прошлым и путешествовал с его помощью по задворкам собственной памяти тогда, когда уже едва мог ходить, и благодаря ему осознавал себя. Мало что среди других длинных рассказов о жизни можно сравнить с его мемуарами. Временами он писал по тринадцать часов в день, в основном по памяти, а также обращаясь к письмам и запискам, которые периодически составлял и отправлял по Европе друзьям и возлюбленным, но затем просил прислать обратно. Он писал, чтобы спасти свою душу (во всяком случае, так он сам утверждал), о «душе» Казанова рассуждал так же много, как о собственной сексуальной сущности и пенисе. Он умер в возрасте семидесяти трех лет с верой в загробную жизнь, что подходит для более общепринятой концепции души, чем для того, что он исповедовал, впрочем, как-то он обмолвился, что пишет ради сохранения своего разума. Это на редкость современная идея. Его врач предложил ее старику в качестве лекарства от меланхолии, как «единственное средство сохранить [меня] в здравом уме или не дать

умереть от горя». Он писал в палладианском замке в Чехии, где исполнял обязанности библиотекаря, вдалеке от своей родины и имея в окружении лишь нескольких друзей, презираемый слугами — осколок прошлой эпохи и предмет насмешек многих обитателей городка Дукс (Духцов). И писал он на французском языке.

Для писателя и историка Казанова представляет собой проблему. Он прожил большую часть своей жизни в погоне за сиюминутным удовольствием, безо всякой рефлексии или мыслей о последствиях. Он не писал много о собственной старости, проклявшей его болезнями, нищетой и многословием. Казанова был по своей сути артистом, с особым талантом к счастью, составлявшим часть того, что привлекало к нему людей. Люди поддавались обаянию Джакомо Казанова — люди, которые могли предложить ему продвижение по службе, деньги, хороший досуг, сочувствие, компанию за столом или же просто возможность остановить время, ощутить биение сердца, вкушая плотские удовольствия. И, следовательно, его жизнь и история о ней — это не рядовое пустое историческое сочинительство. Они бросают нам вызов, потому что «История моей жизни» призывает нас жить более полно или, по крайней мере, более смело. Она также бросает вызов историку — поскольку изобилует ошибками, хотя и наделенными очарованием личности писавшего ее человека. Казанова помещает Екатерину Великую в те места, где, как мы знаем, она не бывала, но с которой он встречался позднее, но зато его рассказ благодаря такой перестановке обретал большую связность. Аналогичным образом принц Монако не находился в Монако, когда там был Казанова, они встретились в Париже. Казанова же помещает принца в княжество, так как иначе читать о пребывании там самого автора было бы скучно. Казанова не

был историком, но, в то же время, не старался написать роман. Мир, который он пытался постичь, во многом был его собственным внутренним пейзажем, такой он видел Европу на пороге революций. То, насколько Казанова был правдив перед собой, в своем человеческом опыте, в отношении мужчин и женщин, которые сделали его век неотразимым, гораздо более интересно, и вызывает серьезную озабоченность у социальных историков, и, конечно, обсуждается в данной книге. Не исключено — раз уж он ошибался в деталях, — что он лгал о более интимных воспоминаниях, как обычно считают люди, инстинктивно относящие его работу к подозрительным романтическим мемуарам. Однако, несмотря на возможное обилие вымыслов, «История» Казановы там, где она может получить подтверждение, оказывается именно историей. Отдельные частные доказательства этого должны находиться в отчетах венецианской инквизиции, в сохранившихся паспортных документах, в свидетельствах принца де Линя и Лоренцо да Понте или в юридических документах вплоть до записей магистратского суда на Боу-стрит. Особое беспокойство у изучающих Казанову ученых и волны «казановистов», последовавшей вслед за полной публикацией мемуаров в 1960-е годы, вызывали розыски все новых подтверждающих правдивость доказательств, нужных, чтобы распутать и, насколько возможно, разъяснить текст Казановы. Этот процесс занимает уже несколько десятилетий и, фактически, до сих пор правда о Казанове еще утверждает свое место в академическом сообществе. Его работы не просто «заведомо ненадежный» источник легенд. Возможно, как свидетель событий он действительно был практически честен и записывал все так, как видел. Для англоговорящего мира кое-какие моменты следует повторить: если он допускал ошибки с датами и ме-

стами, составляя отчет спустя десятки лет после описываемых событий, то точно так же ошибиться порой может каждый. Если он сплел воедино истории, которые имели место в ходе ряда поездок в конкретные города, то вряд ли мог предполагать, что его будут за это критиковать. Но это не может служить оправданием или не всегда объясняет его претензии на присутствие в тех или иных местах и в моменты, где и когда его заведомо быть не могло. Итак, мы должны извинить ему стремление развлечь себя или нас, оно соответствует его инстинктам писателя и художника. Данная книга в некоторой степени — призыв встать к оружию для защиты Казановы как социального историка, если уж не как составителя хроник или исследователя модели поведения, а также пояснение контекста его монументальных воспоминаний, двенадцать полных томов которых слишком немногие из нас нашли время прочесть, но тем не менее эти тома воспитывают, предупреждают, интригуют, забавляют и вызывают сегодня такой же отклик, как и в те времена, когда они были написаны.

Тем не менее есть решения, которые приходится принимать биографу, но которые не довлеют над мемуаристом. Одно из них — выбор своего пути через тысячи страниц мемуаров, сотни существующих писем, романы, пьесы, трактаты и стихи Казановы, через архивы в Венеции, Санкт-Петербурге, Москве, Лондоне, Риме и Париже и еще через девять тысяч страниц его рукописей, которые сейчас находятся в Праге и в замке Дукс, где умер Джакомо. Благодаря множеству событий — романтических, сексуальных, финансовых, интеллектуальных, — участником которых он был в двадцати городах, где жил на протяжении жизни (он проехал около семидесяти тысяч километров), за вымыслом Казановы все-таки возможно проследить его маршрут

и надеяться, что он показывает нам истинного человека и сообщает не так уж много ложного. Гений Казановы обычно отказывался от редактирования и писал все, что мог вспомнить; действительно, как сказал его друг либреттиста да Понте, «возможно, он пишет слишком много».

* * *

Казанова прожил достаточно долго, чтобы увидеть много неожиданных и, в конечном итоге, революционных последствий века разума, в котором он жил. Просвещение (не направляемое сознательным образом движение неповторимого интеллектуального возбуждения и драмы) во имя разума видело в новом свете все сферы человеческой деятельности и естественных законов. Во французской и английской художественной литературе, например, писатели начали говорить про внутреннюю, тайную жизнь личности под маской, тем самым, начав диалог для Средневековья невысказанный. Когда Монтень описал внутреннюю часть себя, «*un coin de boutique toute notre*» — «уголок, который был бы целиком наш... где мы располагали бы полной свободой», «где и подобает вести внутренние беседы с собой», — он создал почву для идеи западного мира, то есть для взгляда, процветавшего в новом мире восемнадцатого века, в новой художественной форме романов, но который также вызвал революцию и в мемуарах. Кроме того, Просвещение — в широком смысле — вызов католической концепции самоотречения и, фактически, пониманию в ней «я» как первейшего источника греха. Писатели эпохи Просвещения мыслили свободно, и впервые, таким образом, концепция человека как вершины творения и гордого, иногда чувственного эго заняла центральное место в новых жанрах, не менее эгоцентрических,

чем «История моей жизни» Казановы. Описывая частную жизнь так, как ее проживал, например свою тягу к еде и сексу, Казанова выработал радикально новую форму искусства. Как писатель он был революционером в области стиля и чувств, чей труд не терпит цензуры.

Как и для современной ему эпохи, флагманом для «Истории моей жизни» Казанове послужила «Энциклопедия» под редакцией Дидро и Д'Аламбера. Книга Казановы — и это довольно характерно для эпохи Просвещения — говорит об устрашающем масштабе человеческого опыта, применяя признанную литературную форму (ее можно было бы назвать мемуарами плута) и показывая нам весь человеческий мир, не вынося ему приговора. Дидро приходил в восторг от «смелости быть собой», и Казанова следовал этому девизу.

В основном, Казанова писал на французском языке; в том числе и свои мемуары. То был язык века разума, философов Просвещения, придворной поэзии и эротики. Вдобавок Казанова считал французский более утонченным языком, чем свой родной итальянский. Он был высокоодаренным лингвистом — еще юношей он мог поддерживать беседу на латыни, хотя всего лишь за несколько лет до того не умел читать. Он свободно говорил на французском, латинском и греческом, а также обладал поверхностными знаниями немецкого языка, английского и русского. И, как венецианец, он говорил, по сути, на двух версиях итальянского. Французская культура и литература были образцом подражания для европейцев, как и французские образ жизни, искусство, мода и нравы — до, во время и после Великой французской революции. Но писать по-французски означало писать не только на языке моды, дипломатии и любви, но и на языке перемен. Тем не менее Казанова делал это в

стиле, который был намеренно новаторским. Считается, что он знал чуть более правильный, то есть чуть более классический, французский, но решил писать «с итальянским акцентом», вставляя многочисленные итальянизмы, используя специфические грамматические конструкции и обороты. Примечательно, что французский романист Кребийон отмечал стиль Казановы и свежесть его итальянского акцента, который многое добавлял к сказанному и написанному: «Вы рассказываете свою историю превосходно... Вы заставляете людей слушать Вас, Вы вызываете интерес, а новизна Вашего языка... и итальянские конструкции... заставляют Ваших слушателей быть вдвойне внимательными. Ваши идиомы как раз подходят для того, чтобы заслужить одобрение за счет собственной странности и новизны — [в наше время] есть спрос на все странное и новое». Это мнение оказалось верным.

Язык Руссо служил Казанове и иными способами. На французском языке имя Эроса, или Купидона, центральной фигуры дискурса восемнадцатого века о свободе и любви, звучит как Амур. Бог Амур является олицетворением одноименного чувства — любви. Это смешение и двойной смысл хорошо понимали и Казанова, и творческие люди того времени. Мужчины и женщины эпохи Просвещения, подобные Казанове, находились — будь они в Париже, Венеции, Риме или в Санкт-Петербурге — как никогда близко от сверкающего, сексуального, удивленного взгляда Амура-Купидона; причудливой смеси сексуально озабоченного злобного мальчишки, который был одновременно и проказником, и богом. Этот образ полезно держать в памяти для понимания Казановы и его времени. В век разума Амур воплощал в себе неудержимый дух эпохи, был предводителем рождественских увеселений и делал бессмыслен-

ными все усилия навязать абсолютный порядок и рациональность миру. Образ Амура украшал почти каждый театр, где бывал Казанова, был его талисманом в путешествии сквозь центральные десятилетия века, которые впоследствии один историк назвал определяющими не столько для революционной философии, сколько для чувственности, «самой сутью восемнадцатого века, его тайны, его очарования... его дыхания, его силы, его вдохновения, его жизни и его духа». Столетие любви (amour) дало нам «Опасные связи» Лакло, «Нескромные сокровища» Дидро, не говоря уже о сексуально заряженных полотнах Ватто, Буше и Фрагонара. Это время требовало идеологического разрешения вопроса: каково место секса в новую просвещенную эпоху? У Казановы был ответ. Игра в любовь и секс вносила смысл в хаос жизни и в мир. Эту игру персонифицировал деструктивный и креативный бог Амур — вспышка иррациональности и злого веселья в современном мире, олицетворявшем понятие «ид» («оно») в дофрейдовские времена. Ни один человек раньше не писал об этом так, как сделал Казанова, одновременно с точки зрения и злодея, и его жертвы. Фрейд рассматривал Казанову с его языком через призму своего профессионального интереса и его менталитета, поскольку секс в «Истории моей жизни» занимает уникальное место в истории нашего понимания самих себя. Впервые в канонах Запада твердо постулировалась идея о том, что понимание секса — со всем его иррациональным и разрушительным потенциалом — это ключ к пониманию себя. «История моей жизни» является революционным текстом, притягательность которого выходит далеко за рамки обычной песни о победах ловеласа. В нем осуществлена попытка синтеза двух доминирующих жанров эпохи, это книга распутника и книга сентиментальных воспоминаний, стоящая

крайне близко к современному понятию эмоциональности и показывающая человека, выживающего после неудач, со всеми его страхами и слабостями и часто движимого в своих мотивах сексом. С предельной эмоциональной честностью, не обремененные чувством вины мемуары рассказывают о том, что означало жить в революционную эпоху, они полны напитанного тестостероном живого духа Казановы спустя два века после его смерти, придавшего драматичность и человеческое измерение тем новым свободам, которые и породили современность.

Таким был литературный, художественный и философский фон для драмы с участием Казановы. Его интимный, непристойный, хаотичный рассказ о жизни и времени не был бы возможен без культа чувственности вокруг образа Амура и убежденности Просвещения в универсальности человеческой добродетели, достоинства и прав человека. И если Просвещение связано с современной эпохой в целом, то связь эта идет через призыв к людям заявить о собственных правах и собственной уникальной ценности в свете разума. Вопрос заключается в том, какого рода человек оказался способен создать всеобъемлющее описание своей жизни, основанной, главным образом, на власти чувств, и зачем он это сделал.

В идеологической сердцевине либертенизма (или распушенности, как тоже переводят это слово) лежала вера Просвещения в милостивого бога и права природы. Логичным продолжением мысли было убеждение в том, что секс — явление здоровое, даже духовное, предписанное богом, а также естественный спутник хорошего интеллектуального здоровья. Именно поэтому политик-либертен Джон Уилкс смог с гордостью написать, что лучше всего проделывал свою работу, когда после секса находился в постели с лондонской

проституткой Бетси Грин, а Казанова мог провозгласить себя своего рода революционером — благодаря тому, что свободно престоупал многие нормы более старой сексуальной морали. Используя свои знания математики, химии, физики, алхимии и научной полемики восемнадцатого века для придания смысла собственному миру и той воле судьбы, которая определяла его жизнь, Казанова исполняет свой долг перед веком разума. Пытаясь отыскать следы разумности в своих приключениях, придав им форму масштабной работы о личных озарениях и социальной истории, он провозглашает себя своеобразным энциклопедистом и ключевым объектом анализа делает самого себя. И, наконец, поскольку природное чувство юмора Казановы было закреплено цинизмом сцены и импровизацией, его работа является одной из последних великих усмешек над жизнью, как у Лоренса Стерна, который писал — «мои взгляды сведут меня в могилу». Юмор Казановы стал, как он однажды выразился, его «профилактическим средством от меланхолии», его способом, как пишет Стерн, «отгородиться весельем от недугов плохого здоровья и прочих зол жизни».

* * *

Казанова немыслим без Венеции, хотя там он провел на удивление малую часть своей долгой жизни. Ее стиль, ее камни, сексуальная искушенность, высокие художественные достижения в восемнадцатом веке — все находит яркое отражение в книге Казановы, в его жизненном опыте. Кроме того, это было, к счастью для Казановы, превосходное столетие для странствующего венецианца. Представить себе Венецию Казановы довольно просто, мало что изменилось в видах, вдохновлявших великих мастеров Каналетто, Гвар-

ди, Лонги и Тьеполо, изображавших мелкие детали венецианской жизни, известной Казанове. Аромат хлеба, приливы, церковные колокола, каналы, набережные *fondamente* и улочки *calles* остаются неизменными, вместе с великим и ускользающим духом *settecento*, эстетики восемнадцатого века. Венеция, где в значительной мере писалась данная книга, — это ее древняя, невероятная, заманчивая самость, плодородная или зловонная (в зависимости от вашей точки зрения или преобладающих ветров), построенная на правилах сценической и романтической драмы, а не на основе природы или разума. Город, мостовые которого покрывает вода, с особой нумерацией этажей и домов, где неразличимо внутреннее и внешнее, реальность и ее отражение, иллюзия и материя, оказывает воздействие на автора, как в свое время и на Казанову; этот город стоит «посередине моря большой каменной лодкой, которую едва удерживает якорь одного лишь искусства».

Светлейшая Венецианская республика во времена Казановы управлялась как независимый город-государство во главе с дожем, избираемым корпусом знати — классом патрициев, которые на протяжении столетий ревниво защищали свои права и привилегии. Хотя жители города, по общему мнению, жили лучше, чем обитатели почти любого другого города в Европе, репутацию Венеции как культурной и красочной столицы, к тому же являющейся морскими воротами на востоке и сохранявшей превосходство на море из поколения в поколение, портило бытовавшее мнение о ней как о репрессивном и скрытном обществе, которым в сотрудничестве с коррумпированной церковью безжалостно правят несколько семейств. Правительство дожей, раздетое в великолепные византийские одежды и пребывавшее в роскошнейшем дворце на площади Сан-Марко, опиралось на сети

информаторов, анонимные доносы и объект всеобщего страха — венецианскую инквизицию, инструмент государственных репрессий.

Одновременно Венеция при Казанове превращалась в туристический город, каким остается и по сей день, хотя и в несколько ином стиле. Она отвечала прихотливым ожиданиям волшебного очарования и культурным запросам. Это была великая эпоха карнавала, тогда — самого длительного и театрализованного в Европе. Весь город был обязан надевать маски, день и ночь, с октября по Пепельную среду, с кратким перерывом на Рождество; в начале восемнадцатого века было добавлено еще пятнадцать дней карнавала, приуроченных к празднику Вознесения. Столь экзотическая практика изумляла многих писателей. Маски создавали анонимность, требовавшуюся городу, сочетавшему высокую степень театральности с заметным отсутствием частной жизни. Ношение маски изменяет коды любого человеческого взаимодействия, жестко ограничивая обычные знаки понимания, принятия, презрения или недоверия. Нет ничего определенного, поэтому все кажется дозволенным. Строгие правила кастовой Венеции частично обходились за счет надеваемой маски. Для мальчика-подростка — а маски надевали даже дети — это означало возможности притворства на протяжении полугода, когда в общественных местах можно было быть тем, кем хотелось. И Казанова прожил всю свою жизнь в подобном духе.

Венеция Казановы в восемнадцатом веке не вела войн, как и подавляющая часть Европы. Путешествия Казановы прерывались из-за войны за австрийское наследство (1741—1748) и последующей европейской династической войны, Семилетней войны (1756—1763), которая экспортировала свои столкновения в Америку и Индию. Однако в самой Ве-

неции восемьдесят лет царил мир, начиная с момента подписания в 1718 году мирного договора в Пассаровице и до конца республики в 1797 году. В этот период имел место последний великий расцвет венецианского карнавала, а вместе с ним и всего венецианского искусства. Во времена Казановы скульптор Антонио Канова высекал мрамор для Дорсодоро, возвращая в Венецию чистоту и сдержанность классики перед вычурными палаццо того периода в стиле рококо. Каналетто рисовал в студии, находившейся неподалеку от места, где Казанова обсуждал театральную политику на кампо Сан-Джулиан, его полотна оставили нам незабываемый образ города, пронизанного светом, отраженным в воде. Рыжеволосый священник Антонио Вивальди направлял страсти своей натуры на создание четырехсот концертов, помимо церковной музыки и опер, и тогда же Бальдассаре Галуппи — не столь почитаемый сейчас — начал успешную международную карьеру в опере с преподавания в консерватории в Ospedale-dei-Mendicanti. Оперы Галуппи нередко создавал в сотрудничестве с другим великим драматургом эпохи (и любовником матери Казановы), Карло Гольдони. И хотя гости и жители Венеции считали, что от былой политической мощи Светлейшей республики осталась лишь тень, но ее экономика не была в состоянии упадка, как иногда пишут, и ее обитатели — от сенаторов и до гондольеров — имели много причин для радости. Гольдони, как Гварди и Лонги на холсте, а Казанова в прозе, представлял повседневность Венеции как счастливую комедию, оперу-буфф с участием ее обычных жителей с их обыденной жизнью. И это тоже было революционным — обычные горожане превращались в предмет искусства, каким они останутся и для Казановы.

В восемнадцатом веке больше нигде не могло быть более городского детства, чем в Венеции. Это был самый густо-

населенный город в Европе, шумный и зловонный. Рынок работал с трех до шести утра, а гондольеры начинали свои переклички на всех углах и мостах между шестью и восемью часами. В семь часов места в кафе были заняты. Возможно, только Лондон с его прямым сообщением с Ост-Индией увлекся кофе раньше, чем Венеция. В 1720 году открылось кафе «Флориан», в 1775 году — кафе «Квадри», в нем на площади Сан-Марко пил кофе Казанова, и это были первые и самые знаменитые кофейни — места, где можно было пофилософствовать, обменяться сплетнями, пофлиртовать и стать жертвой ограбления, такими они и остаются по сию пору.

Но, как становится ясно из свидетельств многих гостей Венеции, а также от Казановы, еда и питье в городе отражали его реалии, а пестрая в этническом плане Венеция была городом-космополитом, пожалуй, даже в большей степени, чем любой другой европейский город. У П. Мольменти в книге «Частная жизнь в Венеции» читаем: «Воздух был полон странных запахов и странной речи, и гармоничный венецианский диалект преобладал только из-за его громкости... армянин в мешковатых штанах, еврей в длинном лапсердаке. Направляющийся на заседание Совета вельможа со словами “саго адіо vechіо” поднимает руку, почтительно приветствуя горожанина, спешащего в плаще по своим делам». В результате многочисленных этнических влияний город всегда был наполнен ароматами еды. Гетто, тогда и сейчас, было известно своими маленькими пирожными, которые поставлялись всему городу. Овощи и жаренная в кляре морская снедь готовились и продавались по берегам Канала, вендители — торговцы рыбой, укусом, яйцами, маслом и хлебом курсировали со своим товаром повсюду, громко крича, маневрируя с корзинами на головах и перевоза товар на лодках.

* * *

Но что было утрачено в Венеции со времен Казановы, так это множество театров. Театр был средоточием жизненного опыта венецианцев и отражением культуры Республики. Комедийные театры имелись почти в каждом приходе, открываясь вечерами с сентября до Великого поста, а затем еще раз с Пасхи и до начала лета. Перерыв был недолгим. Расти в Венеции, как рос Казанова, означало с неизбежностью быть рожденным в фестивале искусств, прямо в венецианском музыкальном театре. «К восемнадцатому веку, — писал один посетитель, — Венеция утратила дух старинного величия, и наслаждения стали единственной целью жизни... Она стала городом удовольствий... Монастыри похвалялись своими салонами, где монахини в открытых платьях и с жемчугом в волосах принимали знаки расположения от вельмож и галантных аббатов». И любой, кто мог свободно туда пройти, и сенатор и гондольер, оказывался в атмосфере театра. Коль скоро театр и театральность, сформировавшись здесь, стали частью жизни Венеции, то именно в этом ключе в первую очередь и воспринимали венецианцев в Европе. Венеция экспортировала актеров, певцов, танцоров и оперные труппы по всей Европе и даже в Америку. Мать Казановы, комедийная актриса, большую часть своей карьеры провела за пределами Венеции. То же произошло и с ее сыном. Венецианцы составляли мир искусства Европы, они были ее популярными оперными звездами, ее любимыми художниками, пиротехниками, изготовителями масок и учителями этикета. Именно венецианцы распространили собственное карнавальное пренебрежение к рассудительности повсюду, и восемнадцатый век стал их веком, как внутри Венеции, так и за ее пределами.

Невозможно переоценить во времена Казановы моду на Венецию и венецианцев. Их отношение к жизни с легкостью совпало с моралью и философией эпохи, с виду благочестивой, но допускающей празднества и пышные католические ритуалы. Гуманистической и терпимой — благодаря большому опыту. Вопрошающей и сардонической, с одобрением отмечающей, что рай на небесах не исключает стремления достичь рая земного — долгого либо непродолжительного, куда нам будет разрешено наслаждаться им. Эта эпоха живо реагировала на реалии искусства, ее последнее поколение находило упоение во всем искусственном, пока не настал век романтизма, открывшего миру, что истина заключена в природе, а чувства важнее, чем стиль, сантименты или секс. Быть венецианцем в Европе восемнадцатого века, как Казанова, изначально означало иметь репутацию человека сомнительных моральных устоев, весьма искушенного, с гедонистическими наклонностями и склонного к показному шику, и оставалось только надеяться, что на это закроют глаза. Все эти обстоятельства оказали глубокое влияние на жизнь и карьеру Джакомо. В определенном смысле закулисье венецианского театра, где родился Казанова, было центром городской жизни той эпохи, оно задавало условия жизни великого авантюриста, поскольку поместило его в театральную культуру и структуру Венеции и Европы восемнадцатого века. Казанова никогда не был актером, зато работал как драматург, музыкант и недолгое время — импресарио, и его жизнь и взгляды были сформированы театром.

* * *

Если, с одной стороны, записки Казановы можно по жанру отнести к мемуарам эпохи Просвещения, то с дру-

гой — это мемуары актера или «звезды». В восемнадцатом веке рукописные тексты предназначались для понимания или даже игры в себя, отстраняя на время Господа от вершения судеб. Фактически, все различия между собственным бытием и маскарадом были нарушены или же исчезли, и вдохновленное новой волной творческого вымысла и драм индивидуальности, возникло желание сыграть новую партию или даже множество их в течение всей жизни. Та роль, к которой Казанова обращался снова и снова, просвещенного либертена, не была до конца правдивой, но была для него уместной. Его книга имеет меньше общего с мемуарами либертена-распутника или современной эротики, куда ее первоначально отнесли, она скорее относится к категории первых воспоминаний актеров, вроде лондонских Колли Сиббера, Дэвида Гэррика и Кемблов. Эти мемуары в новом стиле, родившемся в ту же вуайеристскую эпоху, которая дала начало современному портрету и романам, являются предтечей сегодняшних биографий «знаменитостей» и «звезд», обращаясь к дуальности бытия и перформанса, жизни и ее изображения. Подобно тому как актер на сцене выбирает позицию, с которой он обращается к миру, Казанова предпочел смотреть на мир из спальни и отразил это на бумаге.

Театральность пронизывала сочинения Казановы, как и его жизнь. Сильнее всего он любил не соответствовать ожиданиям, делать неясными идентичности, высмеивать реальность или переиначивать ее ради собственного удовольствия и удовольствия других. «Faire semblant» (притворяться, казаться и делать видимым), «jouer» (игрок, актер), «comique» (драматический и одновременно комический) — этими фразами он отзывается в сочинениях о собственных выходках. «Что от меня требовалось, — напишет он позднее

о своих путешествиях и приключениях, — так это умение играть свою роль и не идти на компромиссы с собой». Далее он уточняет: «Все должно сверкать». Основная цель венецианской комедийной труппы — в атмосфере которой жили родные Казановы — заключалась в развлечении, в несколько провокационной, подрывающей устои манере, позволяющей сплести прихотливую интригу. Это требовало быстроты мышления, отсутствия страха сцены и умения импровизировать, ведь, по сути, формы, шутки и персонажи часто рождались прямо во время представления и сразу же выносились на суд аудитории. Казанова писал в традициях комедии положений и рассматривал свой мир как комедийную постановку с чередой постоянно меняющихся ситуаций. Он играл в жизнь — а позднее писал, — стремясь удивлять, развлекать и держать сюжет динамичным, представляя себя в качестве главного героя (чаще всего романтического) и изворотливого ловкача. В одном из его ранних сексуальных приключений было переодевание в женщину, а одной из его первых больших влюбленностей стала женщина, сценическая жизнь которой заставила ее выдавать себя за мужчину. Описывая свои любовные похождения, он постоянно употребляет слова «роль» или «поднятие занавеса». Прошедший полную опасностей и соблазна школу, усвоив традицию импровизации в своего рода медвежьей яме знаменитой на весь мир венецианской комедии дель арте, лицемер и льстец, самовлюбленный, но и способный чувствовать людей, напрактиковавшийся в завоевании доверия, но пребывавший в вечном «страхе быть освистанным», грамотный, чуткий, беспокойный и всегда играющий на повышение, Казанова без актерства был бы никем. Его жизнь и его «История» были попытками найти смысл во взаимодействии внутреннего «я» и принимаемого публикой и реконструи-

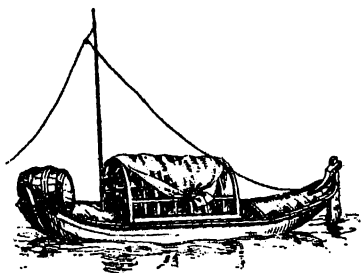
ровать реальность в царстве чувств, что было основной дилеммой того города, в котором он родился. Он пришел, чтобы воплотить идею — очень венецианскую и очень отвечающую восемнадцатому веку — что наиболее тонкие удовольствия кажутся неуловимыми из-за фальши при их воплощении в жизнь. Радуюсь возможности бытия, Казанова по-новому говорил о способе понимания человеческой природы через искусственность ее конструкции, ее исполнения и осознания того, что там, за маской, скрывается больше, чем видно на первый взгляд.

Венеция Казановы, однако, как и его жизнь, была не героической *opera seria*, не великой оперной трагедией, но, скорее, — комедией в традициях оперы-буфф простого народа и патрициев, где любовь побеждает разум, глупцы остаются в дураках и торжествует справедливость. У венецианца всегда присутствует понимание того, что жизнь есть представление и ожидание, что за каждым мостом являются новое действие и новый состав комедийных персонажей, новый поворот сюжета и новая выдумка. Осознавая, мы вписываем наши жизни в схему, сформировавшуюся под влиянием первых ранних впечатлений.

Казанова был Венецией в миниатюре. Картой мира и жизни, на которой ничто не является очевидным — где никто не знает наверняка, что является реальным и нереальным; где игра, а где правда; где камень и где лишь его отражение в воде. Эта карта непостижимой сложности, без сомнения, не годилась для жизненных реалий — запутанная, рефлексивная, задающая собственный ритм, лишенная эпической повествовательности героической оперы или линейного построения романа. Это был танец под музыку венецианских островов, без перерыва на интермедию, когда можно было бы остановить историю и задуматься. Венеция, отраженная в

сознании Казановы, структурировала его «Историю», став ему моделью со всеми своими мостами, перспективами и приливами. Такова была опера-буфф, которой научались там, но которая затем разыгрывалась по всему миру в человеческих сердцах. Память о прошлых актах, песня в ритме лагуны и смех венецианского театра.

АКТ I

АКТ I, СЦЕНА I
КАЛЛЕ-ДЕЛЛА-КОМЕДИА
1725-1734

Человек, родившийся в Венеции в бедной семье, не имея мирских благ и... титулов... но воспитанный так, будто он предназначался для чего-то другого... имел несчастье в возрасте двадцати семи лет рассориться с венецианским правительством.

Джакомо Казанова. Дуэль (1780)

Так началась первая попытка Джакомо Казановы написать воспоминания. Почти каждое слово было правдой, за исключением того, что семья, в которой он родился 2 апреля 1725 года в Венеции, была вовсе не столь уж безымянной и бедной.

Казанова был сыном актеров или, по крайней мере, актрисы, Дзанетты Фарусси, известной как Буранелла, поскольку ее семья происходила с северного острова лагуны Бурано. Поскольку имя отца ее первого ребенка, через четыре дня после Пасхи крещенного в 1725 году под именем Джакомо, не было точно известно, это оставляло место для спекуляций (то же самое позднее относилось и к остальным ее детям). Среди поклонников Дзанетты были драматург Карло Гольдони и импресарио венецианского театра Джузеппе Имер, а также ряд покровителей из аристократов, в том числе — британский принц Уэльский, и все они могли

считаться отцами ее детей, которые все носили фамилию ее мужа, актера и танцовщика, Гаэтано Казановы. Второй сын Дзанетты, Франческо, впоследствии стал всемирно известным пейзажистом и баталистом, и утверждали, будто он сын наследника британского трона, потерявшего голову от Буранеллы в 1727 году, когда она играла в Итальянской опере в Лондоне. Ее старший сын, Джакомо, позднее верил, что и сам является сыном венецианского патриция и владельца театра Микеле Гримани, и некоторые эпизоды его детства поддерживают эту версию, хотя другие обстоятельства указывают, что Джакомо мог быть и сыном директора театра, Джузеппе Имера.

Мужчины тем не менее в ранний период жизни Джакомо играли только второстепенные роли. Дед и отец («муж моей матери», как Казанова иногда называл его) умерли, когда он был совсем маленьким. В небольшом доме в Калледелла-Комедиа его окружали женщины — женщины, которые играли на сцене центральные роли и ожидали от него внимания и одобрения, но затем, как в случае его матери, внезапно исчезали со сцены и оставляли Джакомо наедине с собой.

Дзанетта Фарусси — маленькая, страстная и прекрасная нестандартной красотой комедийная актриса, по мнению современных критиков, была профессионалом сцены в эпоху, когда это подразумевало для женщины двойственную карьеру. Хотя не все актрисы были шлюхами или куртизанками, но, конечно, предполагалось, что раз они готовы выставлять себя на сцене, то будут благосклонны к собственным поклонникам и в более интимной обстановке, при подходящих условиях и оплате. Последнее было особенно актуально в Венеции, что являлось одной из причин, по которой город словно магнитом манил к себе молодых мужчин, совершавших образовательное «большое путеше-

ствие». Разрешение пройти в гримерку актрисы подразумевало, что аристократ или вельможа может ожидать более нежных отношений — в зависимости от его способности понравится женщине, пополнять ее кошелек, поддерживать ее профессиональный успех или семью. Дзанетта Фарусси, так или иначе, звезда венецианской комической сцены — и звезда Варшавы, Дрездена, Санкт-Петербурга и Лондона, куда она приехала как прима труппы театра «Сан-Самуэле» — была не прочь использовать все свои прелести и способности во благо своей семьи и карьеры, и у нее были для того все предпосылки. В свои двадцать шесть лет она осталась вдовой, славилась как красавица, получила признание публики за свой талант и приносила неплохой доход венецианскому комедийному театру во время гастролей, а также была единственной кормилицей своей большой семьи из восьми человек.

Здание на Калле-делла-Комедиа, где Дзанетта обитала с семьей, до сих пор можно найти между высокими многоквартирными домами и палаццо Малипьеро, перекрывающим весь солнечный свет в переулке; здесь же вечно шумит Большой канал, всего лишь в нескольких ярдах далее достигающий самой глубокой точки своего меандра вокруг квартала Сан-Марко. В 1725 году переулок с другого конца затемнял еще и театр «Сан-Самуэле», но теперь этот театр, где работала мать Казановы, построенный в 1655 году и переделанный в 1747 году, больше не существует. Мать назвала сына Джакомо, мужской версией ее собственного имени — Джакометта, или Дзанетта на венецианском диалекте, — а не именем своего мужа, что было бы более типично. Это обстоятельство тоже можно расценивать как намек на то, что Гаэтано Казанова не был настоящим отцом Джакомо. Родители матери жили поблизости, на корте делле Мунеге, после того, как переехали с Бурано. Его дед, сапожник

из области, все еще известной марками производителей обуви, звался Джироламо — это имя стало вторым для Джакомо. Неизвестно, помогло ли сие смягчить старика, который считал, что карьера его дочери и зятя немногим лучше «презренного ремесла», но, так или иначе, дед вскоре умер — по общему мнению, из-за разбитого сердца после того, как его дочь выбрала театральным браком. Бабушка Джакомо, Марция, простила дочь, которая тем временем уже и сама стала матерью, и взяла на себя заботу о внуке, росшим болезненным и проблемным ребенком.

Маловероятно, чтобы Джакомо Казанова жил слишком далеко от дверей театра «Сан-Самуэле», и не только потому, что здесь работала его мать (в его ранние годы она провела несколько лет в гастрольях по другим странам Европы), но и потому, что его бабушка и дедушка тоже обитали неподалеку от театра. Вместе с тремя братьями и сестрой (Франческо (1727 г. р.), Джованни (1730 г. р.), Мария Мадалена Антония Стела (1732 г. р.) и Гаэтано Альвизо, родившийся (1734 г. р.) уже после смерти Гаэтано) Джакомо воспитывали в убогих условиях Кортелла Мунеге — куда, по-видимому, дети перебирались из семейных апартаментов на Калле-делла-Комедиа на время разъездов матери. Встав плечом к плечу, дети семьи Казанова могли полностью перегородить корте делла Мунеге.

Первые воспоминания зачастую весьма показательны. Они начинают тот нарратив, который мы выбираем для построения себя, и Казанова в мемуарах-исследовании самого себя придает первому воспоминанию в «Истории моей жизни» определенную значимость. Он утверждает, что не в состоянии вспомнить ничего из первых восьми лет своей жизни, и это достаточно необычно. Первое воспоминание, которое фиксирует память Джакомо и которое он датирует августом 1733 года (четырьмя месяцами позже своего вось-

мого дня рождения), — ужасное носовое кровотечение, поездка к знахарке-колдунье на венецианский остров Мурано и видение Королевы Ночи.

Казанова убедил себя, что до восьмилетнего возраста просто «прозябал», имея душу, неспособную к мышлению или памяти, но, возможно, более интересующуюся тем, что происходит. В детстве он периодически страдал от обильного кровотечения из носа, а Марция верила в силу народной целительницы из Мурано, места, впоследствии известного своим стеклодувным промыслом. Мурано, по словам Гете — «Венеция в миниатюре», также был ближе во всех смыслах к той более примитивной Венеции, которую хорошо знала семья Фарусси; самые первые поселенцы лагуны пришли именно на Бурано и Торчелло, забив там сваи из лиственницы, и в этом месте по-прежнему древние верования смешивались с идеями христианства и науки.

На Мурано целительница, скорее всего — знакомая Марции крестьянка с Бурано, выполнила некий ритуал и произнесла над Джакомо заклинания, некоторые из них на местном диалекте, затем одарила мальчика «бесчисленными ласками», раздевала и одевала и смазывала лоб мазью. Все это произвело на него сильное впечатление. «Ведьма», как Джакомо прозвал ее, сказала ему, что к нему придет гостья в виде «очаровательной дамы», которая и явилась ему ночью у постели, нарядно одетая и украшенная драгоценными камнями Королева Ночи.

Однако именно вера Марции во внука и ее любовь, по видимому, произвели на него более глубокое впечатление, нежели странное видение. Мать и отец с ним общались редко, если вообще говорили, и все полагали, что не только умственно отсталый, но и молчаливый болезненный мальчик вскоре умрет, — разинув рот, он безмолвно играл сам с собой и почти наверняка сам вызывал свои носовые крово-

течения чрезмерными физическими исследованиями себя, ненормально эгоцентричного ребенка.

После визита к целительнице носовые кровотечения стали менее частыми. Марция взяла с внука клятву никому не рассказывать о знахарке. Сильная вера бабушки в оккультизм оказала весомое влияние на Джакомо, как и ее презрение к профессиональной медицине. Мало того, что нетрадиционное лечение подействовало на носовые кровотечения, с тех пор мальчик был в состоянии держать рот закрытым и легче общался. Джакомо хранил это событие и сопутствовавшие ему «в самом тайном уголке нарождающейся памяти». Таким был первый из многих секретов, разделенных им с женщиной, — введение в женскую мудрость, которой он часто злоупотреблял, но, бесспорно, глубоко почитал.

Смерть «отца», Гаэтано Казановы, от опухоли мозга последовала вскоре после странного опыта Джакомо в Мурано. Гаэтано лечился, но безрезультатно, принимая антиспазматическое средство, сделанное из дорогостоящих сальных желез бобра. Для Джакомо этот факт стал ранним примером доверчивости пациентов и знахарства врачей восемнадцатого века. Тем не менее перед смертью Гаэтано добился от владельцев театра братьев Гримани — Альвизо, Жуанэ и Микеле (предположительно родного отца Джакомо) обещания поддерживать его детей.

Состояние здоровья старшего мальчика Казановы — он, несмотря на более редкие кровотечения, продолжал терять по «два фунта крови в неделю», в то время, когда считалось, что в человеке ее всего «только от шестнадцати до восемнадцати» фунтов, — заставило Гримани действовать, к тому же ребенок смущал своим присутствием вблизи «Сан-Самуэле» привыкшую к радостям жизни мать и настоящего отца. Было решено, что мальчику может помочь смена обстановки. Впоследствии Дзанетту осуждали, и не в последнюю очередь сам

Джакомо, за желание «избавиться» от сына, но отправка Джакомо из Венеции в Падую с более чистым воздухом была предпринята во имя спасения его жизни. Медицинское заключение гласило, что причиной частых кровотечений Джакомо является нездоровый воздух, а Венеция была зловонной на удивление. Альвизо Гримани, его дядя, действовал с добрыми намерениями, когда вмешался в семейные дела и настоял на том, чтобы в Падуе его «явно слабоумному» племяннику дали образование. Он заметил то, чего больше не увидел никто: у мальчика жадный и необычный ум. Аббат Альвизо Гримани (либо самопровозглашенный светский священнослужитель), кажется, был первым, кто выразил мнение, что болезненный мальчик может оказаться пригодным для церковной карьеры.

Второго апреля 1734 года, в свой девятый день рождения, Джакомо Казанова впервые покинул Венецию. Он отплыл от Большого канала на буркьелло — огромной плоскодонной лодке с каютами и длинной низкой палубой, будто «Ноев ковчег.. с кроватями на полу, где мы все спали вповалку». Путешествие морем в Падую заняло восемь часов. Девятилетнего мальчика сопровождали мать, «дядя» аббат Гримани и синьор Баффо, писатель, который жил неподалеку от кампо Сан-Маурицио. Баффо, «возвышенный гений и поэт в самом фривольном стиле», был приятелем Дзанетты и, исходя из ее связи с Гольдони, мог предположить, что Казанове по наследству, по крайней мере частично, достались литературные интересы матери. Баффо был единственным взрослым в том путешествии, кто аплодировал необычным наблюдениям и рассуждениям ребенка, и потому Казанова никогда не забывал его.

Маленький Джакомо увидел из низкой лодки деревья — впервые в жизни, может статься, ведь Венеция его детства была лишена всяческих парков. Ему показалось, что деревья

на берегу движутся. Когда мать объяснила ему, что это лодка движется, а вовсе не деревья, Казанова в ответ предположил, будто их лодка вращается с запада на восток. Его мать посмеивались, но Баффо было впечатлен. «Вы правы, дитя мое, — сказал он. — Всегда рассуждайте последовательно, и пусть себе люди смеются». Впоследствии, рассуждая о своем становлении, уже взрослый Джакомо придавал огромное значение этому совету и породившим его обстоятельствам.

Падуа не стала городом, о котором бы позднее Казанова вспоминал с удовольствием. Прибывшие с ним из Венеции взрослые оставили его в кишевшем вшами общежитии на попечение славянки-хозяйки. Дзанетта заплатила ей за шесть месяцев шесть цехинов, или около двух сотен фунтов. Хозяйка твердила ей, что такой платы совершенно недостаточно, но Дзанетта так и уехала. С горечью, преследовавшей его всю жизнь, Казанова пишет о матери: «Она избавилась от меня».

АКТ I, СЦЕНА II
В ШКОЛЕ В ПАДУЕ
1734–1738

Именно аплодисменты... и литературная слава возносили меня на вершину счастья.

Джакомо Казанова

Аббат Антонио Мария Гоцци был учителем, виолончелистом и священником. Ему было двадцать шесть лет, он отличался «полнотой, скромностью и почтительностью» и жил вместе со своими родителями, изготавливавшими и продававшими обувь, когда к нему в Падуе в ученики приехал Джакомо Казанова. Гоцци был доктором гражданского и канонического права, почитал музыку и теологию, был заядлым холостяком, а также имел обширную, весьма эклектичную библиотеку. На ее полках можно было найти книги на темы от современной астрологии и до популярных классических эротических произведений, вроде творения Никола Шорье «Алоизия, или Диалоги Луизы Сигеа о таинствах Амура и Венеры», по-видимому прочитанного Казановой. Кроме того, у Гоцци была младшая сестра, Беттина, «самая прелестная девушка на нашей улице», как утверждал Джакомо.

Гоцци оказался идеальным наставником для интеллектуально всеядного девятилетнего мальчика. Ежемесячно ему должны были платить сорок сольдо, и уже вскоре он проникся теплыми чувствами к своей новой работе и ученику. Джа-

комо не умел писать надлежащим образом и, к своему стыду, был помещен в группу пятилетних детей.

Сначала он был совершенно несчастен и тосковал по дому, но неожиданно ученье пошло быстро и отношения с Гоцци стали налаживаться. Аббат узнал, что его новый ученик плохо спит по ночам из-за тех ужасных условий, в которых живет, и отправился поговорить с хозяйкой заведения. Сразу после его ухода женщина обвинила во вшах Казановы горничную, а его самого поколотила. Тем не менее она стала лучше заботиться о мальчике, поскольку увидела, что теперь поблизости есть кто-то из местных, кто беспокоится о нем, даже если его семья и далеко. Здоровье Джакомо постепенно поправлялось.

Спустя шесть месяцев после приезда Гоцци назначил его проктором — главным мальчиком, ответственным за проверку домашних заданий — и предложил Джакомо переехать в свой дом. Вместе они написали Марции Фарусси, Гримани и синьору Баффо, детально описав условия жизни в общежитии в Падуе, и заявили, что Джакомо может умереть, если останется там. Немедленного ответа от Гримани или Баффо они не получили, но Марция приехала в Падую с ближайшим же буркьелло. Ей письмо прочли, так как сама она была неграмотна. Марция забрала Джакомо из общежития и, отобедав с ним в гостинице, где провела ночь, доставила внука аббату и его семье. За те сорок восемь часов, что она провела в городе, Марция устроила дальнейшее будущее внука: заплатила вперед за его обучение и обрила его кишевшую вшами голову, изведя насекомых. Гоцци дали ему светлый парик, который скрывал голый череп, но из-за контраста с его тонкими «черными бровями и темными глазами» мальчик служил поводом для насмешек иного рода.

В следующие два года Гоцци ввели Казанову в самое сердце собственной семьи. Винченцо и Аполлония Гоцци горди-

лись тем, что их сын — священник, и тем, что один из его учеников (представленный им как «чудо», поскольку сам научился греческому языку из книг библиотеки Гоцци) стал жить с ними. Их единственная выжившая дочь, Элизабетта, или Беттина, стала первой, о ком Джакомо писал: «Не знаю почему, это она мало-помалу зажгла в моем сердце первые искры той страсти, которая впоследствии стала главной страстью всей моей жизни». Казанове было тогда десять лет.

За первый год пребывания сына в Падуе Дзанетта лишь раз вызвала его в Венецию, перед тем как подписать контракт на работу в театре в далеком Санкт-Петербурге. Визит Джакомо в 1736 году в родной город запомнился ему тем, что он смог сравнить свою прежнюю венецианскую семью — театральную, несколько непристойную, артистическую — с новой «семьей» в Падуе, где его уже считали готовым к карьере в церкви. Молодой Гоцци никогда раньше не был в Венеции, и Джакомо с удовольствием раскрывал перед ним привлекательность космополитичного города, не преминув отметить красоту своей матери, которая заставляла священника «испытывать неловкость». Казанова также осознал разрыв между интеллектуальным и театральным образами жизни: он стеснялся своей матери, которая не могла устоять перед искушением пофлиртовать с застенчивым сельским священником, но в то же время впервые в жизни увидел ее одобрение в свой адрес. Возможно, Марция убедила ее по-новому взглянуть на скромного болезненного ребенка, отосланного актрисой прочь из дома. Менее чем за год мальчик, которого когда-то считали идиотом, стал ярким, любознательным и живым и мог за общим столом изумлять компанию латынью. Более того, он пошел еще дальше — на обеде в доме Баффо, находившимся вблизи церкви. Сидя в тени, отбрасываемой колокольней, приглашенный на обед гость из Англии, поклонник Дзанетты,

решил поддразнить ее умника-сына непристойной старинной загадкой:

Discite grammatici cur masculina nomina cunnus

Et cur femineum mentula nomen habet?

(Объясните-ка нам, ученые мужи, отчего на латыни слово cunnus [вагина] мужского рода, а mentula [пенис] — женского?)

Джакомо оказался на высоте. Он не просто перевел, как просила мать, он и решил дать подходящий ответ на загадку, написав англичанину превосходный шуточный стих:

Disce quod a domino nomina servus habet.

(Тем объясню, что рабыня носит хозяина имя.)

Вся компания разразилась смехом, а англичанин подарил Джакомо в знак признания успеха собственные часы.

Дзанетта отметила событие, отдав Гоцци свои часы, и, когда она поцеловала его в обе щеки, аббат так застеснялся, что, краснея, ретировался в комнату при театре «Сан-Самуэле», которую делил с Джакомо. Позднее он сказал своему ученику, что его ответ на загадку был «великолепен», и с этого момента, в небольшом палаццо на кампо Сан-Маурицио, Казанова датирует собственное стремление к литературной славе, ибо «в ту же минуту, когда раздались аплодисменты и я почувствовал себя на вершине блаженства, в мою душу упало первое зерно поэтического честолюбия». Впервые он получил публичное признание от матери и взрослых литераторов, и все благодаря демонстрации остроумия. То был опьяняющий вечер.

Спустя всего четыре дня Гоцци и Джакомо уехали из Венеции, но при этом «дядя» Джакомо, аббат Альвизо Грима-

ни, дал им деньги на новые книги, а Дзанетта, что любопытно, передала им подарки для Беттины: немного венецианского шелка и двенадцать пар перчаток. Она не хотела, чтобы ее сын находился только в компании Гоцци, и, возможно, инстинкт матери говорил ей, что сыну нравится Беттина — по причинам, которые он едва ли мог понять. Более прагматичное объяснение предполагает, что именно Беттина занималась волосами Джакомо, а его мать не хотела видеть на нем уродливые парики.

Беттина была на несколько лет старше Джакомо и называла его «мое дитя», и поначалу он был ей чем-то вроде куклы. Ее история рассказывается со слов Джакомо, поэтому мы никогда достоверно не узнаем, действительно ли Беттина соблазнила его в возрасте одиннадцати лет, но в его изложении первое романтическое и сексуальное приключение было в большей степени инициировано женщиной, нежели им самим. Это подростковая истина, простая и далеко не непорочная. Она купала его ежедневно, комментируя изменения в его теле, касаясь его и тиская. Она высмеивала его «робость», когда он испытывал приступы неуверенности в себе, не зная, как ему следует действовать. Он знал, что хотел большего. Он знал, что она хочет того же. Он чувствовал замешательство и ненормальность ситуации.

Она связала ему чулки и принесла их на регулярные утренние свидания в его спальне, чтобы убедиться, что они ему в пору. Ее брат служил мессу.

Приготовившись натянуть на меня чулок, она вдруг сказала, что мне не мешало бы как следует вымыть ноги, и тут же приступила к делу, не заботясь о моем разрешении. Я постыдился показать ей, что стыжусь, и позволил ей действовать, никак не предвидя последствий. В своей заботе о чистоте Беттина проявила такое рвение и зашла

так далеко, что ее любопытство причинило мне столь острое, до сих пор не испытанное мною наслаждение, которое я не мог укротить, и оно вырвалось на волю. Когда все утихло, я, считая себя виновным, попросил у Беттины прощения. Она, не ожидавшая этого, подумав немного, великодушно сказала, что в этом вина ее, а не моя, но что больше такого не повторится. Тут она ушла, оставив меня наедине с моими размышлениями. Они были печальны.

Так Джакомо описывает свой первый сексуальный опыт в стиле, который, в действиях и риторике, станет его подписью. Кульминация — его первая — может быть пропущена за деталями обольщения, описаниями умысла и его последствий для партнера и самого Казановы.

Сперва его интриговало желание и реакции его партнеров, так как он находился в плену своих собственных и точно так же смущался, как и любой юноша-подросток, замечая противоречивые сигналы девочек. Кроме того, он страдал, или получал удовольствие, от мгновенности своей реакции, необычной для мальчика его возраста, и в зрелом возрасте, как представляется, Джакомо мог эякулировать без того, чтобы кто-либо физически коснулся его пениса.

С Беттиной все было кончено, в плотском смысле, прежде чем успело начаться, и Джакомо был растерян и сконфужен. С пылом примерного католического школьника он решил, что единственный способ восполнить то, что он обесчестил сестру аббата, — жениться. Беттина, по-видимому, приняла это менее серьезно, она обещала ему, что случившееся больше не повторится, но вскоре подстроила, чтобы он пошел с ней на танцы как ее эскорт, переодетый в девочку. Позже случилось следующее: она позволила Кандиани, более старшему мальчику, прийти к ней в комнату, в обстоятельствах, которые Казанова интерпретировал, возможно справедли-

во, как оскорбление для себя и как доказательство ее распущенности. Кандиани ударил его ногой в живот, когда обнаружил Джакомо подслушивающим у комнаты Беттины, и Джакомо начал в мечтах представлять собственную месть. Беттина потом утверждала, что Кандиани шантажировал ее связью с Джакомо. И тогда, и сейчас истину установить невозможно, в течение ближайших нескольких дней у Беттины приключились страшные судороги. В смятении и тревоге — синьора Гоцци была уверена, что болезнь — дело рук колдуньи — Джакомо нашел записку от Кандиани к Беттине, говорившую против них обоих: «Когда, встав из-за стола, я пойду к себе в комнату, там вы и найдете меня, как раньше». Галантный Джакомо спрятал ее и, что типично для него, смеялся, пока у Беттины не диагностировали оспу.

Такие трагикомические внутренние драмы, кажется, не затронули его занятий — или, на деле, не обратили на себя внимание Гоцци. Джакомо продолжил свою работу, а Беттина выздоровела, хотя болезнь оставила на ней шрамы. Она и Кандиани почти не разговаривали, и два года спустя она вышла замуж за местного башмачника. Казанова завел привычку вспоминать как близкую подругу девушку, которую он назвал своей «первой любовью». В 1776 году он присутствовал у ее смертного одра.

Между тем Дзанетта побывала в Санкт-Петербурге и вернулась в Италию. Она получила приглашения выступать перед двором польского короля и в Дрездене и никогда уже больше не жила в Венеции.

Джакомо добродушно рассказывал об окончательном исчезновении матери из его детства. Он даже выбросил из головы слезы маленького Джованни — своего восьмилетнего брата и единственного из детей семьи Казанова, которого она взяла с собой в Дрезден — как знак того, «что он был не очень умным, ибо не было ничего трагического в ее отъезде».

Он вернулся в Падую и к учебе. Казанова хвалился тем, что он получил диплом доктора права в шестнадцать лет, что долгое время считалось ложью, но оказалось правдой. В диссертации по каноническому праву он писал о праве евреев строить синагоги — спорный вопрос того периода — и о гражданском судопроизводстве и наследовании. Записи архива Падуи ясно свидетельствуют, что он окончил учебу в 1741 году, поступив в университет в 1737 году, в возрасте двенадцати лет, хотя и жил в Венеции с 1739 года. Он переехал туда в позднем отрочестве и метался между двумя городами, скрепя сердце учась у венецианского адвоката, хотя на самом деле хотел стать врачом. Семья Гримани, вероятно, подталкивала его к занятиям каноническим правом, считая близость к церкви достойной большего почтения. Казанова напишет потом, что он неоднократно говорил всем, что его призванием являлась медицина, «но моим желанием пренебрегли». Его юридическая подготовка тем не менее обернулась для него впоследствии циничным отношением к закону и юристам, но свое свободное время он использовал хорошо. Испытывая безотчетную и фамильную тягу к народной медицине, он дополнительно изучал медицину, физику и химию в монастыре де ла Салюте и приобрел навыки самостоятельной диагностики и лечения.

Его семья, однако, до некоторой степени была права в выборе для него церковной карьеры. Если бы он последовал предложенным путем, то выбрал бы более безопасную дорогу — подальше от театра и в направлении к респектабельной жизни, открывавшую ему идеальное использование его способностей к риторике. Однако иные его таланты и склонности остановили его в блистательном продвижении на этом поприще для избранных, увлекая его в храм не столь возвышенный, зато более близкий его сердцу.

АКТ I, СЦЕНА III
Я СТАНОВЛЮСЬ СВЯЩЕННИКОМ
1739–1741

Красавец, гурман и сластена, он обладал тонким умом, великолепным знанием жизни, венецианским остроумием... и имел двадцать любовниц.

Казанова о Малиньеро, своем первом аристократическом образце для подражания.

«Он только что приехал из Падуи, где учился в университете» — такими словами нам представляют долговязого школяра, прибывшего в самый модный район Венеции, Сан-Марко. Казанова сильно переменялся с тех пор, как пять лет назад уехал отсюда на буркьелло тихим, болезненным ребенком. Он был высок для своего возраста, почти достигнув своего взрослого роста в шесть футов и полтора дюйма. Он считался очень умным и образованным, что, по сути, было правдой, и приходской священник в маленьком приходе Сан-Самуэле встретил его с энтузиазмом. Отец Тозелло повез его на гондоле по Большому каналу, от Пьяцетты за пресвитерией, к патриарху Венеции в базилику Сан-Марко, который должен был тонзуровать и рукоположить Джакомо в младший духовный сан. Церемония состоялась 17 января 1740 года.

Таковы были первые шаги в церковной карьере, не означавшие, однако, полного принятия священства или вступ-

ления в его ряды. Несмотря на это, Марция Фарусси с великой радостью получила новости от своего старшего внука. Принятие Джакомо титула «аббат» придало ему вес в глазах местного населения, если он еще не имел его — с его стройным телосложением, копной кудрей и прямым взглядом. Он стал постоянно присутствовать на мессе, а затем и на кафедре. Его положение — особенно после одного полезного знакомства — открыло ему доступ в салоны венецианского общества, на что сын актрисы прежде не мог и рассчитывать, и позволило посещать многие венецианские монастыри, где в уединении постигая грамоту томились многочисленные девушки и молодые женщины.

Вернувшись в Венецию, Казанова поначалу расположился в квартире матери на Калле-делла-Комедиа вместе со своим братом Франческо. Дзанетта по-прежнему содержала его. Мальчики были предоставлены сами себе, поскольку их бабушка присматривала за младшими детьми в тесноте корте делле Мунеге. Считалось, что Джакомо опекает его «дядя» аббат Гримани, на практике же принятие в венецианское общество произошло благодаря тому, что он — через отца Тозелло — был представлен владельцу палаццо (дворца), находившемуся рядом с церковью и Большим каналом, веселому бывшему сенатору, которому больше всего на свете нравилась молодежная компания.

Со слов Казановы, в свои семьдесят лет богатый Малипьеро имел множество земных благ и достижений, был общителен и с радостью находился в окружении интересных молодых людей и «общества, которое составляли дамы, сумевшие отлично попользоваться своими лучшими годами, и тонкие умы, осведомленные обо всем, что происходило в городе». Он был одним из самых влиятельных вельмож Венеции и, распознав таланты Джакомо, помогал ему. Отец Тозелло не мог не знать об этом, приход Джакомо был мирским

и он не слишком ревностно относился к посещению церкви, и — хотя позднее карьера и репутация Казановы сделают смешной саму мысль, что друзья и родственники считали его пригодным для служения церкви — в глазах прихожан, приходского священника из Сан-Самуэле и сенатора Малипьеро он превосходно выдержал проверку на звание священника.

Будучи аббатом, Казанова стал постоянным гостем обедов в роскошном палаццо Малипьеро. Тогда и теперь дворец имел один из самых просторных portegos (бальных залов), откуда открывался превосходный вид на Большой канал и Венецию. Стуча дверным молотком, сделанным в виде Геракла, и ступая по мраморному шахматному полу бального зала палаццо, Джакомо Казанова вступал в новый элегантный мир, который полностью отвечал его вкусу. Дворец Малипьеро на каждом углу был украшен обнаженными богами и нимфами, и здесь юный аббат подошел к новому этапу жизни. Он познакомился с огромным количеством «почтенных дам», которые, в свою очередь, открывали свои сердца молодому вежливому новичку и представляли его своим дочерям, учащимся при местных монастырях.

Под шепот приливов и журчание сплетен в мраморных сводах portego Малипьеро «поведал правила поведения» на ухо Джакомо — он сказал, чтобы последний никогда не хвастался своей дружбой с женщинами или той легкостью, с которой, как священника и протеже сенатора, они принимали его в своих кругах.

Это богатое палаццо Малипьеро, залитое отраженным в водах канала светом, в жизни молодого актера, Казановы, сыграло драматическую роль. Самый впечатляющий интерьер в округе — более просторный, чем театр «Сан-Самуэле» и церковь, — portego олицетворял вступление в настоящее венецианское общество. Это была сцена, которая требовала

определенного внешнего вида и умения себя держать — качества, распознанные и воспитываемые в Джакомо умудренным жизнью Малипьеро. Палаццо, исполненное изысканности и романтического цинизма старой Венеции, стало его миром, уводившим от церковной карьеры и манившим играми венецианского высшего общества. Казанова жил менее чем в десяти шагах от места своего рождения, но в совершенно новом мире ослепительных возможностей. Венеция, столь часто изображаемая как закрытый, ветхий город, управляемый олигархией старого режима, также, по иронии судьбы, была одним из самых демократичных мест. Малипьеро в своем дворце, Дзанетта в своей гардеробной и Марция в корте делла Мунеге жили в пределах нескольких ярдов друг от друга, слушали один и те же приливы, одинаково страдали от влажности и длинных проповедей Тозелло. Джакомо повезло (но это был не единичный случай) быть замеченным местным вельможей. Олигархи Венеции охраняли свои права и привилегии — история Казановы стоит в одном ряду с историями тех, кто осмеливался пытаться пересечь классовые барьеры, — но также открывали дорогу талантам и юношеской увлеченности тем, кто соответствовал их среде.

Усложняло и без того непростой мир желаний этого микрокосма Венеции то обстоятельство, что семидесятилетний сенатор был влюблен. Предметом его вуайеристского желания стала еще одна непосредственная соседка Казановы, тесно связанная с семьей Джакомо. Малипьеро влюбился в Терезу Имер, семнадцатилетнюю дочь импресарио Джузеппе, бывшего работодателя и любовника Дзанетты Фарусси в театре «Сан-Самуэле». Сад палаццо Малипьеро смотрел на дом семьи Имер, обращенный одной стороной на оживленное пространство корте делла Дука Сфорца, где из лодок высаживались направлявшиеся в театр зрители. Здесь у окна и сидела Тереза Имер, позволяя наблюдать за своими прелес-

тями, пока она упражнялась в пении. В свои семнадцать лет она была «красивая, своенравная и кокетливая» и любила командовать поклонниками. Малипьеро доверился Казанове, рассказав о своей любви, он знал, что слишком стар, чтобы его серьезно рассматривали в качестве возлюбленного Терезы, но был вне себя от профессионального кокетства ее самой и ее матери. Он пожаловался Казанове на поведение женщин семьи Имер и начал посвящать юношу в интриги профессиональных куртизанок.

Жизнь молодого аббата вертелась между посещением церкви на одном конце Калле-делла-Комедиа, театром, расположенном на другом конце, и палаццо, отделявшем улочку от Большого канала. Джакомо бегал по поручениям отца Тозелло и, все чаще, по делам Малипьеро. Он проникся духом палаццо, начал одеваться и вести себя в соответствии со своим новым окружением. Он красился помадой и завивал и без того волнистые от природы волосы. Малипьеро, отец Тозелло и Марция предупреждали, что его манеры и внешний вид уже заметили в окрестностях Сан-Марко и сочли совершенно неподобающим для священнослужителя. Малипьеро, в частности, ожидал благоразумного поведения подопечного. Когда Казанова принялся утверждать, что и другие аббаты появляются в окрестностях города в париках и благоухающими духами, Тозелло подговорил Марцию отдать ему на время ключи от дома на Калле-делла-Комедиа. Однажды ночью, когда Казанова и его брат Франческо спали, Тозелло пришел и отрезал кудри Казановы, после чего ему пришлось выдержать яростные нападки молодого человека, пришедшего в неописуемый гнев и плакавшего от горя. Джакомо даже угрожал подать судебный иск на священника и успокоился только, увидев искреннее раскаяние своей бабушки, к тому же сенатор Малипьеро в подарок устроил ему встречу с одним из самых известных венецианских парикмахеров, ко-

торый несколько поправил дело шипцами для завивки волос, ласковыми словами и новой модной прической, смягчив разгневанного юношу.

Стрижка привела к конфликту с Тозелло. Возможно, чересчур эмоционально, но, уже будучи острижен и вынужденный — согласно венецианским законом о роскоши — надеть более скромную одежду, Казанова в сердцах поклялся Малипьеро, что больше никогда не ступит и ногой в церковь Сан-Самуэле. Малипьеро сказал ему, что он совершенно прав («Это был способ заставить меня делать то, что они хотели от меня», — позднее напишет Казанова), а затем подстроил провокацию, бросив юноше вызов. На следующий день после Рождества в подарок от Малипьеро, бывшего местным сенатором, Джакомо поступило предложение попробовать себя в качестве проповедника на кафедре Сан-Самуэле, куда был выдвинут кандидатом аббат Казанова. Малипьеро слышал, как Джакомо разглагольствовал в садах его палаццо среди старших, да и сам обсуждал с молодым человеком поведение женщин Имер. «Что вы на это скажете? Вам это нравится?» — задал он ему вопрос.

Казанова ответил, что готов. Он был полон решимости «говорить удивительные вещи». В качестве текста на праздник Святого Стефана он весьма смело выбрал не библейский стих, а одно из посланий Горация: «*Ploravere suis non responderer favorem speratum meritis*» («Они сетовали, что их достоинства не находят той благодарности, на которую они надеялись»). Название оказалось пророческим. Казанова прорепетировал речь на своей бабушке, которая выслушала ее, перебирая молитвенные четки, и объявила ее «прекрасной». Джакомо показал речь и Малипьеро, который заметил, что она не совсем христианская, но аплодировал отсутствию латинских цитат и отправил его к отцу Тозелло. Казанова направил копию своего предполагаемого текста Гоцци в

Падую и немедленно получил письмо-ответ, гласившее, что он «сумасшедший», а отец Тозелло сказал, что никогда не допустит произнесения столь небиблейской проповеди в Сан-Самуэле. Тозелло предложил Казанове прочесть одну из его собственных речей, но тот, преисполненный юношеского максимализма, поклялся, что при необходимости дойдет до венецианских цензоров и патриарха, чтобы доказать отсутствие в проповеди крамолы, и, в конечном итоге, Тозелло сдался.

Казанова выступил с проповедью и получил некоторое признание, а также смог собрать пожертвований «почти пятьдесят цехинов... когда сильно нуждался в деньгах... вместе с восторженными записками, все вкуче заставило меня серьезно задуматься о том, чтобы стать проповедником».

Этот был его второй пьянящий успех, он заслужил общественное и интеллектуальное признание, способствовал — как и реплики английского поклонника его матери — развитию склонности к выступлениям и импровизации. Но удовольствие оказалось недолгим: отец Тозелло попросил его снова произнести проповедь в День Святого Иосифа, 19 марта 1741 года, и вторая проповедь Казановы в приходе Сан-Самуэле оказалась в итоге последней.

В назначенный день он принял приглашение отобедать у знакомых аристократов — графа Монтерельского и его родственников. Казанова чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не заучить свою проповедь наизусть и вдобавок пить во время обеда. Как он впоследствии напишет, «от беспокойной аудитории исходил глухой шум», так как он не обратился к ней как положено обращаться к пастве. «Я видел, как люди уходят, мне казалось, я слышу смех...» «Смею заверить читателя, — продолжал он, — что не могу сказать, сделал ли я вид, что лишился сознания, или упал в обморок всерьез». Тем не менее он упал на пол амвона, разбил голову и был пе-

ренесен в ризницу. Униженный, он упаковал вещи и отправился обратно в Падую, чтобы завершить свое юридическое образование и «полностью отказаться» от профессии проповедника. Однако он оставался священником и спустя несколько месяцев вернулся в Венецию, надеясь, что его провальную проповедь позабыли.

АКТ I, СЦЕНА IV

ЛЮЧИЯ, НАНЕТТА И МАРТА

1741–1743

Марта возразила Нанетте, что я, человек сведущий, не могу не знать о том, чем занимаются девушки, когда спят вместе.

Джакомо Казанова

Юный Казанова не лишился своей девственности ни с одной из очевидных претенденток на нее — ни с племянницей отца Тозелло, в которую был безумно влюблен, ни с Лючией, девушкой-служанкой из Венето, которая вовсе не возражала против связи с ним. Он был слишком добропорядочным молодым католиком, чтобы согласиться принять любовь Лючии, а брак с Анджелой Тозелло сделал бы невозможным церковную карьеру Джакомо. Тем не менее обе они стали «скалами-близнецами, фактически созданными, чтобы потопить корабль [его невинности]», поскольку направили его дальнейший путь. Описывая свою сексуальную инициацию, Казанова рисует образы главных героинь словно на киноафише — двух молодых женщин, опаливших и посвятивших его в тайны эротической игры. Тем не менее были и две другие женщины, подруги Анджелы — сестры Саворньян, Нанетта и Марта, которые пригласили его в свою постель, когда ему было семнадцать лет.

Анджела Тозелло проводила много времени в пресвитерии Сан-Самуэле у Большого канала, хотя дом ее семьи на-

ходился недалеко от театра со стороны Калле Нани. С Казановой они впервые встретились, когда последний прибыл к отцу Тозелло, чтобы показать преподобному копию своей проповеди со стихами Горация. Девушка с легкостью приняла идею его ухаживаний, поскольку они намекали на брак. Этот «прекрасный дракон добродетели» — хотя ей тоже было всего лишь семнадцать лет — настаивал, чтобы ради нее он отказался от карьеры в церкви. Отдалило их друг от друга его намерение придерживаться стиля жизни распущенного венецианского священства.

Сестры Саворньян были компаньонками Анджелы и проводили с ней долгие часы за вышивкой, все втроем они слушали Казанову, пытавшегося произвести впечатление на племянницу священника. Эти встречи, по-видимому, проходили в пресвитерии и в доме тетки Саворньян, синьоры Орио. Девушки занимались вышивкой, а Казанове — как многообещающему священнослужителю — было дозволено присутствовать при этом, по традиции, девушки могли слушать вдохновляющие тексты и проповеди, покуда сидели с иголками и нитками. Однажды раздраженная сверх меры Анджела сказала ему, что «воздержание заставляет ее страдать точно так же, как страдает он». Однако она уже согласилась стать его женой, и этого ему должно быть достаточно. Если он не желает оставить церковь, то она не желает даже целоваться с ним.

Описывая это уже с перспективы своего пожилого возраста, Казанова с очевидностью изумляется собственной юношеской глупости и противоречивым порывам — он не хотел ни частичного сексуального удовлетворения, предложенного Беттиной, ни отношений с замужними женщинами в роли игрушки. Он хотел страстной любви, в венецианском стиле, а не взвешенного подхода к браку. Он хотел продолжать свою карьеру в церкви, но играть в любовь так же, как играли все

вокруг, утонченно, со знанием дела, в одно время только с одной партнершей — и не лишиться свободы клириков. Он хотел небольших «авансов», но был совершенно не уверен — «будучи сам девственником», — на каких условиях он хочет получить «главный приз». Анджела привела его в ярость, и «я уже познал адские муки моей любви».

Когда весна 1741 года перешла в лето, Казанова получил приглашение в загородное имение графа и графини Монреали. Для состоятельных венецианцев было и остается обычным проводить часть знойного периода вдалеке от кишашей комарами лагуны, в Венето — той части старой венецианской Республики, что расположена на материковой Италии. Венецианцы с друзьями или покровителями из знати — духовенство, художники, актеры и музыканты — могли рассчитывать попасть в круг приближенных и сбежать от жары и ужасных комаров, которых один из гостей Венеции называл «наполненными всем ядом Африки». Для Казановы приглашение в имение к графу Монреали было идеальным способом вырваться из двойного мучения — от венецианского лета и от Анджелы. Но в Пазиано, загородной резиденции графа вблизи Фриули, его поджидала иная мука.

Лючия была четырнадцатилетней дочерью домоправителя Пазиано. Она была «белокожей, с черными глазами... уже сформированной так, как городские девочки формируются в семнадцать лет, — напишет Казанова. — Она смотрела на меня так прямо, как если бы я был ей старый знакомый». Как и Беттина, Лючия казалась бесхитростной, и, тоже как и с Беттиной, роман с ней завершился болезненно, описанием чего Казанова заполнил девять страниц. Впервые писатель целиком из своей памяти переносит на страницы женщину. Повествуя об их встрече, он инстинктивно переходит на язык театра: «Повторный выход Лючии, она только что вымылась». Она была совершенной инженерю, сельская девушка,

красивая, простая, неиспорченная; дитя природы, она при-саживалась на его кровать каждое утро, чтобы подать кофе. Ее родители всего лишь попросили его попробовать расши-рить ее кругозор.

Казанова в самоуспокоении упивался победой над иску-шением, которому редко мог противостоять, и в конце кон-цов решил, что самый почетный выход — запретить Лючии находиться в его компании. «Не в силах страдать далее из-за растущей любви, в частности из-за “лекарства” школяра» [редкое признание в мастурбации], он решил просить ее оставит его в покое. Лючия рассмеялась и обещала пойти ему навстречу во всем, за исключением «самого главного» (сво-его с ним общения), и они часами целовались и обнимались, после чего Джакомо оставался во власти низменных чувств и разочарования. «Что сделает нас ненасытными, — писал он, — на одиннадцать ночей подряд [которые последовали], так это воздержание, и она делала все от нее зависящее, что-бы заставить меня пасть». Он решил, что предпочитает роль галантного юноши и «священника». Его учтивость, кажется, простиралась вплоть до орального секса, но он был непрек-лонен в своей решимости не лишать ее девственности, или, если уж на то пошло, не потерять своей чести. Он считал ее слишком невинной и доверчивой к нему, чтобы в полной мере воспользоваться ею.

Первая часть этой истории служит в качестве прелюдии к тому, что произошло после его возвращения в Венецию. Однако он считал произошедшее уроком себе как любовнику и повесе. Вскоре после его отъезда Лючия сбежала с граф-ским курьером, «известным негодяем, [который] соблазнил ее». Казанова винил себя: «Я [был] горд, в моем тщеславии, что оказался достаточно добродетельным и оставил ее дев-ственницей, а теперь со стыдом раскаивался в моей глупой сдержанности. Я пообещал себе, что в будущем стану вести

себя более мудро в вопросах сдержанности. А более всего несчастным меня делала мысль, что она будет вспоминать меня с отвращением как первопричину своих бед». Это было сложной ситуацией. Он желал чувственных радостей, но при том хотел знать, что оставил у своих любовниц положительные воспоминания и не ухудшил их положения как женщин. Хотя и семнадцати лет от роду, он добровольно отклонил путь постельных «завоеваний». И пусть он был задет тем, что некто, кого он полагал менее достойным, преуспел там, где Джакомо решил отступить, его главной заботой оставалась Лючия и его место в ее сердце. Когда он понял, что она убежала, он впал «в тоску». И годы спустя, когда он обнаружил Лючию, работавшую дешевой проституткой в Амстердаме, он обвинил себя в том, что так сложилась ее жизнь. «Страх, который я уже больше не обнаруживал у себя, панический страх последствий, губительных для моей будущей карьеры, удержал меня от полного наслаждения». Но страх не смог бы удержать надолго.

С такими мыслями он вернулся в сентябре 1741 года в Венецию и неожиданно радостно обнаружил там себя объектом вожделения. Нанетта и Марта Саворньян были дальними родственницами и «закадычными подругами» Анджелы, «хранительницами всех ее секретов». Нанетте было шестнадцать, ее сестра была на год младше. Их тетка, с которой они жили, синьора Орио, выделила им в своем доме на Салидас Сан-Самуэле одну спальню, где, время от времени, ночевала и Анджела.

Заговор придумала Нанетта, письменно связавшись с аббатом Казановой и сдружив его со своей теткой через Малипьеро, а затем организовав ему приглашение посетить их дом. Когда он оказался там, Нанетта под конец вечера вызвалась якобы проводить его, но вместо этого отправила его на четвертый этаж, в комнату, где осталась на ночь Андже-

ла. Это было довольно рискованно и забавно — и вполне в духе готовых всем делиться девочек.

План сработал, и они оказались заперты в спальне на четвертом этаже, в сентябре или октябре 1741 года, вдаль от своей тетушки или других обитателей дома; девушки хихикали, а последние свечи догорали. «Нас было четверо... и я был героем пьесы», — напишет Казанова в типичном для себя стиле. Однако первая ночь обернулась фарсом. Девочки дразнились и смеялись над ним, Анджела отказалась подойти в темноте к нему поближе, он потерял терпение и выбранил ее. Все девочки расплакались, как плакал и Казанова, который вернулся домой после того, как синьора Орио уехала на утреннюю мессу. Вряд ли такой представлялась ему ночь страсти, о которой он грезил.

Он вернулся в Падую, чтобы получить степень доктора права (*utroque iure*), и после двухмесячного отсутствия получил второе приглашение от синьоры Орио. Нанетта была там и заявила, что девочки оскорблены его прошлым поведением и что Анджела хотела бы повторить постельную вечеринку. Казанова согласился, скорее из желания как-то отомстить Анджеле, чем в надежде, что она смягчится. В назначенный вечер, однако, появились только Нанетта и Марта. Они утверждали, что не знают, где Анджела, но предложили Казанове поспать в их кровати, тогда как сами заняли диван.

Они поклялись в привязанности и вечной верности, полагая его «истинным братом», а затем открыли две бутылки кипрского вина и принялись за копченое мясо, которое он привез с собой для Анджелы, дополнив его хлебом и пармезаном, сташенным из кладовой тетушки. Впервые из множества аналогичных случаев, придавая дополнительную убедительность и человеческие нотки своему рассказу, Казанова в подробностях описывает то, что было съедено.

Они начали с игры в поцелуи, а потом заговорили об Анджеле. Девочки рассказали ему об игре, в которую как-то играли, когда она осталась у них на ночь, когда одна из них делала вид, будто она — «милый аббат [Казанова]», и все вместе они возились на кровати. Они говорили о всякой чепухе и разыграли всю необходимую преамбулу подростковой власти над сном, представляемым предметом наименьшего беспокойства. В конце концов они решили пойти спать вместе, как друзья. Казанова пожаловался, что не сможет уснуть, если он не ляжет голым. Девочки ответили, что он мог бы снять одежду, а они не будут смотреть. Он сказал им, они могут чувствовать себя в безопасности в его присутствии, «вас две, а я один». Затем все они как бы легли спать.

То, что произошло дальше, является одним из наиболее известных и подробных рассказов о первом сексуальном опыте — и довольно экзотическом. Учитывая особую смесь нежно вспоминаемых деталей, степень, в которой это событие стало потом типичным для Казановы, и тревожность вторжения сексуального познания, стоит процитировать текст полностью:

Они повернулись спиной ко мне, и мы оказались в темноте. Я начал с той, лицом к которой лежал, и не зная, была то Нанетта или же Марта. Я нашел девушку свернувшейся калачиком и прикрытой ночной сорочкой, не делая ничего такого, чтобы испугать ее, я, шаг за шагом, так быстро, как это было возможно, скоро убедил ее, что лучше всего ей притворяться спящей и предоставить мне свободу действий. Мало-помалу я расправил ее тело; очень постепенно, медленно и последовательно, но удивительно естественными движениями, она перевела себя в такое положение, которое являлось наиболее благопри-

ятным из тех, какие могла предложить мне, не изменяя себе. Я приступил к ласкам, но чтобы они увенчались успехом, было необходимо открытое и очевидное согласие с ее стороны, и природа, наконец, заставила ее сделать это. Я обнаружил первую сестру вне подозрений [как девственницу] и, подозревая о боли, которую она должна была пережить, был удивлен [тем что] мне было позволено оставить жертву наелине с самой собой и повернуться в другую сторону, чтобы сделать то же самое с ее сестрой... Я застал ее неподвижной в полсжечи, часто принимаемым человеком, погруженным в глубокий безмятежный сон. С величайшей осторожностью и боясь разбудить, я начал с услаждения ее души [клитора] и в то же время убеждаясь, что она была такой же нетронутой, как и ее сестра, я продолжал действовать, покуда она — откликнувшись самым естественным движением, без которого мои труды не увенчались бы победой, — не помогла мне добиться триумфа; хотя в критический момент она оказалась больше не в силах играть в свое притворство. Отбросив маску [спящей], она сжала меня в своих объятиях и прижала свой рот к моему.

Минуту спустя троица встала, зажгла свечи и омылась «в ведрах, что вызвало у нас смех и обновило все наши желания», а затем они уселись «в костюмах золотого века» доедать последний хлеб и допивать вино. Пополнив энергию, они провели «всю ночь в самых разнообразных схватках».

Предпочитаемый Казановой стиль описания своего полноценного сексуального опыта был во многом уникальным, но в то же время отвечал литературным условностям той эпохи. Любовники носили маски, скрывающие их истинные чувства, и играли в игру понятных, но не высказываемых желаний. Они наслаждались «схватками», в которых он иг-

рал роль завоевателя. Как человек своей эпохи — чувствовал ли он себя таким в тот момент или позднее — он на словах почитал девственность, хотя и стремился ее к разрушению. Чувствовалось также, бесспорно, некое принуждение со стороны молодого человека, которое более подобало эротической литературе, чем вероятной реальности данного момента — но также и возможно, что сестры чувствовали принуждение. Однако «триумф» любовников был взаимным, они разделили кульминацию, их дружба продлилась, и Казанова вспоминал эти свои занятия любовью как забавный хоровод. Он торжествовал своему соучастию, совершенно не думая о последствиях или возможной опасности, хотя бы для девочек, поскольку они обе оказались запятнанными. Первый сексуальный опыт Казановы, с двумя сестрами, будет эхом проходить сквозь всю его дальнейшую жизнь, выливаясь в соблазнения других сестер, матерей с дочерьми и даже в сожительстве с монахинями.

Когда старая синьора Орио уехала к мессе, молодой аббат выскользнул из ее дома после второй из многих будущих проведенных там ночей. Он, Марта и Нанетта поддерживали сексуальную близость в течение ряда лет, и потому первый половой контакт наложил на него глубокий отпечаток. Он доказал, что способен научиться *ars veneris*, как он обычно называл искусство и науку любви и секса, которой так надолго посвятил себя. Втроем они провели целую ночь, неоднократно занимаясь любовью, но он признавался: «Эта любовь, которая была первой в моей жизни, не научила меня почти ничему о мире, поскольку она была совершенно счастливой, никогда не нарушалась какими-либо разногласиями и не затемнялась никаким корыстным интересом».

Из этих отношений Казанова извлек выгоду гораздо большую, чем девушки. Они удвоили его растущую сексуальную уверенность, убедили его, что женщины могут быть

заинтересованы в простом сексе точно так же, как и он сам, и предоставили ему удобную возможность исследовать собственную и чужую физиологию. Вероятно, Марта воспринимала их связь не так, как Нанетта. Вскоре после ночи любви Нанетта вышла замуж, тогда как Марта удалилась в монастырь на Мурано, Санта-Мария-дельи-Анджели, и отвергла ухаживания Джакомо Казановы. В конце концов она приняла имя матушка Мария Кончитта, но сказала, что простила Казанове участие в их сексуальных экспериментах, ведь ее бессмертная душа будет спасена, потому что она провела остаток жизни в покаянии. Ее последние слова, обращенные к Казанове, были о том, что она будет молиться, чтобы он тоже смог однажды раскаяться в собственном сладострастии.

Но у молодого аббата были другие планы.

Казанова дает нам три кратких примера изменения своих взглядов в этом возрасте, готовности пойти на риск осуждения со стороны церкви и старших ради безрассудных порывов и сексуальной предприимчивости. Два случая произошли с профессиональными куртизанками, третий — с ходившей в невестах сельчанкой. Тереза Имер затеяла с ним профессиональный флирт из окна своей спальни на корте дель Дука Сфорца, что обернулось довольно регулярными приглашениями в салон Малипьеро. Здесь она убивала время, сидя вечерами и глядя с длинного балкона на Большой канал, пока сенатор спит. В один из вечеров они с Казановой оказались наедине, и кто-то из них, вероятно он, придумал «сравнить различия в наших формах с невинной веселостью». Может быть, именно их детские смешки привели к тому, что Малипьеро неожиданно проснулся, избил Джакомо палкой за дерзость и вышвырнул прочь из дворца. Это привело к временному прекращению отношений Джакомо со своим первым покровителем из аристо-

кратов и положило начало длившимся всю жизнь до некоторой степени братским отношениям с Терезой Имер.

Между тем он познакомился с еще одной профессиональной обольстительницей, Джульеттой Преати, характерной представительницей особого типа венецианок — актрисой, куртизанкой и музыкантшей. Она была утонченной и красивой молодой женщиной, которую в возрасте четырнадцати лет «купил» у ее отца дворянин Марко Муаццо. В обмен на благосклонность как любовницы она получила образование, научилась музыке и несколько лет спустя оказалась в Вене, где играла в опере Метастазियो роль *castrato*. Она была опытной профессиональной красоткой восемнадцати лет от роду, когда в 1741 году познакомилась с Казановой через круг друзей Малипьеро, пользовавшихся дурной славой. Они мгновенно прониклись неприязнью друг к другу. Через год, однако, после его встречи с Мартой и Нанеттой, то ли она почувствовала, то ли он сам заявил, что она больше не может быть с ним надменной и что Казанова должен устроить для нее праздничный вечер. Он согласился — с тем условием, чтобы некоторые расходы оплатила она, и пригласил, в частности, синьору Орио с ее племянницами. Большинство гостей были друзьями Джульетты и, следовательно, скорее всего, не принадлежали высшему обществу Венеции.

На вечеринке Джульетте пришла в голову идея обменяться с Казановой для одного из танцев одеждой, она бы надела его рясу аббата и бриджи, он — ее платье и сделал бы женский макияж. Его волосы были достаточно длинными сзади, чтобы, как он пишет, сделать шиньон. Но если она думала, что сможет победить в этом венецианском маскараде и подсмеяться над ним, то ошиблась. Молодой человек снял штаны, чтобы позволить ей увидеть «слишком заметное действие ее прелестей» на него. Они вместе пошли вниз, хотя его одежда была «очевидным образом запачкана результатам

его несдержанности», и хотя впоследствии Джульетта ударила его, когда он вновь попытался заставить ее почувствовать его эрекцию, она была явно застигнута врасплох тем, что юный аббат ведет себя как опытный повеса.

Аналогичным образом в поездке в загородное имение в Пазиано, где у него ранее была связь с Лючией, Казанова встретил молодую невесту, отличавшуюся несколько деревенской простотой. Выезжая во время грозы на карете из имения, он безжалостно воспользовался ее боязнью молний для того, чтобы убедить ее сесть к нему на колени и прикрыться плащом, и в конечном итоге одержал «наиболее полную победу, которую когда-либо получал искусный фехтовальщик». Ему было семнадцать лет. Хотя он и пишет в своих мемуарах о ней как о глуповатой и претенциозной молодой женщине, которая с самого начала между ними флирта была в курсе его намерений, этот эпизод вряд ли показывает его кем-то иным, кроме как искателем сексуальных удовольствий. Человека, который позднее заявлял, что хотел спать только с женщинами, в которых был влюблен, разоблачает его собственное перо. Молодая невеста отшучивалась, что поклялась не садиться в карету ни с кем, кроме будущего мужа. Когда она выбежала оттуда, возница расхохотался. «Почему ты смеешься?» — спросил Казанова, который учел возможность того, что кучер при случае будет очевидцем не насильственного бесчестия невесты.

«Вы знаете почему», — записывает Казанова ответ ухмыляющегося свидетеля.

АКТ I, СЦЕНА V
УЖЕ НЕ СЕМИНАРИСТ
1743

В конечном счете, я оставил церковь ради армии, поскольку носить униформу намного похвальней, чем собачий ошейник.

Джакомо Казанова

Хотя Джакомо Казанова начал карьеру как «серийный бабник» и позднее это создало ему славу, мать — выступавшая на сцене в Польше — по-прежнему хотела в будущем видеть его в лоне церкви. В духе церковной политики восемнадцатого века Дзанетте Фарусси, не слишком благочестивой звезде комедии дель арте, тем не менее удалось убедить королеву Польши, свою поклонницу, написать ее дочери и королеве Неаполя с предложением другого поклонника итальянской сцены, Бернардо де Бернадиса, на должность главного vicaria Польши в епископство в Калабрии, которая была подарком неаполитанской короне. Иными словами, мать Казановы оказалась в состоянии помочь карьере своего приятеля-итальянца, будучи в Польше. В ответ он должен был найти местечко для ее сына. «Он направит тебя на путь к высшим кругам Церкви, — писала она взволнованно Казанове в начале 1743 года. — Представь мое счастье, когда, двадцать или тридцать лет спустя, я наконец увижу тебя епископом!»

Казанова писал, что, казалось, смирился. Ради своего будущего он должен был оставить Венецию во имя трудов на ниве Римской католической церкви в Риме и на юге Италии. «Прощай, Венеция, говорил я себе. Я тратил время на пустышки, а в будущем меня станут волновать только великие и важные вопросы».

Как всякий молодой человек, оказавшийся перед сложным жизненным выбором — если мы верим писавшему про себя взрослому мужчине, — Джакомо Казанова одновременно ощущал прилив самоуверенности и едва подавляемого страха. Без сомнения, он знал, даже в восемнадцать лет, что принятие полных священнических обетов отвечало венецианской традиции, но вряд ли — действиям честного человека, если даже невеста в Пазиано вырвала у него признание в том, что он грешный служитель Божий. Но и амбиции, и связанные с ними проблемы уже стали для Казановы наркотиком.

В день 18 марта 1743 года умерла Марция Фарусси, любимая бабушка Джакомо. Он ухаживал за ней во время ее последней болезни, и эта утрата оказала непосредственное воздействие на его жизнь. Братья Гримани завладели остатками недвижимости семьи Казанова и заявили Джакомо, что ему придется перебраться из семейного гнезда в более дешевые съемные апартаменты. Его мать оставалась в Польше. Но поскольку волею обстоятельств и так предстояло изменить жизнь и уделить внимание служению церкви, то первым шагом на пути к действительной и метафорической дороге в Рим стала распродажа обстановки квартиры на Калле-делла-Комедиа. Сначала продав занавески и постельное белье, а затем мебель и венецианские зеркала, Джакомо положил в карман все вырученные деньги, не поделившись с братьями и сестрой (Джованни и Франческо учились искусству, Гаэтано и Мария находились на попечении Гримани). Это был злой и несправедный поступок, который положил начало се-

рии событий с непредвиденными последствиями, но который также говорил об эгоцентричной сущности Казановы, полагавшего, что весь непосредственно его окружающий материальный мир, в самой своей малости, дан ему в личное пользование.

Одним из последствий внезапного лишения крова было то, что Гримани решили отправить Джакомо в семинарию Сан-Киприано, на острове Мурано, пока епископ де Бернарди не призовет его в Рим. Казанова поступил в семинарию в конце марта 1743 года и, хотя он считал «смешным» свое пребывание там, по-видимому, встретил хороший прием и был помещен вместе с другими семинаристами в общую спальню, получив кровать и матрас. Он признается своему приходскому священнику, отцу Тозелло, что чувствовал слабость и тошноту, когда проводил свою последнюю ночь свободного венецианца у «двух жен», занимаясь любовью; он думал — и его пенис начал кровоточить от страха, — что очень скоро рискнет нарушить новый обет celibата. Это, возможно, была разумная точка зрения, и хотя другие семинаристы смеялись над идеей Казановы, но сам он считал, что теперь окончательно встал «на путь к папству».

По своему обыкновению, молодой Казанова при поступлении в Сан-Киприано почувствовал, что в учреждении его ущемляют. Он был «оскорблен» необходимостью сдавать экзамен, настаивая на том, что уже и так был доктором права, и решил вести себя как слабоумный. Он был помещен в класс девятилетних мальчишек, изучавших грамматику, куда не был признан своим учителем физики из венецианской школы при монастыре Ла Салюте.

В Сан-Киприано он, похоже, стал держаться более мальчишеского поведения. Он сошелся с группой «красивых пятнадцатилетних семинаристов», с которыми беседовал о поэзии и философии. Они быстро стали неразлучны. Семина-

ристы занимали длинные спальни, где имели отдельные кровати. Казанова довольно подробно объясняет терпимость священников к мастурбации мальчиков; задачей префекта было «досконально убедиться, что ни один семинарист не разделит свою постель с другим». Неожиданно самый знаменитый гетеросексуальный любовник был изгнан из семинарии за то, что его поймали в постели с другим мальчиком. Приятель Казановы неожиданно залез к нему в постель без приглашения, но Казанова посмеялся над таким нахальством и прогнал его. Несколькоми днями позже, однако, Казанова вбил себе в голову мысль «нанести ответный визит другу». Опять же, как он утверждает, они сделали это только ради шутки, но когда он захотел вернуться к своей кровати, то нашел ее занятой — туда залез другой мальчик. Именно эта проделка второго соседа привела к исключению, префект проснулся и застукал их.

На следующий день оба семинариста были наказаны восемью ударами розог, что должно было положить конец истории, но Казанова, как обычно, взбунтовался против несправедливости и лицемерия. Он громко заявил о своем праве обращаться с жалобами к патриарху Венеции и даже убедил своих сокурсников поклясться, что они никогда не видели Джакомо даже разговаривавшим с тем другим семинаристом.

Вызвали отца Тозелло, а Казанову перевели в одиночную камеру. Ректор семинарии отказался верить, что это нечто иное, чем «скандальное тюремное заключение». Непримиимость Казановы и нежелание признавать свою вину подогрели скандал и довели его до точки, после которой Гримани были вынуждены направить свои собственные гондолы, чтобы забрать Джакомо вместе с кроватью и с позором вернуть в Венецию. Истину мы так никогда и не узнаем.

Он был доставлен отцом Тозелло в сообщество иезуитов, откуда сбежал к синьоре Орио, чтобы увидеть своих «двух

ангелов». Там он оказался не в состоянии поддерживать эрекцию из-за «волнения... несмотря на две недели воздержания», как он утверждал. Он действительно был растерян. Без денег и лишенный друзей, Джакомо проводил свои дни в библиотеке Сан-Марко, в надежде найти способ заявить о своей невинности и спасти репутацию прежде, чем из Польши приедет епископ. По причинам, которые он не полностью объясняет, но, вероятно, как-то связанными со скандалом в семинарии, он был арестован по дороге домой из библиотеки и доставлен в гондоле Гримани в крепость-тюрьму Сант-Андреа по пути к Лидо, где бучинторо останавливается в день Вознесения, когда дож направляется на церемонию обручения с морем. Джакомо стал заключенным.

Легкость, с которой мужчины и женщины могли лишиться своей свободы в то время в Европе, является одним из самых ярких мотивов в воспоминаниях Казановы. В Венеции, в частности, было крайне легко обвинить человека, что для современного читателя удивительно. Девушек насильно отправляли в монастырь. Протестующие, пьяницы, должники и те, кто просто оскорбил власть имущих, не могли рассчитывать на то, что закон будет на их стороне. Казанова, как представляется, в заключение попал по приказу влиятельных Гримани — его собственных дядей и «отца», они надеялись, что небольшая встряска сможет вернуть оступившегося юношу на дорогу к церковной добродетели.

Казанова встретил свой восемнадцатый день рождения, 2 апреля 1743 года, как заключенный, но на удивление стойко. Он обнаружил, что один из сокамерников согласился заниматься его волосами, если Джакомо будет писать за него письма, и продал свою церковную одежду, чтобы заплатить за улучшение условий тюремной жизни. Казанова получил камеру с видом на остров Лидо и подружился с небольшим сообществом мелких правонарушителей. Кроме того, он по-

знакомился с молодой гречанкой, женой одного лейтенанта, которой был нужен кто-то для написания прошений от имени ее мужа. Она предложила заплатить Казанове своим «сердцем», но не сопротивлялась, когда он попросил о «более доступных органах». Как талантливый автор, он даже сумел договориться о предварительной оплате каждой из трех частей своей писанины: секс за сам контракт, потом за первый детальный проект и отдельно за корректуру. Возможно, он поздравил себя с идеальным днем рождения для любого восемнадцатилетнего парня — неоднократным сексом с гречанкой, наградившей его, правда, еще и первым венерическим заболеванием.

Естественно, что Казанова впал в депрессию, скучал и был обижен. Сестры Саворньян смогли посетить его в день Вознесения — крепость-тюрьма была излюбленным местом для наблюдения за церемонией обручения дожа с морем, — но он не смог ответить на их объятия, поскольку лечился от гонореи и переживал свои шесть недель очищения, воздержания и использования лекарств *medicina spagirica*, уничтожившего его скудные денежные средства.

Казанова был освобожден из Сант-Андреа по распоряжению Гримани, когда те решили, что он усвоил урок, перед приходом епископа де Бернандиса в Венецию. Несколько дней спустя Джакомо встретился с новым епископом Марторанским, «по милости Божией, волею Святого Престола и стараниями моей матери». Они говорили на латыни. Было решено, что они поедут в Рим отдельно, но там встретятся и затем отправятся в Неаполь, в новую вотчину епископа в Калабрии. Казанова должен был отправиться в Рим морем из Венеции через Анкону. На прощание с площади Сан-Марко он помахал рукой «двум ангелам» и покинул город с десятью цехинами от Гримани и с сорока пятью своими собственными в кармане, «с радостным сердцем и не сожалея ни о чем».

ИНТЕРМЕДИЯ
КАЗАНОВА И ПУТЕШЕСТВИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Я получаю удовольствие просто от изучения людей во время путешествий.

Казанова в письме Вольтеру (1760)

Это было моим четвертым сексуальным приключением подобного рода, которое не является чем-то необычным, если мужчина путешествует один и в крытой повозке.

Казанова о преимуществах путешествий по дорогам в восемнадцатом веке

Казанова приобщился к искусству путешествовать. В небрежно составленных заметках, уцелевших в пражском архиве, указывается, что он регулярно упаковывал с собой в дорогу, в числе прочего, кофе и сахар, итальянские приправы, компактную печку и ночной горшок. Его мемуары переполнены ссылками на практические аспекты и суровую реальность, а также чувством радости от путешествий в ту эпоху, когда в любую минуту могло случиться что угодно, в момент в некотором смысле неопределенный, поскольку никто не знал, насколько затянется поездка. Это отвечало склонности Казановы к импровизации, и потому он оставил нам огромное количество информации о первой великой эпохе странствий ради удовольствия. И часто создается впечатле-

ние, будто он стал зависимым от путешествий и одним из его лучших художников, способным развлекать себя и окружающих ровно столько, сколько будет делить с ними путь.

В восемнадцатом веке в Европе было четыре способа путешествия по суше. Те, кто часто ездил, как Казанова, могли использовать собственные повозки и лошадей, но это было недешево и хлопотно.

Можно было, имея свою повозку, менять лошадей по дороге — именно по этой причине переезды делились на станции или этапы. Можно было нанять и экипаж, и лошадей на станциях либо же столкнуться с суровыми условиями общественных дилижансов.

Казанова получал, скорее, удовольствие от тесных контактов с попутчиками в дороге. Как считается, из 64 060 километров, что он преодолел за свою жизнь (ошеломительное расстояние по тем временам, когда, вообще говоря, то расстояние, которое сейчас преодолевается за час, требовало целого дня), почти половину итальянец проехал в нанятых или собственных экипажах. Покупка и продажа экипажей или карет в пункте назначения была удобным способом перевода активов за границу, и Казанова, который часто оставался в городе на неопределенные периоды времени, делал так, по крайней мере, четыре раза. Он упоминает о более чем двадцати различных типах транспортных средств — от колясок со складным верхом и открытых фазтонов до дьяблей, дилижансов, итальянских экипажей с откидным верхом *mantices* и быстрых почтовых повозок на одного — *solitaires*. Экипажи в Европе называли по-разному, но все они принадлежали (кроме ездивших в снегах России) к двум основным типам: двухколесные, или колесницы, и четырехколесные деревянные вагоны и кареты. Наиболее распространенной была французская карета *chaise de poste*, двухколесная или

же небольшая четырехколесная; множество ее экземпляров сохранилось до наших дней.

Эти четырехколесные транспортные средства, многие из которых находились в общественном пользовании, имели крытый жесткий верх, поддерживаемый стальным каркасом, фигурными скобками или стальными пружинами, а также нижнюю раму, к которой прикреплялись колеса. Формой они походили на купе в современных поездах, но их размеры были гораздо меньше, и Казанова не раз по несколько дней ехал в тесном физическом контакте со своими спутниками. «Обычная ширина внутри составляла три фута пять дюймов для двух человек и четыре фута два дюйма для трех человек на каждое сиденье [vis-a-vis]. Высота сиденья от пола была 14 дюймов, а от крыши — три фута шесть дюймов или три фута девять дюймов». Неудобно, особенно высокому человеку.

Французские кареты были немного просторнее. Эти дилижансы, иногда называемые «гондолами» за то, что сильно тряслись на своих креплениях, были пригодны только для езды по новым почтовым дорогам, построенным Людовиком XV. У них было по три маленьких окна с каждой стороны, и походили они на длинные фургоны с огромными высокими задними колесами и более низкими передними. В 1770 году Чарльз Берни, путешествуя в таком дилижансе, отметил, что, хотя мест там предусмотрено по четыре с каждой стороны, по выходным часто садились по пять человек. Кроме того, дилижанс имел уникальную овальную форму, что делало его удобным для общения, но крайне тесным для стукавшихся друг о дружку коленок всех пассажиров. Как говорят, самым быстрым в Европе был дилижанс Париж—Лион, он ездил с головокружительной по тем временам скоростью — пять с половиной миль в час. Казанове его первая

с такой скоростью поездка в Париж в 1750 году радости не принесла, его так тошнило, что попутчики сочли его за дурную компанию (редкое оскорбление для Казановы).

Пассажиры быстро знакомились в пути. Не было никакой возможности избежать непосредственного контакта с незнакомцами, чья надежность, трезвость, нравственные принципы или чистоплотность были неизвестны. В придворную эпоху, когда этикет требовал некоторой сегрегации между полами, путешествия сближали мужчин и женщин. Престарелые, немощные и дети, как правило, не ездили. По ряду причин, путешествия считались опасным и преимущественно мужским занятием, а на женскую репутацию они бросали тень.

Но хуже опасностей — в виде клопов, карманных краж или грабителей — была скука. Дорога от Рима до Неаполя обычно занимала пять или шесть дней, от Лондона до Дувра — два дня, и много недель требовалось для того, чтобы по суше или морем добраться до Санкт-Петербурга. Долгие дни и ночи в непосредственной близости с одними и теми же людьми, которые чувствовали себя неуютно, плохо спали, раздражались, потели и не сменяли пыльную одежду, — все это не добавляло романтичности дороге, на которой стремился сосредоточиться Казанова. Часто он начинал свое путешествие в середине ночи и «играл в карты, рассказывал истории т. д., как принято в [такой] ситуации и потому не стоит даже и упоминать». О благодарности, с которой, следовательно, могли его встречать новые спутники — кудесника, актера, мастера производить впечатление, рассказчика, привыкшего «веселить», — можно только догадываться. Он даже брал на себя организацию питания, исходя из того, что успел узнать о вкусах своих спутников.

В Европе Казановы, или в его сердце, сельская местность не имела романтического ореола. Он, как и большинство

путешественников того времени, с хваленой скоростью в пять миль в час проезжал по ней с неприкрытым желанием достичь города. Реки были препятствиями, горы считались ужасными еще до того, как погружаться в страх стало модным. Описания Казановы, относящиеся к проезду через Пиренеи в 1768 году и Пьемонт в 1769 году, также его замечание о том, что панорамы в той местности лучше, чем в Альпах, которые он пересекал несколько раз, являются редким исключением из путевых записок той эпохи. В сущности, он рассказывает нам о сельской местности больше, чем другие его современники, хотя и пишет, в основном, о постоянных дворах и их обитателях, об обустройстве деревни и о ее жителях, о деревенской кухне, а не о самих пейзажах.

Проезд через Альпы считался опасным, и это добавляло Италии экзотического очарования. Под конец маршрута путешественник был вынужден спешиться с мула или легкой горной повозки. Было трудно — и дорого — перевезти багаж, хотя кое-кто шел на дорогостоящий демонтаж экипажей для их переноса через перевал Мон-Сени. Поездка на мулах через Пиренеи запомнилась Казанове как отличное приключение, но Альпы были головокружительным вызовом. Чарльз Берни писал о склонах возниц и погонщиков, поскольку экипажи разбирались и грузились на мулов. Как и Казанова, он говорил, что при подъеме лучше не смотреть назад «подобно жене Лота или Орфею», а спуск считал еще более страшным для того, чтобы смотреть вниз. Многие предпочитали морской путь в Италию с южного побережья Франции и отправлялись в Геную из Антибы или Ниццы. Тут тоже таились свои опасности, небольшие фелюги заходили из порта в порт, опасаясь бурных вод и скал. Однажды Казанова почти потерпел кораблекрушение у Ментона, а младший брат Георга III умер в Монако, как утверждалось — от морской болезни.

Возможно, самой шадящей формой путешествия из тех, что тогда существовали, был долгий путь на восток к новой русской столице, в Санкт-Петербург. Поскольку большая часть русской торговли велась через балтийские и скандинавские порты, с Голландией и Великобританией, обычно туда добирались морем, и город был спланирован так, чтобы, прежде всего, производить на прибывающих впечатление панорамой, открывающейся с моря. Казанова, однако, прибыл в Россию по суше через Берлин. Он покинул Берлин зимой 1765 года и вернулся обратно дождливым сентябрем следующего года, в «спальном» фургоне, *schlafwagen*. В России фургоны ставили на сани или же на колеса, и путешественники могли ехать в крытых кабинах, с меховыми двухспальными кроватями. На обратном пути его попутчицей была французская актриса, с которой он познакомился в Санкт-Петербурге. Она заплатила ему за проезд собственной компанией и — как пишет о ней Казанова — венерической инфекцией.

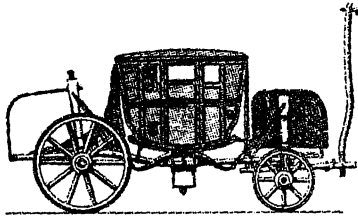
Как венецианцу, Казанове надлежало бы отдавать предпочтение путешествиям по морю — он вырос под шум мягких приливов лагуны на набережной Сан-Самуэле и научился грести прежде, чем ездить верхом. Но, пересекая Ла-Манш по пути в Англию и обратно, Джакомо очень мучился от морской болезни. Он больше привык к венецианским плоскодонным яликам. Буркьелло, в которых он плавал в Падую в 1734 году, были любимым видом транспорта в Венеции и Венето. В самой Венеции ежедневные перевозки грузов и людей, конечно же, осуществляли гондолы; как подсчитано, в 1750 году они перевезли более двадцати тысяч пассажиров. И хотя на картинах того периода гондолы очень похожи на современные, они существенно отличаются — современные гондолы имеют гораздо более высокие

борта и неглубокую осадку, чем оригинальные лодки восемнадцатого и девятнадцатого века; и уже не могут пройти под некоторыми небольшими мостами Венеции, и это лишь отчасти обусловлено повышением уровня воды и медленным оседанием построек, а прежде гондольеры помимо прочего гордились большой осадкой своих суденышек.

«История моей жизни» Казановы — один из самых всесторонних отчетов о том, каково было в восемнадцатом веке путешествовать чуть ли не во всех европейских странах. Его записки много шире, чем воспоминания совершающих «большое путешествие», как правило, ограниченное только Францией, Италией, частью Германии и Швейцарии. Рассказ Казановы в некоторой степени уравнивает изнеженное и англоцентричное восприятие, многое добавляя. Венецианец путешествовал на перекладных, был ограблен, имел в попутчиках знать и куртизанок, плывал вместе с рабами на галерах на Корфу и в Стамбул, был застигнут штормом на пути в Венецию. Кроме того, его воспоминания важны для истории путешествий, поскольку в них содержится множество сведений о маршрутах и поломках, о двадцати семи различных валютах и примерно 470 разных монетах, которыми он расплачивался, об опасностях и удовольствиях в дороге в эпоху, когда путешествовали столь немногие; и кроме прочего — эти странствия во многом объясняют его самого. Заядлый путешественник, бродяга, скиталец, который нигде не может обрести дома, связать себя узами отношений или обязательствами карьеры, может показаться архетипом современным, но восходит, по меньшей мере, к Казанове. К месту у него было такое же отношение, как и к человеку — главенствовала идея приобретения опыта или, по сути, завоевания, что говорит о его беспокойном духе. Но он жил в период относительного мира и стабильности, добро-

желательного отношения к иностранцам, в частности к венецианцам, и экономического подъема в новых городах ранней современной эпохи. Помимо всего прочего, он пишет свои мемуары в современном стиле, как описание путешествия. Согласно совету одного современника Казановы, «каждому путешественнику следует иметь в виду два объекта: один — свое собственное развлечение, и второй — сообщение своим друзьям той информации, что он приобрел».

AKT II

АКТ II, СЦЕНА I
ДОРОГА В РИМ И НЕАПОЛЬ
1743–1745

Человек, готовый попытать свое счастье в Риме, должен быть хамелеоном... Он должен быть вкрадчивым, невозмутимым, уметь держать себя, быть зачастую подлым, прикидываться искренним и постоянно делать вид, будто он знает меньше, чем на самом деле, в совершенстве контролировать выражение своего лица и быть холодным, как лед. Если он ненавидит притворство, ему следует покинуть Рим и попытать судьбу в Лондоне.

Джакомо Казанова

Город Орсара, на побережье Хорватии, был первой остановкой в одном из традиционных маршрутов на юг к Риму, зигзагообразно протянувшимся вдоль Адриатического моря. До наших дней городок остается крошечным портом, «едва ли стоящим упоминания», но Казанова подружился там с рыжим монахом-францисканцем, который, в свою очередь, познакомил его со своим другом-священником, пригласившим их отобедать и, в конечном итоге, в пресвитерий. Впервые в своих мемуарах Казанова упоминает о хорошей местной пище, поднявшей его настроение, — в тот раз это была рыба, обжаренная в оливковом масле и поданная с фриульским красным вином. Он также сошелся с экономкой свя-

щенника — и, опасаясь заразить ее, был смущен собственной несостоятельностью и тем, что он описывает как ее попытки совратить его. Однако его желания взяли верх над сомнениями, и, решив, что можно прибегнуть к «определенным мерам предосторожности», чтобы избежать упреков в «непростительном грехе» — заведомой передаче инфекции, — он должным образом «дал ей тот ответ, который она ожидала». Трактаты того периода утверждали, что инфекция не может передаваться от мужчины к женщине, если семяизвержения в нее не произойдет, — возможно, именно это Казанова имел в виду под «мерами предосторожности». По меркам эпохи, он был хорошо информирован — перед отъездом из Венеции он отдал свой тайник из «запрещенных книг» другу, — но, конечно, был не прав, полагая, что подобные меры могут защитить партнершу.

Затем Казанова отправился далее по хорватскому побережью в Пулу, к месту с потрясающими классическими руинами, в компании францисканца брата Стефано, который обещал показать ему по пути к Риму, как можно бродяжничать в духе святого Франциска. Вместе они поплыли в Анкону, на итальянское побережье, где, как знали, им предстоит остановиться на некоторое время и побыть в карантине — недавно случилась чума в Мессине, на Сицилии, которая торговала с Венецией.

Казанова написал от имени Стефано письма, прося денег у местных церквей и людей, чтобы странники смогли прокормить себя во время карантинного периода и по дороге в Рим. Это было традиционным способом путешествия для бедного духовенства и францисканцев, с их любовью скитаться среди дикой природы и обетом бедности. Стефано и его спутник вскоре были вознаграждены продовольствием и «достаточным количеством вина, которых хватило на все [двадцать восемь дней карантина]». Дальше дела пошли еще

лучше. К ним в карантине присоединился турецкий купец, в сопровождении греческой рабыни — рабство было характерной особенностью Османской империи. Томясь от безделья, Казанова в скором времени счел, что влюблен в девушку. Им удалось поговорить через «щели пяти или шести дюймов в поперечнике» между его балконом и ее прогулочным двориком и в течение нескольких дней придумать план совместного побега. Они приложили также активные усилия, направленные на «немедленное физическое единение», — попытки отодвинуть доски с балкона таким образом, чтобы она смогла протиснуться между ними. Казанова, очевидно, убедил ее и, вероятно, самого себя, что влюблен, потому что она предложила ему выкупить ее из рабства или убежать вместе с драгоценностями, которые она сможет украсть у своего хозяина. Но ее затея не сработала, он был разочарован физическими препятствиями связи между ними, и, хотя она, по-видимому, предложила ему оральные секс, время которого он был «обнажен как гладиатор», он отказался от идеи кражи и положил конец ее мечте о свободе. Несостоявшиеся любовники были обнаружены охранником, и их история Пирама и Фисбы окончилась достаточно благополучно для молодого аббата, если уж не для рабыни. Он был освобожден из карантина и, объявив свое сердце разбитым, сразу же отправился пешком в Рим.

Дорога из Анконы была хорошо известна и богатым, и бедным. «Местность тут так же прекрасна, как и всюду в Италии, — писал один из путешественников, — но дорога неопишимо плоха». Аббат Казанова и брат Стефано планировали идти дальше вместе, но между ними возникла напряженность. Они составляли комическую пару: долговязый, элегантный венецианец в новом голубом английском рединготе и летних бриджах и рыжий монах, описанный Казановой как неотесанный и крикливый «грязный урод», в тяже-

лом плаще францисканца с огромными карманами, наполненными украденной колбасой, хлебом и вином. Они постоянно спорили. Стефано имел пристрастие к «сортирным» и грязным шуткам и, по мнению Казановы, чувствовал себя неловко с женщинами. Но он уже путешествовал раньше и многому научил Казанову относительно реалий пешего странствия в качестве священнослужителя. Казанова считал, что сто пятьдесят шесть миль от Анконы до Рима здоровый человек может пройти за пять дней, однако Стефано заявил, что дорога займет несколько месяцев прогулок в созерцательном темпе со скоростью три мили в день. Казанова покинул его на первом этапе пути, пятнадцати милях до Лоретто, которые прошел за один день.

Там почти сразу он встретил огромную удачу, что будет отличительной чертой всей его жизни — или его воспоминаний, во всяком случае. Гостеприимная церковь дала ему кров и оказала помощь. Его сочли ученым и настоящим аббатом и предоставили уютный частный дом, ванну, кьянти и предложили услуги парикмахера — хотя стоит отметить, что, несмотря на сексуальную уверенность и обширный опыт в этой области, который мог быть предметом зависти многих молодых людей его возраста, Казанова в возрасте восемнадцати лет все еще не испытывал потребности бриться.

Два молодых священнослужителя встретились снова вблизи Мачераты, поспорили и подрались, так как Казанова обиделся на Стефано, который, не зная обряда, посмел провести мессу и принять исповедь у местной семьи. Они вновь расстались, когда до Рима оставалось менее трети пути. Позже Казанову ограбили на дороге, он забыл свой кошелек на столе постоялого двора и претерпел как традиционные для неопытного путешественника несчастья, так и характерные исключительно для него; так, попав на ночлег к одному из провинциальных приставов, он столкнулся с приставани-

ями хозяина, «голового и пьяного», когда «самый честный полицейский в Папском государстве», как Казанова вспоминает (видимо, не без иронии), попытался изнасиловать его. Время показало таким образом правоту Стефано, предпочитавшего не торопиться, он догнал Казанову и спас его от пристава, нашел его деньги, а затем они продолжили путь в Рим в черепашьем темпе.

Некоторые из домов, куда Стефано приводил Казанову именем святого Франциска, были гостеприимны, а иногда молодых мужчин подстерегали опасности. Однажды они нарвались на двух пьяных бездомных женщин, с которыми разделили придорожный сарай. Стефано отбивался с палкой в темноте, ранив собаку и старика. Казанова неохотно поддался, как он пишет, «уродливой женщине лет тридцати-сорока» и пришел к выводу, что «без любви это великое дело — гадостная вещь». Они проделали пешком путь от Фолиньо к Пизиньяни и в Сполето; и записи Казановы — один из немногих отчетов восемнадцатого века об итальянских дорогах, на которые не смотрели из окон кареты путешественники той эпохи. В конце концов, в Отриколи, Казанова убедил проезжавший экипаж за четыре папских паоло (венецянские деньги здесь не принимались) довезти его до Кастель Нуово, последние мили до Рима он прошел пешком. Он шел всю ночь, чтобы добраться туда. Возможно, он поступил так от отчаяния или чтобы избежать жары, но вероятнее, что он шел при лунном свете из-за настоящего волнения перед тем, что наконец реализует свою мечту о Риме и снова вступит на праведный путь превращения в епископа.

Когда он в конце концов прибыл в римский минимитский монастырь Святого Франциска из Паолы, то обнаружил, что упустил Бернарди, и потому вынужден был немедленно выехать на юг в Неаполь. Это было в ноябре 1743 года. В Неаполь, однако, он тоже опоздал. Бернарди уехал

раньше, торопясь приступить к своим обязанностям в Марторано, в двухстах римских милях еще далее на юг. Он оставил записку для Казановы, призывая венецианца как можно скорее догнать его.

Марторано и дворец нового епископа оказались для Казановы большим разочарованием. Место находилось в запустении, дворец представлял собой средневековые развалины. Мебели в нем почти не было, практически все старые книги были проданы или утеряны, а заказанные для новой библиотеки пока еще не прибыли из Неаполя. Питание было скверным, не с кем было и поговорить. Казанова поинтересовался, существует ли здесь литературное общество или вообще какая-либо интеллектуальная жизнь в городе, и епископ — которого Казанова описывает как ласкового и сердечного — пришел «в смущение», осознав «какой плохой подарок он мне сделал». Находясь в потрясении от отсталости Калабрии и перспективы работать там, Казанова даже предложил епископу вместе сбежать и попытать удачи в другом месте. Бернарди рассмеялся и освободил его от обязательств. Он дал Джакомо рекомендательные письма к влиятельным церковным деятелям в Неаполе, свое благословение и выразил сожаление, что Марторано никогда не станет подходящим местом для амбициозного молодого человека вроде Казановы, и с тем отослал его в путь.

Должность, за которую епископ так воевал в Варшаве, оказалась для него губительной. Жизнь в Калабрии была настолько суровой, как и предвидел Казанова, что через два года Бернарди скончался.

Казанова же снова отправился в Неаполь. Он не знал, чего ждать от будущего, был несколько растерян и осторожничал, помня неприятности недавнего странствия. В дороге, вспоминает Казанова, он «всегда спал, надев штаны... из предосторожности, которую полагал необходимой в стране, где

распространены неестественные желания», но как только он достиг Неаполитанского залива, то почувствовал себя в безопасности, ощутив уверенность на пути к Риму и исполнению своего предназначения — занятию высших должностей в Церкви.

Но так получилось, что епископ Бернарди рекомендовал Казанову человеку в Неаполе, который искал учителя поэзии для своего четырнадцатилетнего сына, и на эту позицию аббат Казанова чрезвычайно подходил. Через несколько дней после приезда он и его новый ученик, Паоло Дженнаро Палло, опубликовали несколько од, написанных по случаю прибытия в монастырь юной послушницы. Стихи аббата Казановы и его имя были замечены его дальним родственником, доном Антонио Казановой, вращавшимся в литературных кругах Неаполя. В результате Казанова вскоре был принят в неаполитанское общество.

Он был очарован Неаполем, но в свой первый визит туда чувствовал себя недостаточно уверенно, чтобы противостоять тем, кто считал его невесть откуда взявшимся выскочкой. И когда оказалось, что его могут представить королеве Марии Амалии, Казанова решил уехать. У него могли быть прекрасные знакомства благодаря Церкви и дружескому расположению влиятельного родственника, но его репутацию портила история, в результате которой он получил рекомендательное письмо Бернарди, и происхождение матери, гастролировавшей где-то далеко комедийной актрисой, которую королева знала как Дзанетту, добившуюся назначения сына через епископа. Таково было для Казановы возвращение к реальности. Его мать могла обладать влиянием, но оно было приобретено за счет чести ее семьи. Джакомо решил отправиться в Рим, неотчетливо представляя, что его там ожидает, но, опять же, с хорошими рекомендательными письмами.

Путешествия Казановы нередко приводили его то на реальное, то на метафорическое распутье. Если бы его дорога в Рим, в Вечный город, или даже к церковной карьере оказалась простой, его жизнь была бы намного беднее, хотя, возможно, благочестивее. И мы несомненно не получили бы столь красноречивый документ эпохи как «История моей жизни». Судьба Казановы была полна неожиданных поворотов, а также частых дорожных происшествий, что превращает путешествие, опять же, в убедительную метафору для повествования о себе.

Когда колеса кареты веттурино покатались вдоль неаполитанской strada di Toledo, ведущей на север, Казанова обнаружил, что его колени прижаты к коленям привлекательной молодой римлянки, возвращавшейся в родной город вместе с мужем и сестрой. Позднее Казанова дал ей имя донна Лукреция Каstellи. Ее сестра собиралась выйти замуж в Риме, а ее муж, приветливый пожилой неаполитанский адвокат, имел там бизнес.

Поскольку донна Лукреция сыграет важную роль в жизни Казановы, и не только как мать одного из его внебрачных детей, но из-за своей яркой сексуальной эмансипации (со слов Казановы), она является объектом особого любопытства для нескольких поколений ученых, изучающих восемнадцатое столетие. Как часто случалось с женщинами, с которыми он имел интимную близость, Казанова предпринял ряд мер, чтобы скрыть ее идентичность. Как он пишет в 1791 году: «Что представляет дополнительную сложность для меня, так это обязанность скрывать имена, так как я не имею права публиковать сведения о жизни других лиц». Но пока писал, он изменял свое мнение о том, какие именно личности ему следует замаскировать и как это сделать. Частые косвенные доказательства или указания, которые он оставил в других местах своих мемуаров, довольно быстро

позволили сделать предположения о том, кем была Лукреция, и совсем недавно они подтвердились данными других архивов. В случае донны Лукреции с достаточной определенностью удалось установить, что под ее именем описана Анна Мария Д'Антони Валлати и ее сестра Лукреция Монти. Казанова позже записывает их как дочерей Сесилии Монти, из Рима, чье первое имя подлинное. Анна Мария родила от Казановы девочку, крещенную под именем Сесилия Джакома, поэтому у него было больше причин, чем обычно, называть девочку «Леонильдой».

Казанова изобретал псевдонимы, используя несколько схем. Иногда он менял местами имена сестер и матерей, иногда писал только инициалы, возможно даже ложные, — «г-жа Y» или «леди X». Почти всегда, из галантности, по доброте душевной или в первую очередь из соображений необходимости скрыть истину, он лжет о возрасте своих любовниц. Анна Мария, например, была почти десятью годами старше, чем Казанова, когда во время поездки в Рим познакомилась с девятнадцатилетним аббатом. Она была замужем уже примерно лет десять и детей не имела. Все это представляет в несколько ином свете то, что рассказывает Казанова в мемуарах. Но мало оснований, однако, сомневаться в его утверждении, что она была одной из самых главных и, возможно, первой большой любовью его жизни.

Карета веттурино была стандартным средством передвижения для сравнительно зажиточных людей, соответственно, донна Лукреция, она же Анна Мария Валлати, с семьей относились к среднему классу римлян. Казанова описывает флирт между немного скучавшей женой адвоката и молодым священнослужителем, вынужденными находиться вместе в течение нескольких дней в стесненных обстоятельствах. Карета не так уж располагала к вольностям, но возница заранее заказал места для ночлега, и практически незнако-

мые люди оказались в одной спальне. На первой остановке в трактире, в Капуа, аббату Казанове и адвокату досталась одна кровать, а сестры спали в другой двухспальной. Позднее, в Марино, когда адвокат вышел из общей комнаты узнать, чем вызван шум снаружи, Казанова попытался залезть на кровать-раскладушку к женщинам — будто бы «по ошибке» — но только сломал ее. Это положило начало отношений до крайности запутанных и закончившихся только тогда, когда Анна Мария забеременела и вернулась с мужем в Неаполь.

Как уверяет Казанова, их связь процветала прямо под носом у простодушного мужа, а позднее — и матери Анны Марии. Дорога между Римом и Неаполем, отмечает другой автор, часто оказывается прикрытием для романтического флирта, поскольку «значительная ее часть пролегает через нездоровые Помптинские болота» и окна экипажей «наглухо завешивают, боясь малярии». Анна Мария с воодушевлением откликалась на дорожный флирт за опущенными занавесками и в спальнях придорожных гостиниц, и Казанова, усвоив этот опыт, благополучно использовал его, уже будучи заядлым путешественником. Но, опять же, он считал себя влюбленным, даже если Анна Мария, которая была на целых десять лет старше и состояла в бесплодном браке, возможно, могла руководствоваться более сложными мотивами.

Требовалось шесть дней и пять ночевков, чтобы добраться до Рима через Капуа, Террачино, Сермонетту и Веллетри. На каждой остановке более заботились о лошадях, нежели о размещении пассажиров, и предлагаемые гостиницы отличались ужасными условиями. В Италии, пейзажи, классические руины и даже кухня которой часто были предметом восхищения, в особенности среди британцев, готовность даже респектабельных итальянцев во время поездок «делить кров со свиньями» в жутких гостиницах была поистине при-

мечательной, причем даже не из-за соображений интимности, но из-за отсутствия на постоянных дворах элементарных удобств. Если дороги были загружены — как, по словам одного путешественника, случалось в конце недели, — в гостиницах могло не хватить места, и тогда гости располагались в пустых стойлах для лошадей и скота.

Дорога из Неаполя в Рим не ремонтировалась со времен Горация, проехавшего по ней на пути в Брундизий. Ехать приходилось утомительно долго, терпя неудобства, но дискомфорт семьи Валлати скрашивало присутствие приветливого, обаятельного и молодого спутника. Хотя на протяжении большей части первого дня он молчал, но на вторые сутки затеял флирт с Анной Марией. Ее пожилому мужу, пожалуй, польстил интерес молодого человека к красавице жене, что подтолкнуло его к дружбе с Казановой. Плохой ужин в Гарильяно во второй вечер был скомпенсирован «остроумной беседой» со спутниками, и к третьей ночи, в деревне на холме около Террачино, Казанова был уверен, что у Анны Марии на уме не только разговоры.

В Сермонетте она взяла инициативу в свои руки. В сумерках прогуливаясь с ним вблизи постоянного двора, она спросила, не расстроила ли его, и они в первый раз поцеловались. На следующий день они «говорили друг с другом с помощью коленей больше, чем глазами», но вот они достигли Рима, а их флирт так и не увенчался кульминацией.

Казанова и семья Валлати вместе позавтракали, отметив свое прибытие в Рим, и Джакомо пообещал как можно скорее посетить их снова и покинул Анну Марию, не сомневаясь, что, хотя он и священнослужитель, ему не стоит оставлять затею любовной связи, против которой она, казалось, не возражала.

Он расположился в гостинице неподалеку, у подножия Испанской лестницы — с той поры этот район практически

не изменился. Уже тогда там было немало уютных мест, где, как в амфитеатре, можно было присесть и наблюдать римскую жизнь, как представление на арене. Много позднее там точно так же будет сидеть поэт Китс, остановившийся в том же доме, что и некогда Казанова, рядом с кафе, начинающимися сразу вдоль виа Кондотти (тогда страда Кондотто), и Испанской лестницей, куда, как и задумывалось, стекает поток паломников, торговцев и туристов со всего света.

Главной надеждой Казановы было рекомендательное письмо к кардиналу Аквавиве, «единственному человеку в Риме, у которого власти больше, чем у римского папы», де-факто — главе испанской Церкви во всех ее доминионах. Казанова сразу же отправился к нему. Аквавива счел, что молодому человеку не хватает лишь умения владеть языком — Казанова по-прежнему не знал французского, языка международной дипломатии в Ватикане и высших кругах Рима, что явилось главным препятствием. Джакомо дал повторное обещание выучить французский, нанял для этого учителя, который жил неподалеку, на площади Испании (Пьяцца ди Спанья), и попытался ассимилироваться в римскую жизнь.

Как он заметил, первостепенное значение имела мода. Религия была просто занятием, делом, вроде «как у работников табачной монополии». Он оставил рясу и решил одеться «по римской моде», с которой познакомился у своего кузена в Неаполе. Одевшись таким образом, он явился на первую аудиенцию к кардиналу, который разглядывал Казанову в течение двух полных минут, а затем тут же предложил ему место своего секретаря и заплатил вперед за три месяца работы. Кардинал приказал мажордому показать Казанове комнаты на четвертом этаже своей резиденции, палаццо ди Спанья (тогда и сейчас — суверенной территории Испании), и Джакомо быстро переехал со своими скудными пожитка-

ми из гостиницы у нижней части Испанской лестницы в свой новый дом на Пьяцца ди Спанья под благосклонное око матери-Церкви. После чего он пошел прямо к Анне Марии отпраздновать это событие.

Сначала главной целью Казановы было снискать расположение матери Анны Марии, с которой та жила. В доме вдовы Сесилии, в районе Минерва около Пантеона, он встретил младшую сестру Анны Марии, одиннадцати лет, и ее пятнадцатилетнего брата, который тоже был аббатом. «В Риме, — как пишет Казанова, — каждый является или же хочет быть аббатом».

Мать Анны Марии приветствовала его появление в семье и пригласила его на выходные поехать за город. Именно во время этой поездки в Фраскати они наконец вступили в любовную связь, при самых драматических и романтических обстоятельствах, какие только можно вообразить.

Вилла Альдобрандини возвышается на холме города Фраскати, расположенного неподалеку от Рима, в нескольких часах приятной езды в карете через виноградники вдоль трассы акведука. Племянник папы Климента VIII построил его, сказав, что нет никакого смысла ждать восшествия на небеса, если есть ресурсы для создания рая на земле. Дворцовые сады, расположенные по всему склону, были открыты для доступа хорошо одетым римлянам и изобиловали аллеями для прогулок, фонтанами и гротами с видами на величественную перспективу Рима. Обнаженные боги и чудовища боролись с горными ручьями и друг с другом, а в скалах струились каскады, среди которых были встроены римские театральные маски (некоторые имели размеры, достаточно большие, чтобы там можно было ходить внутри). Сады эти расположены на крутом склоне и густо засажены, и в них можно быть полностью скрыться от посторонних глаз и наслаждаться панорамными видами. Они остаются и до

наших дней таким же романтичным местом, каким их считала Анна Мария.

Стоя лицом к лицу, чрезвычайно серьезные, глядя в глаза друг другу, мы разделись, наши сердца колотились, руки торопились успокоить свое нетерпение. Ни один из нас не спешил перед другим, наши руки открылись для того, чтобы обнять объект, которым они должны были вступить во владение... На исходе второго часа, очарованные и не в силах отвести глаз друг от друга, мы заговорили в унисон, повторяя: «Любовь, я благодарю тебя».

И снова Казанова настаивает, что это была настоящая любовь, а не просто похоть: «Жаль тех, кто думает иначе, но удовольствие Венеры чего-нибудь да стоит лишь тогда, когда исходит от двух сердец, которые любят друг друга и находятся в полном согласии». Опять же, он живописует себя не развратником, а лишь поддавшимся совратившей его женщине. Он, как кажется, был удивлен тем, что она смеется над ним: «Горе вам, что я ваша первая любовь, вы никогда не преодолеете ее!»

Между тем французский язык Казановы быстро прогрессировал. Он был талантливым лингвистом, даже по меркам тех времен, когда образованные люди в самых крупных городах нередко говорили на нескольких современных и одном-двух древних языках. Он делал пометки о переписке с кардиналом Аквавивой, мог даже общаться с представительницей высшего света Рима, маркизой Екатериной Габриели, и сочинять оды на недавно освоенном им языке. И через некоторое время зимой 1743—1744 года (по словам Казановы) он был представлен папе римскому.

Бенедикта XIV, вероятно, легко представить себе на престоле Святого Петра и в современную эпоху, он был привет-

ливым, красивым и общительным. Джакомо писал, что папе «нравится юмор», он был общителен и словоохотлив, оставаясь по существу довольно реакционным римским первосвященником. На протяжении всей жизни успех Казановы в высшем обществе, а также у интеллектуальной и художественной элиты многих городов, где он жил, несомненно, был связан с его обаянием, включавшим помимо прочего умение вести себя уверенно и непринужденно и проявлять находчивость в присутствии великих и не всегда хороших людей. В эпоху подхалимства и подобострастия, его манера держаться скорее всего выглядела необычно и свежо. Бенедикт XIV заявил, что слышал о венецианце, посмеялся над его рассказами о сельской глуши Марторано и новом тамошнем епископе и похвалил Казанову за то, что тот пошел на службу к Аквавиве. Встреча с папой произошла в Монте-Кавалло, основной летней папской резиденции в восемнадцатом веке и в настоящее время — резиденции президента Италии.

Первым, кто предупредил Казанову, что его отношения с женой адвоката, Анной Марией, не остались незамеченными, была маркиза Габриелли. Она даже намекнула на сплетни, будто бы любовников видели в садах Фраскати и что Анна Мария беременна. «Рим — город маленький, — предупреждал его приятель-священнослужитель в палаццо ди Спанья, — и чем дольше вы остаетесь в Риме, тем теснее он становится».

Скандала с молодым секретарем кардинала Аквавивы удалось избежать благодаря тому, что муж Анны Марии с супругой по долгу службы вынужден был вернуться в Неаполь, чтобы продолжить работу над законом. Анна-Мария родила первого ребенка Казановы. Ее сестра Лукреция собиралась замуж, и ее свадьба — один из четких маркеров среди всех спорных дат в этот период жизни Казановы. Лукреция

Д'Антони («Анджелика») сочеталась браком 17 января 1745 года.

Но причину грозы, из-за которой Казанове было рекомендовано покинуть Рим зимой 1744–1745 года, сам герой приписывает другому скандалу, лишь косвенно касавшемуся самого Джакомо, кардинала Аквавивы и девушки, связанной с семьей преподавателя, учившего Казанову французскому. Тем не менее, похоже, история с Валлати показала Аквавиве, что поведение его нового секретаря вряд ли будет соответствовать сохранению благочестивого спокойствия в палаццо ди Спанья, и потому он предложил Казанове на время уехать из Рима. «Я предоставлю вам повод, который позволит сохранить вашу честь, — заявил он Казанове. — Я даю вам разрешение говорить всем, будто вы уезжаете по поручению, которое я возложил на вас... Подумайте, в какую страну вы хотите ехать. У меня есть друзья повсюду, и я дам вам такие рекомендации, какие, уверен, обеспечат вам занятие».

К огромному удивлению Аквавивы, Казанова попросил послать его ни в Венецию, ни в какой-нибудь другой из великих итальянских городов-государств, где у кардинала были контакты. Вместо этого Джакомо захотел заручиться рекомендательными письмами и отправиться в Константинополь.

АКТ II, СЦЕНА II
ЛЮБОВЬ И ТРАВЕСТИ
1745

Наше слово «персона» происходит от латинского «маска» или «личина»... Поэтому «персона» — это то же самое, что «актер».

Томас Гоббс

Казанова должен был отплыть в Константинополь из Венеции, имея письма-рекомендации к графу Клоду Александру Бонневалю. Однако сперва он должен был разобраться с делами в Риме и вообще в Италии. Как обычно, его подстерегла новая любовная напасть, и достаточно неожиданная — он был уверен, что влюбился в мужчину-кастрата.

В своих воспоминаниях Казанова подробно и точно расписывает финансовые и дипломатические договоренности, достигнутые перед его отъездом из Рима в 1745 году. Папа символически даровал ему рубиновые четки, стоившие максимум двенадцать цехинов, но кардинал снабдил его семьюстами цехинами в испанских золотых дублонах, которые были в то время международной валютой, а сам Джакомо смог скопить еще триста цехинов. Он купил себе векселя — так тогда обычно возили деньги через границу, — чтобы затем обналичить их в Анконе, и направился на север. Он испросил возможности ехать через Венецию, явно стремясь показать своей семье и друзьям, как быстро продвигается его

церковная карьера. То, что он писал об этом периоде, стремясь упорядочить свои расходы, похоже на своего рода финансовый отчет. Помимо того, что он явно умел обращаться с числами и неизменно ощущал и облегчение, когда имеющиеся суммы позволяли ему платить, и негодование то того, что приходилось это делать, мы можем также найти в его заметках массу интересных второстепенных меркантильных деталей. Все это занимает больше места, чем его повседневные высказывания о долгожданной беременности Анны Марии, которая, как ему наверняка было известно, вскоре, скорее всего, даст жизнь его первому ребенку. Его всецело занимает мир собственных счетов, и подсчет прибылей и убытков становится предметом безжалостного самостоятельного аудита автора.

В Анконе Джакомо случайно познакомился с семьей странствующих актеров, среди которых сразу же почувствовал себя как дома. Среди них он ощутил ту же знакомую с детства родную атмосферу — «всю энергию театра; довольно игривую», так могло бы быть, если бы его матушка решила взять детей с собой на гастроли. Казанова описывает возглавлявшую это семейство мать, двух ее молодых дочерей и двух сыновей, один из которых произвел на него ошеломляющее впечатление. «Беллино», лет шестнадцати, был «восхитительно красив» и имел успех как певец-кастрат.

Папское государство, куда входила Анкона на протяжении большей части восемнадцатого и в начале девятнадцатого века, запрещало женщинам выход на сцену, также они были устранены и из церковных хоров в Риме. В частности именно поэтому венецианские актрисы, как и мать Казановы, вынуждены были делать карьеру вне итальянского полуострова. Папский запрет распространялся и на оперу, в которой мужчины не могли петь партии сопрано и контральто по природным причинам. В некоторых случаях, как в шекс-

пировской традиции, женские партии пели мальчишки, однако сила и особая красота не сломанного, но взрослого мужского голоса кастратов стала экзотической особенностью итальянской музыкальной сцены, которая столь высоко ценилась и оплачивалась.

Певцы-кастраты, подвергшиеся хирургической операции по удалению семенных желез до наступления подросткового возраста, имели долгую и музыкально прославленную традицию в папской и литургической музыке. Они пели в базилике Святой Софии в Византии и в Ватикане с конца шестого века. Ангелоподобные голоса — столь же высокие, как у мальчика-певчего, но с силой и глубиной взрослого мужчины — приносили кастратам славу и положение при папском дворе. Развитие оперы и больших оперных театров, многочисленными постановками на античные темы по либретто Метастазियो, ставившими основной задачей демонстрацию вокального мастерства, способствовали карьере кастратов. Очарование необычного звучания отмечал даже такой флегматичный меломан, как Чарльз Берни: «Это был совершеннейший восторг! Колдовство!» Кастраты стали суперзвездами. Ценой их пожизненных страданий было заплачено за голоса, сочетавшие в себе блеск, прозрачность и силу с техникой и художественной выразительностью зрелого артиста и взрослого художника. И потому эти пережившие трагедию дивы зарабатывали гораздо больше, чем их обычные коллеги-мужчины, а композиторы Гендель, Гайдн, Глюк, Люлли, Монтеверди и Моцарт писали для кастратов специальные партии диапазоном в три октавы. Их карьера часто длилась несколько десятков лет, и выступления шли по всей Европе.

«История» Казановы посвящена описанию столь необычных и чисто итальянских путешествий, подернутых флером эротической интриги и куртуазных побед в салонах и при

дворах всей Европы, и потому кажется естественным, что пути Джакомо и пути успеха современных ему знаменитых певцов-кастратов — а некоторые из них, как и он, были родом из Венеции, — неизбежно должны были пересечься. Встреча с прославленным Фаринелли представляется просто неизбежной. Однако удивительно то, что он влюбился в первого известного castrato, которого встретил.

На самом деле Беллино представлял(-а) собой следующую ступень развития этой вариации вокального искусства, которая особенно возмущала благопристойность итальянского театра и хоров, — ряженую под кастрата женщину, вынужденную притворяться ради своей музыкальной карьеры. Действительно, широко были распространены слухи, что некоторые из кастратов — женщины, и потому многие из них регулярно подвергались унижительной процедуре осмотра покалеченных гениталий с целью удовлетворить интерес критиков, блюстителей морали или просто похотливых экспертов. Это был рискованный бизнес, по сути — маскарад против Церкви и закона, но кастраты в любом случае играли в опасную двойную игру. Часто, хотя и не всегда, они исполняли женские партии в *opera seria* — партии богинь и королев, должным образом одетых. Нередко кастраты демонстрировали женский бьюст, используя возможности театральной и корсетной моды того времени. Многие имели гетеросексуальные и гомосексуальные — или даже транссексуальные и трансгрессивные — связи. Некоторые из них, как говорят, могли, несмотря на операцию, выполнять половую функцию мужчины, что придавало им совершенно особую привлекательность для женщин, склонных к опасным сексуальным приключениям или просто опасавшихся беременности. Иногда кастраты позволяли распространять слухи, будто они являются женщинами, гермафродитами или неким неприкасаемым третьим полом, которым, в определенном смысле, они и были. В искусстве

и в жизни кастраты воспринимались на грани сексуального и художественного эксперимента, были предметом страсти, презрения, жалости и зависти; воплощая триединство божественного, непорочного и человеческого начала.

Казанова решил, что Беллино — замаскированная женщина-сопрано. Он оказался прав, хотя поначалу обеспокоился тем, что вождедел и был влюблен в другого мужчину. Он пишет, что «не сопротивлялся желаниям, которые [Беллино] вызывал во мне», его собственная склонность и повышенный интерес к трансвестизму подтверждается случаем с венецианской куртизанкой Джульеттой Преати, спровоцировавшей Казанову примерять ее платье. Казанова с рождения любил маскарад. Он немало внимания в своих записках уделил тому, чтобы раскритиковать достижения брата Беллино, Петронио, который, видимо несколько уравновешивая ситуацию, имел театральное амплуа «*premiere actrice*», исполняя женские партии балетных прим. Так или иначе, Джакомо радостно принял решение поехать вместе с театральной семьей Беллино до Римини, где у Беллино был ангажемент, по дороге в Венецию.

Существует ряд доказательств, что он, возможно, описал как одну различные поездки и опыт 1744–1745 годов, либо запутавшись, либо осознанно исходя из необходимости придать логичность своему плутовскому повествованию. Но там, где он не точен с датами, он конкретен с вопросами секса, его все сильнее тревожила собственная одержимость прекрасным «мужчиной». Сесилия — младшая сестра Беллино — не была адекватной заменой. Не стала ею и греческая рабыня, которую он снова случайно повстречал на борту стоявшего на якоре судна, когда прибыл в Венецию. Казанова и рабыня дали выход своей похоти, полностью одетые и в присутствии Беллино, шокированного по понятным причинам подобным поведением аббата Казановы.

Вторая сестра Беллино, Марина, тоже обратила внимание на Казанову, но, в основном, похотливое — она принимала оплату за свои услуги и передавала деньги матери, которая (как было обычно в театре) совмещала материнскую роль с сутенерской деятельностью.

В Венеции Казанова прилагал усилия, чтобы произвести впечатление на свою новую сценическую семью, показывая им все в городе, покупая дорогие устрицы и устраивая им обеды с «белыми трюфелями, моллюсками, шампанским, перальтой и хересом», то есть с модными тогда испанскими винами. Страсть к кулинарным изыскам впоследствии станет для него характерным средством обольщения, а в повествовании описание гастрономических радостей часто будет служить обрамлением для рассказа об эротическом удовольствии в качестве весомой составляющей чувственного путешествия автора. Довольно скоро отношения между Казановой и Беллино вышли из-под контроля. Беллино не позволил Джакомо осмотреть свое тело, объяснив груди, которые первыми привлекли взгляд Казановы, тем, что «все мы, кастраты, имеем одинаковое уродство», и лишь изумленно подняв брови на заверения Джакомо, будто тот не может поверить в свою влюбленность в мужчину. Они согласились с тем, что никогда не дадут «согласие на гнусности гомосексуальных порывов», но Беллино по-прежнему отказывал Казанове в удовлетворении его любопытства. В конце концов Казанова жестоко применил силу, чтобы узнать, что же в действительности находится между ног Беллино — и «в ту же минуту обнаружил, что [Беллино] был мужчиной».

Казанова был глубоко потрясен и на короткое время лишился дара речи. Вскоре, однако, он заявил, что увиденное им в панталонах человека, которого считал женщиной, прикидывающейся кастратом, — «чудовищный клитор». В итоге все же Беллино, видя страсть Казановы, признался в том, что

является на самом деле, как на то и надеялся Джакомо, женщиной. Ее пенис был фальшивым, и она надевала его, боясь разоблачения со стороны оперных блюстителей морали и Церкви. Пенис представлял собой приспособление, которое Беллино, фигурируя отныне в мемуарах как певица Тереза Ланти, носила в течение нескольких лет, чтобы никто не узнал, что она женщина. Он имел вид «длинной, мягкой кишки, в палец толщиной, белой и с очень гладкой поверхностью... и прикреплялся к центру овальным кусочком очень тонкой полупрозрачной ткани, размером пять или шесть дюймов в длину и два дюйма в ширину, который фиксировался трагакантом (резинкой) к тому месту, где можно определить пол». Нося его, «Беллино», как казалось, обретал пенис, хотя и без мошонки, в точности имитируя кастрата.

Когда Тереза доверилась ему, Казанова посчитал забавным посмотреть, как она использует свой «аппарат»: «С этим необыкновенным приспособлением, она показалась мне еще более интересной... Я сказал ей, что она поступала разумно, не позволяя мне коснуться его, потому что тогда... она заставила бы меня стать тем, кем я не являюсь». В их первую ночь, после того как утомленная девушка заснула, он лежал и смотрел на нее, и тут в голову ему пришла мысль разделить с ней свою судьбу, так как он понял, что они с ней «были практически в одинаковой ситуации».

Кто же была эта женщина, маскировавшаяся под Беллино? Казанова редко заботился укрывать под псевдонимами любовниц-актрис, их репутация и так была уже совершенно испорчена, и появление их имен на страницах мемуаров распутника не могло объясняться авторской непредусмотрительностью. Тем кастратом, которого он выводит как Терезу Ланти, могла быть Тереза Ланди, родившаяся в Болонье в 1731 году, как говорит Казанова, и чей портрет и по сей день висит в театре Ла Скала в Милане. Могла быть этим челове-

ком и Артемезия Ланти, и Анджиола Калори, которая позже, в 1750—1760-е годы, прославилась и сделала состояние в Лондоне.

Рассказ Казановы о Терезе достаточно яркий, как и подобает истории о женщине, вынужденной одеваться мужчиной, чтобы играть на сцене женщин, но в нем более поучительны откровения автора о собственном влечении к этому любовнику-транссексуалу. Эта глава его жизни сообщает о чем-то большем, чем просто о театральном характере мира Казановы. Неоднократные упоминания об отказе от гомосексуальной связи с Беллино, как и с ее братом Петронио, указывают на внутренние противоречия, выходящие за рамки исследовательского любопытства Джакомо, — его привлекает, а также отталкивает очевидная сексуальная инаковость.

Казанова находил столь неотразимым в Терезе, по-видимому, элемент актерской игры в их отношениях и, в частности, в занятиях с ней сексом, он пишет о важности для него исполнить *роль* любовника («удовольствие, которое я дарил, составляло четыре пятых от моего собственного»), а также о потребности находить способы выражения страсти, «разыгрывая» любовь к Терезе для «освежения уверенности... в нашем счастье». Несомненно, у них было много общего в плане окружения, семьи, амбиций и опасных перспектив. Но если Тереза Ланти действительно была «почти такой же», как Джакомо Казанова, и при этом одной из немногих женщин, заставивших его всерьез задуматься о браке, то в их влечении друг к другу вряд ли можно игнорировать то, что на современном языке определяется как трансвеститская или транссексуальная составляющая.

Их первый секс и ее драматичное обнажение своей души и поддельного пениса — безусловно, уникальные в истории романтической литературы — произвели сильное впечатление на Казанову. Он не только хотел отказаться ради Терезы

от карьеры в церкви, но и честно рассказал о своем положении, перспективах, финансовых делах и характере. Единственной и самой большой его заслугой, в почти двадцать лет, было то, что он «сам себе хозяин, ни от кого не зависит, и не боится своих неудач». «В моей природе склонность к экстравагантности. Такой уж я человек». Это было небезосновательное заключение, и Терезу покорила его правдивость не меньше, чем настойчивость и страсть. В одной из неопубликованных им рукописей, найденных после смерти Казановы, он так писал о Терезе и о феномене *castrati*: «Ни мужчины, ни женщины не могли избежать любви [к Терезе] и не было ничего более естественного, чем это, ибо среди женщин он казался самым красивым мужчиной, а среди мужчин — самой прекрасной женщиной, даже в мужской одежде».

Они решили бежать в Римини, за пределы папской юрисдикции, — где Беллино могла бы петь и заявить в оперном мире о своей женской сущности. Они намеревались пожениться, свернув в Болонью. Их плохо продуманный план провалился в Пезаро, где военные проверяли паспорта. Казанова потерял свой паспорт. Он утверждал, что пытался использовать письмо, которое вез с собой от кардинала Аквививы, в качестве доказательства собственной личности, но ему приказали дожидаться в Пезаро, пока привезут новый паспорт с подтверждением от церковных властей.

В этой истории Казановы есть ряд пробелов, он умалчивает, почему отклонился от пути в Венецию, после которой намеревался отправиться в Константинополь, хотя мы можем предположить, что он был движим любовью. Неясно, почему он и Беллино поехали через всю страну искать место в театре тогда, когда известно, что это было время «мертвого сезона» в опере Римини (с февраля 1744 года и до осени 1745 года). И временная задержка из-за потери паспорта кажется недостаточным препятствием, чтобы убедить человека вро-

де Казановы отказаться от назначения, к которому он прежде так стремился. Тереза продолжила путь в Римини или туда, где она могла петь, а позднее перебралась в Неаполь. Она и Казанова, конечно же, так никогда и не вступили в брак.

«Моя история, — признается здесь Казанова, — не вполне правдоподобна», но подоплеку его поведения можно понять из имеющихся фактов. Истинные причины, как это бывает часто с Казановой, скрываются скорее в области эмоциональной, нежели географической. В каком бы итальянском театре впоследствии ни выступала Беллино, конкурентов у нее было немного, бесспорно и то, что Тереза оказалась первой женщиной, с которой Казанова мог завести семью, и первой — как он сознается, — от которой он отказался, предпочтя свободу дальнейших приключений и путешествий.

В Пезаро ему от Терезы пришло письмо, она нашла покровителя в лице в пятидесятипятилетнего герцога Кастропиньяно. Их пути с Казановой уже разошлись. Возможно, она знала, что он не захочет повторять в их отношениях роль своего отца, оставленного матерью. В ряде писем они пришли к согласию положить конец их связи, не сказав об этом напрямую. «Разделив с ней ее долю, мужем или любовником, я бы неизбежно деградировал, попал бы в состояние униженное и потерял бы положение и профессию. Размышления о том, что в прекраснейшее время моей молодости мне придется отказаться от всякой надежды на благосостояние, для которого, как мне казалось, я был рожден, настолько меня отрезвили, что голос моего разума заглушил зов сердца». Ему было девятнадцать лет, Казанова горел амбициями, и, самое главное, его преследовала картина брака родителей — с вульгарным шиком и постоянной угрозой унижения. Роман принудил и его, и Терезу быстрее и по-разному повзреть. Казанова принял наконец, что не сможет продолжать свою ка-

рьеру в Церкви и не готов к вступлению в брак, тогда как Тереза обнаружила, что ждет ребенка. Их сын, родившийся в том же году в Неаполе, был крещен как Чезаре Филиппи Ланти и рос, считая, что оперная звезда Тереза Ланти придется ему сестрой.

Пример Терезы, носившей маску, вдохновил Казанову на новый образ. Не дождавшись нового паспорта, он улизнул из Пезаро в Болонью, где примерил на себя другой «костюм». «Понимая, что теперь вероятность добиться благополучия посредством церковной карьеры мала, я решил одеться как солдат — в мундир, который придумал сам». Жизнь, для Казановы, была действительно сменой ролей. Опять же, практика того времени легко объясняет его перевоплощение в профессионального солдата — тогда армейские мундиры были на удивление разнообразными, и об униформе никак нельзя было сказать, что она унифицирует внешний вид военных. Армия на Апеннинском полуострове состояла из принудительно сгоняемых туда ополченцев и платных наемников со всей Европы, привносивших в армейскую форму национальный колорит и традиции своих стран. Солдаты сами покупали, а зачастую и шили себе форму, как и Казанова, молодые военные, по-видимому, хотели, чтобы их воспринимали всерьез как наемников и хорошо платили, и потому, естественно, пытались внешне походить на офицеров. Казанова сам сделал себе щеголеватый костюм в бело-синих тонах, с золотыми аксельбантами и серебряной перевязью для шпаги. Он считал свой дебют в качестве солдата в Болонье новым этапом своей жизни. Записанный им разговор касательно вопросов по поводу его мундира показывает его совершенно невозмутимым, только правильный костюм давал право молодому человеку уверенно чувствовать себя на мировой арене. В гостинице, где он поселился в Болонье, потребовали, чтобы он назвал свое имя:

- Казанова.
- Ваша профессия?
- Офицер.
- На какой службе?
- Ни на какой.
- Откуда родом?
- Из Венеции.
- Откуда вы приехали?
- Не ваше дело.

Тереза Ланти уже не занимала его ум, поскольку он строил планы своего триумфального возвращения в Венецию в качестве офицера, следующего в Константинополь. Этот способ тихого разрыва отношений Казанова будет использовать и в дальнейшем. Тереза любила его по-прежнему, как и он ее, но страсть ослабела, он отправился в путь и, по большому счету, был прощен, хоть и не позабыт. Конечно, у Терезы было больше причин, чем у большинства женщин, считать свой роман с Казановой особенным. Он вынудил ее к саморазоблачению, объявить себя женщиной — после чего она сделала великолепную карьеру как сопрано, — и он был ее первой большой любовью. Кроме того, Джакомо также был отцом ее первого ребенка. Но, в конце концов, когда они впервые встретились, они сами еще были почти детьми. Казанова прибыл в Венецию, чтобы затем ехать в Константинополь, если верить его хронологии, 2 апреля 1744 года — в его девятнадцатый день рождения.

АКТ II, СЦЕНА III

ИСТОРИИ ИЗ ГАРЕМА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

174

Во всю свою жизнь не случилось мне впасть в подобное безрассудство и так терять голову... Воспротивившись, я поступил бы несправедливо и к тому же отплатил бы ему неблагодарностью, а к этому я не способен от природы.

Джакомо Казанова, в турецком гареме

Военная форма оказалась хорошим выбором для молодого Казановы. Она позволила ему избежать введенного тогда в Венеции карантина, и он встретил теплый прием у Гримани, у своих «маленьких жен» — Марты и Нанетты — и в небольшой гостинице рядом с Риальто, где поселился за неимением более в городе своего жилья. Он жил там как настоящий прожигатель жизни — недолго, весело и безнаказанно.

В Константинополь никто в скором времени плыть не намеревался, и потому он решил отправиться через Корфу. Гримани представили своего отныне ставшего младшим офицером воспитанника знатным венецианцам, которые отправлялись на Корфу одним с ним судном: сенатору Пьетро Вендрами, кавалеру Венье и Антонио Дольфину, недавно назначенному послом в Константинополь.

Все трое были очень влиятельными, а Дольфин, кроме того, был еще и богат. Казанова отплыл на борту двадцатичетырехпушечного корабля с «гарнизонам из двухсот сла-

вян» 4 мая 1744 года, проведя последнюю ночь вместе с Мартой и Нанеттой.

Корабль зашел в Орсару, где Казанова бывал и прежде, как нищий аббат. Он полагал, что его не узнают, раз он одет в роскошную форму венецианского офицера, но местный парикмахер и лекарь запомнил его неожиданно хорошо и по необычной причине: «Вы передали определенный знак любви [гонорею] экономке дона Джераламо, которая подарила ее своему другу, поделившемуся им со своей женой. Она передала его распутнику, который распространял “подарок” столь эффективно, что менее чем через месяц я получил пятьдесят пациентов, которых я вылечил за надлежащую плату. Могу ли я надеяться, — продолжил лекарь, — что вы останетесь здесь на несколько дней, чтобы болезнь возобновилась?»

Общение на борту корабля было тесным, Казанова отменно столовался вместе с обширной свитой Антонио Дольфина, а дворяне скоро заделались азартными игроками, и в результате Казанова заболел новой пагубной страстью, последствия которой уже были вне компетенции парикмахеров-лекарей. Он проиграл драгоценности, которые купил или получил от Гримани в качестве страховки в путешествии, а также большую часть своих денег, в фару и бассет. «Единственное, что я получал, — писал он, — так это глупое удовлетворение, слыша, как меня называют “прекрасным игроком” каждый раз, когда я терял самую важную карту».

Примерно в середине мая 1745 года, в соответствии с хронологией Казановы, они прибыли на Корфу, где он пересел на «Европу» — один из крупнейших военных кораблей Венеции и лучший вид транспорта для переправы в Константинополь через Босфор.

«Вид города с расстояния в лье чудесный, — пишет Казанова. — Нигде в мире нет такого красивого зрелища». Стояла середина июля, было душно, и Казанова со свитой по-

сла Дольфина остановился в венецианском посольстве в Пере, прежде чем переехать в летнюю резиденцию неподалеку от деревушки Буюкдере, в районе Стамбула.

Точная хронология этого периода вызывает вопросы, но есть основания полагать, что он датируется 1745 годом. Так или иначе, рекомендательное письмо от кардинала Аквививы было переслано бывшему графу Бонневалою, обратившемуся в то время в ислам и принявшему имя Ахмед-паша Караманский, и Казанова — всего лишь два дня спустя после своего прибытия в Константинополь — получил от графа приглашение на аудиенцию.

Константинополь тогда был «бесспорно крупнейшим городом Европы», как писал французский дипломат в 1718 году. Хотя численность его жителей была меньше, чем жителей Парижа и, вскоре, Лондона, но он простирался в нескольких направлениях на тридцать пять миль и поэтому обычно считался самой густонаселенной метрополией в мире. Он оглушал впервые прибывающих туда людей, «его условия [были] самым приятными и удобными во Вселенной»; город был усеян мечетями и минаретами и имел множество садов, расположенных вдоль кромки воды. «Треугольник» старой части города упирался одним концом в Дворец Топкапы, который европейцы с благоговением и удивлением называли «сераль» — золоченая крыша здания будто огнем горела над текущими мимо нее водами. Для венецианца, каким был Казанова, Константинополь, однако, выглядел в некотором отношении знакомым, павшей имперской столицей, построенной на воде, владычицей морей, с выросшим в глубокой изоляции жестко сегрегированным обществом, но только в отличие от Венеции эта столица была в одеждах Востока и казалась особенно яркой молодому еще человеку, совершающему свое первое большое путешествие за рубеж. Кроме того, в Константинополе путешественники рассказывали

множество фантастических историй, да и Казанова писал собственные восточные сказки, во многом подражая стилю позднее прочитанных им книг — «Персидским письмам» Монтескье, «Нескромным сокровищам» Дидро и популярному переводу Галланда «Тысячи и одной ночи», получившему особенно широкое распространение во Франции.

Сначала в Константинополе Казанова получил доступ к исключительно мужскому политическому обществу. Женщин, как часто отмечали путешественники, на улицах можно было увидеть редко, а если они и выходили, то, укрытые с головой темным покрывалом, выглядели «как призраки». Первым Казанову с городом познакомил граф Бонневаль. Графу было пятьдесят пять лет, и с 1730 года он был известен как Ахмед-паша. Беспечное отношение бывшего графа к религии, по-видимому, явилось одной из причин, по которой Казанова вдохновился на отстаивание собственной веры при встрече с мусульманством. Бонневаль признавался, что не знает толком ни Корана, ни Евангелия, и был таким же мусульманином, как и христианином. Другими словами, он просто приспособился и ни во что особенно не верил, как принял к сведению Казанова.

Бонневаль чувствовал, что в практическом отношении ему от Казановы будет мало проку, но так как в рекомендациях Аквавива написал, что венецианец разбирается в литературе, то граф-паша пригласил его на своего рода литературный вечер, где говорили только по-итальянски. Здесь Казанова встретил двух турок, которые оставили заметный след в приобретенном в Константинополе жизненном опыте Джакомо. Одним из них был достаточно пожилой Юсуф Али, второго Казанова называет просто «Исмаил».

На новых знакомых Казановы из летней резиденции венецианского посольства, где он жил в июле—августе, произвело большое впечатление, как быстро он сошелся со знат-

ными турками, которые пригласили Казанову в свои дома после итальянского вечера у Бонневалья. Бонневаль предложил Казанове своего янычара, чтобы тот помог ему найти дорогу в гости к туркам, и считал, что Казанова действительно оказался в счастливом положении, не имея «ни забот, ни планов или постоянного места жительства, [отдал] себя судьбе, ничего не опасаясь и ничего не ожидая». Более взрослым мужчинам юный Джакомо, возможно, напоминал о безвозвратно миновавших годах молодости, и оба турка осыпали его знаками внимания.

Юсуф Али был философом и, помимо этого, очень богатым человеком. Он пригласил Казанову отобедать (Казанова описывает поданные яства старого Стамбула — медовые напитки и тушеное мясо) и затем последовал ряд богословских дискуссий. Подобного рода дружеские беседы Казанове нравились, и он даже признался мусульманину, что сам-то он может оставаться волокитой и хорошим католиком благодаря частым исповедям и отпущению грехов: «Я настоящий мужчина, и я христианин. Я люблю женщин и надеюсь насладиться плодами многих завоеваний... ибо, когда мы признаем свои проступки, наши священники обязаны отпускать наши грехи».

Юсуф в удивлении поднял бровь. Он решил прощупать интерес Казановы к исламу, к возможному обращению в него — может быть, из-за того, что изначально познакомился с Джакомо в доме знаменитого вероотступника графа Бонневалья, а может быть, симпатия Юсуфа к интеллектуально всеядному молодому человеку была связана с тем, что он решил оценить юношу как возможного зятя. Зельми, дочь и сокровище души Юсуфа, была единственным его ребенком, будущее которого оставалось неясным. Его сыновья разбогатели и уже не зависели от него, а вот дочь, воспитанную в европейских интеллектуальных традициях, Юсуф

не хотел выставлять на брачный рынок Константинополя и, возможно, именно поэтому решил устроить ее брак с венецианцем, имевшим хорошие связи и питавшим склонность к философствованию. Казанова оказался перед сильнейшим искушением — обещанием богатства и красивой пятнадцатилетней девственницы, но колебался из-за двух беспокоивших его причин: во-первых, ему не позволено было заранее познакомиться с Зельми; во-вторых, необходимо было принять мусульманство.

В то же время, уже благодаря Исмаилу, ему открылась иная сторона обыденной жизни Османской империи, позднее часто комментировавшаяся путешественниками восемнадцатого века. Исмаил также присутствовал на собрании литературного общества Константинополя. У него имелось достаточное количество связей с властями материковой Италии (ранее он был министром иностранных дел при султанах), и потому он значился в списке турецкой знати, который Аквавива вручил Казанове. Исмаил тоже пригласил молодого человека на обед. Дом Исмаила был полон «азиатской роскоши», но разговаривали там исключительно на турецком языке, и поэтому турок предложил Казанове прийти потом на отдельный завтрак в беседку в саду, где они смогли бы побеседовать наедине по-итальянски. В беседке Исмаил недвусмысленно дал понять Казанове, что тот привлекает его физически, как сексуальный партнер, и Казанова смущенно вскочил и ушел, заявив, «что не любитель подобных развлечений», но затем, испугавшись обидеть Исмаила и переговорив с Бонневалем, успокоился. Как сообщил ему бывший граф, Исмаил согласно турецким обычаям хотел явить Казанове знак величайшего своего расположения, но венецианец может не сомневаться — впредь, если он будет у Исмаила, тот более не предложит ничего подобного.

Параллельно развивая отношения с Юсуфом Али и Исмаилом, Казанова легко переходил от бесед с одним из ту-рок об абстрактной безгрешности, которую подвергал опасности в общении со вторым. Оба мужчины были заинтересованы в нем интеллектуально и в определенном смысле — сексуально, хотя и в совершенно различном отношении. Время, проведенное в Турции, заставило Джакомо подвергнуть сомнению непреложность установок своей родной культуры, традиций и нравственности. Кроме того, его параллельное описание двух сторон турецкой жизни представляет собой ценность для современных исследователей сексуальной жизни Османской империи.

Как-то раз Исмаил позвал Казанова на вечер и попросил, чтобы тот продемонстрировал фурлану — зажигательный венецианский карнавальный танец. Несколько похожий на вальс, танец соединял пару в весьма тесном контакте и подразумевал, что партнерша будет виться-кружиться вокруг мужчины. Для танца Исмаил вызвал из своего гарема танцовщицу, которая, как решил Казанова, была венецианкой, хотя в Константинополе наемные танцоры, как утверждает леди Мэри Уортли Монтегю, чаще всего были цыганами. Девушка скрывалась под маской, и Казанова начал с ней танец, не видя ее лица. Он так и не узнал, кем была его энергичная партнерша, заставившая его запыхаться, Джакомо покинул вечер в смятении и раздосадованный тем, что не смог этого установить. Бонневаль посоветовал ему не лезть в гарем вельможи Османской империи. Константинополь, как в 1717 году заметила леди Мэри, пребывал в состоянии сексуального греха, полуприкрытого «вечным маскарадом» паранджи, поскольку женщины даже из лучших гаремов могли иметь «полную свободу в следовании своим склонностям без опасности быть разоблаченными».

Эта черта жизни Константинополя была знакома Казанове по Венеции, с той лишь разницей, что женщины из османского общества зачастую оставались скрытыми чадрой и в постели. «Вы можете себе представить количество верных жен в стране, где им нечего опасаться болтливости своих любовников», не без зависти пишет леди Мэри. Об описаниях сексуальной жизни турок у Казановы и у леди Мэри ведется горячий спор. Наиболее вероятным представляется, что иностранцы и венецианцы с хорошими связями, вроде Казановы, сталкивались с наиболее открытой для них частью османского общества, в то время как общепринятая строгая мораль, описываемая другими авторами, просто существовала параллельно. Казанова не одинок в своих описаниях сексуальных пристрастий османского полусвета.

Однажды Исмаил пригласил его на ночную рыбалку, в полнолуние, на Босфоре. Джакомо согласился, хотя пишет: «Его желание быть со мной наедине выглядело подозрительным». Дело приняло неожиданный оборот. Они расположились на берегу у летнего дома Исмаила и жарили на решетке рыбу, которую наловили. Потом Исмаил шепнул ему, что некоторые женщины из его дома, по всей видимости, будут купаться в бассейне и за этим можно понаблюдать из соседнего садового домика, от которого у турка был ключ. Казанова преисполнился энтузиазмом. «Ведя меня за руку, он открыл дверь, и мы оказались в темноте. Мы видели весь освещенный луной бассейн. Совсем рядом перед нашим взором предстали совершенно голые девушки, плавающие, выходящие из воды и поднимающиеся по мраморным ступеням, где они принимали самые неизъяснимые позы». Это была сцена из арабских сказок, три женщины из гарема, обнаженные при свете луны. Рассказы путешественников того периода полны удивления «омовением магометан» и в этом смысле Казанова следует литературным традициям. Жите-

ли Османской империи купались прилюдно и часто. Один французский писатель того времени извел десять страниц на описание этих ритуалов, на радость своему повелителю-королю включив туда неожиданные подробности, которые в Версале посчитались шокирующими: и мужчины, и женщины практиковали полную эпиляцию всего тела.

Вряд ли можно предположить, что Исмаил не планировал подглядывать за ритуалом купания женщин своего дома. Вполне возможно, как счел Казанова, что он получал удовольствие от подглядывания, особенно в компании другого зрителя. Казанова был убежден, что женщины знали о наблюдении за ними и нарочно вели себя соблазнительно. Несомненно, Исмаил понадеялся, что подсматривание сблизит его с венецианцем. Казанова пишет, что он «предпочитает верить», будто Исмаил не планировал дальнейшего. Он увидел, как Исмаил мастурбирует в темноте, глядя на девушек, а затем позволил турку дотронуться до себя. Его проза, возможно, умышленно становится здесь неясной — эмоции и импульсы смешиваются, как и его отношение к своим читателям, с их предрассудками и ожиданиями, адресованными знаменитому гетеросексуальному распутнику. «Во всю свою жизнь не случилось мне впадать в подобное безрассудство и так терять голову», — напишет Казанова, возможно смягчая редкое признание в повторном половом контакте с другим мужчиной, который мог подразумевать, а мог и не подразумевать полноценный секс с проникновением.

Я, как и он, принужден был довольствоваться находящимся подле предметом, дабы погасить пламень, разжигаемый тремя сиренами... Исмаил же, принужденный, находясь рядом, заменить собою дальний предмет, до которого не мог я достигнуть, торжествовал победу. В свой черед и он воздал мне по заслугам, и я стерпел. Воспро-

тивившись, я поступил бы несправедливо и к тому же оплатил бы ему неблагодарностью, а к этому я не способен от природы.

То, что произошло у Казановы с Исмаилом, когда они вместе подглядывали за купальщицами, представляется неизбежным. Возможно, таким образом Джакомо исследовал неизвестные ему грани сексуальности, искренне допуская любое разнообразие в этой сфере. Выражаясь литературно, Константинополь был подходящим местом для подобных изысканий. «Блистательная Порта» — султанская Турция — часто описывалась в литературе того времени как наиболее вероятное место, где молодые люди могут познакомиться с сексуальной культурой, совершенно чуждой общепринятым европейским нормам. Порой сознательно, чтобы бросить тень на ислам, с подачи писателей от леди Мэри Уортли Монтегю и Адольфа Слейда до барона де Тотта повторялись сюжеты вроде описанного Казановой, Константинополь пользовался дурной славой — как и период карнавала в Венеции, — что только увеличивало вероятность гомосексуальных контактов.

Благодаря Константинополю, Казанова многое узнал о себе. Он обнаружил, что его амбиции не берут верх над привязанностями к вере и культуре Европы; увидел, что может и за границей, не изменяя себе, вызывать расположение зрелых мужчин и философов, как делал это в Италии. Он понял, что его сексуальный аппетит, будучи на своем пике, не ведает границ ни места, ни совести, ни, по-видимому, пола. Если, как иногда предполагают, он выдумал константинопольский эпизод, по-прежнему очевидно, что перед Джакомо стоял вопрос об определении отношения к Церкви, пределов своей жадности (он отрекся от брака по расчету) и к своему первому, по всей видимости, опыту пассивного и активного

анального секса, которому у себя в мемуарах он отвел не больше места, чем жасминному кальяну с филигранью из Константинополя. Что же касается двуличия Исмаила-соблазнителя, Казанова просто заключает: «Мы не знали, что сказать друг другу, поэтому просто посмеялись». И это очень в духе Джакомо, который опять остался верен себе.

Он покидал Константинополь, обогатив свой жизненный опыт и увозя немалый багаж. Хотя Джакомо и отклонил заманчивые предложения Юсуфа Али «высокой должности в Османской империи» и руки его дочери Зельми, турок сказал, что впечатлен познаниями и аргументацией Казановы и был бы рад иметь его зятем, а затем отдал Джакомо ряд товаров для продажи на Корфу или в Венеции. Случай с Исмаилом был лишь одним из нескольких приключений в Константинополе, о которых Джакомо не рассказывал Бонневалю или Венье, по возвращении в венецианское посольство. Письмо, которое Исмаил передал ему для кардинала Аквавивы, Казанова вскоре потерял, а подаренный обожателем бочонок турецкого меда — продал.

Описание краткого пребывания на Корфу по дороге в Турцию и обратно часто теперь упоминают как свидетельство чрезвычайной правдивости всего, что он написал в Константинополе. Джакомо прибыл на Корфу с сундуком товаров от Юсуфа Али и Исмаила, явившимся, по словам Казановы, всего лишь умеренной платой за удовольствие разделить с ним компанию, хотя современные циники могут увидеть здесь плату за сексуальные услуги. В числе подарков были вино, табак, жасминовый кальян и кофе мокко, стоившие на Корфу сотни цехинов и доставшиеся военным морякам острова и их избалованным куртизанкам. К тому же на Корфу Казанова прибыл в младшем военном звании венецианской армии, которое купил в Венеции. С учетом его

впечатляющей эрудиции и рекомендации от Дольфина, ему предложили службу в качестве адъютанта у Джакомо да Ривы, командующего базировавшихся на Корфу галеасов (галер). А это, в свою очередь, привело его в постель синьоры Фоскарини, любовницы да Ривы.

Связь с Фоскарини была неудачной, разочаровывающей и унижительной, ранним для него уроком роли чичисбея — любовника, которого знатная замужняя женщина заводила с разрешения мужа, своего рода проявления венецианской галантности, чреватой крушением романтизма. В любом случае, для Казановы это стало очередным испытанием, а разочарование от связи с содержанкой вышестоящего офицера в итоге закончилось тем, что Джакомо заплатил за любовь одной из портовых шлюх и снова подцепил гонорею.

Таким был человек, который принял решение вернуться в Венецию. Его корабль бросил якорь вблизи Арсенала 14 октября, и, после прохождения бортового карантина, он ступил на землю родного города 25 ноября 1745 года. Он был сломлен, исхудал и полон сомнений. Однако, во многих отношениях, он начал взрослеть.

АКТ II, СЦЕНА IV
ПАЛАЦЦО БРАГАДИНА
И ВХОЖДЕНИЕ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА
В ОБЩЕСТВО
1745–1748

Я чувствовал стыд, унижение, зарабатывая каждый день гроши под звуки флейты из оркестра театра «Сан-Самуэле»... Я позволил моим амбициям уснуть.

Джакомо Казанова (1745)

Как только Казанова сошел на берег, он отправился к сеньоре Орио — узнать новости о друзьях и повидаться со своими «маленькими женами». Он многое пропустил, пока был в отлучке. Вдова Орио повторно вышла замуж, Нанетта тоже вступила в брак и стала графиней, а ее сестра, Марта, к этому времени ушла в монастырь на Мурано. Казанова больше никогда уже не увидел Марту. Франческо, его брату, теперь было восемнадцать лет, он учился рисовать батальные сцены в крепости Сант-Андреа, где когда-то держали в заточении Джакомо. Молодые мужчины в первый раз практически подружились — Казанова потрудился посетить форт и попросил Франческо вернуться в Венецию.

Но появление Казановы в городе не было ни счастливым, ни комфортным. Он осознает, что, в свои двадцать лет, считается дилетантом и не подающим особых надежд человеком. Задуманные им схемы красивой карьеры в церкви

или в армии разбились о скалы чрезмерного тщеславия и мелких скандалов, и знакомые и бывшие приятели в окрестностях «Сан-Самуэле» в открытую смеялись над ним. Он снял вместе со своим братом дешевую комнатку в другом тихом театральном районе, на Калле-дел-Карбон и оказался далеко от центра Венеции, да еще и без гроша. Это могло быть симптомом самоуничижительной, отчасти юношеской депрессии или же проявлением еще одной особенности Джакомо — пав низко, он стремился сам еще более ухудшить плохую ситуацию.

Он попросился в театр к Гримани скрипачом. В оркестре было вакантное место, а Казанова умел играть на скрипке с тех пор, как научился этому в Падуе у доктора Гоцци. Работа эта почтения ни у кого не вызывала и к тому же была довольно публичной, но Джакомо сам ее выбрал и из-за нее же пребывал в страданиях. Он играл в маленьком оркестре, в его тесной яме, в двух музыкальных комедиях из всего репертуара; как недавно установлено, это были постановки «Олимпиады» на музыку Фиорелли и «Orazio Curiazio» на музыку Бертони. Он избегал бывших друзей и прятался, насколько мог, избегая «светского общества», много пил и проводил время в плохой компании. Одно из самых ранних упоминаний о Казанове в архивах венецианской инквизиции фиксирует его позор: «После низложения из сана священника, Казанова играл на скрипке в театре “Сан-Самуэле” у Гримани. Этот Казанова, по мнению многих людей, с которыми он сталкивался во время своих путешествий, не имеет уважения к религии».

В профессиональном театре есть свое братство, свои правила и плохие привычки. Оркестровая яма любого театра традиционно отдыхает в кабаке, и Казанова присоединился к коллегам. Молодые музыканты напивались в круглосуточ-

ных заведений *magazzini* вблизи театра на площадях Сан-Стефано и Сант Анджело и, вдохновленные мальвазией, дружелюбные и никому ненужные, болтались пьяными вокруг Пьяццы Сан-Марко. Они отвязывали стоявшие на приколе гондолы, будили священников и просили их о последнем причастии для здоровых людей, посылали повивальных бабок к старым девам и девственницам. Они отрезали у колоколов шнуры, звонили в пожарные колокола и даже осквернили военный мемориал посередине кампо Сант-Анджело. Казанова записывает все проделки, не извиняясь и не оправдываясь. Он был потерянным молодым человеком.

Тем не менее один инцидент с оркестром, имевший место во время карнавала 1746 года, поставил Казанову в венецианском обществе и в жизни на совершенно другие позиции. К счастью для него, в одну из ночей им разрешили играть на другом берегу Большого канала и на короткое время освободили от обязанностей в театре «Сан-Самуэле». Музыканты вошли в «один из нескольких оркестров для балов... дававшихся в течение трех дней в палаццо Соранцо в Сан-Поло» по случаю свадьбы синьора. Если Казанова не оказался бы там, то никогда бы не встретился с Брагадином.

Сенатор Маттео Джованни Брагадин был братом прокуратора Венеции и жил в палаццо ди Санта Марина около Ривальто. Он прибыл в палаццо Соранцо тем мартовским вечером 1746 года вместе со сливками венецианского общества на свадебное торжество. За час до рассвета с оркестром рассчитались, и Казанова уже собирался отправиться домой, когда перед ним, стоящим в очереди на гондолы, из красных одежд сенатора на землю выпала записка. Казанова вернул ее пожилому мужчине, который представился как сенатор Брагадин, и тот, поблагодарив юношу, предложил подвезти его до дома.

В гондоле с сенатором случилось что-то вроде инсульта. Сначала у него начали неметь руки, потом ноги, а когда Казанова поднес к нему лампу, то увидел, что половина лица сенатора искривлена параличом. Джакомо действовал быстро. Он приказал гондольерам остановиться у Калле Бернардо, разбудил и привел в гондолу хирурга, который немедленно пустил сенатору кровь, после чего гондола понеслась в направлении палаццо самого Брагадина. Казанова остался без рубашки — он пожертвовал ее, чтобы было чем остановить начавшееся после кровопускания кровотечение. Слуга побежал за двумя близкими друзьями сенатора, Марко Дандоло и Марко Барбаро, которые прибыли в течение часа. Доктор проводил манипуляции, и Казанове сказали, что он может идти домой. Однако Джакомо ответил, что он во избежание несчастья предпочитает остаться.

Врач пытался вылечить то, что, по-видимому, неверно диагностировал как сердечный приступ, положив ртутный компресс на грудь сенатора. Состояние Брагадина резко ухудшилось, и Казанова сделал тот внезапный шаг, которые часто потом будут характеризовать его карьеру. Он стал оспаривать диагноз и снял компресс. Это был потрясающе смелый в рамках венецианской классовой структуры и доверия к медицинским заключениям поступок, однако сенатор выздоровел, приветствовал Казанову как гения и целителя и попросил его переехать в свой дворец.

Как посчитал Казанова, причиной расположения к нему Брагадина, Дандоло и Барбаро стало то, что они сочли юношу целителем. Кроме того, они разделяли интерес Джакомо к эзотерическому учению, известному как каббала, что в тот период не было редкостью в Венеции и еще будет обсуждаться в этой книге далее. Сенатор считал, что Казанова наделен сверхъестественными способностями. Когда Джакомо спро-

сили, откуда его познания по медицине, он наудачу принялся рассуждать и вспомнил что-то из коллекции недозволенных книг доктора Гоцци. Его медицинский гений был замешан на самообладании и способности здраво рассуждать. — сильных сторонах его натуры уже в то время — и умении рисковать перед лицом смерти. Если бы Брагадин умер, Джакомо пришлось бы за это ответить, но, сталкиваясь с опасностью, Казанова, как правило, играл как актер комедии дель арте и импровизировал в самом немислимом направлении. Так Джакомо Казанова вновь оказался на той стезе, о которой мечтал. Он переехал в палаццо Брагадина, вновь оказавшись в том мире, который, как он всегда чувствовал, должен был принадлежать ему.

Существует, однако, еще одно возможное объяснение внезапного взлета Казановы в обществе и его быстрого сближения с пятидесятилетним сенатором и его друзьями.

Казанова был хорошо осведомлен о тех слухах, что вскоре поползли по Венеции:

Близость моя с этими тремя уважаемыми людьми была причиной удивления тех, кто наблюдал ее. Шептались, что за ней якобы кроются какие-то странные явления, зловещие секреты, изобретаемые злыми языками с целью ославить. Говорили, что все это неспроста. Сплетни мешались с клеветой. Ведь должна же была быть за всем этим какая-то тайна, которую надлежит разоблачить.

Один из знакомых Казановы недвусмысленно заявил, что Брагадин сознательно «подцепил» смазливового мальчика из оркестра.

Но эта версия маловероятна, к протезе Брагадина серьезно отнеслись и другие люди, причем они явно не притво-

рялись. Тем не менее, возможно, их дружба началась при условиях, отличных от описываемых Казановой. От палаццо Соранцо невозможно пройти по суше к каналу Рио-де-ла-Мадонетта. Здание имеет ворота на воде и собственный водный выход в канал. Гондолы же ожидали у пересечения двух каналов Рио-де-ла-Мадонетта и Рио-делле-Беккарие, и от палаццо нужно было пробираться по суше извилистыми закоулками, чтобы выйти на набережную Фондамента-дель-Банко-Сальвати, где околачивались гондольеры. Не там ли, в темном Калле Кавалли, сенатор случайно оперся на плечо Казановы, который предусмотрительно выбрал именно этот путь. Могло ли быть так, что сенатор нарочно уронил записку, тем самым дав окончательный сигнал к флирту, начавшемуся еще ранее? Если Казанова был тогда бисексуалом, то такое вполне могло иметь место: «Связь с Брагадином началась хотя бы как простая продажа его [Казановы] тела, точно таким образом, как вся его семья и остальные люди в театре, обоих полов, продавали свои тела». Это, безусловно, помогает объяснить крепость уз, которые с того дня связали Казанову с Брагадином. Казанова открыто говорил, что любой молодой человек будет глупцом, если не пытается снискать «расположение влиятельных людей... лаской и, [отбросив] предубеждения». Более того, он осознавал, что инквизиция следит за его контактами с Брагадином, считая их подозрительными: «Двадцать лет спустя я узнал, что они следили за нами и лучшие шпионы трибунала государственных инквизиторов пытались обнаружить тайные причины столь невероятного и ужасного союза».

Документы венецианской инквизиции и в самом деле подтверждают основания для паранойяльных утверждений Казановы о пристальном внимании к нему лучших шпионов инквизиторов, а также мнение, что Казанова продавал свое

тело и целительские умения, основанные на владении каббалой. Из бумаг инквизиции того периода видно, что Джакомо считался кем-то средним между вольнонаемным слугой, выскочкой из низшего сословия и продажным юнцом:

‘Среди тех, с кем он знается, Брагадин, Барбаро и разные вельможи, которые любят его и с несколькими из которых он состоит в интимной связи... Также отмечается, что он имеет многочисленных знакомых из иностранцев и молодых поклонников — как мужчин, так и женщин, — с кем развлекается в их домах, а также замужних женщин и пожилых мужчин и женщин, с которыми он также увеселяется во всех смыслах.

Заключение инквизиции гласило: «[Казанова] пытается возвыситься в обществе и сделать себе состояние, одновременно удовлетворяя свои прихоти». Наконец, последнее странное обстоятельство: если Казанова действительно планировал в ту ночь ехать домой, то почему отправился с сенатором, чья гондола уплывала в противоположном направлении на север, до того, как с ним случился «сердечный приступ»?

Судите сами, насколько достоверно звучат объяснения Казановы того, почему трое вельмож столь быстро прониклись к нему расположением. Брагадин, Дандоло и Барбаро практиковали модную и запрещенную тогда каббалу, пытаясь подчинить фортуна и постигая для этого науку вычисления волшебных формул на основе древнего иудейского мистицизма. Казанова, возможно, и знал о каббале примерно столько же, сколько и о медицине, но он успел сказать правильные слова в подходящий момент, убедив этих людей в своем могуществе, чем в первую очередь, а вовсе не пороком

и завоевал сердца «стариков» (на самом деле они были средних лет).

Спустя несколько недель Брагадин попросил Казанову не просто переехать в палаццо, но и стать персональным каббалистом, целителем и оккультистом для него и его друзей, а также стать его приемным сыном.

«Я выбрал самый похвальный, благороднейший и исключительно естественный путь, — пишет Казанова не без намек на иронию. — Я решил поставить себя в положение, когда мне не нужно будет более тревожиться о самом необходимом для жизни, а что именно мне необходимо — никто не может судить лучше меня... Такова история моей метаморфозы и счастливого времени, когда я возвысился из роли скрипача до дворянина». Он перепрыгнул через рампу сразу в центр сцены, получив главную — *jeune premier* — роль, которой жаждал. За одну ночь Казанова стал молодым венецианским патрицием, со всеми привилегиями богатства и без всяких обязанностей, которые, возможно, ему пришлось бы нести, будь он настоящим, а не приемным сыном.

Это было достигнуто не без помощи театральных богов, Казанова использовал случай и внушил веру в «свое неодолимое могущество», блефуя и используя для импровизации обрывочные познания в каббале. Он действительно «волею небес» произвел неизгладимое впечатление на троих мужчин старше него, и они призвали его, и если они осыпали его материальными «земными» благами, то он принимал их покровительство со всем пылом юношеской признательности. Он будет им на радость тем молодым человеком, которым некогда был каждый из них. Почему нет? Его объяснение привязанности к нему Брагадина — помимо их общего интереса к каббале — было простым:

Великодушный Брагадин присматривал за мной... Он любил мое сердце и мой разум. В молодости он тоже был большим повесой, рабом каждой страсти... Он полагал, что видит во мне себя, и жалел меня. Он говорил, что если я и дальше буду так жадно жить, то скоро сгорю, но, несмотря на предупреждения, никогда не терял веру в меня. Он всегда считал, что дикость моя пойдет на убыль, но не дожил до того времени, когда смог бы увидеть это.

Казанова присоединился к тем людям высшего венецианского общества, о которых позже Стендаль скажет, что они жили лучше, изысканнее и более счастливо, чем, возможно, какой-либо другой в истории человечества. И Джакомо обладал уникальным талантом жить счастливо в это лучшее из времен. Так начинается период жизни Казановы как праздного венецианца из высшего общества — именно такой его имидж потом станет известным в мире, но попал наш герой в круг элиты и продержался там всего лишь несколько лет, едва разменяв свой третий десяток. Нельзя недооценивать роль случайности, совершенно изменившей жизнь Казановы. Она выгатила его, как *deus ex machina* в греческом театре, из канавы к звездным высотам венецианского общества. Эта трансформация в стиле Золушки сразу обеспечила ему новую жизнь, но при этом таила в себе риск. Из архивов инквизиции становится очевидным, что именно нарушение социальных границ, а вовсе не постельные приключения или фокусы с картами Таро привели стражей Светлейшей республики к мысли об опасном радикализме Джакомо Казановы. Но все это было у него в будущем.

В настоящем же он приступил к обучению тому, как надо быть богатым. Брагадин, Дандоло и Барбаро выделили ему довольно щедрые пособия по десять цехинов в месяц, кото-

рые выплачивались почти всю его жизнь. Он немного занимался необременительной юридической работой для Лезе Мандзони; у него снова был дом, новые сыновние отношения с отцом (точнее, с отцами). Что еще более важно, с точки зрения его положения в Венеции, он имел свою собственную гондолу и слугу и отныне одевался и вел себя как ровня своим молодым друзьям из благородных семейств. Близкими друзьями Казановы стали польский граф Завойски, молодой своенравный Дзордзи Бальби, известный остроумием Анджело Кверини, отпрыск могучего венецианского рода и молодой повеса Лунардо Венье, палаццо которого смотрит окнами на «Сан-Самуэле» с другой стороны Большого канала.

Отношения с Брагадином и его друзьями, начавшиеся в театральной традиции квази-проституции или, как представляет Казанова, циничного обмана им трех человек, одержимых спиритизмом, вскоре превратились в нечто весьма трогательное. Брагадин и, поначалу в меньшей степени, Дандоло и Барбара очевидным образом заботились о молодом Джакомо. А тот, в свою очередь, отвечал им любовью и уважением. Он обращался к ним за советом так же, как обращался и за деньгами. В молодости Брагадин многое пережил и много любил и потому знал больше о венецианском высшем обществе, чем мог предположить протеже с задворок «Сан-Самуэле». Когда Казанова запутался в истории с юной аристократкой, сбежавшей от жениха, или пытался помочь деревенской девушке с приданым, они советовали и выручали его. Правда, в обоих случаях Казанова действовал небескорыстно: женщины платили ему сексуальным удовольствием за его доброту. «[Брагадин] всегда давал мне превосходные наставления, — писал Казанова, — которые я слушал с удовольствием и восхищением и никогда не игнорировал. Это все, что он хотел от меня. Он давал мне хорошие советы

и деньги». Кроме того, как прекрасно знал Казанова, сенатор дарил ему любовь.

Проживая в палаццо Брагадина, где с балкона второго этажа смотрят три каменные головы апостолов, Казанова вскоре стал известной фигурой в окрестностях Санта Марина — района изысканных дворцов, где, по иронии судьбы, находится еще один театр, «Театро Гримани ди Сан-Джованни Грисостомо» (сейчас известен как «Малибран»). Когда молодой франт выходил из своей гондолы, он мог бросить взгляд через канал на жизнь, которую оставил, напротив пристани палаццо находились двери в театр.

В компании трех вельмож он провел лето 1746 года в Падуде, теперь уже бесконечно далекой от оставшегося в прошлом мира школяров доктора Гоцци. Нынче Джакомо тратил время и деньги в доме местной куртизанки Анчиллы, где также играл в азартные игры. В результате он получил вызов на свою первую дуэль, с «молодым мужчиной с такими же куриными мозгами, как и у меня, и с такими же вкусами» — от графа Медина, который был главным любовником Анчиллы и карточным шулером в ее игорном бизнесе. Дуэль при луне на шпагах (Казанова усвоил привычку знати и военных носить шпагу, но нигде не упоминается, чтобы он учился ею владеть), в ходе которой Джакомо ранил графа, побудила Брагадина предложить Казанове немедленно вернуться в Венецию. Так он и поступил, проведя оставшуюся часть 1746 года за «своими обычными занятиями: азартными играми и любовными делами».

Неудивительно, что венецианские власти озаботились поведением молодого Джакомо Казановы. Венеция была — и остается — городом, где невозможно сохранить анонимность и где преступления и проступки сразу же становятся предметом сплетен, комментариев, порицания или досужего обсуждения. Кроме того, в восемнадцатом веке в городе

действовала разветвленная сеть платных информаторов, работавших на Совет десяти и его малый комитет, Совет трех. За этими структурами стояла устрашающая инквизиция. Венецианскую инквизицию не следует путать с инквизицией, действовавшей от лица Церкви; Совет трех, куда попадало большинство материалов инквизиции, был органом государственной цензуры.

Джованни Баттиста Мануцци работал информатором в основном в районе вокруг кампо Сан-Стефано и Сант-Анджело, но иногда писал и о делах в удаленных от Риальто местах вроде Сан-Луки или даже Санта-Марины. Он был пьяницей, если судить по винным пятнам на его донесениях, до сих пор хранящихся в базилике Санта-Мария-Глорियोза-деи-Фрари в Венеции, а также если смотреть на ухудшение его почерка по мере того, как он писал. Кроме того, он был ханжой. Он пристально следил за Казановой, который неизбежно попал в какой-то момент в поле зрения инквизиции, пусть даже и началось это из-за каких-то шалостей. В архивах есть доклады о жизни Джакомо, как и о многих других гражданах города, — он попадал в группу тех людей, кого слишком часто видели с иностранцами.

Но дело было не только в общении с иностранцами и незначительных проступках. Венецианская инквизиция являлась скорее органом государственного, нежели религиозного, контроля, и хотя это различие было в восемнадцатом веке не существенным, в первую очередь внимание к Казанове привлек его внезапный взлет по социальной лестнице в обществе знати.

Одна из основных функций инквизиции и, возможно, венецианской власти заключалась в сохранении местной олигархии — узкого круга патрицианских семей из списка Золотой книги дождей, имевших право занимать должности в правительстве и церкви, при синекурах и в торговых мо-

нополиях; семей, своего рода неприкасаемых для всех остальных венецианцев или международного сообщества. Один из первых докладов Мануцци о Казанове иллюстрирует, как опрометчиво тот заигрывал с инквизицией, скверно ведя себя в компании людей с хорошими связями:

Что касается обязательства перед венецианской [инквизицией] разобраться с вопросом в отношении Джакомо Казановы, сына комедийных актеров, то характер [Казановы] можно описать следующим образом: хитрый и пользующийся щедростью посторонних людей — таких как Брагадин, который помогает ему финансово в связи с тем, что Казанова нигде не работает. По большей части он общается с людьми похожих склонностей, хотя и из всех слоев общества, от знати и до мелких игроков. Однако Дон Пио Бата Дзини из церкви Сан-Самуэле, друг Казановы, сказал мне в частной конфиденциальной беседе, что не следует недооценивать умения Казановы — он способный игрок, который может выигрывать в городе деньги у знати, [встречающейся среди] его многочисленных знакомых.

Возможно, зная, что за ним внимательно следят, в январе 1748 года Казанова покинул Венецию и отправился через всю Северную Италию в Милан, выбрав город за то, что там на него «никто не обращал никакого внимания». Продлилось это недолго. Он занял четыреста цехинов, скорее всего у Брагадина, принарядился и в расцвете своих двадцати трех лет отправился в театр.

Представление, опера, было ничем не примечательным, за исключением появления под «общие аплодисменты» младшей сестры Терезы Ланти, Марины, — теперь «взрослой, расцветшей и, коротко говоря, обладавшей всей преле-

стью, положенной девушке в семнадцать лет». Она была такой, какой следовало быть девушке из семьи Ланти, и пользовалась покровительством самозванного римского графа, Чели, подкладывавшего ее в постель мужчинам, которых потом намеревался обмануть в карты. Когда Казанова назвался родственником Марины, Чели сказал «она шлюха», на что Марина добавила, что это именно так и графу можно верить, поскольку он ее сутенер. Смешанные мотивы галантности и личной выгоды привели Казанову к решению «спасти» девушку от графа, Джакомо предложил ей вместе отправиться в Мантую, где она могла бы выступать как прима-балерина. Вытаскивая ее из трудной ситуации, он снова нарвался на дуэль. Секундант с его стороны стал ему затем другом на всю жизнь. Это был французский актер, певец и танцор Антонио Стефано Балетти, на год старше Казановы, он должен был танцевать с Мариной в Мантуе.

На этом этапе своей жизни Казанова неоднократно попадал в круг профессионального театра — он даже путешествовал под девичьей фамилией своей матери, Фарусси, — и, видимо, полагал, что компания музыкантов и актеров соответствует его взглядам на мир и его происхождению. Марина же выбрала не Джакомо, а Антонио, когда втроем они отправились в Мантую по виа Кремона. Привычка Казановы искать театральную толпу делала ночной город особенно привлекательным для него. Поэтому вскоре после того, как Марина и Антонио занялись репетициями и все вместе они переехали в отдельную квартиру, Казанова снова попал в беду.

В Мантуе действовал частичный комендантский час. Город патрулировала милиция из состава австрийской армии, но офицер, который за позднюю прогулку остановил Казанову, был ирландского происхождения и служил в императорской пехоте. Звали его Франц О'Нейлен, и они с Казановой сразу признали друг друга как родственные души и вско-

ре после «ареста» Казановы уже пили вместе. О'Нейлен тем не менее был развратником более мрачного толка. Он хвастался, что бросил попытки вылечиться от гонореи, ввязывался в драки и ссоры, ему ничего не стоило сбить, проезжая по городу на полном скаку, пожилых женщин, но особенно отталкивающим был его интерес к сексуальному садизму, он даже носил кольцо с острым выступом, чтобы причинять партнеру наибольшую боль в момент максимального удовольствия. Это было слишком даже для Казановы. Джакомо хотя и имел отчасти схожие вкусы, но никогда не испытывал тяги к сексуальному насилию и не проявлял его.

В конце концов они поссорились из-за различных взглядов на отношения с женщинами. Казанова утверждал, что любовь без любви ничего не стоит, а О'Нейлен дразнил его тем, что подловил Джакомо, когда тот снял себе на пятнадцать минут шлюху, которую даже не считал привлекательной.

Понимание Казановой собственной сексуальности развивалось. Он признается в мемуарах, что его тяга к сексуальным приключениям была не совсем или даже вовсе не физической, но возникала из радости доставлять удовольствие, от желания игры и из-за патологической потребности дарить эротическое или иное удовольствие, чтобы затем — двигаться дальше. Идея погони за сексом, чтобы причинять скорее вред (или даже реальную боль в случае О'Нейлена), чем удовольствие, была для Казановы неприемлемой.

Он провел два месяца в Мантуе, лечась от гонореи обычными для себя дозами eau de nitre (селитры) и спартанской диетой и часто приходя в театр посмотреть, как его друзья Балетти и Марина выражают в танце свою страсть.

В последнюю ночь в Мантуе он снова пошел в театр, где увидел синьора Мандзони, в чьей юридической конторе в Венеции работал спустя рукава. Мандзони был с Джульет-

той, знаменитой куртизанкой, которую Казанова встречал несколько лет назад в палаццо Малипьеро. С их помощью он познакомился с местным главным австрийским военным чиновником, генералом Спада. Это мог бы оказаться ничем не примечательный вечер встречи старых и новых знакомых, который не стоило бы слишком подробно описывать в воспоминаниях, если бы позже в ту ночь Казанова не встретил женщину, которую можно назвать любовью всей его жизни.

АКТ II, СЦЕНА V

«ВЫ ЗАБУДЕТЕ И АНРИЕТТУ»

1749

Те, кто не верит, что женщина способна делать мужчину счастливым двадцать четыре часа в сутки, — никогда не знали Анриетты... Невозможно вообразить степень моего счастья.

Джакомо Казанова

В коридоре дома, где остановился Казанова, можно было увидеть и фарс, и романтику, и драму. Здесь смешивалось все. Венгерский, как Джакомо понял по униформе, офицер спорил с хозяином итальянцем, пытаясь говорить с ним на латыни. В комнате венгра в кровати спал еще один мужчина, и итальянец угрожал венгру инквизицией, поскольку подозревал в незнакомце женщину и потому даже уже призвал *sbiggi* — констеблей от инквизиции, которые составляли отчет для местного епископа.

Казанова, привлеченный любопытством, соображениями учтивости или же присущим ему инстинктивным интересом к действу и неудачникам, решил взять сторону иностранца и выступить переводчиком.

«Пыл, с которым я вмешался в дело, — утверждал он, — проистекал от моего врожденного чувства учтивости, которое не смогло смолчать, видя, что с иностранцем обращаются подобным образом». Кроме того, разумеется, он был заинтригован тем, кто же на самом деле лежал в постели

венгра. Казанова попросил генерала Спада, с которым свел театральное знакомство, помочь со sbirri, которых, как верно полагал венецианец, хозяин дома использовал как средство выбить деньги из венгра. Все было сделано в добрых старых венецианских традициях: немного обаяния, несколько встреч, поднятые в изумлении брови... И проблема разрешилась.

Затем в гостинице венгр открыл Казанове тайну своего спутника: им оказалась коротко стриженная, со взъерошенными пшеничными волосами французенка, переодетая в солдатскую форму и назвавшаяся Анриеттой. Она не говорила ни по-итальянски, ни на латыни, а венгр не знал французского. Тем не менее они вместе путешествовали и спали, что было странно и опасно. Дело было не в том, что она переодевалась в солдата, так поступал и сам Казанова. Но вот спать с женщиной, которая одевается как мужчина, — это означало стать объектом внимания со стороны инквизиции, поскольку — в отличие от Беллино — Анриетта не очень-то пыталась скрыть свою женственную природу. Ее внешний вид был знаком сексуальной и социальной эмансипации; она ожидала, что к ней будут относиться как к мужчине, и открыто путешествовала в качестве любовницы с пожилым иностранцем, с которым не могла общаться. Они направлялись в Парму, и Казанова немедленно решил переменить свой собственный маршрут.

Если компаньонка венгра и спровоцировала воспоминания о трансвестите Беллино, Казанова об этом не упоминает. Однако в «Истории моей жизни» он довольно скоро пишет о блестящей, своенравной «ряженой» Анриетте. Именно ее почти сценическое остроумие пробудило его интерес к ее происхождению и образованию и придало ей особую привлекательность в его глазах. На следующий день Анриетта парировала серию насмешек Джульетты, которая счи-

тала ее сбежавшей откуда-то куртизанкой либо, как писал Казанова, «искательницей приключений».

— Странно, — обратилась Джульетта к «ряженой», — что вы (и венгр) можете жить вместе и совершенно не говорить друг с другом.

— Почему же странно, синьора? Мы понимаем друг друга, и речь вовсе не нужна для того дела, которым мы вместе занимаемся.

На этих словах вся компания зашлась смехом.

— Я не знаю ни одного дела, в котором речь или, по крайней мере, ее письменная форма не были бы необходимы.

— Прошу прощения, синьора, такие занятия есть, например как насчет азартных игр?

— Вы что, кроме карт, больше ничем не заняты?

— Совершенно верно. Мы играем в фараон, и я держу банк.

Хохот продолжался, пока все уже не стали задыхаться, и синьора Кверини [Джульетта] тоже не смогла удержаться от смеха.

— Но разве так вы получаете большой доход?

— Вовсе нет. На самом деле выручка настолько мала, что о ней и говорить не стоит.

Последние фразы, как замечает Казанова, остались непереведенными, чтобы пощадить гордость венгра.

Казанова был заинтригован драмой переодетой под солдата женщины и очарован ею, когда обнаружил, что она красива, имеет несколько мальчишеские манеры и вдобавок наделена остроумием «того сорта, какой я всегда обожал», состоявшего, как говорит Джакомо, из вольностей и игры словами. Она уже показала себя авантюристкой, и он решил

увести ее от венгра, справедливо предположив, что путешествия дают ей удобный повод для связей на стороне. По его мнению, в Анриетте было все, что необходимо для романтического приключения: атмосфера таинственности, пренебрежение нормами (если не сказать трансвестизм), выдуманное имя и острая потребность в независимости, возникшая из-за предыдущих неудач. Кроме того, она отличалась красотой и, по-видимому, свободными взглядами на секс и обещала страсть немедленную и мимолетную.

Анриетта призналась Казанове, что сделала в своей жизни «три глупости», за которые расплачивается. Одной из них был ее брак — она описывала мужа и свекра как монстров. Она была на пути в Парму, когда повстречалась с венгром вблизи Рима, и он взял ее с собой как своего рода эскорт. Казанова сделал свой первый шаг, он спросил венгра, нельзя ли ему сделать Анриетту и своей любовницей. Венгр согласился. Тогда Казанова предложил Анриетте, чтобы она отправилась в Парму уже с ним в качестве нового покровителя. «Я не только испытываю к вам дружеские чувства, [в отличие от венгра] я люблю вас, поэтому абсолютно необходимо, либо чтобы я полностью владел вами и был счастлив, либо мне остаться здесь и позволить вам ехать в Парму с офицером... Знайте, мадам, что француз может забыть [вас, как вы и предполагаете], однако итальянец, если судить по мне, не имеет такой власти». Его неумная страстность, которая покорила Терезу-Беллино в поворотный момент в ее жизни, сначала показалась Анриетте смешной. (Сперва она обращалась с ним как с влюбленным мальчиком, вероятно, она была старше его почти на десять лет.) Это сводило его с ума, и он потребовал, раздраженно, чтобы она немедленно решила, кто из мужчин должен сопровождать ее в Парму. Она продолжала дразнить его: «Позвольте мне смеяться, прошу вас, ибо я никогда в жизни не мыслила, что мне будут признаваться

в любви гневным тоном. Как вы не понимаете, разве можно говорить женщине о любви, которая должна быть самой нежностью, приказывая: «Мадам, один или другой, выбирайте сию же минуту!»»

Любовь часто прячется между смехом и одиночеством, и Анриетта была одной из немногих женщин, которой Казанова позволял смеяться над ним, узнавать о самом важном для него и вступить в связь с ним на равных. Вынужденный признаться в своей потребности в ней («Будьте уверены, что я люблю вас. Так что выбирайте. Решайте»), он передал в их отношениях власть ей, власть начать их и закончить, и потому злился:

— Все тот же тон!

Она вновь насмеялась над ним.

— Вы знаете, что вы, кажется, пребываете в ярости?

Ее конечный ответ был ясен, хотя и допускал двусмысленность.

— Да, — сказала она. — Поедем в Парму.

Он может присоединиться к ней, если хочет. Или нет. Она поедет в любом случае; а венгр отправится своей собственной дорогой. На следующий день в гостинице в Реджио, между Болоньей и Пьяченцей, Казанова и Анриетта стали любовниками. Очевидная простота, с которой мужчины той эпохи требовали благосклонности женщины, лишившейся когда-то своей чести, шокирует современные чувства. Имея дело с греческой рабыней, русской крепостной или куртизанкой, Казанова выставляет женщин в свете, соответствующем его времени, культуре и полу. Тем не менее после того как он одержал победу, уведя Анриетту у венгра, он «покаялся, что никогда даже не попросит поцеловать ее руки, пока не завоюет ее сердце». Он был повесой и романтиком одновременно, и его смущал сомнительный статус Анриетты в ее отношениях с другим мужчиной. Казанова признавал наи-

более привлекательными тех женщин, что были сильны духом и неортодоксальны, хотя часто показывали свою уязвимость перед ним, делая его своим возлюбленным, защитником или эксплуататором. Казалось, в Анриетте, как и в Терезе, он почувствовал родственную душу, и затруднительное положение, в которое она попала, напоминало ему его собственное. Роман с Анриеттой, ознаменовавший окончание в некотором смысле первого акта его жизни, начался из ощущения родства и предчувствия того, что их жизнь может пойти в любом направлении и, возможно, выльется в совместно прожитые годы.

Парма, куда Казанова и Анриетта прибыли в 1749 году, тоже находилась в поворотной точке своей истории. В прошлом году, согласно мирному договору в Аахене, город был передан во владение Дона Филиппа, инфанта Испании. Одновременно инфант заключил весьма благоприятный союз с дочерью французского короля Людовика XV, Луизой-Елизаветой. Когда туда приехали Казанова и Анриетта, итальянский дотолде город становился все более французским. Торговцы были рады услужить итальянцу по-итальянски (он купил одежду для Анриетты, которая по-прежнему еще была одета как солдат, плюс «перчатки, веер, серьги... все ради ее удовольствия») и нанял репетитора, чтобы учить ее итальянскому языку. Опера, куда они часто ходили под вымышленными именами как синьор Фарусси и Анна д'Арси, была переполнена французами и испанцами, утверждавшими свое недавно обретенное социальное превосходство к недовольству некоторых местных жителей. «Новоиспеченный герцог Пармы, — писал британский дипломат, — вызывает отвращение у всех своих новых подданных, он [ведет себя] так ужасно по-французски, что они не могут угодить ему». Анриетта, когда они ходили в оперу, отказывалась румянить щеки — как в то время сделала бы любая француженка по

случаю похода в публичное место — и просилась на расположенные сзади плохо освещенные места. Она вела себя неоднозначно. Так, в одном эпизоде она сперва робко предложила сыграть с листа концерт на виоле да гамба, но потом язвительно заметила, что мать-настоятельница монастыря, где она воспитывалась, считала для женщин предосудительным играть на этом инструменте, поскольку приходилось сидеть в неподобающей для дамы позе. Охваченный смесью облегчения, гордости, обожания и изумления, что он живет рядом с таким чудом, Казанова в мемуарах вспоминал, что после концерта он уехал один и расплакался от нахлынувших чувств.

Мало-помалу она проговаривалась о деталях своего прошлого, и в течение трех месяцев, которые Казанова позже характеризовал как самое счастливое время в его жизни, он смог собрать в единое целое картину ее минувших дней и ее вероятного будущего. Анриетта убежала от мучившего ее мужа и, по-видимому, тиранившего ее свекра. Она не сознавалась в этом, но, возможно, она оставила во Франции маленького ребенка — две из трех реальных женщин, которые могли оказаться «Анриеттой», были матерями. Она ждала какого-то прояснения отношений со своей родней или родней мужа, может быть, предоставления официального развода или права на свидания со своими детьми без угроз дальнейших скандалов в семье. Теперь она нашла компанию себе в лице своенравного молодого авантюриста, который разделял ее взгляды на жизнь и любовь, но не мог, если реально смотреть на вещи, разделить с ней будущее. Возможно, этот аспект тоже привлекал Казанову — Анриетта не намеревалась связывать себя с ним надолго.

Перед ней он был открыт. Джакомо признал, что его финансы неустойчивы, а будущее — не слишком многообещающее; «ради Анриетты» он перестал играть роль. Она вела

себя в соответствии со своим характером и требовала того же от него, и он шел на это, что редко делал и в жизни, и в любви. Даже когда он занимался с ней любовью, ему — обычно склонному к превращению секса в некий роскошный спектакль — «всегда казалось, как будто это в первый раз».

Конечно, трудно предположить, что именно Анриетта сделала с ним, но только он несколько месяцев прикладывал все старания, чтобы его возлюбленная ощущала себя счастливой, и, по всей видимости, успешно. Анриетта расцвела от внимания и усердия любовника. Он был внимателен к ее потребностям, иногда подбирая ей одежду на собственный вкус, и купался в отражении ее успеха как интеллектуалки, красавицы, музыкантши и — в городе, находившемся в плену всего французского — как образованной аристократки из Прованса. Она беспокоилась, что он так увлечен ею, и стала намекать, что доверяет любви и свету меньше, чем себе, и что их период счастья рано или поздно завершится. «Те, кто заявляют, что можно быть счастливым всю жизнь, не знают, о чем говорят, — сказала она ему. — Удовольствие, чтобы оставаться удовольствием, должно иметь конец».

Анриетту узнал монсеньор Антуан-Блакас Прованский, который, возможно, действительно был связан с ней и состоял в свите нового герцога Пармы. Это случилось на вечернем приеме в летней резиденции герцога в Колорно. Последовала непростая беседа, а затем мучительное для нее и Казановы ожидание после того, как Блакас отправил письмо во Францию, по-видимому, ее семье. Прошло три недели прежде, чем от родни прибыл ответ. Должно быть, семья согласилась на ее условия, поскольку Анриетта сказала Казанове, что они должны расстаться.

Я, моя единственная любовь, [писала она], вынуждена оставить Вас. Не добавляйте себе горя, думая обо мне...

Лучше радоваться тому, что нам удавалось быть счастливыми в течение трех месяцев подряд; немногие смертные могут сказать то же самое. Так давайте никогда не забывать друг друга и позволим себе часто вспоминать нашу любовь... И если случайно Вы узнаете, кто я, ведите себя так, как если бы Вы были в неведении. Я не знаю, кто Вы, но вижу, что никто в мире не знает Вас лучше, чем я... Я хочу, чтобы Вы снова полюбили и даже нашли другую Анриетту. Прощайте.

Казанова был потрясен. В отчаянии он заперся в своей комнате. Семья Анриетты разрешила ей снять существенную сумму со счетов швейцарского банка в Женеве, поэтому Казанова согласился сопроводить любимую через Альпы в Швейцарию. Оттуда он вернется в Италию, а она — к своей жизни в Южной Франции. Это было мрачное путешествие.

Они расстались в Женеве в отеле «Де Бланке». «В течение последних двадцати четырех часов мы могли только плакать. Анриетта не питала надежд и иллюзий... Она просила меня не узнавать о ней и сделать вид, будто я не знаю ее, если когда-нибудь встречу с ней [вновь]». Она прислала ему письмо с места своей первой остановки, в Шатильоне, с одним лишь словом — «Прощай» и нацарапала ему послание на стекле в окне гостиничной спальни бриллиантовым кольцом, которое он купил ей в Парме. До 1828 года там оставалась надпись: «*Tu oublieras aussi Henriette*» — «Ты забудешь и Анриетту».

Она, казалось бы, хорошо знала Казанову, но в этом последнем утверждении ошиблась. Он никогда не забывал ее. Годы спустя он писал об их отношениях в своих мемуарах как об одном из самых запоминающихся моментов в его жизни и сделал их историю одним из наиболее захватывающих современных романов. Он также помнил свое обещание не

раскрывать ее личность или их общего прошлого и сдержал его, когда случай свел их много лет спустя в ее доме в Провансе. «Когда я думаю, что же делает меня счастливым в моей старости, то нахожу таковым наличие у меня воспоминаний, и я полагаю; что моя жизнь была чаще счастливой, нежели несчастной... и поздравляю себя... Нет, я не забыл ее, и этот бальзам проливается на мою душу всякий раз, когда я вспоминаю».

ИНТЕРМЕДИЯ
КАЗАНОВА И СЕКС
В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Мадам, моя профессия — повеса.

Джакомо Казанова

Что касается пороков, то они так же стары, как
и человечество.

Джакомо Казанова

В своей книге «История моей жизни» Казанова описывает сексуальный опыт с более чем сотней женщин — сто двадцать две или сто тридцать шесть, в зависимости от того, как считать и куда относить эпизоды без полноценного полового акта — и с несколькими мужчинами. История его половой жизни, начиная с утраты девственности в семнадцать лет и затем в течение следующих тридцати пяти лет, охватываемых в мемуарах, говорит в среднем о четырех партнерах в год. И хотя он прожил еще двадцать четыре года после завершения мемуаров и не без романтических приключений, разумно предположить, что описанный им период дает почти полное представление о его основном сексуальном опыте, когда он, по собственным словам, «вскружил головы» нескольким сотням женщин по всей Европе. Некоторые из них не попали на страницы его книги, например те, с кем он спал после ее написания или, как его венецианская сожительница-

ца, с которой он жил в пятидесятилетнем возрасте. Следовательно, хотя было бы справедливым сказать, что этот неполный список, вероятно, выходил за пределы нормы и в ту эпоху, как выходит и сейчас, но целый ряд факторов помещает число сексуальных контактов Казановы в новый специфический контекст. Кроме того, в любом случае, не количество секса оправдывает место Казановы в истории сексуальности, но, скорее, тот способ, в котором Джакомо пишет о нем.

Чего стоит количество, показывают некоторые из современных мемуаристов и биографов Казановы, начиная с Джеймса Босуэлла и заканчивая Уильямом Хики и Джоном Уилксом. Они приводят примеры людей с гораздо более обширным списком связей по сравнению с тем мужчиной, чье имя стало практически синонимом серийного соблазнителя женщин. Тот же лорд Байрон намекает, что за несколько лет жизни в палаццо Мочениго в Венеции у него было больше партнерш, чем за всю жизнь у Казановы. Казанова, безусловно, был крайне активным в сексуальном плане, когда ему было двадцать-тридцать лет, но для почти постоянно путешествующего человека той эпохи и того окружения его сексуальная жизнь выглядит не такой уж нескромной. В классическом смысле восемнадцатого века Казанова является плохим примером распутника (или либертена), поскольку мало интересовался альковными завоеваниями или возможностями принуждать к сексу. Он не был Вальмонтом или де Садом. Его десятикратно превзошло его вымышленное альтер-эго, Дон Жуан, с каталогом из 1800 побед. Казанова не принуждает к сексу и не похож на сексуального наркомана. Действительно, ему нельзя поставить диагноз «комплекс Казановы» — в том смысле, в каком этот термин используется сегодня. Скорее, он наслаждался иг-

рой любви и обольщения, как спортом или искусством, необыкновенно популярным у поколения, которое предшествовало французской революции. Он рассказывает об отношениях, а не о сексе на одну ночь. И в романтизме своем он был неукротим.

Джакомо платил за секс время от времени, но делал это значительно реже, чем многие обычные горожане того времени. Он не стремился занять место в ряду сексуальных гигантов, которых иногда встречал в своей жизни и был свидетелем их приключений, многие считали его более привлекательным, одаренным и наделенным потрясающим либидо, чем он оценивал себя сам. Казанова сознавал, что его исключительный интерес к людям, и к женщинам в частности, необычен и привлекателен, и до своего сорокалетия жил и любил с абсолютной уверенностью в том, что никто и ничто не может стать для него непреодолимым препятствием; и это кредо создавало его собственную реальность. О том, что Казанова был привлекательным мужчиной, свидетельствует множество самых разных людей, от прусского короля Фридриха Великого и до мадам де Помпадур, известных ценителей мужской красоты. Однако он не соответствовал идеалам сексуальной привлекательности своей или любой другой эпохи. Он имел большой крючковатый нос и выпуклые глаза с тяжелыми веками, густые черные брови и смуглый цвет лица — все это считалось недостатками в сравнении с принятыми в восемнадцатом веке канонами красоты. Он выглядел почти карикатурой на итальянца, необычайно высокий и мускулистый, что странно для того, кто никогда не трудился; кроме того, упоминаются толщина его шеи и выступающий кадык, которые предполагают сложение крупного человека; и обладая столь мужественной наружностью, он закутывал себя в кружева. Несмотря на свою комплекцию,

он двигался, как говорили, легко и грациозно, как танцор, что неудивительно, поскольку вся его семья была театральной. Находясь в расцвете сил, Казанова был убежден, что он — или любой другой мужчина — может покорить любую женщину, если она будет единственным объектом пристального внимания с его стороны. Он полностью сосредоточивал свое внимание на тех, с кем общался, что таило в себе определенное очарование и, возможно, поражало необычностью женщин в восемнадцатом веке.

Таким образом, он явно сознавал — когда писал об этом в конце своей жизни, — что его сентиментальные, романтические и сексуальные похождения были, по меньшей мере, такими же приключениями, как и обычные путешествия, и часто обращал свое перо к вопросам сердца и чресл. Из всех описываемых им чувств именно любовные отношения изумляли, смущали и сражали его больше всего. Его воспоминания оживают, когда он подходит к своей любимой теме — к сексу. Искателям списков побед, порнографии или описаний необычных предпочтений следует обращаться к источникам вроде маркиза де Сада, неутомимого лорда Линкольна или лорда Байрона. Именно непредвзятый взгляд Казановы на эпоху и собственную жизнь, включая секс, делает его мемуары достойными изучения с точки зрения истории сексуальности. Не оправдываясь и не смущаясь, он ставит свои сексуальные и романтические приключения на одну доску с интеллектуальными, профессиональными и географическими одиссеями — и поступает так первым из великих писателей нового времени.

Большую часть своей жизни Казанова провел в чужих городах в качестве заезжего иностранца. Он редко жил где-либо более двух лет и лишь шесть—девять месяцев оставался в местах своих самых известных путешествий — Санкт-

Петербурге, Риме, Лондоне. Именно поэтому его сексуальную распушенность следует рассматривать в контексте жизни странствующего коммивояжера с ее меняющимся пейзажем. На этот аспект быта восемнадцатого века проливает свет сопоставление различного рода кратких воспоминаний других путешественников той эпохи — в основном, молодых мужчин, отправлявшихся маршрутами, знакомыми Казанове. Век больших образовательных путешествий ознаменовал не только изобретение туризма, но и появление своего рода секс-туризма. На Казанову оказало влияние несколько десятилетий восемнадцатого века, когда формировались иные сексуальные нормы, множились рассказы о похождениях путешественников или публиковались различные откровенные воспоминания. В сравнении с жизнью Босуэлла, Хикки, графа Линкольна с его большим сексуально-образовательным путешествием, не говоря уже о тех, кого Джакомо знал лично, — об Андреа Меммо или князе де Линь, сексуальная жизнь Джакомо Казановы теперь может показаться далекой от приписанного ей размаха. Возможно, она даже ординарна для определенного типа горожанина восемнадцатого века, особенно для безродных путешественников, наводнявших столицы Европы во времена, когда там было возможно жить под любым именем. Казанова знал, что де Линь и Меммо посчитали бы его книгу правдоподобной, поскольку по духу и, скорее всего, в деталях все было узнаваемым. Шокирует, удивляет и вдохновляет свойственная лишь Казанове убежденность в том, что понимание его сексуальных приключений является жизненно важным для понимания его самого. Немногие писатели столь откровенны.

Насколько типичен Казанова для своего века? Это вопрос о связи человека и его времени. Рассматривать половую жизнь Джакомо вне контекста и в отрыве от эпохи придавать

ей исключительное значение, как пытается он сам, — было бы лицемерной попыткой игнорировать его погружение в свою жизнь как череду любовных приключений, игнорировать целостность его повествования, объединяющего романтические истории и его зачарованность сексом. Это относится и к его опасениям и неудачам, о которых мало известно публике. Он крайне волновался, как бы не разочаровать любовницу или не потерять эрекцию. Он страдал от преждевременной эякуляции. Он отмечал снижение у себя интереса к сексу с приближением к сорокалетнему возрасту и перечислил ряд случаев, когда отклонял предложение заняться любовью. Он по меньшей мере шесть раз страдал от вспышек гонореи или инфекций (возможно, одиннадцать раз), которые приводили к длительным периодам воздержания. «История» также указывает, что к концу своей жизни Казанова страдал от сифилиса. Его долгое лечение по возвращении из России у немецкого доктора-венеролога Пайпера, по-видимому, было связано с неприятными для либертена последствиями путешествия — геморроем, анальными и, возможно, генитальными шанкрами и бородавками.

Риск, которому подвергался он и его современники, может сегодня шокировать, но в той же мере он свидетельствует о силе побуждения, заставлявшего искать женщин, испытывать азарт игрока и стремиться к путешествиям, о желании Казановы идти на риск и чувствовать себя наказанным. Его периоды вынужденного одиночества и «чистой жизни» — когда он лечил свой гонорейный уретрит — совпали с его первыми опытами писательства и саморефлексии. Еще позднее его сифилитическая депрессия даст импульс к занятиям литературной деятельностью. Его сексуальные мемуары, как и его сексуальная жизнь, сформировались в более ярком и опасном мире, чем наш, где чрез-

мерное проявление мачизма в области секса означало для либертена риск существенного наказания: болезни, увечье половых органов, импотенцию, смерть. Его сочинения заставляют сопереживать, история жизни показана через призму чувств, но они также отражают и то, как меняется повесть по мере осознания риска.

Во многом картина сексуального мира, в котором жил Казанова, отличается от нашего, возможно, в особенности в отношении к детской сексуальности и к сексу между взрослыми мужчинами и совсем юными девушками. Интимность частной жизни, связанная с физиологическими потребностями человека, была в городах восемнадцатого века невозможной. Дети ежедневно видели флирт взрослых и даже их сексуальную активность, в частности, так было в Венеции, и Казанова нашел в этом отношении мало различий между лондонским Сохо и придворной жизнью в Версале. Он и его современники также в обилии видели чувственные изображения детей — как насмешливо называл их Дидро, «прекрасный большой омлет из младенцев» на картинах Фрагонара и его последователей. В тот период встречалось больше обнаженной детской плоти на картинах, фресках, в скульптуре и декоративном искусстве, чем любых других изображений человеческого тела. Это отражало установку, сильно отличающуюся от нынешней. Рококо, будучи ответвлением неоклассицизма, наследовало цивилизации античности с ее одержимостью Эросом, изображениями пугги-амуров, анархическому духу чувственной любви в образе непослушных детей. В мемуарах Казановы отражены обе эти особенности, из-за которых его ошибочно можно было бы сегодня упрекнуть в педофилии, но в исторической перспективе развития эротизма он мало отличается от современников, среди которых, конечно, были и юные девушки. Трудно оценить воз-

раст некоторых из девушек и женщин, с которыми Казанова имел сексуальные контакты. Нет сомнений, однако, в том, что он считал их в подростковом возрасте готовыми для «честной игры» и, более того, готовыми стать ему «призом». Это отвечало установкам эпохи, Казанова отмечает, что дочери леди Харрингтон считались созревшими невестами для Лондона в 1763 году, когда одной из них было тринадцать лет.

Явление было тем более распространено в полусвете и сфере продажного секса, где за настоящих девственниц или малоопытных девушек платили такие огромные цены, что содержательницы публичных домов и салонов в Лондоне и Париже шли на всевозможные ухищрения, чтобы искусственно создать видимость нетронутого гимена. С одной стороны, некоторые из сельских девочек, попавшие в городские бордели, были жертвами самой распространенной формы торговли людьми. С другой стороны, можно понять и точку зрения Казановы: его «education d'amour» (первый сексуальный опыт молодой женщины с ним) просто был сочувственной поддержкой для девушек в жесткую эру сексуальной эксплуатации. С позиции Казановы, единственной искупительной причиной, по которой он «принужден» соблазнять девственниц, являлось то, что он, вероятно, считал, будто может спасти их от худшей участи, и что он обращался с ними более трепетно, чем большинство мужчин, как с равными ему в сексуальном плане, и потому они смогли бы затем использовать полученную власть над мужчинами (в этом Джакомо признается в недавно обнаруженном письме к Фельдкирхнеру). В современную эпоху Казанову, конечно же, сочли бы преступником.

По всей вероятности, совершенные им акты инцеста следует рассматривать в аналогичном контексте. Церковь не называла инцест в числе основных грехов в эпоху, когда внут-

ри семьи сексуальный опыт приобретался так рано, а браки двоюродных братьев и сестер или между дядей и племянницей были нормой на всех уровнях общества.

В Венеции, в частности, в подходе к вопросу о родстве строгости не наблюдалось, вековая кастовая система весьма ограничивала выбор и генофонд для больших патрицианских семей. То, что у Казановы были сексуальные отношения по крайней мере с одной, но, возможно, и с двумя молодыми женщинами, которых он представляет как своих вероятных дочерей, относится к числу наиболее спорных мест в его мемуарах. В отличие от остального повествования контекст в этом случае характерен именно для Казановы. Он позволяет себе и своим читателям думать, что весь эпизод не совсем правдив — очередная тень, мелькнувшая в обманном коридоре венецианских зеркал, — но шокирующим образом намекает на удовольствие от двойственного соучастия в таком акте. Но все не так уж удивительно — молодые женщины, которые оказались его возможными дочерьми, уже выросли и не знали его в своем детстве, а он — их. Сейчас это понимается как классическая ситуация добровольного инцеста, когда, например, братья и сестры растут, воспитываясь по отдельности или не зная друг о друге, и именно эта разобщенность разжигает в них пламя опасных стремлений за счет сходства их личностей и родственной душевной близости, не сдерживаемых реалиями полноценной семейной жизни.

Казанова был, прежде всего, венецианцем, и в первую очередь именно по отношению к сексу. В Венеции существовала необычная концепция личного пространства. Тогда город был, пожалуй, самым густонаселенным в мире. По своей исторической сути он до сих пор остается, архитектурно и географически, местом, которое требует полного пере-

смотра современных представлений о частной жизни и межличностных отношениях. Постельные стоны, храп, споры и смех отчетливо слышны вдоль узких каналов и переулков. И только маски и закрытые гондолы, похожие на «плавающие двуспальные кровати», создавали небольшие оазисы частной жизни. Это, наряду с тем фактом, что ранний сексуальный опыт Казановы был связан с двумя сестрами, помогает объяснить повторяющийся мотив сексуальных контактов, которые могут показаться в наши дни публичными. Связь с Нанеттой и Мартой; гречанка, с которой он совокуплялся на глазах у Беллино; длительный роман вчетвером с Катериной Капретти, М. М. и де Берни со всеми удовольствиями вуайеризма; подглядывание за дочерью его римской домовладелицы и ее портным и последующее совокупление — все это признаки, говорящие об особенностях его сексуальной одиссеи. Казанова инстинктивно стремился к «серийной моногамности», но неоднократно увлекался или вовлекался в эксперименты, позволявшие разделить полученное удовлетворение с большим количеством участников. Напряжение сексуальной интриги усиливалось вуайеризмом, бесконечно повторяемой темой в искусстве, порнографии и эротической литературе того периода. Поскольку игра, назначенная быть тайной, велась при свидетелях, то все это напоминало театр, Казанова действовал в пределах канонов подавляющей части эротической литературы своего времени — и это дает основания причислить к ней его мемуары.

Вуайеристский аспект сексуальной жизни Казановы и его описания могут рассматриваться с учетом венецианского опыта, но одновременно отражают и эротические литературные искания эпохи. Романы о либертенах, которые предшествовали сентиментальным мемуарам Казановы, тоже способствуют нашему пониманию этого аспекта его сексуальной жизни. Художественная порнография вроде «Стран-

ствующей потаскухи» Пьетро Аретино, анонимной «Академии дам» и «Венеры в монастыре» аббата Жана Баррена предвосхищали некоторые из его эротических опытов с монахинями и ученицами. Предвосхищение — это одна из основных функций эротики. Если какая-либо тема и была типична для либертенских работ того периода, то это вуайеризм, и Казанова отражает свое воплощение того, что было написано и мыслилось как зов желаний. Повсюду в либертенских историях персонажи наблюдают друг за другом из-под муслина или маски, в замочную скважину или в проделанный где-то глазок, прячась в садах, или с помощью зеркала. В рассказе о сексе Казановы присутствуют все стили. И это в обычае Венеции восемнадцатого века — в скрывающемся за приоткрытым занавесом тайном мире зеркал, решеток и наполовину скрытой от глаз личности. Это привнесло, как написал один историк культуры, «атмосферу театральности во всю сферу [секса]. Секс livres philosophiques был в стиле рококо».

Кроме того, отношения между женщинами и Казановой формировала Венеция. В восемнадцатом веке венецианская мода на чичисбеев (или культ «галантного кавалера» — *cavaliere servente*) была в самом разгаре. Гости города следовали моде, но Казанова почти не упоминает об этом, кроме как в эпизоде на Корфу с женой военного. Чичисбеев, *cavaliere servente*, в традициях средневековых рыцарей ухаживали за женщиной старше себя по возрасту и, как правило, принадлежавшей к более высокому социальному классу. Некоторые кавалеры считались защитниками чести женщины, и отмечалось, что женщины относились к таким мужчинам как к своим парикамахерам — давали им привилегированный доступ к будуару и сплетням, плюс кое-что еще. Других кавалеров законные мужья и венецианское общество принимали в качестве сексуальных и романтических партнеров

женщин; столь запутанная ситуация произвела глубокое впечатление на леди Мэри Уортли Монтегю, когда она посетила Венецию в 1716 году и в 1740-е годы. Казанова вырос в городе, где многие женщины пользовались, таким образом, определенной степенью сексуальной свободы, опережавшей их время. И это было дополнительной причиной, почему венецианский стиль поведения вызывал в ту эпоху восхищение, он, говоря шире, делал больший акцент на идее женской сексуальности, нежели стало принято в последовавшие затем века. И женщины по всей Европе подвергались опасности сексуального интереса, неожиданной информации и, по всей видимости, расширения сексуального опыта с путешествующими венецианцами, такими как Казанова, хотя он был более светским, более галантным и более сексуально искушенным, чем многие другие.

Опасностью для тех, кто проживал жизнь так активно, как странствовавший Казанова, были венерические болезни. Поэтому Джакомо погружает нас в неожиданные подробности касательно производства кондомов и этикета своего времени, во многом совпадающие с рассказами других путешественников, расширивших в странствиях свой кругозор.

Все, похоже, восхищались английскими презервативами. Хотя английские презервативы были на континенте хорошо известны, их проникновение в Италию в то время, как представляется, произошло, когда британцы принялись изучать историю искусств, сочетая это занятие с сексом. Венерические заболевания были бедствием для путешественников по Европе, а презервативы — единственным спасительным средством при случайных связях. Как хорошо знал Казанова, они были оскорблением для любого и особенно для «ветреных служителей Венеры», но тем не менее, похоже, становились объектом интереса со стороны посвященных. Действительно, мемуары Казановы указывают

на фундаментальный сдвиг в отношении к презервативам, Джакомо смотрит них уже не просто как на средство профилактики болезней.

Монахиня с Мурано, М. М., доставала их из своего собственного источника, откуда Казанова, похоже, пытался их украсть. Изготовленные из выделанных овечьих кишок и привязываемые тонкой ленточкой, обычно розового цвета, они предназначались для многократного использования, и иногда их было можно использовать, только предварительно размочив в воде. Однако, по всей вероятности, презервативы Казановы были так тонко выделаны, что не требовали смазки. Если Казанова отмечал определенное затруднение в попытках «оказать счастье облаченному в мертвую кожу», то тем не менее признавал полезность кондомов для предотвращения беременности, а также болезни. Он пишет о презервативах как о наиболее важном инструменте, позволяющем партнерам снять напряжение и перестать опасаться, «презервативы придумали англичане, чтобы придать возлюбленным бесстрашия», и они «так ценятся монахиней, которая хочет принести свою жертву любви», и жизненно важны для предотвращения «фатальных округлостей». Он с любовницами смеялся над собственными эвфемизмами: «английский плащ для верховой езды», «профилактическое средство от тревоги», «умиротворяющее сердце пальто». Для М. М. он пишет стихи в честь кондомов. Со своей второй М. М., беременной монахиней из Шамбери, он имел обстоятельный разговор о презервативах, который показывает, что Казанова рассматривал их в современном ключе — не как исключительную привилегию полусвета и работников сферы секс-услуг, но как знак внимания, чтобы угодить женщине. «Я вынул из кошелька маленькое одеяние, изготовленное из очень тонкой кожи, прозрачное, около восьми дюймов [houte pouces] длиной, открытое с одного конца, как

кошелек, и с розовой тесемкой с той же стороны. Я показал его ей, она поизучала, рассмеялась и сказала мне, что ей было бы любопытно». Стоит отметить, что Казанова использовал старые и новые меры измерения одновременно — «pouces», подразумевая под ними пальцы и дюймы, и это не вполне ясно, как и удобство предполагаемой формы изделия; дошедшие до нас образцы, как правило, большие, и это объясняет, почему они уцелели. После разговора его возлюбленная надела ему еще один презерватив на первый, уже неэластичный, его нельзя было свернуть. Затем между ними произошел удивление современный разговор о плюсах и минусах презерватива, Казанова заявляет, что «мальчишка в костюме радует меня меньше», а потом они оставляют на нем лишь один презерватив, чтобы «лучше сидело», а затем и вовсе отказываются от контрацептива. Людовик XV также высказывал мнение, что лучшими презервативами являются английские, и их привозили специально для него.

Для многих, однако, презерватив оставался, как сочла вторая М. М., шокирующим и унижительным — для обоих любовников. Но Казанова чувствовал перемены. В начале века презервативы высмеивались как «единственная защита наших либертенов... но из-за притупления ощущений [у мужчин] многие зачастую предпочитают риск болезни, нежели поединок *cum hastis sic clypeatis* [с «клинком» зачехленным]». К середине века решили, что презерватив, «хотя и просторный, специально приспособлен к Стране Веселья [вагине]», является источником удивления из-за своей «чрезвычайно тонкой субстанции и состоит весь из одной части, без швов», все же еще не та вещь, которую следует показывать даме. Путешественники носили с собой более качественные презервативы, точно такие, как описывает Казанова, «разных размеров от шести до семи или восьми дюймов в длину... и от четырех до шести дюймов в окружности», но

сам Казанова, по-видимому, предпочитает их «гораздо больших размеров, [какие] очень редко можно встретить».

То, что совершающие познавательные путешествия англичане принесли с собой на юг в основном как профилактическое средство от иностранных болезней, превратилось в руках Казановы и его любовниц, согласно «Истории моей жизни», в жизненно важный ключ к сексуальному освобождению, аналогично появлению противозачаточных таблеток в 1960-е годы:

Вдруг выросло пузо, младенец орет!
Счастлив, кто держит в кармане своем
С зеленой или алой лентой
Искусно сделанный гондон.

Это воистину была колоссальная перемена.

Казанова также уникален в том, что фиксирует установки восемнадцатого века в отношении рождаемости — в основном, касательно способов избежать нежелательной беременности, хотя можно прочесть и о взглядах на зачатие в тех редких случаях, когда он и его партнерши стремились обзавестись ребенком. Он принимал участие в одном неудачном аборте, присутствовал, по крайней мере, при двух родах и был отцом восьмерых детей и благодарил свой «английский редингот» за то, что не встречал «свое отражение в Европе чаще». Он был необычайным охотником до женщин, но опять-таки — уступал тут, например, совершающим большое путешествие, которые считали, что случайное зачатие на них навряд ли отразится, коль скоро они здесь проездом. Женщины были более осмотрительными, информированными и практичными в вопросах риска. В «Истории» описывается смерть одной женщины и практически гибель другой, и в обоих случаях Казанова выказывает крайнюю обеспокоен-

ность — как галантный мужчина и как начинающий медик. Его трогало, интриговало и шокировало тяжелое положение женщин. Он проявил заботу об однорукой женщине-работнице, хотя она была беременной не от него, и подвергал себя огромной личной опасности в попытке помочь другой прервать беременность.

Риск для женщин, как и угроза венерических заболеваний, говорят о том, как менялись в разные эпохи представления о личной безопасности, комфорте и контроле над ситуацией, тогда беременность была частью игры. Однажды Казанову уговорили попробовать элитарный контрацептив, предпочитаемый некоторыми женщинами, «маленький золотой шарик примерно 18 миллиметров в диаметре», который работал как противозачаточный колпачок. Ему понравилась сама идея, но не дороговизна приспособления и не его практическое использование — он пишет, что этот предмет исключал несколько сексуальных позиций (для трех кузин, участвовавших в его амбициозных экспериментах в области полового воспитания, а также для него самого), потому, что шарик мог сместиться с положенного места.

Из записей в «Истории моей жизни» и заметок Казановы следует, что он имел сексуальные отношения с мужчинами. Это не миф и, безусловно, лишь небольшая часть его сексуального опыта, которая помимо самого факта рассказывает нам о человеке, о том, как он, литературно обрабатывая материал, отражал то, что теперь называют его бисексуальностью. Он был открытым, откровенным и исчерпывающим в своей детализации гетеросексуальных опытов, но скрытным, осмотрительным и уклончивым, когда дело доходило до секса с мужчинами. В записях, найденных после его смерти, есть пассажи о связи с человеком по имени Камиль, известным гомосексуалистом герцогом д'Эльбеф, а также зна-

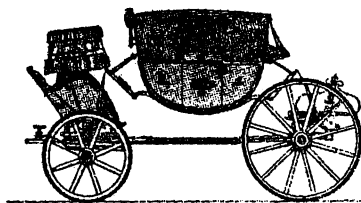
менитое упоминание о «педерастии с Х. из Дюнкерка» (историки говорят, что Казанове было необходимо скрыть имя какой-то важной персоны, когда он работал тайным агентом французского правительства). Между тем, как следует из мемуаров, Джакомо часто занимался сексом в компании других мужчин, а также имел прямые, интимные и гомосексуальные тет-а-тет контакты в Турции, России и иных странах. Это была не та область, однако, где он чувствовал себя комфортно как писатель, и, похоже, она не привлекала его чересчур сильно.

Есть гипотеза, согласно которой одержимость Казановы женщинами может свидетельствовать о борьбе им с фобией противоположного толка, о его женоненавистничестве или даже о скрытой гомосексуальности, что иногда имело место в случае других «серийных бабников». Соответствуя, до некоторой степени, жанру мемуаров либертена и ожиданиям от него рассказов о похождениях авантюриста, Казанова довольно свободно описывал детали бесчеловечной торговли телом и предоставления интимных услуг, которые были заметной частью жизни театра и городского пейзажа восемнадцатого века. Но ему бывало трудно выразить всю совокупность собственного опыта. «Почему вы отказывали Исмаилу [в Турции], — вопрошал его де Линь, — отвергали Петрония и радовались тому, что Беллино была девушкой?» Де Линь хотел знать все подробности, но Казанова был необычно для себя неразговорчив. Вне готовых мемуаров, в своих записках, он почти ничего не добавляет. Казанова, который цензурировал себя так мало и так много сообщал, опускает занавес над той областью сексуальности, которая имеет отношение к политике, похотливости и подлежит осуждению.

Во всех остальных аспектах «История» дает одну из самых искренних, не стыдливых и лишенных покаяния картин сек-

суальной жизни, времен Казановы или любого иного периода. Может быть, он считал необходимым войти в контакт столь со многими, чтобы чувствовать себя более живым, воспоминания часто кажутся написанными в тоске, но стоит помнить, что их писал старый и одинокий человек. Что бы там ни вдохновляло его в усилиях описать любовные обычаи восемнадцатого века, но самым интересным остается его стремление понять себя и свою жизнь, исходя из собственного исследования секса и чувственности.

AKT III

АКТ III, СЦЕНА I
ДОРОГА ВО ФРАНЦИЮ
1750

Каждый молодой человек, который путешествует, желает познать общество, избежать низкого положения и отверженности... должен быть посвящен в Братство вольных каменщиков.

Джакомо Казанова

После разрыва с Анриеттой Казанова впал в то состояние, которое стало потом традиционным для него завершением любовных отношений. Его депрессия и отвращение к самому себе привели его к необдуманным связям, выглядевшим так, будто они специально должны были убедить его, что он не достоин любви. Эту модель поведения он повторял снова и снова. Тогда же он согласился на интрижку с актрисой театра в Парме, где провел столько романтических ночей с Анриеттой. «Я посчитал себя справедливо наказанным», — признавался он, когда понял, что актриса заразила его венерической болезнью.

На этот раз лечение не ограничилась воздержанием и водными процедурами, хотя он ранее так успешно лечил гонорею. Врач и стоматолог герцога Пармы, Фримонт, поставил ему диагноз «сифилис» и предписал шесть недель терапии ртутью. Жестокое, неэффективное и бесполезное лечение

временно ослабило ум, дух и либидо Казановы — достаточно, чтобы, как он пишет, убедить его на какой-то период, что его ждет обет безбрачия и религиозная жизнь. Но этому не суждено было сбыться.

Ему пришли письма от Брагадина с хорошими новостями: имя Казановы было исключено из списков неудобных в государстве Венеция, и он может вернуться. На этот раз он ненадолго задержится в принявшей его семье патриция или же в лоне Церкви.

Даже в середине зимы Венеция оставалась заманчивым местом: целый ряд знакомых Джакомо театров и кофейни — Казанова охотно посещал знаменитые кафе на площади Сан-Марко. Но здесь были и азартные игры. Ограничения, принятые в венецианском обществе, запрещали иностранным дипломатам входить в дом патриция (такой, как был у сенатора Брагадина в Санта-Марина). Кроме того, поскольку крупье в санкционированных государством игорных салонах ридотто могли отбираться только из рядов патрицианских семей, иностранцы, обязанные избегать общения с ними независимо от своего статуса в городе, были вынуждены играть в небольших частных апартаментах, известных как «казино». К этим местам вели тайные проходы, что подтверждается единственным дошедшим до нас примером, палаццо Венир, имеющим потайные двери для незаметного бегства, смотровые щели и экраны, за которыми оркестр сидел так, чтобы его члены не могли видеть самих азартных игр — или какого-то иного действия.

Чтобы стать крупье в маленьком частном казино, Казанова инвестировал свой небольшой выигрыш в венецианскую лотерею терно. Вскоре его общий банк с Брагадином составил тысячу цехинов, и он выкупил четверть доли в фараон-банке патриция в официальном ридотто вблизи

Сан-Марко. Эти деньги составили ли основу его первой маленькой удачи и отчасти на них он в том же году поехал в Париж.

В феврале 1750 года в Венецию приехал его друг Антонио Балетти, чтобы танцевать здесь и помочь с организацией театрального сезона в театре «Сан-Моизе», одном из самых модных в карнавальном сезоне венецианских театров. Сестра Терезы Ланти, Марина, прибыла с ним, но она и Антонио уже не были любовниками. Антонио составил планы на время после карнавала и уговорил Казанову присоединиться. Даже сейчас, занимая положение приемного сына такого влиятельного патриция как Брагадин и располагая собственными деньгами от азартных игр, Казанова все же интересовался театром в такой степени, чтобы принять приглашение поехать за границу с актерами. Мать Антонио, парижская актриса Сильвия Балетти, сообщила им, что центральным местом предполагаемого торжества в связи с рождением наследника французского трона будет театр «Комеди Итальян». (Дофина была беременна долгожданным внуком Людовика XV.)

Таким образом, в двадцать пять лет Казанова снова покинул Венецию, не имея никаких особых целей, кроме как увидеть знаменитых людей, не испытывая финансовых затруднений и свободный от эмоциональной привязанностей. Он заметил, что его братья Франческо и Джованни пробивались в качестве художников, но не задумывался о том, в чем же состоят его собственные таланты. Стояло 1 июня 1750 года. У него были идеальные попутчики: театральная труппа и друг почти одного с ним возраста, с которым он явно был куда ближе, чем с родными братьями. «Я не мог бы выбрать компанию более приятную и более способную принести мне неоценимую пользу в Париже и такое количество блестящих

знакомых», — писал он. И где-то в кругу компании Антонио Балетти и его танцоров Казанова прогнал мрачную тучу, которая висела над ним после отъезда Анриетты, и снова принял на себя роль молодого авантюриста и венецианца под маской, в которой отныне будет воспринимать его окружающий мир.

Его театральные корни вскоре пригодились — Казанова немедленно принял на себя новую роль, вполне в духе импровизаций комедии дель арте. Танцовщица Каттинелла, которую он знал когда-то понаслышке, представляла его теперь всем как своего двоюродного брата, но Джакомо это было не по вкусу. «Я видел, что она заставляет меня играть роль, — писал он, — ради собственных интересов», однако венецианец решил подыграть. Это примечательное место в мемуарах, оно показывает, как легко он импровизировал, даже если еще не видел в том для себя выгоды. Невольно он стал ее сообщником в деле ограбления хозяина гостиницы, который давал ей кредит в ожидании прибытия «матери» Каттинеллы и, соответственно, «тетушки» Казановы. Галантный Казанова даже попытался оплатить за нее счет, но только зря перерыл ее спальню в поисках каких-то денег. Однако, казалось, это его не беспокоило: он наслаждался притворством.

Затем он рассказывает об обычной незатейливой связи с дочерью прачки в своей квартире в Турине. Он запомнил ее за благочестие и застенчивость, неожиданные для профессии, представительницы которой были предметом торговли в трактирах. Возможно, ее напускная скромность могла объясняться, как он рассуждал, той ее особенностью, которая проявилась, когда она поддалась его натиску, от каждого его толчка она с шумом пускала воздух. Она продолжала пукать, подобно «басу из оркестра, отмечающему такты в музыке», и тем самым приводила Казанову в состояние полного

бессилия из-за разбиравшего его смеха. «Я просидел там на лестнице более четверти часа, прежде чем смог справиться с хохотом... Это происшествие заставляет меня смеяться даже сейчас каждый раз, когда я вспоминаю его».

Его театральнo-комическое путешествие продолжилось в Лионе. Здесь он встретил Анциллу, венецианскую куртизанку и танцовщицу, только что вернувшуюся из Лондона и успешно работавшую в Королевском театре «Хэймаркет». Обладавшие хорошими связями, его театральные товарищи почти гарантировали ему право входа в салон пожилого генерал-лейтенанта города, Франсуа де Ларошфуко маркиза де Рошебарона.

Ларошфуко в 1750 году было семьдесят три года. Ему понравился двадцатипятилетний итальянец, его прекрасные манеры, веселые компаньоны и легкое отношение к жизни, он помог Казанове с посвящением в масоны. Вполне вероятно, что именно попутчики придали особый шарм Казанове, привлекая Ларошфуко и лионских масонов, но, кроме того, Джакомо помогли его знания о каббале — частой теме для разговоров между венецианскими актерами, но не в более широком обществе. Лионская ложа масонов, в которую был введен Казанова, следовала так называемому шотландскому уставу, возникновение которого связано с попавшим в изгнание якобитом, шевалье Эндрю Рамсеем, и входила в Великую ложу Шотландии с девизом «Amitie, Amis Choisis» («Дружба и избранные друзья»). Традиции этой ложи восходили к средневековым розенкрейцерам, которые, в свою очередь, признавали силу каббалы.

Казанова мало об этом пишет, но важность включения в иное полузакрытое и международное братство, теснее-сплоченное, чем актерское, нельзя недооценивать. В то время, однако, он думал о Париже и вот-вот грядущем новом приключении, а не о высшем просветлении:

Казанова и Балетти прибыли в Париж в разгар лета 1750 года. Мать Антонио, звезда театра «Комеди Итальяен», недалеко от Пале-Рояль, выехала с маленькой сестрой Антонио, Манон, в Фонтенбло, чтобы встретить их, и в итоге забрала сына в Париж, оставив Казанову продолжать путь в низком дилижансе. Его утешением было приглашение на ужин в тот же вечер, а когда Джакомо добрался до Парижа, Антонио уже достаточно убедительно напел семье Балетти дифирамбы в честь итальянца, и те отправили наемный экипаж, чтобы забрать Казанову из квартиры на улице Моконсейль.

АКТ III, СЦЕНА II
ПАРИЖ МАДАМ ПОМПАДУР
1750

В начале моего пребывания в Париже мне показалось, будто я становлюсь самым заслуживающим порицания из людей, и я только и делал, что молил о прощении...

«Нет» — это не парижское словечко. Забудьте его или будьте готовы в любую секунду обнажить свою шпагу в Париже. Говорите «пардон».

Джакомо Казанова

В век рококо центр либертенизма находился в Париже, и Казанова с радостью обнаружил, как много удовольствий и возможностей сулит ему новое отношение к жизни, царящее в Париже. «Париж, — писал он, — несмотря на весь ум французов, всегда был и будет городом, в котором преуспевают обманщики... Эта характеристика проистекает из главенствующей над всем моды». Мода тех времен тяготела к сексуальной свободе и столичному цинизму, а монарх, двор и королевские любовницы поощряли и то и другое, заботясь только о собственном услаждении. Кребийон-младший утверждал в «Заблуждениях ума и сердца» (1736): «Вы три раза говорили женщине, что она прекрасна, и большего не требовалось; с первого раза она начинала верить вам, со второго — благодарила, а после третьего — вознаграждала вас». Герой этой книги, известной и Казанове, — семнадцатилет-

ний юноша, на протяжении сотен страниц он познает мир под влиянием более взрослой женщины, маркизы де Люрсе, которая способствует его моральному растлению, именуемому в тот век изучением науки любви.

Через несколько дней после прибытия Казанова уже был знаком с влиятельными людьми и успел много где побывать. Его учителем французского, после вечера, проведенного в доме у Балетти, стал Проспер Кребийон — автор пьес и отец еще более знаменитого романиста. Чем-то вроде салона под открытым небом оказался парк Пале-Рояль со своими кафе, колкостями и сплетнями, а вскоре Джакомо обрел собственную маркизу де Люрсе в лице очаровательной матери своего друга — актрисы Сильвии Балетти.

В модном кафе парка Пале-Рояль Джакомо свел знакомство с Клодом-Пьером Патю, молодым французским присяжным, которому исполнился двадцать один год. Он чуть ли не первый заметил Казанове, что, тесно общаясь с семейством Балетти, тот хорошо узнает Париж. Балетти были известны в богемной среде Парижа, их называли именами знаменитых комедийных персонажей, которых они играли. За семейным обеденным столом, где Казанова неизменно присутствовал на протяжении первых месяцев своего проживания в городе, с ним сидели Антонио, его родители — Сильвия и Марио, пожилая тетка Фламиния (она была столь же говорливой, сколь и упрямой) и младшая сестра Антонио — Манон. Кроме того, в доме Балетти часто бывали парижские литераторы — Мариво (еще один сочинитель пьес) и Проспер Жолио Кребийон-старший, на которого новый приятель Антонио произвел впечатление, и он предложил Джакомо помощь в улучшении его устного и письменного французского. Трижды в неделю Казанова ходил на уроки к Кребийону-старшему, весьма эксцентричному семидесятишестилетнему старику, — еще один пример

того, что венецианец легко сходиллся с людьми самого разного возраста и социального круга, а также его удивительного обаяния в глазах старшего поколения. Уроки проходили в окружении двадцати дурно воспитанных кошек, принадлежавших писателю, и двоим чрезвычайно высоким мужчинам (Кребийон был на три дюйма выше, чем Казанова с его шестью футами и двумя дюймами) с трудом находилось место среди сборников французской поэзии. Джакомо говорит, что именно Кребийон дал ему лучший совет как писателю: «Рассказывайте удивительные истории без смеха, будьте умны, уважайте правила грамматики», добавив, что суть великой книги кроется в том, что отличает любовника от кастрата, — в яйцах.

Описание Парижа середины восемнадцатого века — эпохи обольщения, когда властвовал Людовик XV и достигла вершин могущества мадам де Помпадур — остается одним из самых удачных мест в путевых заметках венецианца. Джакомо повезло быть там в столь подходящее для него время, в компании, которую он сам выбрал, но его взгляды на жизнь и манеры были непривычными для парижан и слишком прямолинейными. Не раз, говоря о себе, он рисует образ неловкого иностранца, ищущего свое место в большом городе. Опыт освоения французской жизни породил нового Казанову, человека, который позднее предпочитал писать на французском и провел большую часть своей карьеры во Франции или же среди франкоговорящей элиты. Он был сыном Венеции, но он стремился освоить все тонкости поведения при французском дворе. Он утратил остатки своей нравственной наивности с актрисами и куртизанками, которые открыто смеялись на церковной моралью. То, о чем венецианцы не говорили вслух и скрывали под масками карнавала, парижане откровенно возвели в ранг новой собственной моральной нормы. Одна из актрис, Мари Ле Фель, весело объяснила

Казанове различия во внешности своих детей тем, что они рождены от трех разных любовников. Казанова вспоминал, как он покраснел. В Венеции о таких вещах было широко известно, но о них не говорили. «Вы находитесь во Франции, монсеньор, — поясняла бывшая актриса, — где люди знают, что такое жизнь, и стараются извлечь из нее все». Эту философию Казанова усвоил как в делах сердечных, так и в отношении мира в целом. Париж в 1750 году был прекрасной декорацией для следующей сцены в комедии дель арте Казановы.

Казанова отправился вместе с Балетти и Кребийоном в театр, где увидел прославленные пьесы Мольера, «Мизантроп» и «Скупой». Он посетил представления «Игрока» и «Гордеца» по Реньяру и Детушу соответственно, где в главных ролях блистали великие актеры парижской сцены, уже давно позабытые теперь, но все еще живые в его воспоминаниях — когда Казанова пишет о восторге от их выступлений и от общения с ними за кулисами. Итальянская община в Париже постепенно принимала его в свой мир, отчасти потому, что он был сыном Дзанетты Казановы. Его квартира на улице Моконсейль находилась в центре пригорода Парижа, где селилось все больше итальянцев, а жизнь вращалась вокруг отеля «Де Бургонь» и театра «Комеди Итальян». Актер и импровизатор Карлино Бертинацци (он работал по контракту в Санкт-Петербурге с матерью Казановы в 1736 году) в Париже благосклонно принял Джакомо, которого не видел со времен, когда тот был школяром в Падуе. Карло Веронезе, который играл Панталоне в спектакле с Дзанеттой, также пригласил ее сына на ужин и представил его дочерям-актрисам, Анне-Марии и Джакоме-Антонии. Видимо, именно благодаря Анне-Марии, которую по имени ее театрального персонажа называли в Париже Коралина, Казанова познакомился с ее любовником, Шарлем Гримальди, князем Монако. Джакома была любовницей графа де Мельфора, фавори-

та герцогини Шартрской. Круг общения Казановы быстро расширялся. Росли и его театральные связи, частично благодаря имени матери. Все дворяне состояли в масонах, а герцогиня Шартрская была главой женской части братства во Франции. Неясно, сообщал ли ей Джакомо о том, что он тоже масон, но она, как кажется, была осведомлена об этом, как и о его интересе к каббале.

Казанова несколько несдержанно сообщает о том, что князь Монако был сводником при герцогине де Рюффе. Эту «пожилую» леди — в 1750 году ей было сорок три года — познакомил с Казановой его новый друг Гримальди. Как только они остались наедине, герцогиня попросила Джакомо сесть рядом с ней и попыталась расстегнуть ему штаны. В ужасе от ее приставаний и, возможно, от мыслей, будто Гримальди полагает Казанову столь легко доступным, он выпалил, что у него триппер, после чего его буквально выбросили из ее дома. Это была первая из нескольких историй о том, как, по словам Джакомо, он начал познавать Париж, и ни одна из них не выставляла его в особенно хорошем свете, хотя и являлась предметом забавных анекдотов и тогда, и сейчас. В основном, его подводил собственный французский язык, слишком непристойный и легкомысленный. В попытке спросить подругу, как она спала, он непреднамеренно спрашивает, что она «извергла» в ночи, а объясняя юной леди, где по правилам надо использовать один итальянский предлог, случайно говорит, что его надо ставить после слова, на сленге значившего пенис. Видимо, он был веселой компанией, старательный, слегка неловкий и выглядящий очаровательно-наивным, новый венецианец в городе. О нем заговорили и стали все чаще присылать приглашения.

7 октября 1750 года, через несколько месяцев после прибытия Казановы, Балетти должны были отправиться вместе с придворными в Фонтенбло на охоту. Двор обитал, главным

образом, в Версале, но еще одной большой страстью Людовика XV, помимо женщин, была охота. Каждый день после охоты устраивались музыкальные или театральные представления. Балетти пригласили Казанову остановиться с ними в доме, который они снимали недалеко от дворца, что позволило ему непосредственно увидеть королевский центр французской жизни и любовницу Людовика XV, Жанну-Антуанетту Пуассон, маркизу, а потом и герцогиню, известную впоследствии как мадам Помпадур.

Через несколько дней после своего прибытия Казанова достал билеты на спектакль оперы Люлли и, либо преднамеренно, либо случайно, оказался в партере, прямо под ложей Помпадур. Она спросила, кто он, возможно потому, что заметила его высокий рост и осанку, а может, и его неуместный смех на речитатив Лемор, известной французской оперной певицы того времени. Ей сказали, что молодой человек — венецианец, и, свесившись из своей ложи, королевская фаворитка обратилась к нему с вопросом, правда ли, будто он «из тамошних краев».

— Откуда?

— Из Венеции, — снова уточнила она.

— Венеция, мадам, это не край, — ответил Казанова, смело и сухо. — Это центр.

Подобные высокомерие и самоуверенность в присутствии де-факто королевы Франции, возможно, могли бы сделать имя Казанове, но сразу следом случилось нечто гораздо более забавное, что, как пишет Джакомо, «принесло славу». Это был двусмысленный диалог с герцогом Ришелье, спутником Помпадур в ее ложе, когда тот спросил, какая из двух актрис больше нравится Джакомо. Казанова выразил свои предпочтения. «У нее уродливые ноги», — возразил Ришелье. «Их не видно, — парировал по-французски дерзкий молодой венецианец, — и в любом случае, оценивая красо-

ту дамы, в первую очередь я отбрасываю ее ноги в стороны». Позже он утверждал, что употребил французское слово «écarter» (исключать, отодвигать, раздвигать) ненамеренно, но остроумие перед лицом столь влиятельных придворных сделало свое дело — на молодого человека обратили внимание. Франческо Морозини, венецианский посол, попросил о встрече с дерзким итальянцем, про которого заговорили все. Так же поступил и якобит лорд Кейт, не видевший Джакомо с 1745 года; но с тех пор часто тепло вспоминавший юношу.

И снова в мемуарах Казановы мы находим множество подробностей и впечатлений очевидца, это простодушный рассказ о далеко не наивном мире французского двора. Несколькими штрихами он рисует портреты придворных дам, которых этикет заставлял носить каблуки «в полфута высотой», если они присутствовали у королевы, и даже бегать на них, в кринолиновых юбках и с кукольным макияжем, когда дворцовый протокол требовал их немедленного присутствия в определенном месте.

В то время в Фонтенбло неожиданно появилась венецианская куртизанка Джульетта Преати, она же — синьора Кверини, намереваясь привлечь внимание Людовика XV, постоянно жаждавшего смены удовольствий. Хотя мадам де Помпадур была, безусловно, главной фавориткой короля, ее долговечность в этой роли основывалась на готовности поддерживать его все ширившийся гарем придворных дам и закрывать глаза на его «Олений парк», куда ради его удовольствия постоянно привозили чрезвычайно молоденьких девушек. Король отклонил тонкие намеки Джульетты. «Здесь есть женщины и покрасивее», — записывает Казанова жесткие слова монарха, обращенные к Ришелье. В тот момент венецианец вполне мог принять к сведению, что не недостаток прелести Джульетты Преати как профессиональной кур-

тизанки явился причиной отказа короля, но, скорее, им руководило личное пристрастие к совсем юным девушкам.

Вскоре Джакомо вернулся в Париж и своему безбедному существованию в городе, обеспеченному все еще приходившими от Брагадина деньгами, выигрышами в карты и щедростью друзей. Можно было думать, что он занят изучением французского языка и приобретением репутации при дворе, но ни то, ни другое, конечно же, не сулило ему ни денег, ни определенных перспектив. Зато неожиданно его история сплетается с придворной интригой и историей одной картины, как ни странно, благодаря довольно неожиданно данному персонажу Клоду Патю, его другу-либертену. Патю познакомил его с удовольствиями парижских борделей, и впервые любовная жизнь Казановы — или, точнее, сексуальная жизнь — свелась к посещениям одного из них, борделя «Отель-дю-Руль» в Порт-Шайо. Учитывая, что в заведении действовал дресс-код и ожидалось джентльменское поведение (клиенты должны были развлекать за обедом девушек по своему выбору), возможно, это показалось бы дорогостоящей привычкой, но Казанова, не смущаясь, доказывает обратное. Спустя десятилетия он вспоминал о ценах: шесть франков за завтрак и секс, двенадцать — за обед и секс, один луидор — за ужин и всю ночь. Секс без еды не допускался.

Девочки носили одинаковые белые одежды из муслина на греческий манер и скромно сидели за шитьем, пока мужчины выбирали меню и партнершу в постель. В свой первый вечер в этом борделе Патю и Казанова выбрали услуги трех разных проституток на время долгого, бурного и сопровождавшегося обильной едой ужина. Впоследствии Казанова предпочитал одну из девушек, Габриэль Сибер, известную как Ла Сент-Илер. Во время поездки на ярмарку в Сент-Лоран Патю приглянулась фламандская актриса ирландского происхождения, некая Виктория Морфи или Мерфи, из-

вестная также как Ла Морфи. Она согласилась переспать с Патю за два луи в своем доме, находившемся неподалеку, а Казанова остался в одиночестве. Было уже поздно возвращаться, и он попросил постель либо просто место на ночь, либо до тех пор, пока его друг не закончит свои альковные дела. За половину экю Джакомо предложили матрас неряшливой сестры-подростка Ла Морфи. Постель Казанове не понравилась, но что-то в девочке заинтересовало его, не в последнюю очередь ее согласие на то, чтобы он увидел ее голый, касался ее и даже вымыл. Несмотря на уступчивость, на большее она не соглашалась менее чем за двадцать пять луидоров: она была девственницей, а ее сестра рассказала ей, что парижские цены на невинность гораздо больше этой суммы. В конце концов, благодаря Казанове, главный приз достался Людовику XV. Помыв ее, Казанова счел девушку «совершенной красавицей, способной внести усладу в мир души, созерцающей ее». Насколько это соответствовало действительности, подтверждается дальнейшими событиями. Казанова заплатил шведскому художнику Густаву Лундбергу, школы Буше, чтобы тот нарисовал девушку в расцвете ее красоты в обращенной к зрителю позе.

Затем копия картины оказалась в Версале у господина де Сен-Квентена, королевского сводника. Людовик XV пожелал встретиться с «О-Морфи» — такое имя дал ей Казанова, намекая на греческое слово «красивая» или «женственная». После ей было предложено поселиться в Оленьем парке и принести в жертву девственность на алтарь отечества по несколько более высоким ценам, чем была обычная в Париже ставка. Пошли слухи, что девушка особенно угодила королю, когда, сидя у него на коленях, рассмеялась и сказала, что он удивительно похож на свое изображение на монете в полэкю, пока «его королевская рука удостоверялась в ее девственности». Луизон О'Морфи, или Морфи, было тогда три-

надцать лет. Она родила королю одного ребенка, мальчика, которому был дарован титул графа, но затем она оказалась в опале, по глупости оскорбив королеву.

Эта история имеет элементы поддающейся проверке реальности — связь между Патю и сестрами Морфи плюс картина, которая бытует в различных формах, — с похожей на ребенка соблазнительницей, чья красота способна произвести впечатление не только на Людовика XV и Казанову. Тем не менее Казанова преувеличивает свою роль в пополнении монаршего гарема. Хотя он, возможно, вымыл девушку в доме, где та жила со своей сестрой — это был акт почтения, понимания или личного вмешательства, как он делал всю жизнь, — она бы и сама так или иначе нашла свой путь в студию Буше, откуда легко было попасть в Олений парк, с помощью или без помощи Джакомо.

Патю тем не менее был поражен — не в последнюю очередь выдержкой своего друга и его дальновидностью в переговорах по поводу девственности Луизон Морфи.

Первое пребывание Казановы в Париже показывает нам все более светского и циничного молодого человека, погружавшегося в продажное, искушенное общество и принявшего на какое-то время идеологию либертенизма, исповедывавшегося при дворе Людовика XV и маркизы де Помпадур. Казанова не только положил начало карьере Луизон Морфи, но старался сделать то же самое для красивых итальянок, которые переехали в квартиру на его улице. В более зрелом возрасте он сожалеет, что в двадцать пять лет встретил молодую, красивую, нуждающуюся и многообещающую женщину и даже не пытался оставить ее себе, а рассматривал как вложение активов на любовном фондовом рынке Парижа. «Если в вас есть добродетель, — вспоминал он свои слова одной итальянской красотке, — и вы полны решимости сохранить ее, приготовьтесь страдать от нищеты». Он посоветовал ей

притвориться недоступной, чтобы поднять цену, а затем играть с распутниками в Пале-Рояль, заставляя их ждать. Это было сделано цинично, но не без добрых намерений — он был несчастен, сознавая, что красивая итальянка достанется кому-то недостойному, по мнению Джакомо, ее красоты или его участия в ее судьбе. Идея о любви как игре и поле для торга была очень в духе времени, и в Париже в 1750-е годы Казанова, летописец восемнадцатого века, прилежно изучил самые циничные стороны либертенизма. Однако расчетливые перемещения на парижском рынке любви, которые привели Помпадур в Трианон, а мадемуазель Сибер из борделя в объятия Джакомо за один луидор за ночь, не соответствовали порывам или склонностям настоящего Казановы. Он с успехом следовал парижской моде, но чувствовал себя неуютно. Годы спустя его сожаление о попытках продать свою соотечественницу, Антуанетту Везиан, графу Нарбоннскому продолжало тревожить его — не из-за нарушения нравственных норм, но больше из-за собственной роли в ее падении. У графа, как оказалось, не хватало денег. Казанова и Везиан грустно сидели на постели, покуда она обдумывала собственную будущую судьбу содержанки. В длинном полузабытом разговоре Казанова раскрывает себя более романтичным, чем его эпоха и репутация и чем требовала роль сводника помогающего куртизанке: «Удовольствие есть наслаждение чувств в настоящий момент; это полное удовлетворение, какое доставляешь им во всем, чего они жаждут... Философ тот, кто не отказывает себе ни в каком удовольствии, если только не ведет оно к большим, нежели само, горестям, и кто знает, как его себе сотворить». Далее он пишет, что следует избегать любых предрассудков, «для которых мы не видим причин в природе», — аргумент в духе романтизма Руссо. Назначением философии, продолжает Казанова, «должно быть изучение природы». Это аксиомы революционного време-

ни — века Вольтера и уничтожения старого продажного мира, — но едва ли начинающая куртизанка могла ожидать их услышать из уст опытного либертена. Хотя ее история закончилась достаточно хорошо — браком с маркизом де Этре и ложей в театре, где тот мог демонстрировать свое приобретение лучше, чем на настоящей сцене, элегическая нотка в рассказе Казановы говорит, что его сердце было более романтическим, нежели корыстные реалии любовных перепетий в стиле рококо.

Казанова постепенно понял, что он снова потерпел неудачу, уже в Париже, — не смог извлечь прибыли из своей тамошней жизни и воспользоваться выпадавшими хорошими возможностями, чтобы попасть в центр внимания. Его французский улучшился. Но его небольшой доход не покрывал его траты — которые включали в себя периодическое распутство в компании Патю, практикующего юриста, — и в 1751 году Джакомо со все возрастающим отчаянием ищет вокруг хоть что-нибудь, что было бы способно оправдать его парижское существование.

Герцогиня де Шартр, кузина Людовика XV и заметная в обществе фигура, соприкасалась с театральными и масонскими кругами общения Казановы: ее фаворит, граф де Мельфор, имел любовницей дочь Карла Веронезе, итальянца, знаменитого своей ролью Панталоне. Герцогиня была почти такого же возраста, что и Казанова, и, возможно, имела гораздо больше любовников, чем Джакомо, но страдала (по словам сплетников — по причине любовной болезни) от прыщей на лице, возможно, от обычного акне. Независимо от причины, болезнь причиняла ей много неприятностей, когда присутствие герцогини было необходимо при дворе и в обществе, если же ее лицо вдруг очищалось, то она была, по эстетическим канонам своего времени, красавицей, которую неоднократно изображали художники. Несомненно,

через Веронезе и Мельфору, которые были масонами, она узнала, что Казанова, по слухам, владеет некоторыми секретами каббалистического целительства. Она попросила о встрече в апартаментах, которые содержала в Пале-Рояль. Казанова был поражен. «Она была очаровательной, чрезвычайно живой, без предрассудков, веселой и остроумной собеседницей» — то есть наделена теми качествами, что более всего приходились ему по душе. В завуалированном комментарии он, может быть, намекает на ее репутацию как главной распутницы Парижа, «любящий удовольствия» и «предпочитавшей их долгой жизни — “быстротечно и сладко” было излюбленным выражением в ее устах».

Она хотела задать ему различные вопросы, в письменном виде, как полагалось в случаях обращения к каббалистическому оракулу, и Казанова должен был ответить тоже в письменной форме. По крайней мере один из вопросов касался ее проблем с лицом. Казанова сжалился над ней — или увидел возможности для собственного продвижения, он предписал ей строгую диету, ежедневное умывание чистой водой и отказ от помады и косметики. Он также дал понять, что лечение не будет мгновенным. Его советы сработали. Доверие герцогини к Казанове выросло, и он тоже проникся к ней симпатией. Они продолжали встречаться в Пале-Рояль, она задавала ему много вопросов и посвящала ему все больше и больше времени. Он все глубже погружался в систему каббалистического прорицания. Казанова говорил об истинах, «про которые не знал, что знает их», а она обещала ему «должность, которая даст доход в двадцать пять тысяч ливров». Здесь становится ясным — Джакомо сознает, что он в значительной степени мошенничает. Казанова предполагал, что из каббалы могут быть выведены некоторые истины, но он также знал, что играет на разнице между предположениями и уверенностью. Он не мог сказать ей, как работает, поскольку

и сам не знал, и к тому же, как он заявил: «Я был безумно в нее влюблен, [хотя еще] думал, что такое завоевание мне не по силам».

Любовная жизнь Казановы в либертенском Париже в начале 1750-х годов была относительно спокойной. Он отказался от предложений «дряхлой» сорокатрехлетней герцогини Рюфбек, пришел к выводу, что герцогиня Шартрская тоже не для него, и предоставил О-Морфи и Антуанетте Везиан свободу продавать их честь в других местах. Конечно, он платил за секс с мадемуазель Сибер, в компании Патю, и также при случае делил свое ложе с юной дочерью хозяйки своего жилья. Она пришла к нему, как он позднее уверял, «когда почувствовала необходимость», а «он никогда не мог жестоко отказать в ласке девушке, которая... приходит в его комнату, — особенно, когда она приходит с согласия своей матери». Однако Мими, «божественное существо пятнадцати или шестнадцати лет», забеременела, и мадам Квинсон потребовала от своего арендатора или жениться на ее дочери или выплатить компенсацию. Казанова заметил им, что Мими вовсе не была неопытной девицей до их знакомства, он может и не быть отцом ребенка и что согласие матери на связь было очевидным с самого начала. По его мнению, возможно справедливому, его просто-напросто поймали в ловушку. На первом рассмотрении обстоятельств в суде дело повернулось против него, но когда вчиненный иск дошел до начальника полиции, с Казановы были сняты все обвинения, а судебные издержки возложены на мадам Квинсон. Будучи человеком своего времени, других правил и с достаточно противоречивым и сложным характером, Джакомо сам щедро оплатил расходы, хотя никогда не признавал, что ребенок, мальчик, был от него. Но он, должно быть, знал или подозревал о своем отцовстве, и, конечно, Мими безоговорочно утверждала, что отцом являлся Казанова, который

«позволил», чтобы мальчик — наверное, его третий ребенок — был отдан в спонсируемый военными приют напротив больницы Отель Дью — «на благо нации». Они никогда не встречались.

Летом 1752 года в Париж прибыл Франческо Казанова, тогда двадцати четырех лет от роду. По совету брата он решил попытать счастья как художник-баталист на парижском рынке, где лишь немногие посвящали себя этому жанру, несмотря на воинственность власти. Вполне может быть, что Казанова оплатил путешествие Франческо в надежде стать его агентом, но если это так, то оба брата оказались разочарованы: в салоне, состоявшемся в Лувре, картины Франческо подвергли резкой критике. Он сбежал оттуда почти в слезах, картины забрал слуга, а сам творец «полоснул по ним саблей двадцать раз».

Именно Франческо предложил брату вместе отправиться к матери в Дрезден. Казанова не видел ее с 1737 года, когда он был худым двенадцатилетним мальчишкой, еще только начинавшим развивать в себе таланты. Дзанетта хорошо устроилась при дворе курфюрста Саксонии — как знаменитая актриса, плюс уважаемая в обществе и при дворе Дрездена дама. Возможно, братья думали, что они смогли бы воспользоваться ее связями. Может быть, они хотели подальше уехать от недавних светских и художественных неприятностей в Париже. Может статься, в ходе продолжающегося отсутствия истинной любви и призвания Казанова почувствовал необходимость разобраться в отношениях с пренебрегавшей им в раннем детстве матерью. Но, скорее всего, братьям просто нужны были деньги.

В полицейском отчете того периода отмечается, что Казанова жил за счет семьи Балетти — возможно, его даже содержала, во всех смыслах, мать Антуана, Сильвия. Казанова яростно отрицал это, но он нашел себе новую семью, быв-

шую зеркальным отражением его собственной, и «вторую мать», которая волновалась об его успехе в парижском обществе. Он также обратил внимание на младшую сестру Антуана, чьи полные чувства письма к нему в изобилии хранятся в пражском архиве. Но в 1752 году Манон Балетти было всего двенадцать лет, и она лишь помахала на прощание рукой ему и его брату вместе с остальными их итальянскими друзьями.

Братья уехали осенью и — через Шампань, Мец и Франкфурт — прибыли в Дрезден в октябре. Мать встретила старших сыновей тепло, и они смогли заново подружиться со своей сестрой Марией-Маддаленой-Антонией (ей тогда был двадцать один год) и с недавно женившимся на ней придворным музыкантом, Петером Августом.

Франческо посвятил себя серьезному изучению искусства и вскоре переехал в Рим, чтобы учиться дальше у знаменитого Рафаэля Менгса. Его старший брат, тем временем, писал пьесу. Правда, она явно основывалась на «Фиваиде» Расина, и в этом, возможно, сказалась работа, которую Казанова проделал с Кребийоном во время своих упражнений в переводе в Париже. На самом деле, это была вторая пьеса, исполненная в Дрездене, причем на афише значилось имя Казановы. Первая же была прямым переводом на итальянский язык оперы «Зороастр» Луи Каюзака, подготовленном по заказу саксонского посла, пока Казанова жил в Париже и, следовательно, с подачи его матери. В той постановке (почти наверняка реализованной в феврале 1752 года) были задействованы и Дзанетта, и Мария, и успех постановки отчасти мог быть причиной появления Казановы в Саксонии. Он назвал свою пародию на Расина «Молюккейда, или Близнецы-соперники» и отошел от точного следования оригиналу, превратив свою пьесу в головокружительную итальянскую комедию с двумя арлекинами, «наполненную... комическими несообразностями». Постановка была представлена под

именем Джакомо, а не Расина — первая публичная его работа — и была тепло встречена при дворе, в частности, понравилась королю Августу III, который наградил автора за старание деньгами.

О первом подлинном литературном успехе в мемуарах Казановы говорится скупо. Комедия, в которой Казанова преуспел в диалогах, была не тем, куда он устремлял свои амбиции как писателя — это было слишком семейное дело, как и музыка, которая также, о чем он позднее заявил Екатерине Великой, не представляла для него никакого интереса. Вероятно, это объясняет, почему другой небольшой триумф тоже лишь вскользь упоминается в мемуарах: прежде чем Джакомо покинул Париж, аббат де Вуазенон, коллега Кребийона, предложил ему попробовать силы в оратории в стихах в венецианском стиле на концерте в Тюильри. Эти оратории должны были впервые исполняться во Франции, и поэтому имя Казановы стало бы значимой вехой в истории французской музыки. Казанова, однако, решил, что его судьба в другом месте, а не при саксонском дворе и не в его музыкальных и театральных сценических кругах. Он решил вернуться в Венецию.

АКТ III, СЦЕНА III
МОНАСТЫРСКИЕ СТРАСТИ
1753–1755

Я вернулся в Венецию в 1753 году, многое познавший, в расцвете сил, в эйфории и жаждал удовольствий; я был счастливым, стойким, энергичным и насмешливым... Я праздновал день и ночь, играл по-крупному... и не принадлежал никому. Я не нарушал спокойствия. Я избегал политики и личного участия в ссорах других людей и был поистине добропорядочным... Моя жизнь либертена в худшем случае могла сделать меня виноватым перед самим собой, и ни одно сожаление не омрачало моей совести... Я был совершенно счастлив.

Джакомо Казанова

День исчезает, ночь окутывает меня... Боже, как долго ждать мне твоего прихода вновь... Опрокинь меня, войди в меня... — я умираю от любви.

*Ж. Баррен. Венера в монастыре,
или Монашенка в рубахе (1683)*

День Вознесения, когда в 1753 году Казанова вернулся домой, считался главным праздником венецианского календаря. На воду спускали «Бучинторо», гигантскую государственную гондолу — для торжественной церемонии венчания Венеции с морем, совершаемой дожем при всем сенате

и в присутствии венецианских послов и папского нунция. Обильно украшенная лодка подплывала к краю Лидо, дабы дож мог бросить золотое кольцо в волны. Чтобы увидеть красочное действие, с площади Сан-Марко отправлялась целая флотилия гондол.

Казанова вновь погрузился в венецианскую жизнь и встретил новую большую любовь. После двух лет игры в парижского развратника, он вдруг — по иронии судьбы, вероятно — влюбился в невинную венецианскую девушку, причем отвергал все попытки ее брата выступить в качестве сутенера или же предложить брак с ней.

Он нашел свои книги и бумаги так, как оставил их летом 1750 года в своей комнате в палаццо Брагадина. Сенатор уехал из города, чтобы избежать суеты в день праздника Вознесения, и Казанова поэтому ненадолго отправился к нему в гости. Джакомо уже был на обратном пути в Венецию (поздно вечером в субботу до задерживавшейся церемонии с «Бучинторо» — в сам день Вознесения погода оказалась слишком скверной), когда его жизнь сделала еще один неожиданный поворот. Как он отмечал, если бы он оставил Брагадина на несколько секунд раньше или позже, события бы развивались совершенно иначе. По дороге к каналу Брента перед экипажем Казановы внезапно перевернулся кабриолет. Казанова помог потрясенным пассажирам подняться на ноги, никто из них не пострадал, за исключением дамы, чьи юбки оказались на голове у Казановы — спустя десятилетия он с удовольствием вспоминал открывшееся ему зрелище, — и все продолжили путь. На следующий день он пошел пить кофе на площади Сан-Марко — в кафе, сохранившее и по сей день имя своего первого владельца, синьора Флориана. Казанова был в маске, как и женщина, которая прошла мимо него и коснулась его плеча. Позже, когда он прибыл на мост Рива Сеполеро, где его ожидал гондольер Брагадина, та же

дама появилась вновь и упрекнула его, что он все еще не узнает ее. Но, конечно, в первый раз он видел ее в перевернутой карете, по-видимому, в совсем ином ракурсе.

Он подозревал, что находится на пороге какого-то приключения, но не мог определить характер отношений дамы с ее спутником, венецианцем в немецкой форме, который тоже принял приглашение присоединиться для поездки в Лидо к Казанове в его впечатляющей гондоле сенатора. Человек принадлежал хорошо обеспеченной семье, но набрал кучу долгов. Его личность, под инициалами «П. К.» в мемуарах, считается срисованной с Пьетро Антонио Капретта, тридцатидвухлетнего сына венецианского купца Христофоро Капретта. На самом деле, Казанова имел финансовые отношения с ним еще в 1748 году, а в 1753 году попал в историю с младшей сестрой Капретта, Катариной, — «чудом нетронутой природы, переполненной искренностью и непосредственностью». Казанова немедленно очаровался ею и даже позволил Пьетро обмануть себя и дал ему займы в надежде проводить больше времени с девушкой.

Во время карнавального сезона 1753 года Казанова, холостой двадцативосьмилетний мужчина, взял Катарину в ее первое турне по Венеции и ее достопримечательностям и заново открыл для себя эти места, увидев их глазами милой девушки. Он выкупил ложу в театре «Сан-Самуэле», где когда-то играл в оркестре, отвел ее в сады Джудекки, вместе с ней любовался игрой света в teatro del mundo. Неожиданно, но с радостью парижский светский повеса открыл для себя любовь. Он пытался защитить Катарину от покушений ее брата, пытавшегося продать невинность сестры, Пьетро так хотелось получить денежную поддержку, что он даже снял квартиру для Катарины, Казановы, себя самого и своей любовницы и занимался сексом в присутствии шокированной сестры и Казановы, по-видимому, в надежде распалить ве-

нецианца. Казанова сначала считал, как и в случае с Везиан в Париже, что не может поступить с Катариной «ни как честный человек, ни как развратник», он знал, что «неизлечимо» в нее влюблен, и чувствовал, что не может позволить себе брак с ней, но и не желал просто воспользоваться ею. Это было непредвиденное затруднение. Катарина в начале их отношений настаивала на решении вопроса, подразумевая брак, и полагала, что любит его.

Казанова, уже опытный повеса, в рассказе об их связи показывает нам упоенного любовью молодого человека, который бежит с любимой наперегонки в садах Джудекки, покупает ей перчатки, чулки и подвязки с пряжками на Риальто, ест с ней мороженое на набережной Сан-Марко. Он был «болен любовью и возбужден... так не могло долго продолжаться».

Любовь всегда означала для него проблемы. Его фатально влекло к невинности и юности, и он прекрасно понимал иронию своей неизбежной роли в деле уничтожения того, что он сам обожал. «Чем более невинной я ее считал, — писал Джакомо о Катарине, — тем менее я мог решиться овладеть ею». Он знал, кто он такой и что ему нужно, и он также знал, что прав. Его «душа», как он пишет, «разрывалась между преступлением и добродетелью, хотела защитить ее от себя». С его борьбой покончила сама Катарина. В садах Джудекки, где можно было снять частные и укромные номера, она сказала ему, что готова стать его женой, «перед Богом, в Его присутствии, у нас не может быть истинного и более достойного свидетеля, чем наш Создатель». Казанова не смог и далее противостоять «непреодолимой силе природы» и занялся любовью с девушкой, назвав ее своей «женой». Он понимал, что делает, и почти сразу же пожалел о содеянном. Они провели вместе всю ночь, и в конечном итоге Джакомо отвел ее назад домой с «темными кругами под глазами, слов-

но ее избили... пережившую битву, которая изменила ее [как женщину]».

Естественно, ее брат-развратник догадался о том, что случилось, и попытался шантажировать Казанову, но безуспешно. Возможно, на данном этапе Казанова снова всерьез рассматривал возможность брака с Катариной и планировал сделать ее беременной и, следовательно, принудить ее родителей дать за дочерью щедрое приданое. Усердно и часто, как он пишет, вдвоем они работали над доказательством их близости, «общего мига блаженства».

Ко времени возвращения Христофоро Капретта в Венецию, где-то в начале лета 1753 года, Пьетро за долги сидел в тюрьме, а Катарина действительно оказалась беременна. Казанова убедил Брагадина просить за него у Капретта-отца, простого купца, хотя и богатого. Однако даже уговоры вельможи не смогли изменить того факта, что Казанова имел неясное будущее и сомнительное происхождение из театральной среды. Капретта не только отказался, но, не зная о беременности, вынудил свою сестру отправить Катарину в монастырь Санта-Мария-дельи-Анджели в Мурано, куда к середине июня бедняжку зачислили в воспитанницы.

Мурано служил местом обитания для нежелательных детей, сирот и своенравных девушек вроде Катарины. Здесь располагалось несколько монастырей, а монастырь Санта-Мария-дельи-Анджели на подветренной оконечности главного канала острова был одним из старейших и крупнейших. От обители мало что осталось в наши дни, но сохранились церковь и некоторые фрагменты садовой ограды, а также несколько маленьких дверей, ведущих вниз к набережной, которая помнила немало тайных побегов. Над входным арочным портиком можно увидеть барельеф с Девой Марией, которая игриво смотрит на архангела Гавриила, поверх книги. Одна из таких дверей послужила Казанове, отсюда к

нему на тайные свидания убегала Катарина, или. «К. К.»; как он назвал ее в своих воспоминаниях, выходила Лаура — послушница, которая помогла ему установить связь с возлюбленной, и наставница Катаринины монахиня, личность которой остается неопределенной, он называл ее «М. М.».

В восемнадцатом веке от главных островов Венеции к Мурано и обратно ходил *traghetto*, или паром, а также у Калле-де-ла-Мальвазиа пассажиров ждали наемные гондолы, чугунные сваи, к которым швартовали большие суда, напоминают конструкции моста. Эту часть Венеции Казанова успел изучить до мелочей, за время истории с Катарининой и всех последующих связанных с нею интриг. Неподалеку находилась крошечная церковь Сан-Канциан, где путешественники могли подождать транспорта и заодно помолиться за безопасный проход судов. Здесь Казанова и встретил послушницу Лауру, которая работала курьером для мирских и обладавших хорошими связями венецианок — монахинь и воспитанниц монастыря Санта-Мария. Она согласилась передавать письма Казановы Катарине во время своих регулярных выездов за покупками и брать у нее письма для него. Со временем Лаура будет делать больше. Вокруг Сан-Канциан есть шесть столбов, традиционно ставившихся у венецианской церкви, а справа от входа находятся исповедальни. В этих исповедальнях Казанова оставлял записки, еду и одежду, поскольку беременность Катаринины стала главной заботой молодой супружеской пары и монахинь, в интересах которых было сохранить тайну.

Все это представляет настоящего Казанову в совершенно ином свете: молодой человек, будущий отец, влюбленный, одинокий в палаццо Брагадина, помышляющий о самоубийстве (по его собственным словам); церковному браку его мешали препоны старшего поколения и традиционное устройство монастыря. Все было сложно и скверно.

Вернувшись в Сан-Самуэле, Казанова повидал бывшего любовника своей матери Джузеппе Имера, театрального импресарио, и у него встретил свою подругу детства, Терезу Имер. Она давно покинула Венецию, оставив малоодоходное место у окна дома на Калле-делла-Дука Сфорца, где она заигрывала с прохожими, вышла замуж за хореографа Анджело Помпеати и теперь пела в опере в Байройте. Карьера ее складывалась в венецианском стиле — певица и куртизанка, Терезу содержали маркиз де Мон-Перни, директор оперного театра в Байрейте, и правящий маркграф Фредерик фон Гогенцоллерн, шурин Фридриха Великого. При этом с Помпеати у нее было двое детей.

Ее любовные дела были достаточно запутанными, но при возвращении обратно в Венецию в 1753 году она переспала с Казановой — они не видели друг друга со времен их юношеского флирта в палаццо Малипьеро в 1740 году — и единственная совместная ночь привела к зачатию ребенка. Это случилось в разгар романа Джакомо с Катариной, так что в конце весны 1753 года беременными от него оказались две не знакомые друг с другом молодые женщины. Отец Катарины был прав, утверждая, что Казанова непригоден для брака, но у самого Джакомо ушло много времени, чтобы понять то же самое и чтобы это стало очевидным для Катарины.

Беременность Катарины протекала плохо, и в конце июля 1753 года у нее произошел выкидыш. В критический момент Казанова переехал в крошечную каморку в доме Лауры, чтобы быть ближе к Катарине, и с помощью послушницы смог переправить тюк необходимых простыней и салфеток, купленных в еврейском квартале. Он был ошеломлен выкидышем и кровотечением, видя, как Лаура из монастыря переносит кровавое белье в свой дом для стирки. Катарина оправилась заботами и стараниями более старшей монахини,

которая, если верить письмам девушки к Казанове, была, вероятно, бисексуальна и сама немного влюблена в Катарину.

Казанова вернулся в Венецию, но по основным праздникам и в некоторые воскресенья Джакомо отправлялся в гондоле Брагадина на Мурано и переодетым присутствовал на мессе. Здесь он мог видеть Катарину, которую называл также своей «маленькой женой», хотя и не мог разговаривать с ней. Была комната для свиданий, но Катарине отказали в ее использовании. Он послал ей перстень с секретом — за изображением Святой Екатерины был спрятан его собственный портрет.

В ноябре 1753 года история приняла неожиданный оборот. В День всех святых Казанова получил послание. «Письмо было белым и запечатано воском цвета авантюрина [рыжеватого-коричневого стекла, изготавливаемого на Мурано]». Оно гласило:

Монахиня, которая видит Вас в церкви по всем праздничным дням в течение последних двух с половиной месяцев, хотела бы познакомиться с Вами... Она не желает обязывать Вас говорить с ней прежде, чем Вы увидите ее, поэтому даст Вам имя особы, которая может сопроводить Вас в разговорную комнату [чтобы познакомиться]. Тогда, если [Вы изволите], эта же монахиня даст Вам адрес казино здесь, на Мурано, где Вы найдете ее в одиночестве в первый вечерний час на следующий день, который сообщите ей сами; Вы сможете остаться и поужинать с ней или уйти через четверть часа, если у Вас есть другие дела.

Это было прямым приглашением к интриге.

Из-за того, что случилось дальше — полномасштабного романа с монахиней, которая оказалась старшей подругой Катерины, М. М., — этот отрывок воспоминаний может счи-

таться фантазией, но доказательства в пользу правдивости Казановы перевешивают. Хотя личность реальной М. М., в отличие от К. К., окончательно не установлена, связь с ней в описанной у Джакомо хронологии более или менее совпадает с картиной сексуальной практики в Венеции в то время.

Казанова рисует М. М. — женщину, которая его весьма привлекала и которая покончила с возможностью его брака с Катериной — сексуально искушенной и влиятельной, что сильно разнится с нашими представлениями об обитательницах монастырей. Участие в истории французского дипломата, кардинала де Берни, которого несколько лет назад Казанова немного знал по жизни в Париже, придает событиям дополнительную правдоподобность. Иоахим Франсуа Пьер де Берни был известным распутником, коему весьма благоволило венецианское правительство: сексуальные похождения обременили его долгами перед властью в такой степени, что превосходили их только долги столь же сластолюбивого посла Великобритании, Джона Мюррея. Оба мужчины были известны связями с женщинами, которые официально приняли постриг и вступили в религиозные ордена. Это не так дико и вызывающе нечестиво, как может показаться на первый взгляд. Монастыри Венеции включали школы, музыкальные академии и госпитали и существенно отличались от того, что мы привыкли обозначать этим словом. Синьор Капретта рассчитывал, что его дочь Катарина будет находиться в обители Санта-Мария в безопасности, ожидая, когда наконец ее девственность вручат выбранному отцом для нее купцу, но гарантией этого были финансовые соображения, а вовсе не религиозные. Отец платил, чтобы держать ее подальше от Казановы и других мужчин. Многие монахини вели не монастырский образ жизни, в частности — монахини из патрицианских семей, которые привозили с собой существенное приданое, это приносило обоюдную выгоду

принимающей и отправляющей сторонам — обитель полу-чала их богатства, а их семьи отказывали им в праве вступать в брак, защищая линии наследства и олигархические союзы. Подобных монахинь Казанова встречал за игрой в ридотто или в масках на карнавале, иногда они пускались в любовные связи (с крайней осторожностью, чтобы не нанести ущерб своим монастырям и семействам) и, в целом, пользовались всеобщим сочувствием. Эти женщины, как тогда говорили, были в первую очередь венецианками, а уж потом — христианками.

Предложение, исходящее от женщины, всегда интриговало Казанову, пробуждая в нем любопытство и интерес. Он счел, что история с монахиней-распутницей будет «в некотором роде изменой» Катарине, но что «даже если бы она узнала про это, то не оскорбилась бы, поскольку измена была нацелена лишь на то, чтобы мне не разучиться чувствовать и тем самым сохранить себя для нее».

Он согласился встретиться с М. М. в монастыре, в разговорной комнате, куда его повела пожилая аристократка, графиня Сегура. На первой встрече в ноябре 1753 года они не говорили. М. М. беседовала с графиней, а Казанова наблюдал. «Она была идеальной красавицей, высокой, с изысканно бледным лицом, имела благородный вид».

Свидание было организовано в частном казино на Мурано. Казанова сразу понял, что имеет дело с монахиней, которая или располагает независимыми доходами, или живет на содержании у богатого человека. Ужинали они с дорогим розовым шампанским — кулинарные подробности были важны, потому что казино М. М., как оказалось, имело французскую кухню и принадлежало французам. Так сложилось, что Казанова знал, что духи М. М. можно было достать только во французском посольстве, и потому сделал вывод, что ее покровитель не кто иной, как сам французский посол, де

Берни. В первую их ночь М. М. раздвинула диван неполностью, что показалось Казанове странным, и позволила ему расшнуровывать «шесть широких лент» ее корсета — но, несмотря на его попытки направить ее руку «к месту, где она убедилась бы, что я заслужил ее милости», любовью они не занимались.

На следующий день это знакомство стало еще более загадочным после того, как Казанова получил записку от Катарини, которую принесла ему Лаура. Катарина увидела Казанову разговаривающим с М. М. и сообщала ему, что М. М. была ее наставницей в монастыре, заботилась о ней во время выкидыша и потом помогала скрыть его. Хотя это обстоятельство осложнило положение Казановы, он отнюдь не стал отказываться от новой связи, целиком основанной на сексе, хотя по-прежнему полагал себя влюбленным в Катарину. Находясь под впечатлением от знатности происхождения М. М. и влиятельного положения ее покровителя французского посла и в той же степени озабоченный перспективой тайной связи с монахиней-куртизанкой, Джакомо принялся разыгрывать роль отпрыска патриция.

Он арендовал дорогое казино для встречи с М. М. Казино принадлежало лорду Холдернессу, послу Великобритании до 1746 года, и было украшено эротическими восточными изразцами и зеркалами, и там работал «проворный слепой официант, посему господа и обслуга не могли видеть друг друга». Находилось оно в нескольких ярдах от ныне уже исчезнувшего театра «Сан-Моизе», недалеко от площади Сан-Марко.

Джакомо договорился встретиться с М. М. у знаменитой конной статуи Бартоломео Коллеони на Пьяцца деи Санти Джованни-э-Паоло. Она заставила его ждать «в ожидании удовольствия», и он, усмехаясь, стоял у щита средневекового венецианского героя, менее знаменитого военными подвигами, чем собственной исключительной анатомией: у него

было три яичка. М. М. прибыла одетой как мужчина, что привело Казанову в еще больший восторг. Рука об руку они пересекли площадь Сан-Марко в направлении «Сан-Моизе» и казино, где «сняли маски». Она была поражена — в основном, многочисленными зеркалами, которые отражали будущих любовников со всех сторон в мерцании множества свечей в ванной и у «английского ватер-клозета», в будуарах и помещениях, которые отходили от центральной части зеркального восьмиугольника. После тщательно продуманного ужина — ели мороженое, устриц, пили пунш и бургундское вино — они разделись и всю ночь занимались любовью. Хотя М. М. «не научила меня ничему новому, что касалось физической стороны действия... Я показал ей то, что она и не думала, что имеет право просить меня сделать с ней; я открыл ей, что малейшие ограничения вредят величайшему наслаждению».

После их первой совместной ночи Казанова посвятил себя налаживанию своей первой сексуальной связи, основанной на чистом гедонизме. М. М. оказалась дочерью патриция, была богата и пользовалась средствами де Берни, когда ей удавалось выскользнуть за стены Санта-Мария-дельи-Анджели. Казанова счел, что нашел более тонкого ценителя для своих сложных мизансцен, чем купеческая дочка, которую впечатляют подвязки и ленточки. Он покупал для М. М. одежду и драгоценности — на пособия Брагадина и периодические выигрыши в карты — и заботился, чтобы казино около «Сан-Моизе» исправно обслуживалось поваром лорда Холдернесса. Рассказывая о новых похождениях, Казанова сообщает о зимних приливах в Венеции; о времени до и после Рождества, когда все сначала ходят без масок, а потом их надевают; закрытии театров в период почета, когда девять дней посвящены молитвам о милости Божьей Матери-покровительницы моря; о том, что М. М. украшает го-

лубыми лентами одну из сторон муранского казино, давая сигнал Казанове, что он может ее посетить; о том, как вполне законно он присутствовал на нескольких мессах во время адвента в монастыре Санта-Мария и видел обеих своих любовниц.

На Рождество М. М. предложила Джакомо опробовать новую сторону в их сладострастных развлечениях. Она призналась своему покровителю де Берни об отношениях с Казановой и сообщила Джакомо, что тот был бы рад продолжению их связи, если бы смог понаблюдать за их утехами через потайное отверстие в стене муранского казино. Читателю предстает еще один образ Казановы, счастливого участника превосходно устроенной вуайеристский оргии. В казино находилась небольшая библиотека с литературой, главным образом эротического и порнографического толка. Здесь М. М. оставила Казанову в ожидании на несколько часов, пока она появится сама в назначенный день, на Новый год. Она пришла в обычном наряде, но вскоре переоделась в кисейное одеяние, расшитое золотом. У нее в казино имелись, как замечает Казанова, презервативы (де Берни не хотел ее беременности), но с Джакомо они практиковали, по-видимому, *coitus interruptus* — прерванный половой акт. М. М. указала любовнику на глазок в искусственном цветке на стене, и они занялись любовью — Казанова обрядилась в один лишь восточный тюрбан, — подложив ей «подушку под ягодицы и отведя в сторону одно из ее согнутых коленей, [что] должно было открыть наиболее сладострастные видения нашему спрятавшемуся другу». Они продолжали секс на персидском ковре и стоя перед зеркалом: «Я приподнял ее, чтобы вкусить от ее грота любви». Все это длилось несколько часов, описанию которых Казанова посвятил довольно много места. На следующий день Казанова заказывает еще один свой портрет, спрятанный под миниатюрой на религи-

озный сюжет «Благовещение», при этом художник изобразил темноволосого, как Джакомо, архангела Гавриила рядом со светловолосой Девой Марией.

Эта часть мемуаров имеет явное сходство с порнографией того периода в описании похотливых монахинь и сцен вуайеризма, а потому вызывает большие сомнения в достоверности событий. Имеется совсем немного доказательств, подтверждающих характер связи Казановы с К. К., которая, безусловно, существовала на самом деле, и с М. М., личность которой так и не удалось окончательно установить.

Де Берни, бесспорно, персонаж легко идентифицируемый, впоследствии влиятельный церковный деятель, некоторые из приверженцев которого пытались с негодованием обвинить Казанову в «наговоре» на него. В 1753 году ему было под сорок лет, он получил образование в иезуитском ордене и имел репутацию священнослужителя, с умом острым и светским. Он пользовался политическим влиянием при французском дворе благодаря маркизе де Помпадур, де Берни знал ее еще тогда, когда она была просто «мадам», и, похоже, именно с ее помощью — возможно, они были любовниками — получил апартаменты в Лувре. В 1751 году де Берни был назначен французским послом в Венеции, где в 1755 году принял полные священнические обеты, сделав решающий шаг к дальнейшей церковной карьере, но Казанова пишет о де Берни, когда тот был еще обычным аббатом.

Хотя де Берни в течение января 1754 года много раз наблюдал за Казановой, и в основном раздетым, до 8 февраля М. М. не позволяла своим поклонникам встречаться. Казанова вспомнил аббата по Парижу — они встречались в компании графа-маршала Кейта за четыре дня до отъезда де Берни в Венецию.

Вполне вероятно, что венецианские власти могли смотреть сквозь пальцы на роман посла с монахиней из монас-

тыря Санта-Мария. Дипломатическому сообществу, конечно, было запрещено приватное общение с патрицианскими семьями, но связь с М. М. означала, что де Берни весьма рискует, что давало венецианским властям дополнительный козырь. Достоверно известно, что де Берни имел связь с женщиной из религиозного ордена, в письме от 1754 года он говорит о своей «монахине, которая ускользает из стен своего монастыря... и приходит к обеду в мой дом»; а позднее друг Казановы, князь де Линь, который хорошо знал де Берни, пишет о «приключении, которое он (де Берни) имел с монахиней в Венеции». Косвенное подтверждение высокой вероятности описанных событий можно найти у другого члена дипломатического корпуса, посла Великобритании Джона Мюррея, которого в 1757 году леди Мэри Уортли описывает как «скандального во всех смыслах человека... вечно окруженного сводниками». Он прибыл в Венецию позднее, в 1754 году, и к концу того же года был убежден, что любую монахиню в Венеции можно получить за «сто цехинов» — хотя нет ни единой записи, прямо подтверждающей подобное заявление.

Во время карнавала 1754 года и до мая, когда де Берни был отозван во Францию, М. М. улаживали два любовника. Пути мужчин не пересекались, хотя они и знали о существовании друг друга и, в некотором смысле, втянулись в любовный треугольник. После свидания, состоявшегося в канун Нового года, де Берни посылает Казанове золотую табакерку, украшенную двумя портретами М. М., один в монашеском облачении, а на другом она изображена обнаженной, а у ног ее — ухмыляющийся Амур с колчаном.

Вероятно, было неизбежным, что Катарина окажется вовлеченной в связи М. М. Ведь, поднаторев в похождениях, М. М., по-видимому, сделала Катарину своей любовницей в стенах монастыря. Об этом мы знаем лишь со слов Казановы, а он вряд ли был прямым свидетелем того, что произошло

между женщинами. Но когда Катарина узнала в медальоне с «Благовещением», подаренном М. М., работу того же художника, который нарисовал портрет Казановы, спрятанный в перстень, который ей раньше подарил Джакомо, то она догадалась о неверности любимого и присоединилась к участникам этих сложных отношений. Организовала все М. М. Имея, благодаря происхождению из патрицианской семьи, сравнительно легкий доступ к гондолам и возможность покинуть монастырь, а также используя влияние де Берни, М. М. помогла Катарине тайно покинуть монастырь и отправила ее в казино на Мурано. Здесь Катарина осталась ждать в полной растерянности неизвестно чего, а М. М. и де Берни наблюдали за ней через глазок, спрятанный в лепных розах. Когда, надеясь застать М. М., появился Казанова в карнавальном костюме Пьеро, он был потрясен и не слишком рад, обнаружив Катарину. Сразу же он понял, что стал объектом некоего заговора, почувствовал, что «им играют, его заманили в ловушку, провели и отвергли» обе женщины, изобличив его в обмане и неверности. Если М. М. и де Берни ожидали очередного секс-шоу, их постигло разочарование. Катарина сначала спокойно сообщила, что сама спит с М. М., любовницей ее собственного любовника, полагая, видимо, что это все искупает и сближает ее с Джакомо, затем последовала ночь слез, возражений, мольбы и сожалений. Уходя, Казанова отдал ей ключ от казино на Мурано и попросил передать его М. М., полагая, что больше никогда не увидит ни одну из женщин.

В отчаянии он направился домой, но в лагуне тем временем разразилась буря, и карнавальным гулякам, задержавшимся на Мурано на празднике, было очень опасно возвращаться в Венецию. Казанова чуть не утонул, но до дома добрался и слег в постель в палатце Брагадина с лихорадкой, которая продлилась несколько дней.

Восьмого февраля, выздоровев, Джакомо уже вновь развлекал М. М. и де Берни за ужином в своем казино около «Сан-Моизе». Де Берни не смог припомнить, чтобы знал молодого итальянца в Париже, но заявил, что «с этого момента мы никогда не сможем позабыть друг друга. Тайна, объединяющая нас, такова, что делает нас близкими друзьями». В соответствии с заверением, он и М. М. решили попробовать воссоединить заново своих юных возлюбленных. Вернее, так они утверждали. С самого начала монашка и француз могли иметь целью всего развлечения не альтруистические романтические идеи, а превращение любовного треугольника в четырехугольник. Казанова был бессилён удержать свою «маленькую жену» вдаль от развращенного и сексуально всеядного общества, в котором жил сам. Он недолго колебался прежде, чем согласился познакомить Катарины и де Берни и тем самым положить начало ряду еще более возмутительных оргий на радость послу-вуайеристу.

Эта часть мемуаров остается порнографичной и в наши дни, но из этого не следует, что описанные события не могли быть реальными. Казанова, к его чести, не оправдывает участников событий и их мотивацию для вступления в т. н. расширенные сексуальные отношения; он просто описывает ослабление чувства любви, стремление к сексуальному гедонизму, возможно, бисексуальные склонности, тягу к вуайеризму и — в центре всего этого — себя самого, в роли ошеломляюще приапической, но праздничной.

В первую общую ночь Казанова, М. М. и Катарины (де Берни отсутствовал) начали с обычной щедрой трапезы и чтения классической порнографической литературы (описаний любовных встреч между женщинами), а закончили сексом втроем, развлекаясь «всем зримым и осязаемым, что послала нам природа, свободно вбирающими все, что мы ви-

дим, и убеждающимися, что все мы становимся одного пола в том трио, в которое играем».

На следующий день Казанова признавался, что ощутил, как у него часто бывало после подобных оргий, «смутное раскаяние», но было ли оно вызвано внутренним неприятием усугубляющегося развращения совсем еще недавно девственной Катарини или тем фактом, что они пренебрегали средствами предохранения от беременности, хотя имели особые основания ее опасаться, остается не ясным. (Действительно, Казанова пишет: «Я всегда не мог решить, действительно ли мне стыдно или я просто слегка смущен».)

Однако он оказался не столь хорошо подготовлен к интриге, как думал. Запас прочности, как в отношении финансов, так и в отношении эмоциональной восприимчивости, у него был не столь непробиваемый, как у де Берни или М. М. Он счастливо окунулся в мир гедонистических излишеств, причем все более снисходительный к нему Брагадин оплатил часть затрат за аренду казино Холдернесса, но совершенно не предполагал втягивать туда Катарину. Тем не менее как только де Берни устроил так, чтобы М. М., Катарина и Казанова занялись сексом втроем, Казанова понял, что он становится ему обязанным и ценой будет связь между Катарининой и де Берни. Казанова не имел желаний присутствовать или участвовать, но все-таки ничего не сделал, чтобы предотвратить новую оргию. В последнюю минуту он уходит, сославшись на внезапное дело в палатцу Брагадина. Потом М. М. учтиво ему напишет, что он «сделал великолепный подарок» своему другу де Берни и что разум Катарини теперь «так же непредвзят, как наш... Я завершила ее образование для Вас».

В какой степени данный эпизод — события зимой и во время карнавала 1753—1754 годов — был спланирован и оп-

лачен де Берни, можно судить по проблемам, вставшим перед М. М., Казановой и Катариной после временного отъезда посла из Венеции в Лент в 1754 году. Покинутой троице пришлось давать взятки садовникам при монастыре за помощь женщинам в их приходах и уходах. Катарину перевели в другую часть монастыря, когда испугались, что вскоре потребуется прятать новую ее беременность (это оказалось ложной тревогой), а Казанова даже переодевался гондольером, чтобы подплывать ради М. М. к подветренной стороне острова Мурано. По мере угасания романа с Катариной отношения Казановы с М. М. активизировались — по крайней мере, их сексуальные контакты. Привлекательность жадной до наслаждений аристократки перевесила призрачную надежду на будущее счастье с Катариной. Тем не менее справедливости ради отметим, что, по-видимому, Катарина отпустила Казанову спокойно. Скорее всего, она вышла замуж, сперва — за венецианского нотариуса, а через некоторое время — за купца, как того и хотел ее отец, и переписывалась с Казановой годы спустя после расставания, как и многие другие из его бывших любовниц. В Праге, в архиве, хранятся две записки, которые нашли в его кабинете после смерти, полагают, что их прислала она.

Роман с М. М. продолжался до конца 1754 года. Казанова часто играл в карты, нередко на ее деньги. Когда де Берни понял, что пробудет за пределами Венеции гораздо дольше, чем изначально предполагал (он принимал активное участие в переговорах между Францией и Австрией, которые закончили Семилетнюю войну (1756—1763)), то закрыл муранское казино и уволил слуг. Казанова был вынужден отказаться от казино Холдернесса и сознаться М. М. в расстроенном состоянии собственных средств. Она подарила ему свои бриллианты, и он принялся играть. Иногда он выигрывал, иногда нет. Де Берни был прав в своей обеспокоеннос-

ти по поводу связи Казановы с М. М. и ее потенциальной скандальности — не из-за нарушения религиозных нравственных норм, но из-за игнорирования классовых запретов. Есть основания полагать, что М. М. принадлежала к роду Морозини, и эта наследница знатного патрицианского рода часто в компании Казановы появлялась в ридотто или в Венеции. Она всегда надевала маску, но манеры и статью выдавали ее. В конце 1754 года имя «Казанова» начинает часто мелькать в архивах инквизиции. Хотя М. М. или какие-либо иные проступки в отношении монашек в обвинениях против Казановы не упоминались, де Берни счел за благо вовремя дистанцироваться от него и от М. М.

С тех пор как в 1753 году Казанова вернулся в Венецию, в круг его знакомых входил Андреа Меммо, отпрыск одной из старейших семей Венеции, обаятельный молодой человек с впечатляющим послужным списком альковных побед, рожденный для большого будущего. Семейство Меммо числилось среди основателей Венеции, один из Меммо был дожем уже в 979 году, и, хотя с тех пор состояние семьи несколько уменьшилось, Андреа и его братья, Бернардо и Лоренцо, были в некотором смысле принцами. Они были теми, кем мечтал стать Казанова, и при этом они принимали сына актера в свою компанию в кафе и винных погребах, где продавали модное сладкое вино мальвазию. Братья посещали ридотто, возможно вместе с загадочной спутницей Казановы М. М., скрывавшейся под маской, играли в карты и жарко спорили по поводу новых комедийных направлений, в отношении чего у Казановы, сына комедийной актрисы, имелось собственное непоколебимое мнение, а также о творениях аббата-драматурга Пьетро Кьяри.

Все это может показаться достаточно невинным, в духе карнавальской атмосферы города, но именно то, что Казанова выбрал себе в собутельники людей из иного социального

круга, а вовсе не его вызывающая сексуальная жизнь, сделало его мишенью шпионов дожа.

Так случилось, что государственные инквизиторы (обвинители) — триумвират патрициев, который контролировал внутреннюю безопасность в Венеции, а потому внимательно следил за кругом общения молодых членов венецианского истеблишмента (за Меммо, в частности) — обратили внимание на Казанову, который уже попадался им на глаза со своими театральными крамольными шалостями. Его сочли опасным. В государственном архиве Венеции сохранилось увесистое досье, составленное тогда на Джакомо Казанову. Джованни Баттиста Мануци написал ряд донесений о том, что Казанова и братья Меммо делали и говорили. Это добра не предвещало. Мануци описывал *arriviste*, карьериста-выскачку, Казанову как «человека, склонного к преувеличениям, которому удастся жить за счет того или иного лица, вводя его в заблуждение и обманывая». Характеристика была недалеко от истины, конечно же, — или от одного из возможных взглядов на жизнь Казановы. Другой шпион записал, что особенно показательны отношения Казановы с Бернардо Меммо и что молодой аристократ «по очередности то любит [Казанову], то пытается одержать над ним верх».

Казанова тоже неоднократно писал об этом периоде своей жизни. Его записи указывают на темную тайную сторону венецианского общества, город удовольствий был одновременно и полицейским государством, и, хотя распушенность Джакомо не особенно выходила за рамки тогдашних обычаев, но нарушение принятых социальных ограничений заставило агентов инквизиции быть к нему более пристрастными. Инквизиция составляет досье «преступлений», которое в конечном итоге приведет Казанову к полному краху.

Совпал целый ряд факторов, в результате которых Казанова оказался вне закона — или, точнее, за рамками прилич-

ного общества. В 1754-м и начале 1755 года он использовал свое влияние на увлеченного каббалой Брагадина, чтобы отговорить старого сенатора от брака, к которому того склоняли. Один из членов семьи патриция полагал, что именно Казанова несет ответственность за расстройство вполне вероятного союза, а также за приобщение Брагадина к каббале (скорее всего, последнее было неправдой). Лючия Меммо, мать братьев Меммо, также придерживалась мнения, что безродный Казанова, проводящий много времени в ее палатце и в ридотто, развращает ее сыновей, повинен в их карточных долгах и портит им репутацию. По-видимому, к этим обвинениям она добавила, что Джакомо масон и атеист, таким образом, он преступал не только социальные границы, но и бросал вызов религии (масоном он, безусловно, был, атеистом тоже вполне мог показаться — люди слышали, как он сочинял непристойные антиклерикальные стихи).

В то же время Казанова оказался втянутым в литературный спор. Он часто участвовал в публичных дебатах в кафе «Сан-Джулиан» с драматургом Дзордзи и громогласно и беспощадно высмеивал почитателей поэзии аббата Кьяри. К сожалению, одним из поклонников аббата-поэта был Антонио Кондальмер, «Красный инквизитор», назначенный самим дожем.

Весной 1755 года, когда Казанова по уши увяз в долгах, он одолжил деньги у графини Лоренцы Мадалены Бонафедде, которая и прежде отличалась неуравновешенным поведением, но, к несчастью Джакомо, тут уж и вовсе сошла с ума и в обнаженном виде стала бегать по кампо Сан-Пьетро, выкрикивая его имя. Инквизиция усмотрела в этом инциденте угрозу общественному порядку, решив, что Джакомо Казанова опасно приблизился к олигархии. Кьяри оставил нам образ Казановы того периода, описав его как некий вымышленный персонаж, молодого человека, постоянно обращаю-

щего на себя внимания, смешного и достаточно эгоистичного, чтобы постоянно совать нос не в свое дело:

Он франт, очень высокого о себе мнения, надутый тщеславием как воздушный шар и суетливый как водяная мельница. Он всюду сует свой нос, волочится за всеми женщинами подряд, гоняется за любым шансом добыть деньги или использовать свои достижения, чтобы занять высокое положение в обществе. Он играет в алхимика со скрягами, в поэта — с красивыми женщинами, в политика — с влиятельными людьми, подстраивается под каждого человека, хотя всякому, кто наделен крупницей здравого смысла, он представляется посмешищем.

В это время Казанова снимал небольшую квартиру сразу за оживленной частью Санта-Мария-деи-Дерелитти (современная Калле Луиджи Торелли), хотя часто бывал и в палаццо Брагадина. Возможно, он хотел иметь собственное жилье — ему было двадцать восемь лет, в конце концов — и больше места для книг, страстным коллекционером которых он был. А может быть, ему хотелось больше свободы, чтобы общаться с иностранцами, которым был закрыт доступ в дом патриция. Возможно, что он предпочел жить рядом с Пьяцца Сан-Джованни-э-Сан-Паоло, потому что оттуда было легче добраться до Мурано на свидания с М. М. В любом случае, именно по этому адресу отправился начальник стражи сборов, Маттео Варутти, для расследования утверждений о том, что Казанова занимается контрабандой соли.

Казанова с раннего утра по традиции венецианских гуляк бродил на зеленом рынке *erbagia*, он пребывал в расстроенных чувствах из-за того, что минувшей ночью проиграл деньги М. М., и тут он услышал о визите сборов. Он отправился к Брагадину жаловаться, пылая праведным гневом, но для

более умудренного жизнью сенатора визит дознавателя начал явное предупреждение. В обычных случаях начальник стражи сам бы не явился по такому делу, шпионы могли за просто сообщить ему, что Казановы нет на месте. Намек был очевидным. Совет Трех, в котором когда-то служил Брагадин, хочет лишь одного — надо уехать из Венеции.

Казанова, упрямый и гордый, отказался принять совет Брагадина. Он вернулся в свои апартаменты, и больше уже старый сенатор и его молодой наперсник никогда не виделись.

На следующий день, двадцать шестого июля 1755 года, после последней беседы Казановы с Брагадином, к Джакомо прибыли около сорока человек. Они арестовали Казанову. Интерес инквизиции был понятен, его полки обыскали и конфисковали десятки книг, среди которых были два главных труда по каббале («Ключ Соломона» и «Книга Зогар») и работы по астрологии, вместе с его собственными переводами стихов Ариосто и Петрарки, а также небольшая книжка с рисунками эротических поз Аретино (известная, в частности, за то, что она была достаточно мала, чтобы держать ее в одной руке). Ему приказали одеться, что Казанова сделал нарочито медленно и тщательно. Он надел свою лучшую рубашку с кружевами, тонкий красивый шелковый летний плащ и фатовскую шляпу, украшенную испанским кружевом и большим пером. С подчеркнутой невозмутимостью — или же с удивительной глупостью — он решил выступить на одной сцене с инквизицией, не угрожать и не разыгрывать трагедию, но просто насмеяться над судом. Это была роковая ошибка.

АКТ III, СЦЕНА IV
ТЮРЬМА И ПОБЕГ
1755

Человек, запертый там, где невозможно что-либо делать, в одиночестве в почти полной темноте, где нельзя ничего разглядеть... или... встать во весь рост... готов попасть в Ад, — если он в него верит, — чтобы просто обрести хоть какую-то компанию. Именно одиночество отвергает человека в отчаяние.

Джакомо Казанова (1755)

Этот день, 26 июля 1755 года, который начался для Казановы столь драматично, из плохого превратился в ужасный. Джакомо привели в Новую тюрьму в районе Моста Вздохов, построенную так, чтобы пугать своей неприступной архитектурой и репутацией тайны. Казанова пересек глухой белый двор, куда выходила почти сотня зарешеченных окон, и попал в холодный сырой выложенный из известняка коридор. «Потом мы пошли по ступеням, которые вели к закрытому мосту (Мосту Вздохов), связывавшему тюрьму с Дворцом Дожей на другой стороне канала».

Как подозреваемый инквизицией, он очутился в той части дворца, которая считалась гораздо более страшной, чем новая тюрьма или Поцци, там находились помещения инквизиторов для дознания и их особая тюрьма Пьюмби, располагавшаяся прямо под свинцовой крышей дворца. Ледяные

зимой, летом, напротив, камеры раскалялись от солнца. «За мостом мы увидели лестничный пролет, уходящий к коридору, который вел к двум комнатам [Зал адвокатуры и Зал подписи]».

Казанова попал практически в сердце тайного правительства Венеции. Картины, позолота и расписные панно украшали стены помещений трибунала и секретариата, служа внешним фоном для официальных дел сенаторов. Но за этой парадной торжественностью располагался лабиринт тесных комнаток и тайных проходов, где выполняла зловещую работу инквизиция.

Процедуру формального опознания личности Казановы провел секретарь инквизиции Доменико Мария Кавалли, после чего его передали тюремщику в Пьомби. Потом его отвели в Зал Трех глав, в комнату, где собирались — только по ночам — инквизиторы от Совета десяти или Совета трех. Потолки этой комнаты расписал Веронезе, и до наших дней она дошла в почти неизменном виде, за исключением того, что в 1755 году на ее стенах появился дар кардиналу Доменико Гримани — триптих Иеронима Босха с изображением видений ада. Таким на много месяцев для Казановы мог стать последний образ «свободы».

По все более сужавшимся лестницам и коридорам его отвели в помещение над Залом Большого совета. Там тюремщик Лоренцо Басадонна вытащил ключ, а потом отвел Казанову к сделанной из листовенницы клетки, одной из полудюжины находившихся там, размерами примерно восемь на десять футов и всего лишь пять футов высотой, причем дверь в нее была высотой три фута — примерно вполовину ниже роста нового заключенного. Во время всего этого Казанове, как судимому инквизицией, не сказали ни о выдвинутых против него обвинениях, ни о принятом Советом Трех приговоре: пять лет заточения. Его преступление было класси-

фицировано как «религиозный вопрос», и слушаний по делу решено было не проводить.

«Удрученный и ошеломленный», он услышал, как за ним заперли дверь. Джакомо был лишен помощи семьи, своих молодых знатных друзей и даже Брагадина, чья щедрость к нему, согласно материалам инквизиции, была одной из причин, почему Казанова попал под подозрение. Его первая камера находилась над Залом инквизиции и имела маленькое зарешеченное окошко в двери. Джакомо охватило отчаяние, а затем и злость:

Я понял, что окончу свои дни в месте, где ложь выдают за правду, а реальность похожа на какой-то дурной сон; где ум теряет свои способности, и большое воображение может сделать человека жертвой или призрачной надежды, или ужасающего отчаяния. Я принял решение сохранять собственный разум путем упражнений во всей той философии, что хранил в своей душе, но никогда не имел случая заняться.

Тюремщик Лоренцо оказывал «частные» услуги — передавал письма и — изредка — еду и даже книги из внешнего мира. Он сразу же спросил у Казановы, что принести ему на обед. В камере было достаточно света и воздуха, но зимой там было холодно, а летом — невыносимо жарко. Однако продовольствие доставлялось регулярно, предоставлялась скромная мебель и книги (Казанова получил одну по выбору инквизиции — «Град мистический» сестры Марии из Агреды, которую счел еще более ужасной, чем окружающая обстановка) — так заключенные могли отчасти создать подобие своего прежнего образа жизни, находясь лишь в нескольких футах от приговоривших их судей.

Понемногу Казанова пришел к выводу, что его заточение не будет похожим на короткое и суровое пребывание в форте Сант-Андреа. Постепенно его ум стали занимать лихорадочные мысли о побеге. Отсюда еще никто не бежал. Но Казанову окружали не метровые каменные стены тюрьмы Поцци, он сидел в здании дворца, средоточии венецианского властолюбия и политического разложения. Он полагал, что если сумеет выбраться через пол или потолок камеры (они были из дерева и терраццо, смеси цемента и мраморной крошки) или на свинцовую крышу, то уж, конечно, сможет и сбежать, используя неразбериху дворцовой жизни.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы, и вот уже лето перешло в зиму. После девяти месяцев заключения бледному и страдающему болями в спине Казанове позволили наконец выходить из тесной клетки на регулярные прогулки. Его вывели не на воздух открытого двора Поцци, но в полутемный мощный камнем подвал внизу дворца, над которым находилась сенаторская лоджия. Свод тут поддерживали маленькие кирпичные колонны, и позади одной из них Казанова, возле кучи бумаг о средневековых процессах, нашел острый кованый клин, похожий на те, что поддерживают тяжелый потолок Тинторетто и сотнями вбиты на чердаке. Спрятав находку, Джакомо пронес ее в собственную камеру.

Это обнаруживает новую сторону характера Казановы, а также и его рассказа — в течение месяцев заключения он лишь изредка терял позитивный настрой и позднее с веселостью описывал проведенное там время. Он был убежден, что сбежит. Заложенное в него природой стремление к успеху, которое прежде помогало ему одержать победы на любовном поприще и в свете, теперь вело его к, казалось бы, недостижимой свободе. Терпеливо и настойчиво, в одиночестве он проделывает острым клином дыру в дощатом полу своей

камеры, обнаруживая под деревом слой террасцо и строительного раствора. Он трудится несколько недель, работая клином и уксусом (террасцо разрушается даже от слабых кислот), который приносит ему как приправу к еде услужливый Лоренцо. Знай он, что находится над Залом инквизиторов, вряд ли бы ему пришел в голову план сбежать ночью, подкупить, обмануть и просто спокойно прогуливаясь выйти из дворца.

К концу августа 1756 года он проделал в полу дыру достаточного размера, снизу ее маскировали богато украшенный полоток и панно Тинторетто. Каждый день он прикрывал своей кроватью то, что сделал ночью, — раскрошенное дерево и горсти террасцо. Внезапно 25 августа 1756 года Лоренцо сообщил Джакомо, что его переводят в другую камеру. По иронии судьбы, Брагадин похлопотал о незначительном улучшении условий содержания Казановы, но сделал это в самый неподходящий момент. У Джакомо осталось время лишь спрятать железный клин в стуле, который, как думал узник, перенесут в его новую камеру. Разумеется, дыру вскоре обнаружили.

Когда его спросили, где он достал инструменты для подготовки побега, Казанова холодно ответил тюремщику: «Их принесли вы». Это был гениальный ход. Лоренцо, боявшийся потерять работу из-за царившей вокруг атмосферы подозрительности и доносительства, решил, что ему будет безопаснее за собственный счет заделать дыру и просто пристальнее следить за Казановой: Джакомо поместили в камеру по соседству с комнатой стражи.

Новая, более просторная камера располагалась над Залом цензоров у дальнего восточного крыла дворца и была обращена в сторону Рио-ди-Палаццо, тюрьмы Поцци и нынешнего отеля «Даниэли». У Казановы появился сокамерник — тюремный доносчик Сорадачи, с которым они не слишком по-

ладили. А еще венецианец стал обмениваться книгами с заключенным из соседней камеры — с противоположной стороны коридора сидел священник Марино Бальби. Камера Бальби была над Залом ларца. Казанова и он общались посредством записок, которые вкладывали в книги, и товарищи по несчастью быстро признались друг другу в желании сбежать. После попытки бегства стены и пол в камере Казановы регулярно осматривали, однако потолок не проверяли. Джакомо обратил внимание на то, что Бальби разрешают держать большую коллекцию религиозных рисунков и картин, которыми тот завесил потолки в камерах обоих заключенных, и разумно предположил, что Бальби сможет пробить потолок и пролезть в пустое пространство сверху над обеими камерами, а результаты своего труда до поры до времени прятать под картинами. Это действительно была очень странная тюрьма. Казанова передал Бальби железный клин, вложив его в Библию — «подставку» под горячим блюдом с пропитанными маслом ньокками, Казанова никогда не упускал кулинарные подробности, — и спустя еще несколько недель священник вылез через дыру в потолке.

С небольшими затруднениями он протискивается в узкое пространство между деревянным потолком камер и свинцовой крышей дворца. Ночью 31 октября 1756 года Бальби пробивает отверстие в камеру Казановы и вместе они ищут слабое место в свинцовой крыше над ними. Ни Сорадачи, ни сокамерник Бальби не подняли бы тревогу, по ночам узники Пьомби могли рыдать, кричать или умирать, но к ним бы так никто и не пришел. Поэтому, как посчитал Казанова, у них есть вся ночь на поиски возможностей побега, а 1 ноября — в День всех святых — во дворце не будет ни инквизиторов, ни сотрудников канцелярии и инквизиции. Венецианское правительство придерживалось церковного календаря.

Казанова сумел сделать лаз на крышу. Той ночью было полнолуние, и он боялся, что если высунутся, то их длинные тени увидят. Пара сообщников подсчитывала имеющееся время. В конце концов то ли облако, то ли перемещение луны дало им основание счесть, что настал безопасный момент. Казанова и Бальби поднялись на крышу. В «Истории моего побега», опубликованной в 1787 году, и в «Истории моей жизни» описывается все их головокружительное героическое приключение, которое включало в себя также изготовление веревки из простыней, поиск лестницы и опасные трюки, которые проделывал Джакомо на желобе крыши на высоте девяносто футов над каналом Рио-ди-Палаццо. Казанова рассказывает о событиях той полной опасностей, страха и отчаянной решимости ночи с таким виртуозным мастерством и артистизмом, что даже недоброжелатели Казановы признавали — эта его история превосходна. Современники Джакомо верили каждой ее детали, даже венецианцы. Поскольку ущерб, причиненный дворцу Казановой и Бальби, был возмещен, то затраты на восстановление зафиксированы в финансовых отчетах, хранящихся в венецианских архивах.

Беглецы снова проникли внутрь дворца в ночь с 31 октября на 1 ноября, нашли там узкую каменную лестницу и спустились, очутившись перед стеклянной дверью. «Я открыл ее и увидел, что попал в зал, который помнил [с момента ареста]». Казанова был в помещении инквизиции, откуда уходили коридоры в Квадратный атриум — верхней площадке Золотой лестницы Дворца дожей. Сановники обычно держались правой стороны, поворачивая в государственные залы и палаты, а не влево — в помещения инквизиции, где с рассветом 1 ноября 1756 года оказались взаперти Казанова и Бальби. Они застряли там и обдумывали свои довольно мрачные перспективы, разглядывая работу Тинторетто — портр-

рет дожа Джираламо Приули с мечом справедливости. Теперь они переоделись в принесенную с собой одежду, в которой их арестовали, а перед тем, как покинуть камеру Казановы, им удалось подстричь бороды (Сорадачи был брадобреем), поэтому когда стражник заметил их в окне Квадратного атриума, над Лестницей Гигантов Дворца дождей, то принял их за случайно запертых там придворных, — вероятно, такое в этом во всех смыслах византийском здании периодически случалось.

Стражник выпустил их, и Казанова вместе с отцом Бальби спокойно прошли между гигантскими мраморными ягодицами Нептуна и Марса, где после коронации проходили дожди, и спустились по Лестнице Гигантов на площадь Сан-Марко.

Там Казанова громким голосом подозвал гондольера и попросил отвезти их в Фузину. Когда они обогнули Таможню — вид Венеции отсюда известен нам по картинам Каналетто, — Джакомо изменил направление; они направились в Местре, сделав так нарочно, чтобы беглецов принялись искать в районе Фузина и канала Brenta. Когда гондола развернулась и, миновав канал Джудекка, направилась к Заттере на материке, от охватившего его чувства свободы у Казановы внезапно приключились рыдания.

Затем бывшие узники отправились прямо в Тревизо. У них было совсем немного денег, часть которых им дал другой заключенный, и все их Казанова отдал Бальби, когда решил, что им проще будет избежать поимки, если путешествовать отдельно. В довершение невероятной истории Казанова захотел укрыться где-нибудь поблизости на ночь, и открывшая на его стук в дверь одного из домов женщина сообщила, что здесь живет местный начальник стражи, который отсутствует из-за облавы на некоего Казанову и сбежавшего монаха. Тут Джакомо понял, что нашел идеальное

место, чтобы спрятаться, и проспал в нем двенадцать часов кряду.

Быстро одевшись на следующее утро, он продолжает свой путь, идя по девять часов в день на север по направлению к Бренте и границам венецианских земель. Используя знания, которым его когда-то научил брат Стефано, он живет за счет даров земли и доброты крестьян, принимавших его за бедного клирика, которым он раньше был.

Через неделю на осле, позаимствованном из какой-то конюшни, где Казанове довелось ночевать, он пересекает границу вблизи Бренты. Отныне в течение почти восемнадцати лет Джакомо не увидит свою родину.

АКТ III, СЦЕНА V
КОМЕДИЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ,
ПАРИЖ
1756–1757

Я отвечаю на Ваше последнее письмо. Вы пишете, что предчувствуете свою великую любовь, и полагаю, Вы искренни, я польщена... но я хочу увидеть, что Вы противитесь той суетной жизни, которую ведете... Знаю — мои опасения расстраивают вас.

*Манон Балетти в письме к Казанове.
Париж (1757)*

О побеге Казановы вскоре активно заговорили и в Венеции, и за ее пределами, называя его «поразительным». Джакомо довольно открыто рассказывал о нем в Париже, быстро отполировав произошедшие события в анекдот и используя его как средство предстать в новом свете, решительным и опасным человеком и оскорбленным отпрыском Светлейшей республики. Он оставался в Больцано достаточно долго, чтобы получить деньги, присланные Брагадином (тот недавно просил для Казановы помилования), и затем отправился через Альпы в Мюнхен, Аугсбург и Страсбург, а потом и в Париж. Он прибыл туда 5 января 1757 года — впечатляющая скорость передвижения зимой по меркам эпохи — в тот самый день, когда некий Дамьен совершил покушение на жизнь Людовика XV.

Казнь цареубийцы, увидеть которую жаждали тысячи парижан, была зрелищем, достойным эпохи варварства, свидетелем чего и стал Казанова. Но, что характерно для него, поразила Джакомо тот день женщина, которая там присутствовала. Однако все это произойдет лишь через несколько месяцев. По приезде в Париж преступник — небритый и невымытый, но при деньгах и с хорошими связями — отправился в театр «Комеди Итальян». Здесь он разыскал семью Балетти, а затем и своего приятеля по любовным делам, де Берни.

Тюрьма изменила Казанову бесповоротно. Ему исполнилось тридцать лет, и он оставил позади не только молодость, но и, что более важно, свой дом: его изгнание из Венеции продлится столько, сколько сочтет нужным инквизиция, а в сложившихся обстоятельствах нетрудно предположить, что пройдут годы, прежде чем это произойдет, сколько бы он ни рассказывал о своей невинности. В 1757 году в Париже он не предпринял ни единой попытки снискать расположение венецианских дипломатов, оставив это на будущее. «Я видел, что для того, чтобы добиться хоть малого, я должен задействовать в игре все мои физические и моральные силы, придерживаться строгого самоконтроля и уподобиться хамелону». Он упорно стремился заработать деньги, стал сильнее, тверже и целеустремленнее. Он буквально прорубал себе дорогу в парижском обществе середины века, завоевывая позиции в политических и финансовых кругах, театрах и будуарах. Эти годы в Париже и заложили основы для посмертной славы Джакомо Казановы.

Он написал о приезде в город заблаговременно, но известие о его побеге уже и так дошло до Антонио Балетти, который сразу же поспешил объявить, что ждет друга. Семья Балетти приготовила комнаты для Казановы в доме неподалеку от их собственного, принадлежащие парикмахеру из те-

атра «Комеди Итальян». Казанова был поражен сразу двумя изменениями в семье Балетти: ухудшением здоровья матери семейства Сильвии и расцветом красоты Манон, младшей сестры Антонио. Но первым делом Джакомо спешил решить свои проблемы, а потому поспешно направился к де Берни с просьбой о помощи, покровительстве и работе. С де Берни их связывало слишком многое — принадлежность к мasonicкому братству, любовницы М. М. и Катарина, и именно де Берни был тем человеком, который по неосторожности привлек к Казанове внимание венецианской инквизиции.

Казанова взял наемный экипаж — такой неудобный, что его прозвали «ночной горшок» — и проехал в поисках де Берни от Королевского моста до Версаля, но не нашел его, поскольку двор был в состоянии замешательства из-за покушения на жизнь короля. Джакомо обнаружил своего старого друга в Пале Бурбон, где тот входил в курс новых обязанностей, став министром иностранных дел Франции. Они встретились в частном порядке, и де Берни тепло приветствовал Джакомо, вложив сто луидоров ему в ладонь и пообещав всяческое содействие.

Казанова был сразу замечен и возвысился во французском обществе при помощи кого-то, имевшего очень хорошие возможности посодействовать ему, и в настоящее время представляется вероятным, что помог ему именно де Берни, которому еще ранее о побеге Казановы написала М. М. и он тоже ожидал Джакомо, эту историю обсуждали в Париже. Казанова сообщает, что его часто просили рассказать о побеге, и порой подробное изложение приключения занимало два часа, а некоторые люди, в том числе мадам де Помпадур, уже тогда предлагали ему написать об этом.

Де Берни организовал ему встречу с Жаном де Булонь, генеральным контролером королевского казначейства, ко-

торый затем представил Казанову Жозефу Пари-Дюверне, знаменитому финансисту. Особенностью государственных финансов восемнадцатого века было то, что значительная часть фискальных полномочий была передана на откуп частному сектору, особенно во Франции, где даже «право на налоги» могло быть куплено откупщиками (прежде всего, продавались права на косвенные налоги). Примечательно, что, благодаря способности быстро ориентироваться, возможности возникали в карьере Казановы всегда, когда требовались специальные знания или некоторые его врожденные способности. Когда Джованни Кальцабиджи в присутствии Казановы предложил г-ну де Булонь устроить лотерею, Казанова оценил его идею, добавил некоторые собственные математические расчеты и таким образом нашел себе работу в качестве директора французской национальной лотереи. Кальцабиджи был администратором, а некоторые начальные расходы компенсировал Пари-Дюверне, и хотя Казанова делал свое первое реальное состояние не совсем по первоначальной схеме, французское правительство со своей стороны тоже себя подстраховало: не удайся его затея, ее списали бы на некомпетентность иностранцев.

Де Булонь и Пари-Дюверне надо было собрать деньги для финансирования от лица мадам де Помпадур французского военного училища. Хотя участие Казановы в создании первой во Франции полноценной лотереи отчасти произошло по воле случая, а отчасти благодаря его умению с легкостью обращаться с цифрами, дело состоялось и потому, что он познакомил Кальцабиджи и его брата Раньери с Пари-Дюверне. Международные дельцы, не чуждые искусства — Раньери написал либретто для опер Глюка «Орфей и Эвридика» и «Альцеста», — Кальцабиджи имели много общего со странствующим венецианцем Казановой, но хуже подходили для светского общества — Раньери страдал от ужасающей экзе-

мы, и братья плохо говорили по-французски. Годы в компании французских актрис и знатных сибаритов вроде де Берни, а также занятия Джакомо с Кребийоном наконец были вознаграждены, Казанова смог покорить парижан их собственным языком и модой.

Он объяснял тем, кто хотел купить билеты — много билетов во время игорной мании, — условия своей «генуэзской» лотереи. Предлагался фиксированный набор в девяносто цифр и возможность поставить на пять из них; один правильно угаданный номер возвращал игроку его ставку, три правильных номера — увеличивали ее в восемь тысяч раз, четыре правильных — приносили выигрыш в шестьдесят тысяч раз выше ставки, а фулл-хаус (все угаданные цифры) мгновенно превращали людей в первых миллионеров во Франции. Затея имела ошеломительный успех.

Казанова осуществил одно из самых примечательных в истории возвращений. В течение нескольких месяцев он заново поставил себя в парижском обществе и открыл себе путь к получению одного из самых быстро сколоченных в середине восемнадцатого века во Франции состояний. Венецианец, знавший его, описал Казанову в письме из Парижа так:

[Казанова] держит экипаж и лаксев и великолепно одевается. Он имеет два прекрасных бриллиантовых кольца, пару изысканных карманных часов, нюхательные табакерки в золотой оправе и всегда носит много кружева. Он приобрел доступ — я не знаю как — в лучшее парижское общество. Он имеет долю в лотерее в Париже и хвастается, что это приносит ему большие доходы. Ведет он себя весьма глупо и напыщенно. Одним словом, он невыносим — кроме случаев, когда рассказывает о своем побеге, что делает просто превосходно.

Эти годы, проведенные в Париже, были самыми приятными и благополучными в его жизни. Он имел более 120 000 франков в год от лотереи — только первый розыгрыш принес ему четыре тысячи — и в качестве одного из соучредителей вел переговоры о праве самостоятельно открыть шесть лотерейных отделений, все — в Париже, хотя в итоге лотерейные билеты стали продавать в нескольких крупных городах. Он держал эксклюзивные роскошные апартаменты на улице Сен-Дени, которые превратились в штаб-квартиру его бизнеса и его жизни, в привилегированный салон, где он продавал мечту о счастье, баловался каббалистическими пророчествами и соблазнял парижское общество своим обаянием и сказками о приключениях. «Париж был и остается, — писал он, — городом, в котором люди судят обо всем по внешнему виду. Нет другого такого [места] в мире, где было бы легче произвести впечатление».

Воспоминания Казановы о Париже, с мадам Помпадур на пике ее влияния, стилем рококо и салонами таинственного графа де Сен-Жермен, с театрами и гонками, сексуальными забавами и азартной праздной аристократией, похожи на описание роскошно костюмированных плясок смерти. Один эпизод, в частности, выделяется удивительным предвидением в нем тех ужасов, что придут потом в Париж, и типичным умением Казановы находить проявления человечности *in extremis*, в крайностях. Предполагаемый царевубийца и бывший солдат Роберт Франсуа Дамьен должен был быть казнен первого марта 1757 года на Гревской площади. Есть несколько описаний и гравюр этой экзекуции. Дамьен умирал четыре часа. Его кожу раздирали раскаленными клещами, поливали расплавленным свинцом, его кастрировали, и конец его страданиям пришел только тогда, когда его привязали к четырем жеребцам, которых пустили

бежать в различных направлениях, таким образом разорвав несчастного на части.

Казанова, никогда не получавший удовольствия от насилия, проявил интерес к реакции толпы и, в частности, молодой уже либертенки Анджелики Ламбертини. Пока она смотрела на казнь, она позволяла задираť свои юбки графу Эдуардо Тиретту из Тревизо — знакомому Казанове по Венеции и известному во всем Париже как Граф Шесть Раз. Это свое прозвище граф подтвердил Казанове, когда тот пришел к нему на завтрак. Накануне ночью Тиретта занимался любовью с Ламбертини «всего лишь пять раз» — предел, как можно отметить, в то время считавшийся абсолютным и невозможным с медицинской точки зрения.

Правда, Казанову более впечатляла другая характеристика Тиретты как любимого жиголо Парижа — его благосостояние. Как записывает Джакомо, во время пыток Дамьена граф сперва ласкал Ламбертини, а уже затем — по мере нарастания мучений преступника — начал с ней непосредственный половой акт. Это момент садистской прозы с точки зрения свободного сплетения в нем ужаса и темных элементов человеческой сексуальности, но одновременно в своем роде предвосхищение появления театра ужасов «Гран Гиньоль».

Потом с Казановой что-то случилось — неожиданно, потому что это было немодно. Он и Манон Балетти влюбились друг в друга. И, что необычно для истории Казановы, до нас дошли ее переживания по поводу их связи, так как до самой смерти он берег более сорока ее любовных писем. Манон была его ближайшей соседкой в течение первых месяцев пребывания в Париже, и он почти каждый день ел за одним столом с ее семьей. Она пленила его с первой же встречи, и

уцелевший ее портрет кисти Натъе в том возрасте, в семнадцать лет, намекает на одну из причин почему. Она была практически эталоном красоты своего времени; с розовыми губами, созревшая; нежная как цветок у нее на лифе, с ясным, добрым, прямым взглядом. Она достаточно быстро призналась ему в любви, как следует из писем, которые хранятся в Пражском архиве. Писала Манон обычно поздно ночью, заканчивая послание поцелуями, как будто бы они с Джакомо уже были любовниками, и писала ему их с откровенностью, страстью и обожанием: «Ах, как я желаю, чтобы отсутствию [вашему] пришел конец... Верю, что люблю вас». Но он мудро сдерживается, обещая однажды жениться и зная, что ее семья, дружбой которой он так дорожит, никогда не простит ему, если она станет просто очередной девушкой из списка его побед. Ее письма проливают новый свет на Казанову в состоянии любви, ее девичья рука повествует о драме собственного первого увлечения, описывая путь от растущей влюбленности к тихому отчаянию.

Манон, как и Анриетта, была музыкально одаренной и пленила Казанову сочетанием образованности и драматической одаренности; она также писала пьесы и исполняла их, используя реквизит и костюмы из семейного магазина на четвертом этаже дома на улице Пти-Лион, и Казанова, помимо прочего, был ей аудиторией. Ее воображение пленяли романтические приключения на сцене, и вряд ли на нее мог не произвести впечатление молодой мужчина, которого обожали ее брат и мать и который ворвался в ее жизнь, словно по замыслу гениального режиссера, явившись среди зимней бури, сбежав из тюрьмы и принеся с собой дух сексуальной и романтической опасности.

Но она была обручена с другим. Семья Манон приняла от ее имени предложение руки и сердца от музыканта по имени Климент. Это был бы хороший и безопасный союз (и не-

плохо материально обеспеченный), однако Манон сразу влюбилась в Казанову. «Если бы Вы только знали, как упорно я пыталась победить в себе нежность, которую чувствовала к Вам, — пишет она, — [но] мне это не удалось». Зная от своего брата или просто понимая интуитивно, что возраст и жизненный опыт создают слишком большой разрыв между ними, она оказалась достаточно умна, чтобы признать, что ее чувства были своего рода поклонением герою, но в то же время и чем-то гораздо более опьяняющим. «Я наслаждаюсь Вашим обществом больше, чем чьим-либо еще... но я говорю себе: это потому, что он веселый и умный, и оттого не удивительно; но в итоге мне становится тяжело, если день минул, а я Вас не увидела... Я стала печальна, мечтательна и вижу, что когда мечтаю, то только и всегда о Вас». Ее боль эхом отдается в веках, равно как и ее метания между увлечением, приличиями и гордостью. Она в отчаянии с самого начала хотела знать, любил ли ее и Казанова. «Что со мной будет? Как глупо, что я люблю кого-то, кто равнодушен ко мне... но иногда потом я думаю, что, возможно, и Вы можете меня любить, но что Вы не посмели проявлять какие-либо признаки Вашей любви в силу обстоятельств, [моей помолвки и семьи]?»

О Манон иногда пишут как об одной из самых вызывающих чувство жалости «жертв» Казановы, но ее письма, даже в начале их романа, показывают холодное чувство собственного достоинства и спокойного нежелания рисковать в любви слишком многим. Каждый раз, когда она заявляет о собственном увлечении Казановой, которому тогда был тридцать один год, при том, что ей было семнадцать лет и он имел значительный опыт и неплохое образование, она утверждает их равенство. И, по крайней мере, в одном отношении она была права: Манон, как и Казанова, в любви хотя бы частично хотела спектакля, в котором она бы играла централь-

ную роль и была бы обожаемой. Это придавало их роману неудобную основу, не только потому, что вело его к предложению брака.

В ее самостоятельно написанных драмах ее всегда спасали и помещали на пьедестал; глубокое чувство потрясло девушку и смутило Казанову. «Дружба и уважение, которое я чувствовал к ее семье, удерживали меня от любой идеи соблазнить ее, — писал он. — Я не мог понять, каким будет исход, потому что с каждым днем понимал — я все сильнее люблю ее».

Их история превратилась в характерную для восемнадцатого века интригу — в эпистолярный роман. Мадам Обер, горничная Балетти, весной 1757 года служила им почтальоном. В них Казанова использует ту сценическую риторику, за которую Манон полюбила его, обожала и дразнила: «Вы начинаете неимоверно преувеличивать свою любовь ко мне... но [я предпочитаю] верить в Вашу искренность, так как это льстит мне, и я не желаю ничего другого, кроме как увидеть ее длящейся вечно». Со своей стороны, Манон проявляла осторожность и расчет, она определенно не собиралась быть лишь одним из мимолетных увлечений Казановы. «Вечно любите меня... никогда не забывайте заботиться о моем сердце, — написала она ему, возможно, недальновидно, — и сожгите все наши письма». Он не сделал ни того, ни другого.

Хотя допустимо, что Манон напоминала Казанове Катерину, на которой он едва не женился, и многих иных привлекавших его молодых женщин, в конечном счете сильнее его сердце и ум запечатлевали, как правило, более зрелых, более светских, сексуально раскрепощенных и опытных женщин, таких как М. М. или Анриетта. Ему нравилось чувствовать себя героем, которому поклоняются, и это, конечно же, тронуло его в Манон — он, в конце концов, наслаждался своей

первой настоящей славой и связанным с ней периодом подлинного процветания. Вероятно, для него не пришло время влюбиться или осесть на одном месте, но он тешил себя иде- ей, будто Манон может составить с ним идеальную пару. Кроме того, брак с ней был привлекательным еще по одной причине, такой же как и в случае с Беллино: ему было хорошо в ее семье, которая и относилась к Джакомо с теплотой.

Письма, а также краткие моменты наедине — немного поцелуев или чуть больше — продолжались в течение весны и лета 1757 года. Манон разорвала помолвку с Климентом, не объяснив причин матери. Она и Казанова спорили, ее плохо спрятанные бумаги стали всплывать на поверхность. Она сомневалась, что Казанова любит ее, и в письмах к нему винила в том себя: «Твоя любовь уменьшилась, но я не думаю, будто это твоя вина, — нет, у меня есть тысячи недостатков, я понимаю, и чем дольше кто-то со мной общается, тем их больше узнает». Казалось, это так для Казановы: «Влюбляясь в Манон каждый день, но никогда не намереваясь просить ее руки, я не имел четкого представления о том, к чему стремлюсь».

Переписка активизировались. Она ревновала Казанову, проводившего время вдаль от нее — зачастую по делам с лютерейным бизнесом, — и в июне написала, что он «забросил» ее. Она предложила им составить список вещей, которые раздражают их друг в друге, как делают семейные пары, а Казанова рассмеялся ей в лицо. К июлю он устал от нее, часто в ее присутствии бывал угрюмым и очевидно раздраженным в письмах к ней — до нашего времени дошли только ее ответы. «Ваше письмо, которое я перечитываю, снова заставляет меня увидеть все мои ошибки и придуманные мною Ваши качества», — отвечала она. Манон и Казанова чувствовали: мир думает, будто они хорошо подходят друг другу; но не могли продолжать свои отношения.

Почему Казанова тянул так долго? Во-первых, умирала Сильвия: Казанове не хватило духу нарушить ее покой свадьбой, которой та не одобрила бы — в парижской полиции считали, что Сильвия и Казанова были или остаются любовниками, — и он не был заинтересован в раскачивании изнутри лодки семейства Балетти. Может быть, он, кроме того, надеялся, что со временем с Манон все станет проще, и они смогут пожениться — она, безусловно, тем сложным для них летом ожидала подобного исхода.

В то же время он был человеком со значительными сексуальными потребностями и мало склонным к верности. Он был на вершине славы и богатства, а Манон — полна решимости хранить девственность. Она была права, говоря, что он отсутствовал не только по причине бизнеса, Казанова проводил досуг с женщинами особого рода, которых тогда предпочитал, — с теми, кто не был заинтересован в нем, как в муже. «Вы идете и наслаждаетесь в другом месте, — писала она, — [только бы] не держать сердце в вечных узах». В других случаях она будет пытаться пробудить его ревность, воззвать к данному обещанию — «несмотря на все плохие разговоры, слухи и клевету, ничто не может отвернуть мое сердце от Вас» — и напоминает ему, что приглашена господином Сен-Жаном на ужин вдвоем (*a deux*) с Джакомо. Казанова отказывается признаться ей, что их любовь окончена, и именно за это он заслуживает критики — за собственное трусливое или корыстное нежелание сказать ей раньше, что он не будет ради нее бросать дела, оставляя ее в смущении и отчаянии на протяжении лучшей части года.

В то же время, Казанова заводил более-менее продолжительные связи: с актрисой Джакомой Антонией Веронезе, которая работала с семьей Балетти в театре; с голландкой Эстер, пока был в Голландии по делам бизнеса; с женой лавочника мадам Баре; и с другими женщинами. Как он пи-

шет, его «увлеченность» Манон не ограничивала его интерес к «продажным красавицам» Парижа. Он был деловым человеком.

16 сентября 1757 года Сильвия Балетти скончалась, Казанова и Манон до последнего находились рядом, неожиданно перед смертью мать захотела поручить свою дочь заботам Джакомо навечно. Когда Сильвия уже почти испускала последний вздох, он сказал ей, что женится на ее дочери. Манон, соответственно, по-прежнему верила в заключение в будущем брака и продолжала писать к нему как к «*cher mari*», «дорогому мужу». Семья Балетти полагала, что Манон надо уйти в монастырь и не расплывать имущество матери, или, возможно, заняться карьерой на сцене, или принять одно из выгодных предложений от маркиза де Монконсейль, друга семьи. А Манон вновь стала смотреть на непостоянного Казанову как на потенциального спасителя, «Всегда помните, что у Вас есть очень молодая любящая жена, которая ожидает от мужа верности», — напоминала она ему, когда он уехал в Дюнкерк.

Что он там делал, остается загадкой, возможно, то были первые шпионские поручения. Теоретически, туда его направил де Берни — представить доклад о французском флоте, поскольку считалось, что король, который контролировал военно-морской флот, в то время не получал достаточной информации от министерства иностранных дел и министерства финансов о боеготовности своих судов. Может быть, дело было не только в этом. Примерно в тот период Казанова загорелся идеей стать французским подданным — фактически, он мог получить то, что сейчас называется двойным гражданством — в целях дальнейшего завоевания более прочного положения среди истеблишмента и как средство подняться по карьерной лестнице в области французской дипломатии, шпионажа и международных финансов. Буду-

чи временно лицом без гражданства, Казанова оказался полезным де Берни в ходе миссий в Дюнкерке, а затем в Голландии (от которых французское правительство в случае необходимости могло дистанцироваться или откреститься).

Что бы там ни было, он вернулся в Париж существенно богаче, с двенадцатью тысячами франков гонора от правительства. Вскоре после получения денег он случайно, если не сказать комически, попадает по пути обратно в Париж в историю, которая впоследствии косвенным образом еще более укрепит его финансовое положение. Это случилось в октябре 1757 года. Казанова возвращался в город на вечер, проводившийся вблизи Барьер Бланш. Он ухаживал за Веронезе, актрисой-куртизанкой, известной также как Камилла. У нее было немало воздыхателей, одарявших ее «то любовью, то деньгами, а иногда и тем, и другим одновременно», и она была, как дает элегантно определение театральным куртизанкам Парижа Казанова, «женщиной, свободной почти во всех отношениях». Он очутился в маленьком экипаже вместе с молодым графом де ла Тур, а на их коленях в темноте и тесноте уселась «танцовщица» по имени Бабет. Казанова взял, как ему показалось, ее руку, поцеловал и прижал к своему паху. После короткой паузы де ла Тур нарушил молчание: «Я благодарен вам, мой дорогой друг, за столь изысканное и неожиданное итальянское рукопожатие; за приветствие, которого я не ожидали и не заслужил». Граф смеялся до хрипоты. Казанове понадобилось некоторое время, чтобы переварить шутку, которая с подачи де ла Тура распространилась по всему городу, но затем мужчины стали близкими друзьями. Зимой 1757/58 года де ла Тур заболел воспалением седалищного нерва. Казанова предложил вылечить его талисманом Соломона — звездой Давида; Джакомо описывает ее в своих мемуарах и отмечает, что сам-то он не верил в ее силы. Средство Казановы «вылечило» больного, который быстро

пошел на поправку и рассказал своим друзьям о неожиданном каббалистическом могуществе богатого молодого человека, известного главным образом безумствами в прошлом и нынешним благосостоянием.

Особое внимание на «каббалиста» обратила тетя графа, старая маркиза д'Юрфе, горячо преданная учению каббалы и одна из богатейших женщин во Франции. На следующий день после исцеления ее племянника она пригласила венецианца к себе в особняк на набережную Театенс и приняла его там «со всеми милостями старого двора времен Регентства».

АКТ III, СЦЕНА VI

МАСКА НЕПОСВЯЩЕННОГО: МАРКИЗА Д'ЮРФЕ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ В НЕКРОМАНТИИ

1757–1760

Маркиза д'Юрфе по-прежнему ищет порошок, который превратит железо в золото, и живет только для того, чтобы открыть эликсир жизни, едва покидая свою лабораторию... Но она попала в руки итальянца, называющегося Казановой, который убедил ее, что при помощи звезд и его каббалистических упражнений она сможет забеременеть в возрасте шестидесяти трех лет и дать жизнь не больше и не меньше, чем самой себе как бессмертной сущности.

Записки маркизы де Креки

Семилетняя война разорила Францию, и финансовый кризис создал базу для приключений Казановы в этой стране середине века, когда правительство — в частности, фракция, возглавляемая мадам де Помпадур и теми, кто был под ее покровительством, как де Берни — искало все более изощренные способы получения доходов. Лотерея, распорядителем и директором которой назначили Казанову, была придумана для оказания поддержки военной академии Помпадур. Поездка Джакомо в Дюнкерк в конце 1757 года, по крайней мере, частично, имела целью повысить стоимость

французского флота не только в военном плане, но в случае продажи его как активов. Теперь Казанове предстояло справиться с еще более смелым и тайным заграничным поручением французского правительства. Снова было важно, чтобы человек действовал как «иностранец», но был лояльным де Берни и маркизе де Помпадур. Казанова поедет в Амстердам для переговоров о том, сколько денег и золота может привлечь французское правительство за счет выпуска облигаций номинальной стоимостью двадцать миллионов франков. Тем, кто сомневается в нарастающей серьезности деловых операций, обсуждаемых в «Истории» Джакомо, достаточно взглянуть на этот, лишь один из многих пассажей, где убеждения, достойные современных предпринимателей, подкрепляет скучный отчет о финансовых делах, чтобы вновь удостовериться в разнообразных талантах Казановы и его состоятельности как финансиста. Как пишет Казанова, он побывал в Амстердаме, где к 5 декабря 1758 года продал акций на сумму семьдесят две тысячи франков. Он договорился о продаже французских облигаций всего лишь с восьмипроцентным дисконтом и заключил еще одну сделку в частном порядке — возможно, основанную на каббалистическом прогнозировании, — угадав, что судно, считавшееся пропавшим в море, вернется, он заработал много тысяч франков. Он вернулся в Париж не только с перспективой официального назначения на должность и дальнейших комиссионных доходов, но и с более укрепившимся личным состоянием, пополнявшимся доходами от процентов по всем заключенным им сделкам.

После возвращения из Голландии Казанова почувствовал, что финансовое положение позволяет ему взять в аренду дом на улице Контесс д'Артуа возле улицы Монторгель и завести хозяйство по соседству с новыми особняками в районе Пти-Полонь (Малая Польша), к северо-западу за городской

чертой Парижа. Там он устроил дворец для развлечений, который назвал Краков. У этого дома, недалеко от места современного вокзала Сен-Лазар, были два сада, конюшня, хороший погреб и отличная кухарка, мадам де Сен-Жан, по прозвищу Ла Перла (Жемчужина), а также несколько ваннных комнат — знак изменяющихся стандартов личной гигиены. Казанова содержал два экипажа и пять быстрых жеребцов «engages» («бешеные») — скакунов из личных конюшен короля, знаменитых своей быстротой и развитой литой мускулатурой. Наибольшее удовольствие в Париже Казанова, кроме женщин, еды и театра, получал от стремительной езды по хорошо мощенным столичным улицам. Вскоре дом Джакомо приобрел в парижском обществе дурную славу из-за устраивавшихся там азартных игр, бурного веселья до поздней ночи, а также из-за подававшихся к столу макарон с помидорами и колбасками и риса со сливочным маслом и сыром, блюд экзотической для французов кухни венецианского карнавала.

Пребывание Казановы в Амстердаме было успешным не только в отношении финансов. Там он нашел свою старую подругу Терезу Имер. Она пела в театре, при этом с ней жили двое ее детей: двенадцатилетний мальчик и пятилетняя Софи, дочь Казановы, родившаяся после их мимолетной встречи в 1753 году в Венеции. По словам Казановы, Тереза превратила детей в маленьких монстров, они капризничали и творили, что хотели. Как видно, Джакомо особенно не понравился мальчик, но маленькая Софи была копией отца, и он предложил Терезе вложить тысячу дукатов в ее новое дело в Лондоне — в клуб в Сохо, — если Софи поедет с ним в Париж. Тереза с минуту подумала и сказала «нет», но предложила вместо этого забрать мальчика. Джузеппе Помпеати нуждался в твердом мужском воспитании — а Джакомо Казанове, по причинам, которые довольно скоро станут очевидными, нужен был сын.

* * *

В 1734 году, в возрасте двадцати восьми лет, Жанна де Ласкари д'Юрфе де Ларошфуко унаследовала все состояние рода д'Юрфе, одного из старейших и богатейших во Франции. Она прожила жизнь необычную для того времени — независимая состоятельная женщина, свободная в мыслях и духовных исканиях, без бремени ответственности или семейной жизни. Ее доход составлял восемьдесят тысяч ливров в год, большую часть его она тратила на книги — позднее собрание д'Юрфе ляжет в основание Национальной библиотеки; ей принадлежало множество домов в Париже и его окрестностях и несколько замков. Политика ей была неинтересна, в силу своего колоссального богатства и образованности она предпочитала посвящать себя философии, алхимии, теософии и магии. Маркиза д'Юрфе вышла за рамки ограничений своего пола и положения в обществе, погрузившись в альтернативную вселенную оккультизма, высокого искусства, крупных финансов, высокой моды и высокого уровня жизни. Она была молодой вдовой. Младенческий возраст у нее пережила только одна-единственная дочь, позднее помещенная в психиатрическую лечебницу. Как прознал Казанова, маркиза не просто хотела найти философский камень, эликсир вечной молодости или средство для нового перерождения, но и в качестве запасного варианта искала наследника, которому сможет передать все состояние.

Когда Казанова впервые был приглашен к ней домой, он увидел там лабораторию, в которой она проводила алхимические эксперименты и пыталась создать квинтэссенцию — нечто вроде катализатора, ускорявшего предполагаемую «естественную» эволюцию субстанции. Реализация этой задачи — *opus alchemicum* («великое дело») — была одной из ос-

новых целей алхимии, области, в которой пересекаются химия и поиски философского камня. Занятие требовало ресурсов, воли и терпения, чего у маркизы было в изобилии.

Она не жила отшельницей, держа салон, куда почти каждый вечер на ужин приходило по двенадцать гостей и где обсуждались материи эзотерические, а также то, что считается наукой и сегодня, тогда же, напротив, еще не было четкого различия между научным и ненаучным знанием. Согласно маркизе де Креки, на вечерах у д'Юрфе было «в избытке шарлатанов и людей, помешавшихся от оккультных наук». Кто-то смотрел на эти собрания более благосклонно. Среди завсегдатаев были аббат де Берни и мадам Бонтемп, гадалка мадам де Помпадур. Присутствовали в качестве протеже граф Калиостро, химик и гипнотизер; Месмер, открывший, как он полагал, животный магнетизм, но который, скорее, был квалифицированным гипнотизером, и странный граф де Сен-Жермен, человек неопределенного возраста, положения и происхождения, утверждавший, что ему несколько сот лет и он является доверенным лицом короля.

В этот привилегированный, но не совсем обычный мир и шагнул Джакомо Казанова, известный уже среди парижских оккультистов-дилетантов тем, что успешно излечил от акне герцогиню Шартрскую в 1750 году. А теперь он был гораздо более интригующей фигурой: он бежал из неприступной тюрьмы, нажил на лотерее состояние; под его чары, как сплетничали, попали многие весьма богатые светские дамы (например, мадам дю Бло и мадам де Буффлер). Маркиза вскоре пришла к выводу, что все недооценивают богатого итальянца, она верила, будто он наделен силой, которую только она одна сможет в нем раскрыть. Таким образом вместе они образовали самый странный союз в достаточно причудливой жизни венецианца, союз, основанный на совместном увлечении оккультными науками (про которые позднее Казанова заявил,

что лишь на словах верил в них, хотя, может быть, в то время венецианец и испытывал к ним неподдельный интерес). Родственники маркизы утверждали, что он занимался всем этим по одной простой причине — хотел заполнить ее состояние.

Маркиза и ее окружение, — как пишет Казанова, — имели химерические планы, и, поддерживая в них надежды на успех, я, в то же самое время, надеялся излечить их от собственного безумия, разочаровав их. Я обманул их, чтобы сделать их мудрыми, и не считаю себя виновным, ибо мной двигала не алчность. Я лишь платил за мои удовольствия деньгами, иначе ушедшими бы на попытки сотворить то, что невозможно в природе... Этим деньгам суждено было быть потраченными на глупости, и потому я просто направил их на оплату своих потребностей.

Таково было одно из самых изощренных самооправданий намерения обобрать стареющую, уязвимую и несметно богатую женщину. Обман, если так его называть, продолжался годами. Казанова просил драгоценные камни якобы для использования их в «экспериментах» и в качестве кристаллов, нужных для обращения к астральным силам с помощью каббалы. Он переводил латинские тексты для маркизы и проводил с ней много часов в запертой лаборатории — ходили слухи, будто они были любовниками, и, возможно, это было правдой. Она осыпала его подарками и комплиментами, в частности, называла его «подлинным адептом, скрывающимся под маской непосвященного» — это высказывание засело у него в памяти, хотя, может быть, и не в том смысле, какой вкладывала в него маркиза. Вполне возможно, ключом к отношениям Казановы с маркизой, как и к его занятиям оккультизмом, является влечение к тайнам и эзотерике человека, который чувствовал необходимость под-

няться над ограничениями и правилами общества. Маркиза предпочитала верить, что Казанова сделал состояние на лотерее, дабы замаскировать свою истинную личность как мессии оккультизма. Он, по крайней мере, надеялся, что так и есть. Он расшифровал для нее некоторые тексты Парацельса — своего рода каббалистические криптограммы, похожие на попадавшиеся ему в палаццо Брагадина и герцогини де Шартр. Джакомо рассказал д'Юрфе, что у него есть ангел-хранитель и оракул по имени «Паралис» (это имя итальянец когда-то использовал сам), который руководит им. Поделившись с женщиной этим «секретом», он «превратился в хозяина ее души, ее сердца, разума или всего того, что оставалось от ее здравого смысла». Он стал консультантом по всем аспектам жизни самой богатой женщины во Франции.

В свою очередь, маркиза в ответ поведала Казанове, что ищет способ реинкарнации, центрального догмата ордена розенкрейцеров, членом которого она являлась и который считался в католической стране еретическим. Д'Юрфе полагаала, будто ее душа могла переселиться в тело мальчика. Приехав обратно из Голландии в Париж после воссоединения с Терезой, Казанова понял, что привезенный им двенадцатилетний мальчик может открыть дорогу великим планам, если маркиза по-прежнему будет убеждена в способностях итальянца.

Как именно он хотел реализовать свои намерения, остается неясным. Однако Джузеппе Помпеати был переименован в графа д'Аранда и переехал во дворец на набережной для последнего эксперимента маркизы. Мальчику купили пони и научили ездить верхом, подобрали ему одежду и ювелирные украшения и устроили в лучшее парижское учебное заведение, в Виар. Казанова предложил маркизе пожить в его новом доме в Пти-Полонь и стал действовать как «крестный отец» новоявленного «графа».

Джузеппе был лишь одним из нескольких проектов, занимавших ум маркизы в ее стремлении к вечной жизни. Она, например, по совету графа де Сен-Жермена носила на шею круглый гигантский магнит в надежде тем самым привлечь к себе молнию и подняться к солнцу. На фоне таких недобросовестных пророчеств Казанова выглядел вполне прилично, но постепенно его планы затмили идеи всего прочего окружения богатой аристократки.

В 1758 и 1759 годах лотерея оказалась не в состоянии покрывать возрастающие затраты Казановы на экстравагантный образ жизни, и он все чаще обращается к маркизе за финансовой поддержкой. То, что, возможно, началось как общий интерес к каббале и некромантии, превратилось в длительное и постепенно усиливавшееся выкачивание ресурсов. Детали обманных трюков и экспериментов, которые в течение нескольких лет проделывал Казанова, занимают в мемуарах многие главы, и в ретроспективе он получал удовольствие, описывая собственные хитрости и изобретательность, а также плодовитость своего воображения и актерское мастерство. Хотя эти эпизоды составляют одну из самых невероятных линий в «Истории моей жизни», правдивость того, что происходило между маркизой и Казановой, редко подвергают сомнению, поскольку его рассказ совпадает с представлениями о доверчивости в ту эпоху. Кроме того, это помогает объяснить способность Казановы путешествовать и интриговать, не имея явных источников средств к существованию. С 1758-го и до начала 1760-х годов Казанова, с целью получить инвестиции от маркизы, неоднократно возвращается в дом на набережной Театенс, каждый раз с планом все более экстремальным и более дорогостоящим.

Его «великая работа» с ней заключалась в попытке переселить ее душу в мальчика, рожденного от союза Джакомо с непорочной девой, зачатого и появившегося на свет в ее присутствии. Как говорили, члены Братства Розы и Креста —

розенкрейсеры — верили в подобные чудеса, как верила и маркиза. Для осуществления задуманного Казанове была необходима помощница, готовая в течение девяти месяцев или более играть роль суррогатной матери для голема маркизы, или носителя ее души. Куда же ему было обратиться за такой «девой»? Естественно, в театр.

Это было в Болонье, и через свою старую возлюбленную Беллино, а теперь известную оперную певицу, он познакомился с танцовщицей Кортичелли и нанял ее и ее мать, Лауру Джильи, для тщательной подготовки к трюку с возрождением маркизы в теле мальчика. Казанова попросил приехать их к нему в Мец, откуда они бы перебрались к замку Понткарре, вблизи Парижа, где танцовщицу представили бы маркизе как графиню Ласкари — эта фамилия имела древние связи с фамилией д'Юрфе. В готической обстановке старого замка графиня-девственница бы «зачала ребенка, после чего маркиза в надлежащей форме отписала все свое имущество ребенку, опекуном которого я [Казанова] должен был бы стать до момента исполнения ему тринадцати лет».

Первый этап детально проработанного обмана маркизы проходил в соответствии с планом. Казанова «дефлорировал графиню-девственницу» в присутствии д'Юрфе в середине апреля месяца — его каббалистические тексты пестрили указаниями по поводу фертильности и лунных циклов. «Девственница» тем не менее не забеременела, и он объяснил это тем, что его таинственный оракул — Паралис, который говорил с ним в форме алгебраических кодов — поведал Джакомо о невозможности зачатия в случае дальнейшего присутствия д'Аранда, сына-подростка Терезы Имер, в замке. Разумеется, это было враньем: Казанова просто хотел избавиться от мальчика, что и сделал. Но потом Кортичелли начала терять уверенность в успешности заговора и сбежала было с драгоценностями на сумму в шестьдесят тысяч франков, что дала ей маркиза.

Казанова решил, что группа «спиритуалистов» за счет маркизы должна поехать на юг, избегая Парижа и встревожившихся родственников. По дороге в Экс Казанова призвал духа с именем «Селенис», который якобы жил на Луне, и тот «писал» маркизе письма на воде, пока она и Джакомо вместе принимали при луне ванну. Дух сообщил, что перерождения придется ждать еще один сезон, и произойдет оно в Марселе. Пока же ей пришлось опустошить свой кошелек на сумму в еще пятьдесят тысяч франков на путевые расходы. По понятным причинам поползли слухи, будто нечто действительно странное происходит в доме маркизы, а верховодит всем теперь харизматический венецианец.

Затем Кортичелли проболталась подруге маркизы, графине де Сен-Жиль, известной светской даме Парижа. Казанова был вынужден прибегнуть к поддержке двух фиктивных «священнослужителей», одним из них был его младший брат Гаэтано, а вторым — с подачи Казановы провозгласивший себя клириком Кверилянтом из ордена розенкрейцеров Джакомо Пассано. Они все остановились в Марселе в самой дорогой гостинице «Оберж де XIII Кантонс», вместе с любовницей Гаэтано — танцовщицей Марколиной, которая вскоре стала любовницей и самого Джакомо. В гостинице вся компания ожидала удачного расположения звезд для очередной попытки переселения души маркизы в юное тело.

Д'Юрфе продолжала верить в Казанову и в перевоплощение, а тем временем беспокойство ее окружения нарастало, поскольку состояние столь богатой старухи постепенно уходило на сторону. Казанова продал драгоценности, которые получил от д'Юрфе — ларцы кристаллов, посвященных различным планетам с целительной силой. Пассано угрожал разоблачением, как раньше пыталась и Кортичелли, и написал маркизе восьмистраничное письмо, которое должно было, как минимум, заронить в ее душу подозрения. Казанова решил активнее задействовать ее в ритуале реинкарна-

ции . Он отказался от плана переселения души маркизы в тело Джузеппе Имера или ребенка, рожденного от «непорочной графини». Вместо этого он заявил, будто бы Паралис открыл ему, что Джакомо сам должен оплодотворить маркизу, чтобы та родила дитя, в которого переселится ее душа. Возможно, это был отчаянный и даже убийственный план, поскольку в данной версии реинкарнации старой женщине во время родов пришлось бы умереть для «миграции» ее души в бессмертную сущность в собственном чреве, зачатую от «адепта» Казановы, который затем стал бы опекуном ребенка — и его наследства. В конце концов д'Юрфе согласилась на идею Казановы.

Марколина должна была поддерживать «дух» церемонии зачатия, пока Казанова оплодотворял лоно маркизы. Обнаженной танцовщице предстояло изображать из себя алтарь и тем самым помогать сохранению пыла Казановы при исполнении им роли сакрального «племенного жеребца». Эти пассажи в мемуарах выглядят веселыми, нерелигиозными и волнующими. По причинам, известным ему одному, Казанова сказал, будто «Паралис» настаивает, что зачатие требует трех оргазмов — задачи, достижение которой, как он чувствовал, все меньше ему по силам: «в возрасте тридцати восьми лет, [когда] я начал понимать, что часто переживаю роковое несчастье [потери эрекции]». Он сумел-таки один раз довести начатое до конца, благодаря вдохновлявшей его Марколине, но после часа попыток добиться второго оргазма с маркизой «в итоге решил кончить, изобразив все обыкновенные проявления счастливого исхода», а вскоре Казанова симитировал и третий оргазм, «сопровождаемый агонией и конвульсиями, а затем полной неподвижностью, неизбежным следствием потрясения». Маркиза, не подозревая, что стала очевидицей первого известного в литературе сфальсифицированного мужского оргазма, сразу же посчи-

тала себя беременной, и даже затем убедила в том своего врача.

Однако вся эта причудливая история кончилась разочарованием. Шестидесятитрехлетняя маркиза не зачала. Паралис обманул ее. Ее завалил письмами с жалобами на Казанову Пассано, который даже взял на себя труд написать Терезе Имер в Лондон, попросил ее помочь очернить имя Казановы. После нескольких лет занятий с Паралисом и попыток перевоплощения здравый смысл и неудачи в черной магии положили конец мечтаниям маркизы о новой жизни и отношениям с «адептом». Джакомо Казанова не обладал квази-божественными силами, которые, как ей казалось, она в нем почувствовала. Он не был целителем, искусным алхимиком или посвященным в тайну рецепта философского камня. Кем он был, она так никогда и не решила, отчасти из-за своей любви и восхищения им, отчасти потому, что их дороги разошлись. Вместо того, чтобы искать магическую вечную жизнь, она вложила свою веру в будущее во внука, мальчика по имени Ахилл, рожденного обычным путем ее дочкой, которого она в итоге взяла к себе в один из парижских домов и которому завещала в наследство огромное состояние. Впоследствии внук хотя и перешел на сторону Томаса Пейна и стал противником монархии, но все равно был гильотинирован. Именно Французская революция (а не козни Казановы и его мошеннический план перерождения) покончила с д'Юрфе.

ИНТЕРМЕДИЯ

КАЗАНОВА И КАББАЛА

Те, кто владеют сим сокровищем и называют себя адептами, благодаря знанию каббалы получают много различных маленьких привилегий. Как они говорят, каббала означает то, что, узнав тайну имени Бога, каббалисты превращаются в повелителей духов-элементалей и, сидя в своих кабинетах, направляют собственные знания для управления всем, чем они пожелают.

Джакомо Казанова

Математическая доктрина имеет столь тесную связь с магической, что те, кто изучает одну без другой, трудятся напрасно.

*Генрих Корнелиус Агриппа. Вторая книга
окультистской философии (1651)*

То, что Казанова верил, в широком смысле, в каббалу — не секрет и не открытие. Он не скрывал своей увлеченности древней сутью откровений задолго до того, как признался на страницах «Истории моей жизни» в упражнениях в каббале и в своих размышлениях на названную тему. Лоренцо да Понте явно знал о глубокой погруженности Казановы в масонство, учение розенкрейцеров и каббалу, они писали об этом друг другу, он частично использовал их дискуссии как

материал в «Волшебной флейте»*. Еще ранее, в 1750-е годы, венецианскую инквизицию насторожил интерес Казановы к эзотерическим течениям иудео-христианского мистицизма, в результате чего к нему были приставлены лучшие шпионы, а впоследствии конфискованы его книги.

С самого начала биографы Казановы, объясняя его интерес к каббале, говорили, что в этой области трудно провести различия между верой и умелым трюком (здесь может быть сложно разобраться даже самому «верящему» человеку), особенно если речь идет о человеке, проникшемся духом рационализма Просвещения и идеями века разума, и его погружении в работы по математически-магической алгебре восемнадцатого века, и в конечном счете просто обходили этот вопрос. Как ни странно, но двести лет спустя возродился интерес к подобным течениям гностицизма, египетской математике, неоплатонизму, иудейскому мистицизму и личному откровению. Возможно, каббала скорее способна научить нас вере в удачу, сопровождавшую Казанову всю жизнь, нежели объяснить его сложные трюки, пророчества, поставленные диагнозы и попытки реинкарнации. Она может осветить совершенно неизвестный пейзаж, который иногда является из прошлого и неожиданно привносит духовное измерение в портрет самого телесного из мужчин и самого плотского из времен.

Само слово «каббала» происходит от еврейского, обозначающего «получение», «обретенное учение» или же просто «традиция». Оно отсылает к устной традиции мистического иудаизма, родившейся, возможно, во времена Авраама. Одним из затруднений с исторической точки зрения выступа-

* Здесь имеется неточность, поскольку автором либретто оперы В.-А. Моцарта «Волшебная флейта» является не Лоренцо да Понте, а Эмануэль Шиканедер. — *Примеч. ред.*

ет сложность обсуждения каббалы на обычном языке. Ее ключевые положения абстрактны, передаются иносказательно и изображениями, в стихах, знаками и числами. Учение каббалы — или, точнее, ее откровения — может быть датирован, по меньшей мере, двенадцатым веком нашей эры (время первых письменных сведений), хотя широко распространено мнение о намного более раннем происхождении, ассоциируемом с историей иудаизма и христианских евангелий. Для верующих время «генезиса» каббалы — в компетенции божественного и, следовательно, находится за границами исторических изысканий.

В простейшем изложении ключевое откровение каббалы заключается в том, что Создатель не отделен от мира, в котором мы живем, или от нас самих, а проявляет себя в творении и в человечестве. Бог находится повсюду. Он может выражать себя, и к нему можно обратиться, но постичь его проявление возможно, среди всего прочего, благодаря совершенству чисел, а также через буквы и основанные на них уравнения, т. е. через написанные для избранных коды. В отношении личного откровения, предполагающего, что бог внутри нас, и признающего важность духовной индивидуальной самореализации — это перекликалось с идеями эпохи Просвещения. Более специфичной была каббалистическая «алгебра» (коды, раскрывающие дополнительные значения в текстах), которая оказывала огромное влияние на неискушенных в математике и науках людей восемнадцатого столетия. До тех пор, пока гипотеза не отвергнута и проверяется, она может быть истинной, и именно в таком духе многие, включая Казанову, использовали каббалу, оказавшуюся полезной не только в исключительно духовных вопросах.

Различие между наименованием и сущностью чего-либо стало определяющим вопросом каббалы задолго до того, как Ницше объявил данную проблему лингвистической фикции-

ей. Отсюда особая очарованность Казановы каббалистической традицией расшифровки божественного творения посредством языка и математики и интерполяции духовного значения на подразумеваемые отношения между этими двумя аспектами. Более современные дебаты по поводу связи между мыслью и языком в данном концептуальном вопросе каббалы абсолютно аналогичны: если бог манифестирует себя в собственном имени, а слова могут быть одновременно средством и сущностью божества, то верующие при обращении к богу должны обращаться к образам воображения. Слова в каббале заменяются использованием каббалистического дерева — карты божественных и человеческих сил, зачастую персонифицируемых в виде распростертого тела — и образами из сфер строительства (масонства), геометрии и математики. Неудивительно, что визуальные и литературные произведения близкого современника Казановы Уильяма Блейка тоже переполнены каббалистическими идеями и образами, в которых место молитвы заменяется трансцендентной ценностью идеи-в-изображении.

Первой и главной привлекательной частью каббалы для Казановы был инструментарий для пророчеств, гаданий и получения указаний — то есть код к успеху и счастью в довольно материалистических терминах. Затем учение стало означать нечто большее. Джакомо увлекся каббалистическими формулами, в которых связывались буквы алфавита из иврита и их предполагаемые численные эквиваленты. Каббалисты брали фразу или слово из Торы, а потом разбирали их по буквам и подсчитывали численное значение букв (подобная система кодирования букв в цифры была известна грекам, которые называли ее гематрией); полученный итог следовало довести до единственного числа, а затем найти букву или слово, которые являются его численным эквивалентом. Таким образом можно было обнаружить новый и

скрытый смысл фразы. Таким, вкратце, был каббалистический код, который привлекал своим потенциалом Казанову и его современников, так же как когда-то секту гностиков, преследуемую ранней христианской церковью за очевидные ереси и конкуренцию с учением Христа. Именно гематрия, алхимический и дешифрующий характер каббалы, привлекал Казанову и людей его эпохи, но только немногие из них (возможно, включая Джакомо) углублялись в дальнейшее изучение того, что каббала предлагала в плане личного совершенствования. Для более возвышенно настроенных поклонников этого учения сегодня было бы недопустимо приравнивать каббалу в понимании и использовании ее во времена Казановы к более широким затронутым в ней духовным проблемам, но для Казановы первый шаг на пути к каббалистическому просветлению был именно таким.

Двадцать две буквы греческого алфавита или иврита и двадцать одна буква на французском языке также увязывались с планетами и знаками зодиака: буква D, или Daleth, соответствовала Скорпиону и цифре четыре, в то время как буква A, или Auin, — Марсу и цифре шестнадцать и так далее. Многих погруженность в зодиакальный мистицизм отвлекала от основных аспектов древней каббалы, и именно это представляло собой как силу, так и опасность устной традиции: открывалось пространство для фальсификации, неправильного применения и неверного толкования. Каббала означала, и по-прежнему означает, множество вещей. Однако в сознании и практике Казановы, как и других его современников, не было привычки разделять различные сферы и цели мистического знания. Или, по крайней мере, было бы справедливо предположить, что Казанова, возможно подобно многим другим, иногда заполнял промежуток между надеждой и следствием прагматизмом, а иногда, может статься, — верой. По его мнению, в конце концов каббала часто «срабатывала».

Казанова был знаком с каббалистической пирамидой букв и цифр еще до встречи с Брагадином, следовательно, она, очевидно, была довольна известна в Венеции. Поскольку двадцать два знака в иврите выражали и буквы, и цифры, то можно было составить два разных агсапа (от латинского *Agasapum*, или тайна/секрет) в форме треугольников, так называемые «великий агсапум» из двадцати двух букв и «малый агсапум», включавший цифры от 1 до 9. С Востока, через Константинополь и Венецию, понятие аркан проникает в средневековую европейскую алхимию и становится важнейшим объектом интереса со стороны множества «ученых» оккультистов восемнадцатого века, а значит, и для трудов розенкрейцеров. Тему чисел, пирамид и их мистической силы разрабатывал в своей книге «Оккультная философия» (1510) Агриппа Неттесгеймский (1486–1535), и нет сомнений, что Казанова прочел ее, обнаружив в коллекции доктора Гоцци, у отца Тозелло, сенатора Малипьеро или тайком купив копию в книжном магазине вблизи Пьяццы Сан-Марко. Повидимому, Джакомо также ознакомился с «*De la Cabella intellective, art majeure*», работой 1700 года, в которой объясняется, как построить магическую пирамиду, упоминавшуюся им в беседах с Брагадином, дающую абстрактный ответ на любой вопрос. Пирамида работала и для современных латинских языков. Конечно, на «расшифровку» требовалось время, и Казанова давал ее в стихах — само по себе впечатляющее мастерство для нашего времени, но для образованного человека восемнадцатого века вполне естественное умение. Стихи, однако, использовались с целью сокрытия вычислений, и, подобно современной астрологии, помогали придать значимость толкованию путем тонких наблюдений и внимательности к потребностям слушателя. Одной из центральных идей в каббале было постулирование того, что Бог может присутствовать в виде букв или цифр, и первой системой

шифрования, используемой для связывания этих составляющих, была простая параллель эквивалентов, которая работала и для французского языка, и для иврита и греческого алфавитов примерно так:

a	b	c	d	e	f	g	h	ij	k	l	m	n	o	p	q	r	s	t	uv	x
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21

Но чаще, и так писал и Казанова, первыми по порядку шли гласные, а затем — буквы, используемые в более современных языках:

a	e	i	o	u	yh	b	c	d	f	g	j	k	l	m	n	p	q	r	s	t	v	w	x	z
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25

Существовало несколько способов манипулировать этими предполагаемыми отношениями — и тем божественным откровением, что они могли в себе содержать. Буквы могли иметь значение сами по себе, как и количество букв в слове, затем снова пересчитываемое в буквы. Геометрия каббалистического оракула в значительной степени зависела от расположения цифр, выводимых из письма в виде пирамиды. Например:

Ou est ma nouvelle clef doree?*

сперва по количеству букв в словах кодировалась как:

2 3 2 8 4 5

а затем как:

* Где мой новый золотой ключ? (фр.)

$$\begin{array}{c} 2 \\ 3 \quad 2 \\ 8 \quad 4 \quad 5 \end{array}$$

Пирамида, следовательно, экстраполировалась на шесть рядов, на усмотрение читающего оракул — цифры могли добавляться, вычитаться или складываться из первых рядов, например, так:

$$\begin{array}{c} 2 \\ 3 \quad 3 \\ 8 \quad 4 \quad 5 \\ 13 \quad 9 \quad 10 \quad 8 \end{array}$$

Эта «система» из цифр могла быть использована как для толкования некоего послания или, что более вероятно — для людей с таким живым умом, как у Казановы, — для создания ответа способом, похожим на манипулирование планшеткой для достижения желаемого ответа, с использованием различных вариаций этой пирамиды. Ответ,

Dans votre tabatiere*

мог быть получен как:

$$36 \quad 75 \quad 78$$

или

$$4 \quad 20 \quad 19$$

* В вашей табакерке (фр.).

Такие комбинации мог вывести любой умный мальчишка девяти лет от роду и, конечно же, взрослый человек, умеющий считать в уме, обращаться со словами и с изворотливым умом. Женщинам математику преподавали редко, а для женщин из высшего класса сие было еще менее вероятно, поскольку им не требовалось особых навыков в арифметике в отличие от, например, торговков. Казанова всю свою жизнь использовал «сокровище каббалистики», в основном, для определения благоприятных божественных чисел и сроков проведения лотереи, но делал это с аккуратностью и верой в текучесть смысла букв, цифр, времени и места. Кроме того, в старости он придерживался систем каббалистической гематрии, что подкрепляет гипотезу об определенной его вере в силу каббалы, несмотря на циничные заявления в мемуарах об одурачивании глупцов с ее помощью. Он рассматривал собственные консультации с оракулом для герцогини Шартр или маркизы д'Юрфе как случайный набор слов и чисел. Тем более интригует вопрос о том, насколько он на самом деле во все это верил сам.

Каббала впервые упоминается в «Истории» в связи с тремя патрициями — Брагадином, Дандоло и Барбаро, — которые позднее пригласили Казанову жить с ними и сделали его своим протеже. Отношения между ними стали сложными, но изначально их связал общий интерес к каббале и убежденность образованных и светских мужчин в наличии у Казановы подлинных волшебных сил и знаний. Сам Казанова отказывается смешивать запутанную гематрию каббалы со своим предыдущим опытом знакомства с народной медициной и оккультизмом, но в его повествовании они — просто разные одежды одного и того же мотива, он понимал людей, возможно, имел некий дар целителя — или, если быть более циничным, охотился на интеллектуально и эмоционально незащищенных мужчин столь же охотно, как и заводил ро-

мантические знакомства женщинами. С антиклерикальной точки зрения, религия в первую очередь заполняла пробелы в творении божьем. Труды и неизданные записки Казановы мало что проясняют касательно его истинного философского погружения в каббалу, кроме того, что он явно хорошо управлялся с числами, языком и людьми, а также с алхимией и химией, которую тоже использовал в качестве инструмента обмана.

Одновременно истоки его интереса и возможной веры в каббалу могут иметь глубокие корни и быть связанными с семьей, как столь часто случается с духовными вопросами. Крестообразное изображение знаменитого каббалистического древа жизни Кирхера (1652 года), так называемого древа герметической каббалы, используется актерами комедии дель арте и по сей день: каждый характер из труппы арлекинов получает собственное место — и метафорически, и непосредственно на сцене, — как это предусматривалось в рамках структуры сил древообразного изображения классической каббалы. Воспитанный Марцией Фарусси, верившей в народных целителей, и в театральной семье в Венеции восемнадцатого века, Казанова почти наверняка впитал каббалистические штампы и образы вместе с молоком матери. Позже он решил представить себя как светского циника, который по-прежнему еще верит в катехизис католической церкви, и занял ироническую позицию, отстраняясь от системы взглядов, которая вдохновила столь много его приложений и столь многих его современников.

Но истинное отношение Джакомо к каббале может много поведать о мальчике в теле уже взрослого мужчины.

Нельзя не заметить, что для Казановы каббалист подразумевает и «тайнство сексуального акта». Некоторые из ключевых текстов каббалистической литературы о тайнах любви появились в переводах в Венеции шестнадцатого—сем-

надцатого веков — в городе, где было легко убедить в том, что определенная духовность заключена в неограниченном выражении любви во всех ее формах. Каббалистический взгляд на любовь, в том числе сексуальную (на эрос, выходящий за рамки обычных христианских определений милосердия), имеет живительный дух, который говорит о трансцендентности бога во всем мире, и, конечно, именно любовь нужна, чтобы сделать трансцендентность очевидной. В каббале, занимаясь любовью, человек достигает своего полного языкового, духовного и физического потенциала. Любовь, любящий и любимый — все они едины в занятии любовью и в Боге, по крайней мере, согласно одному тексту, вероятно, известному Казанове, где говорится о «соединительном блаженстве с Богом, которое не может быть непрерывным только... по причине хрупкости тела».

Помимо предложения Казанове альтернативной космологии, отвечавшей его потребностям в либертенстве и интеллектуальной избранности, каббала давала ему и нечто гораздо более мощное. Она отвечала его давнему интересу к алхимии, химии и медицине и, как следствие, к созданию или воссозданию жизни. Тайное имя бога, как считалось, приносило произносящим его содержащуюся в нем власть. Маркиза д'Юрфе, как и многие другие, пыталась вызывать духов и управлять ими, а также предполагала, что есть связь между религиозными тайнами и кодами и тем, что сегодня называется «научным» знанием. Одним из последствий стало появление в эпоху Казановы легенды о големе — гомункуле, создание которого обычно приписывают каббалисту рабби Леву из Праги. «Сотворение голема было, как указывалось, особенно возвышенным опытом, переживаемым мистиком, который углубился в тайны алфавитных комбинаций, описанных в Книге Бытия». Иными словами, герменевтика тайны имени даже могла привести к созданию новой жизни, со

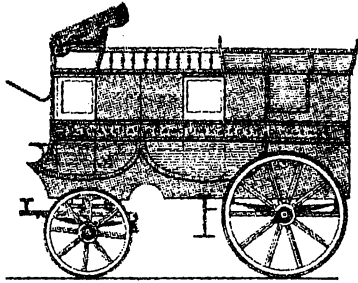
всеми вытекающими отсюда ужасами и славой. История о Франкенштейне Мэри Шелли в свое время была понята некоторыми как вариация на тему каббалистического голема. Для перевоплощения Казановы, или создания новой жизни, выбирается параллельная фантазмагория перерождения старухи в молодого мальчика посредством таинственного ритуала с сексом, принятием ванны, лунным светом и молнией.

Его масонство и розенкрейцерство маркизы д'Юрфе помогли Казанове более безопасно существовать в среде международной элиты, чем то позднее мог обеспечить ему даже фиктивный титул «шевалье де Сенгальт». Для Джакомо это было частью той же самой потребности играть ведущую роль в обществе, которую он, незаконнорожденный сын венецианской актрисы, едва ли мог получить без подобного реквизита. Сам титул, «Сенгальт» или «де Сенгальт» полагался Казановой своеобразной шуткой, основанной на каббалистической любви к анаграммам (возможно, титул был анаграммой к «genitale»). Человек, который писал, что «Рай, парадиз, с этимологической точки зрения, означает идею места сладострастия и имеет персидское происхождение», который изображал в своих записках-сновидениях веселящиеся половые органы и чья современная слава построена вокруг секса, вполне мог составить себе титул из анаграммы собственного «каббалистического» розенкрейцерского титула, «Faralisee Galtinarde», или превратить его в интертекстуальную шутку на тему «genitales» (в различных вариациях — «Faralis de Seingalt», «Faradis genitals», «des parties genitals» и, наконец, сам Паралис). Его титул как предсказателя также обыгрывает «paracelsus», систему символической репрезентации в каббале, и, по сути, намекает на «paradis» — концепцию, общую для каббалы, иудаизма, ислама и христианства. Гематрия подходит даже тогда, когда не срабатывает анаграмматический смысл. Если говорить более конкретно, то

в связь каббалы с алхимией и поисками философского камня, который обещал много больше, чем просто превращение недорогих металлов в золото, верили все те, кто занимался изучением той сферы, которую сейчас химики, в основном, высмеивают.

Находясь в одиночестве в своих комнатах и будучи в пожилом возрасте, Казанова возвращается ко многим своим утраченным удовольствиям, которыми он уже не может позволить себе насладиться, но еще может воссоздать их в своей памяти. И потому в своих воспоминаниях он вновь обратился к радости чистой математики, к каббале и лотерейным числам. Он тратил много часов и бесчисленные листы бумаги на кубическую геометрию и гематрию. Он смеялся в своих трудах над собственными попытками открыть философский камень, но также верил в каббалистическое роковое предназначение каждого поворотного момента своей жизни. Каббала, связанные с ней дисциплины, а также приверженность атавистической вере и убежденность в способности к личной самореализации доставляли Казанове удовольствие, начиная от его раннего опыта соприкосновения с народной медициной и до метафизики эпохи Просвещения. «Я бесконечно счастлив, — писал он, — когда в темной комнате вижу свет из окна, откуда открывается вид на широкий горизонт». Именно таков вид из библиотеки в замке Дукс и слова написаны в «Истории моей жизни», но, кроме того, это слова из каббалистической книги «Зогар».

AKT IV

АКТ IV, СЦЕНА I
РАЗГОВОРЫ С ВОЛЬТЕРОМ
1760–1761

В четверг, 7 сентября, из Гааги в Амстердам был послан по каналу лодкой пакет, но он не был доставлен. Там находится лотерейный билет с номером 14934, выигравший приз 20 000 гульденов, две облигации Ост-Индской компании — одна стоимостью в 6000 гульденов, вторая — в 45 000 французских аннуитетных билетов... Предлагается вознаграждение в 100 дукатов серебром и без дополнительных вопросов.

*Утерянные и найденные записки Казановы.
Газета «Амстердамс курант»*

Первые годы встретившего свое тридцатилетие Казановы, проведенные им, в основном, в Париже и Амстердаме, ничем особенным для его жизни в этот период не были отмечены. Его роман с Манон Балетти продлился до зимы 1759/60 года. Она жила на Пти-Полонь, ухаживая за братом Антонио, который в результате несчастного случая на сцене получил пулевое ранение. Она и Казанова постоянно переписывались друг с другом по-французски, и она обращалась к нему как к своему «Джакометто» и ее «маленькому мужу», пока действительно не вышла замуж летом 1760 года за ко-

ролевского архитектора Франсуа Блонделя. Казанова был растерян, когда эти новости дошли до него, как он утверждал, в Амстердаме под Рождество 1759 года (однако он, скорее всего, узнал о них позднее). Сильвия умерла, Марио Балетти влез в долги, Антонио по-прежнему болел — и Манон благоразумно сочла, что Казанова никогда не соберется на ней жениться. Его окончательный разрыв с Манон отвратил его от уз семейной жизни еще больше и, кажется, послужил катализатором чего-то вроде кризиса среднего возраста, а также породил страсть к путешествиям, которая не покидала его более десяти лет.

Как только Манон переехала в дом Блонделя на улице Де ла Арп, Казанова уехал из Амстердама в Кельн, а затем отправился в Штутгарт, Цюрих, Баден, Люцерн, Фрибур, Берн и Женеву. Он сколотил тогда очень приличное состояние, но как именно — не объяснил. Коротко описывая свою жизнь в 1797 году, Казанова, по его собственным оценкам, в конце 1750-х годов был миллионером. Во время поездки в Голландию он, похоже, был впечатлен перспективой получения прибыли от какой-то промышленной монополии, его письма к венецианским властям того периода — он начал обращаться к ним в надежде на помилование — выражают готовность поделиться с фабриками Мурано промышленными секретами, которые Джакомо узнал в Северной Европе: «Мои исследования, мои путешествия, мои изыскания позволили мне стать хозяином тайны [окрашивания шелка], которую я предлагаю моей стране. Я могу дать краски для настоящего хлопка, который будет более красивым, чем на Востоке, и который я смогу продавать с 50% скидкой».

Но в самой Голландии Казанова особого впечатления не произвел. Французский посол написал к герцогу де Шуазель, сменившему де Берни на посту министра иностранных дел, что его протееже из Парижа, Казанова, еще не совсем одер-

жал победу над голландцами: «Он выглядит крайне нескромным в своих целях... Он отправился в Амстердам после [Гааги] и сильно проигрался». Тем не менее Казанова думал поселиться в Амстердаме как в месте, лучше подходившем под штаб-квартиру для финансовых дел, и вступил там в связь с молодой голландской женщиной, которую называл Эстер, и, по-видимому, она доводилась родственницей богатой еврейской семье Саймонов или же купца Томаса Хоупа. Однако Париж продолжал манить его обратно, несмотря на то, что его доходы от лотереи сократились. Одной из причин возвращения, как представляется, стало прибытие в столицу Франции молодой женщины из Венеции, чье драматическое вторжение в жизнь Казановы описано не только им самим, но и в ряде писем, о которых стало известно совсем недавно.

Джустиниана Уинн была красивой женщиной, наполовину англичанкой, наполовину венецианкой и авантюристкой с несколько сомнительным прошлым, с которой Казанова познакомился в Венеции (он выводит ее под именем «м-ль ХСV») через своего друга Андреа Меммо. После ареста и заключения Джакомо в тюрьму она и Меммо стали любовниками, чей жаркий, тайный роман задокументирован в объемных откровенных письмах — часть из них Меммо отметил собственной кровью и спермой, — дошедших до наших дней. Их любовь оставалась нелегальной, потому как Меммо был молодым патрицием, а Джустиниана — законной дочкой иностранца, английского баронета, и венецианской куртизанки. Поскольку Лючия Меммо сыграла важную роль в предотвращении брака своего сына с куртизанкой и своими действиями ускорила попадание Казановы в заточение, то, когда Джустиниана прибыла в Париж, Джакомо по понятной причине проникся к ней симпатией. Но почти сразу же он оказался в центре большого скандала: Джустиниана была беременна от Меммо, однако ее расчет-

ливая мать устроила ей блестящую партию с пожилым, но богатым сборщиком налогов, Александром Поплиньером. Джустиниана знала, что брак нужно заключать побыстрее, чтобы потом ребенок мог считаться законным наследником ее будущего мужа. В противном случае должно было прибегнуть к более радикальному решению.

Казанова ссылается на эту историю как на одну из центральных драм его жизни в Париже. Долгое время считалось, что он сильно нафантазировал, но недавно были получены доказательства его правдивости — не только благодаря письмам семьи Меммо, но и из письма, проданного на открытом рынке в 1999 году: в нем Джустиниана излагает редкую женскую точку зрения на цену сексуальной эмансипации и пишет о Казанове. Стоит процитировать письмо Джустинианы, поскольку оно показывает, почему, попав в беду, отчаявшиеся молодые женщины иногда обращались к нему с верой в его доброту и способность помочь. Письмо к бывшему другу ее любовника написано Джустинианой из «Отель де Холланд», они с Джакомо снова встретились неделей ранее.

Вы хотели, чтобы я рассказала, поведала Вам о причине моей грусти. Хорошо, я готова это сделать. Я вверяю мою жизнь, мою репутацию, все мое существо в Ваши руки... Я прошу Вас помочь несчастной душе, у которой не будет никакого другого выхода, кроме как искать собственной смерти, если она не сможет исправить свое положение. Дело в том, дорогой Казанова, что я беременна... Вы думаете, как философ, Вы — честный человек, спасите меня, если это еще возможно, и если Вы знаете как. Все мое существо и все, что у меня есть, будет Вашим, если Вы поможете мне... Если я вернусь к моему первоначальному положению, дела мои поправятся... если я избавлюсь от ноши, которая бесчестит меня. Казанова, дорогой мой,

пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы найти хирурга, доктора, того, кто освободит меня от моих страданий, сделав все, что потребуется, и в случае необходимости, применив силу... Я доверяю Вам. В этом мире у меня есть только Вы... У меня никогда не было человека, которому можно довериться, а теперь Вы — мой ангел-хранитель. Пойдите к каким-нибудь девушкам из театра, спросите их, приходилось ли им когда-либо совершать то, что я хотела бы сделать... Спасите меня. Я верю Вам.

Это удивительная и пронзительная история и в наши дни. Джустиниана толкала Казанову на предприятие, которое было смертельно опасным для нее самой и, конечно, совершенно незаконным: проведение аборта. Хотя позднее она обещала отдать свои бриллианты хирургу, а тело — Казанове, она взывала к его галантности. Он заметил ее приезд в Париж, когда они — после его возвращения с деньгами из Голландии — вновь столкнулись в оперном театре. И теперь он был тронут и готов помочь в связи с беспомощной верой в него. Интуиция ее не подвела, она оказалась права: он не только преисполнился желанием спасти ее, но и знал, к кому обратиться.

Был составлен план, театральный и опасный. Они встретились на балу, надев заранее приготовленные маскарадные костюмы (Казанова надел венецианскую маску, с одной нарисованной розой под левым глазом), переправились по Сене к продавщице оральных abortирующих средств и вернулись на танцы прежде, чем, как они полагали, кто-либо заметил их отсутствие. Они ошибались по двум причинам. Во-первых, «фармацевт», мадам Демей, знала об опасностях своей торговли, а также о возможности шантажировать богатых клиентов, и не сохранила тайну. Во-вторых, их отсутствие было отмечено, но приписано неправильным причи-

нам: люди предположили, будто они сбежали уединиться как любовники. И пара промешкала слишком долго, Джустиниану была дрожь от холода, голода или последствий принятого снадобья, и она попросила Казанову остановиться у Пти-Полонь, где он весьма любезно сделал ей омлет и открыл шампанское, а потом повел себя уже менее галантно — сексуально обхаживал ее.

Вернувшись на бал, она танцевала до утра в надежде потерять ребенка, но план не удался, а мадам Демей обратилась к жениху Джустинианы, стремясь получить с него за свой рассказ деньги.

К счастью для Казановы и Джустинианы, у откупщика были основания не верить тем, кто утверждал, будто его невеста беременна и пытается избавиться от ребенка, он знал, что его собственная семья в отчаянии готова очернить ее имя, чтобы сохранить свое состояние в неприкосновенности, и он был влюблен в молодую красавицу. Но жених стал подозрительным, и давление на Джустиниану увеличилось, так как ее беременность начинала делаться заметной — ее вынуждали как можно скорее избавиться от ребенка того мужчины, которого она любила. Между тем был подготовлен доклад о «всем романе Уинн» (семья Уинн была из иностранцев) для герцога де Шуазель, министра иностранных дел, и это, конечно же, могло очернить заодно и имя Казановы.

Джустиниана спросила, знает ли он какое-либо более мощное средство — она, похоже, намекала на инвазивный аборт, который был еще более опасным. Казанова обратился за советом к маркизе д'Юрфе. Она точно знала, как поступить: обратиться к работам Парацельса, который, как ни невероятно, привел список средств для выкидыша в работе по эзотерической мистике.

«*Aroma philosophorum*», более известный как «*agorh*», упоминается в нескольких работах, в алхимических и каббали-

стических, в том числе — в работе «Elementa Chemiae» Германа Бургаве (получившей широкое распространение в Голландии, где Казанова работал). Ключевым ингредиентом считался шафран, который, как считалось, вызывал менструацию, ослабляя тонус матки и шейки матки. Как правило, шафран смешивался с медом и миррой. «Женщина, которая надеется освободить свое чрево, — прочитал Казанова, — должна положить пасту таким образом, чтобы стимулировать его открытие». Следовало использовать — и наверняка Казанова смеялся, когда читал наставления — кончик подходящего размера цилиндра, который вставляют «во влагалище таким образом, чтобы [добраться до] круглого куска плоти в верхней части его». Эту процедуру повторяли три или четыре раза в день в течение недели.

С одной стороны, его отношения с Джустинианой показывают Казанову настоящим манипулятором, воспользовавшимся ее доверчивостью и отчаянием. С другой стороны, в силу аропа широко верили, а шафран и мирра были тогда традиционными abortивными препаратами, хотя использовали их несколько иным образом. Однако, когда он представлял результаты своего исследования в библиотеке маркизы Джустиниане в «Отель де Холланд», то добавил свой собственный ингредиент, чтобы убедиться в том, что беременная поняла, какой вид «цилиндра» он имел в виду: ароп работал только тогда, когда применялся со свежей спермой, сообщил он ей, а так как их общий друг Андреа Меммо находится в Венеции, то Джакомо сам будет «поставлять оборудование и все ингредиенты для курса лечения». Джустиниана посмотрела на него, криво усмехнулась, а затем рассмеялась вместе с ним. Тем не менее она не оспаривала его рецепт. Хотя многие считают, что предложенный метод был жестоким или, по крайней мере, эгоистическим принуждением к сексу, обращение к аропу и другим мазям вкупе с инвазив-

ными методами, в том числе проникающим сексом, были тогда распространенными методами провоцирования аборта. Джустиниана согласилась встретиться с Джакомо на чердаке в гостинице, когда ее владелец уснет, но Казанова обнаружил там двух слуг за сходным незаконным делом и шантажом вынудил их уступить тихое место ему. Там он и Джустиниана стали действовать «подобно готовому выполнить операцию хирургу и пациентке». В мемуарах Джакомо это не слишком романтическое чтиво:

Оба мы сосредоточились на наших ролях, и довели их до совершенства... При свете свечи, которую я держал в левой руке, она ввела небольшую корону из агорh к голове существа, чтобы оттуда проникнуть в отверстие, где должна была завершиться амальгамация... После окончания процедуры, [она] задула свечу.

Они занялись сексом во второй раз, что Казанова описывает как «лечение действием в четверть часа», а затем, вскоре, еще раз.

Как и предыдущие сеансы «лечения», обращение к алхимии так же оказалось не способным произвести аборт, и Джустиниана поняла, что скоро ей потребуется скрывать от жениха и от общества не только беременность, но факт деторождения. Казанова, в свое оправдание (остается непонятным, верил ли он сам когда-либо в действенность агорh), пишет, что получил от Джустинианы после нескольких ночей секса «обещание больше не думать о самоубийстве» и решение положиться на его помощь. Как видно из ее писем и действий, а также из его мемуаров, так и случилось. Казанова помог ей бежать от ее семьи, жениха, любовника в Венеции и от парижского общества. Как писала Андреа Меммо

одна светская львица: «Я не помню, чтобы о чем-то еще так много говорили».

Казанова пошел к графине дю Рюмен, подруге маркизы д'Юрфе и тоже каббалистке, у него были основания полагать, что та знает об укромном монастыре, где знатные дамы могут укрыться на время родов, и он оказался прав. Графиня порекомендовала ему монастырь в Конфлане, и четвертого апреля 1759 года Джустиниана исчезла.

Ее семья сразу же заподозрила Казанову, и спустя несколько дней ее мать и венецианский посол, Эриццо, выпустили бумагу, угрожавшую ему обвинением в похищении человека. Одна из монахинь монастыря в Конфлане тайно передала семье Джустинианы письма от нее, чтобы те могли убедиться в том, что девушка в безопасности и вынуждена была скрыться из-за страха за собственную жизнь и опасаясь врагов, которых нажила себе, став невестой сборщика налогов. В письмах к Казанове она благодарит Джакомо, говорит об окружающем ее комфорте и просит книжки. Ее просьбу о книгах он оставил без внимания, поскольку в то время его больше заботило ухудшение отношений с дипломатическими и гражданскими властями. Люди видели, как он сбежал с Джустинианой с бала-маскарада, и судачили о его контакте с мадам Демей, известной своим промыслом абортами. Вскоре Джакомо спасли его высокопоставленные друзья — графиня дю Рюмен нанесла визит Антуану де Сартину, которого вот-вот должны были сделать шефом сыскной полиции, и объяснила, довольно просто, что мисс Уинн спряталась, чтобы дать жизнь незаконнорожденному, и что — это обстоятельство особенно подчеркивалось — никакого аборта не будет. Между тем мадам Демей вытянула у Казановы сотню луидоров за то, что она откажется от своего свидетельства против него и скажет, будто все перепутала и ничего толком не помнит.

В конце мая Казанове и графине дю Рюмен сообщили, что Джустиниана родила мальчика. Ее матери следом пришло письмо от аббатисы:

27 мая 1759 года.

М-ль Джустиниана [sic] Уинн, наконец, открылась мне вчера вечером. Она рассказала мне, мадам, что Вы находитесь сейчас в «Отель де Холланд»; если бы я знала это раньше, то смогла бы избавить Вас от многих тревог. Она находится с нами с момента своего приезда сюда, с четвертого апреля. Я была уверена, что кто-нибудь вскоре будет спрашивать про нее, но никто не приходил, писем она не получала.

Сестра де Меринвиль,
настоятельница монастыря в Конфлане.

Аббатиса действительно была «королевой» осторожности, как охарактеризовал ее Казанова. Однако положение вещей стало таково, что оставаться в Париже ему стало уже некомфортно. Кроме того, именно в то же время Казанова лишился своего могущественного союзника и покровителя, де Берни, которого новый (венецианский) папа Климент XIII назначил кардиналом, а король Франции изгнал из Парижа в Рим, так как де Берни утратил расположение мадам де Помпадур.

Возможно, в результате этого Казанова принялся истово исполнять роль *cavalier servente* при маркизе д'Юрфе, которая решила сменить свои каббалистические увлечения на нечто более современное и в духе Просвещения, предложив Казанове вместе отправиться в Монморанси для встречи с Жан-Жаком Руссо, тогда — философом и писателем сорока семи лет. Руссо погряз в долгах, был вынужден воспользо-

ваться гостеприимством маршала Люксембургского и поселиться у него в замке. Казанова описывает писателя как обремененного финансовыми проблемами, принуждаемого копировать ноты, которые ему привозили парижские дамы вроде маркизы, считавшие его выдающимся и передовым: «Люди платят ему двойную плату по сравнению с работой обычного копировальщика, но он гарантирует, что никаких ошибок не будет, и так поддерживает свою жизнь». Казанову потряс контраст между международным признанием и унижительными условиями жизни Руссо. Нет, путь к литературной славе не прельстил Джакомо.

Похожим образом год спустя Казанова сведет продолжительное знакомство с Вольтером, который в свои шестьдесят пять наслаждался олимпийской славой и достаточно уединенной жизнью в Швейцарии. Как любил заметить Джакомо: «Он был в то время не тем человеком, которого можно было игнорировать». Знаменитый не только своими философскими беседами с русской царицей и французскими радикалами, он лишь год назад снова заставил говорить о себе, полуанонимно опубликовав сатиру на церковь, государство, философию и плутовские путешествия — роман «Кандид». Встреча произвела на Казанову огромное впечатление, и он приводит остроумные реплики Вольтера:

— Это — счастливейший день в моей жизни. Прошло двадцать лет, монсеньор, как я стал вашим учеником.

— Почитайте меня еще двадцать лет, — ответил Вольтер, — а затем заплатите мне деньги за все это время.

Но как бы ни хотелось верить в обратное, реплики Вольтера скорее отшлифованы самим Казановой и вряд ли принадлежат французскому философу — Вольтер же вообще не

упоминает, чтобы его посещал красноречивый итальянец. К тому же Джакомо было тридцать пять лет, и он, безусловно, не читал в Падуе в пятнадцать лет Вольтера.

Казанове важно было представить себя в своих мемуарах как равного Вольтеру, по крайней мере в том, что касается салонного остроумия, но как бы там ни было, как и в переписке с Руссо, он демонстрирует свежий взгляд на человека, воплощавшего философский дух того времени, отмечая любовь Вольтера к садоводству и английскому языку.

Неподалеку, в Лозанне, находился маленький театр, а Вольтер был активным поклонником итальянской оперы-буфф. Он мог бы побеседовать с Казановой про итальянский театр и Венецию, предполагая, что бывший тюремный узник поддержит его мнение: будто Венеция — вотчина непопулярной олигархии, которую нужно уничтожить. Но вместо этого Вольтер обнаруживает, что Казанова считает венецианцев одними из самых свободных людей в мире (Джакомо мог подразумевать как сексуальную сферу, так и политическую). Казанова уже, без сомнения, читал «Кандида», книгу, которая была опубликована в Европе в 1759 году. Новый, скандальный взгляд на отношения полов и вопросы секса, философская и политическая сатира и необычные приключения не могли не понравиться Казанове, который также должен был поразиться заметной параллели между своей собственной жизнью и жизнью молодого бастарда Кандида, не получившего при рождении почти ничего, кроме ума.

Лучшая сатира, конечно, берет за основу реальность, и более поздние критики «Истории» Казановы указывали на чрезмерное ее сходство с плутовскими приключениями Кандида, пробирающегося через опасности гаремов, королевских дворов, тюрем и венерических болезней, — но это явно несправедливо: ясно, что подобную жизнь вполне можно было прожить на самом деле, и Казанова доказал это.

Двое мужчин долгое время говорили об итальянской литературе, древней и современной, и Вольтер вывел Казанову на улицу полюбоваться видом на Монблан. Мелкие детали показывают, насколько память Джаккомо точна: он упоминает об огромной куче писем и хвастовстве Вольтера, что тот состоит в переписке с тысячами людей (сегодня насчитывается более двадцати тысяч подлинных писем Вольтера); что «племянница»-любовница Вольтера, мадам Дени, была усерднейшей хозяйкой; что разговоры и обсуждения касались многих предметов и велись на нескольких языках в ходе неоднократных визитов. При шато Вольтера в Ферне, в Швейцарии, образовался миниатюрный «королевский двор», интеллектуальный Версаль, где Казанова сразу почувствовал себя как дома, будучи профессионалом в салонных шутках, эрудированным человеком и зная толк в флирте. Вольтер начал работать над новой пьесой «Танкред», премьера которой состоится в Париже позже, третьего сентября 1760 года. Пьеса напоминала его раннюю трагедию «Заира», и вполне вероятно, что он и Казанова, эксперт по сценической комедии, обсуждали ее — несколько лет спустя Казанова назвал свою русскую горничную Заирой в память о проведенном с Вольтером времени.

Встречи этих двух известных представителей восемнадцатого века подробно описываются не только в посмертно изданных мемуарах Казановы, но и в других его сочинениях («Confutazione», «Scrutinio» и «A Leonard Snetlage»), и во всех них содержатся элементы утраченных трудов Вольтера. Казанова был его почитателем, но не из числа скромных. Он укорял Вольтера за незнакомство с мантуанской поэзией Мерлина Коккая, они также спорили относительно монархии, оккультизма и потребности человека в вере. Много позже он нападал на Вольтера за политический радикализм, но, когда они встретились, Казанову встревожили антиклерич-

кальные настроения писателя, поскольку Джакомо полагал веру инстинктивной частью жизни. «Вы должны любить человечество, — говорил он Вольтеру, — таким, какое оно есть».

Знакомство с Вольтером — не просто часть еще одной забавной истории про очередную знаменитость, хотя это, возможно, наиболее известная история Джакомо. Эта история указывает на собственные нереализованные амбиции и потенциал Казановы. Вольтер работал над вторым томом «Истории Российской империи при Петре Великом», а также над пьесой и отвечал на критику «Кандида», и, возможно, именно он натолкнул Джакомо на мысль, что поездка в Санкт-Петербург может оказаться полезной.

Однако другое событие взволновало Казанову и, возможно, вдохновило на отъезд еще более. Он находился в Женеве, в той же гостинице «У леса», где тринадцать лет назад расстался с Анриеттой. То было не такое уж странное совпадение, это была лучшая гостиница для франкоговорящих путешественников. Он смотрел в окно и вдруг заметил: «*Tu oublieras aussi Henriette*» — гласила выцарапанная на стекле надпись в комнате, где они в последний раз любили друг друга. У него волосы встали дыбом, как он пишет, и не только из-за воспоминаний о потерянной любви и леденящего душу понимания того, что она оказалась права. Его ужаснуло сравнение себя теперешнего, тридцатипятилетнего, с человеком, каким он был тогда. Это было началом распада, который накроет его позднее в Лондоне, проистекавшего частично из осознания того, что его сексуальные и физические силы угасают: «Меня свергло в ужас знание того, что у меня уж нет прежних сил к жизни»; но, кроме того, теперь ему не хватало той «деликатности, которая тогда во мне имелась, и тех возвышенных чувств, которые оправдывали ошибки чувств, мне не хватало внимательности, определенной честности». Полный надежд и амбиций молодой человек с годами стал

черствым — от жизни, любви, приспособленчества и упущенных возможностей.

Чем занят Казанова в Женеве в 1760 году — ответить не легче, чем узнать, что он думает или чувствует. С середины 1759 года и в начале 1760-х годов он все сильнее удаляется от Парижа. У него были правительственные и финансовые дела в Амстердаме, а также развивавшиеся отношения с Эстер, которые с перерывами продолжались на протяжении нескольких лет. Его финансовые сделки того периода вызывают вопросы, он пытался доказать, что не живет за счет маркизы д'Юрфе, но это могло быть и не так. За последние несколько лет обнаружено большое число свидетельств, подтверждающих эпизоды о жизни Казановы в Голландии, которые ранее ставились под сомнение. Например, он говорил абсолютную правду, когда писал, что помог обнаружить потерянный бумажник, прибегнув к каббалистическим методам поиска: недавно было обнаружено объявление в «Амстердамс Курант», размещенное некой Эмануэль Саймонс, о пропаже кошелька с деньгами. Казанова был тесно связан с семьей Саймонс, к которой, вероятно, принадлежала и Эстер (об этом же свидетельствуют два нотариальных акта, также найденных в Амстердаме).

Но не все в его голландском периоде складывалось удачно. Французский посол граф д'Аффри обнаружил, что Казанова, кем бы он ни казался, оставался сыном венецианской актрисы. Посол был консервативен в отношении соблюдения социальных или финансовых разграничений, и хотя вряд ли среди знатоков света являлось секретом сомнительное происхождение Казановы, но Д'Аффри был оскорблен, что ему приходится работать с самозванцем, пусть даже за давностью лет французский свет и привык к любимцу и завсегдатаю парижских салонов настолько, что постарался забыть о театральных корнях Джакомо. К тому же Казанова

случайно принял поддельные векселя при расчетах после азартных игр и вынужден был покинуть Амстердам.

Вскоре Джакомо обрел утешение в объятиях жены мэра Кельна, Мими ван Грут, — на первом этапе путешествия, которое превратится в долгую дорогу через всю Центральную Европу. В немецких княжествах, в частности, хорошо принимали культурного, хорошо одетого и интересного венецианца. В Бонне, например, курфюрст так обожал все, связанное с Венецией, что нанял себе гондольеров, использовал итальянскую бумагу и говорил на венецианском диалекте итальянского языка — естественно, Казанова был там желанным гостем.

Шевалье де Сенгальт, как Казанова теперь именовал себя, стал весьма известен при крошечных дворах Центральной Европы. Возможно, он имел тайную миссию, связанную со шпионажем в пользу французов, и доносил им об изменении расклада сил среди мелких игроков во время шедшей тогда Семилетней войны (1756—1763), а титул был частью игры. Он даровал его себе сам, может статься намекая на тесные связи с французским престолом или просто в шутку. Это придавало ему ауру аристократа-космополита. Если сегодня титул воспринимается скорее как обман, то тогда для венецианца он мог быть всего лишь знаком его действительного общественного положения. Как заметил один из гостей Италии: «Большинство венецианцев полагают себя *cavaliers*, что на самом деле вовсе не имеет отношения к рыцарству, но скорее напоминает теперешнего сквайра в Англии».

В швейцарском Золотурне в 1760 году Казанова предупреждает друга не «читать или не касаться любых моих бумаг, поскольку я храню секреты, которыми не вправе свободно распоряжаться», а в Бонне в том же году австрийский военный атташе охарактеризует его как «опаснейшего шпиона,

способного на величайшие преступления, связанного с кругом агентуры и голландскими офицерами».

К сожалению, все в итоге сводится просто к косвенным указаниям на то, что Казанова работал, время от времени, на французов в качестве информатора или что он добился обещаний выдать ему деньги взамен на добытые полезные сведения. Это напоминало карьеру его современника, графа де Сен-Жермена, и сеть знакомств, которыми Казанова окружил себя, став самозванным аристократом, не имеющим гражданства французом и венецианцем, оккультистом и предсказателем, позволяла ему поддерживать неустойчивое, бесцельное существование. Некоторые видят в его образе жизни доказательство того, что Казанову, в основном, поддерживали масоны — как вербовщика и шпиона, — но их ресурсы не были столь велики, как у мадам де Помпадур, и к тому же у них не было необходимости в содержании «специального доверенного лица». Двору Версаля тоже вполне хватало собственного корпуса чиновников и не требовались специфические способности Казановы для какой-либо секретной дипломатической работы.

Покинув Бонн, Кельн и двор курфюрста Саксонии, Казанова весной 1760 года перебирается в Вюртемберг, а затем ко двору тамошнего герцога, Карла Евгения, в Штутгарт. Потом он приезжает в Цюрих, через бенедиктинское аббатство Айнзидельн, в котором подумывает о вступлении в орден созерцательных монахов и о возвращении к своим научным и литературным занятиям взамен скитальческой жизни. Но случайно он встречается с баронессой де Ролл, которая впоследствии произвела впечатление на Джеймса Босуэлла, и приходит к заключению, что ему лучше следовать за ней в Золотурн, нежели своему слабому стремлению к монашеской жизни.

Весной 1760 года Казанова потерпел убытки. В апреле в Цюрихе он был вынужден заложить часть своего имущества в ломбард под залог, выручив около восьмисот золотых луи, в то время как чистая стоимость тех же активов в Париже оценивалась в серебряном эквиваленте свыше ста тысяч эю, шестисот тысяч турецких ливров или не в одну тысячу луидоров. Он отправился в Берн, а затем периодически жил то в Лозанне, то в Золотурне, поскольку в Швейцарии, административно разделенной на независимые союзные кантоны, высшее общество не было собрано в одном столичном городе, а распределялось между соперничающими центрами. В библиотеке Берна сохранилось письмо, которое проливает свет на кочевую жизнь Казановы того периода. Его воспоминания полны любовных «схваток», главным образом с баронессой де Ролл, и подробностей о купании нагишом в Берне. Тем временем местные жители признали уникальность Казановы, что-то присущее ему, увлекательное и неуловимое одновременно. Письмо от магистрата Берна в Рош к академику Альбрехту Галлеру, которому хотел быть представлен Казанова, говорит:

У нас здесь в Берне появился иностранец, назвавшийся шевалье де Сенгальтом... которого настоятельно рекомендовала [нам] знатная дама из Парижа. Он уехал отсюда позавчера в Лозанну, откуда предполагает направиться к Вам в гости. Этот иностранец стоит того, чтобы Вы его увидели, он безусловно будет Вам любопытен, ибо он является загадкой, кою мы оказались не в состоянии разгадать здесь... Он не знает столько же, сколько Вы, но знает много. Он говорит обо всем с большим пылом, кажется, он повидал и прочел поразительно много. Он сказал, будто знает языки... Он получает каждый день по почте значительное количество писем и пишет каждое утро... Он

говорит на французском языке как итальянец, поскольку получил образование в Италии. Он считает себя свободным человеком и гражданином мира... Ему больше всего по вкусу естественная история и химия, мой двоюродный брат Луи де Мюральт, который сильно привязался к нему, полагает, будто это — граф де Сен-Жермен. Он продемонстрировал мне свои познания в каббале, которые изумительны, если они истинны, и сделал какой-то колдовской ром... В целом, он очень необычный человек, и как нельзя лучше одет и экипирован.

Таким было впечатление, которое производил тридцатипятилетний шевалье де Сенгальт, безотносительно от стоящей отдельного упоминания его прежней славы как беглеца или будущей известности в качестве распутника.

АКТ IV. СЦЕНА II
ШЕВАЛЬЕ ДЕ СЕНГАЛЬТ
1761—1763

«Я дурного мнения о тех, кто придает большое значение титулам», — однажды сказал император Иосиф II Казанове [шевалье де Сенгальт], и он, Казанова, каждое слово которого являло мысль, а каждая мысль — книгу, ответил: «Так что же остается думать о тех, кто их продает?»

Князь Шарль де Линь

Казанова путешествует почти все время до начала 1760-х годов. Поскольку в Европе завершилась Семилетняя война — которая могла препятствовать легким поездкам — шевалье де Сенгальт недолго живет в Экс-ле-Бене, Гренобле, Авиньоне, Марселе, Ментоне, Монако, Ницце, Генуе, Флоренции, Риме и Неаполе. Затем, возвращаясь снова на север, он останавливается в Риме, Флоренции, Болонье, Модене, Парме и Турине, где сотрудничает с чиновниками португальского правительства и отправляется с ними на мирный конгресс в Аугсбурге в 1763 году. Туда он добрался через Шамбери, Лион, Париж, Шалон, Страсбург, Мюнхен и опять Париж, заехав еще и в Аахен. Потом он перебирается в Базель, Женеву, Лион, Турин, Милан, Геную, Антиб, Авиньон, Лион и Париж, пока наконец не решает в 1763 году обоседь в Лондоне.

Казанова закрывает дом в Париже, и его жизнь становится все более похожей на жизнь бродяги без родины. Он превращается в странствующего господина, персонаж, который, по всей видимости, был возможен только в восемнадцатом веке до революции.

* * *

После длительного визита к Вольтеру Казанова пересек Альпы и направился в Рим и Неаполь. Последний был особым местом: городом, который всегда был добр к нему в прошлом и где у него были основания считать себя отцом, по крайней мере, двоих детей — дочери Анны Марии Монти-Валлати и сына от Терезы Ланти. Он остановился в Экс-ле-Бен, а затем в Экс-ан-Савойе, где в июле 1760 года на водах встретил монахиню-аристократку, которую сначала принял за М. М. Это была не она, но в мемуарах он оставил за женщиной тот же псевдоним. Она напоминала его бывшую любовницу внешне и в привычках и кроме того, тоже была в определенной степени распутна и была «на водах» в том смысле, какой часто подразумевался в восемнадцатом столетии: она скрывала в Эксе свою беременность. Казанова помогал ей в этом и в поиске опиума, чтобы усыпить ее компаньонку, но план обернулся бедой — произошла передозировка, и компаньонка умерла. Двое виновных, они на какое-то время стали любовниками, и Казанова, как часто у него случалось, сочетал в себе альтруизм и эгоистичное желание доставить себе удовольствие, используя ситуацию. «С учетом моего характера, было невозможно мне отказаться от нее, но сие не делает мне чести; я стал любовником этой новой М. М. с черными глазами и был полон решимости сделать все для нее и, конечно же, не позволить ей вернуться в монастырь в том состоянии, в котором она была». Но тем

не менее она отправляется обратно в монастырь, а Казанова уезжает в Гренобль.

Здесь он получает письмо от маркизы д'Юрфе, с которой по-прежнему поддерживал хорошие отношения, к мадемуазель Ромэн-Купье. Далее история могла бы показаться придуманной, но она целиком совпадает с известными нам фактами драмы, вскоре разыгравшейся в Париже. Казанова составил гороскоп мадемуазель Ромэн-Купье и расшифровал ее имя и дату рождения и т. п. в соответствии с каббалистическими цифрами, предсказав, что она станет любовницей Людовика XV. Джакомо представляет свой рассказ как неудачную попытку соблазнения, основанную на той вере, что он в нее вселил. Действительно, он так никогда и не добился от этой дамы желаемого, но она перебралась в Париж и к маю 1761 года на самом деле попала в ряды многочисленных любовниц короля. В январе 1762 года она родила ему дочь, и это был второй раз, когда Казанова пополнил королевский Олений парк. История может показаться придуманной задним числом, однако описания Казановой неприятностей мадемуазель Ромэн-Купье после ее переезда из провинциального Гренобля в будуар Версаля совпадают с ее собственными мемуарами, увидевшими свет много позднее.

Из Гренобля Казанова отправился в Авиньон, чтобы увидеть места, связанные с Петраркой, и задержался на маршруте южнее, желая просто недорого развлечься. Провинциальный театр обеспечил ему легкий доступ к авиньонскому полусвету, где он встретился с сестрами-актрисами Маргаритой и Розали Астроиди. С Маргаритой он уже переспал в Париже, а с Розалии завел экзотический любовный треугольник с участием ее горбатого костюмера. В Авиньоне он также представил себя некоей паре, по фамилии Стюард, жившей в той же гостинице. В то же самое время, пока Казанова опустошал свой кошелек в погоне за театральным развратом,

он ссужал деньги и безденежным Стюардам, к которым испытывал обычное сочувствие. Эта пара состояла в тайном браке, возможно, и муж, и жена имели других законных супругов, и их история, открывая нашего героя с другой стороны, дополняет портрет беззаботного и аморального распутника Казановы. В течение нескольких месяцев он помогал людям скрываться, пристраивал ребенка в воспитательный дом, оказался замешан в случайном убийстве, развратничал с двумя актрисами (не говоря уже о горбатом костюмере), был тронут до слез судьбой женщины-беглянки и отдал ей большую часть своих постоянно оскудевавших средств.

Он ездил в Марсель, а затем в Антиб, где оставил недавно купленный экипаж — который заберет обратно через три года, — чтобы поехать на felucca вниз по итальянскому побережью. Он взял с собой служанку из Марселя, ею стала Розали, которую приодел и представлял как свою компаньонку. Они высадились в Ницце, из-за плохой погоды, а потом прибыли в разгар лета в Геную и сразу столкнулись со звездой венецианской комедии дель арте Гритти, немедленно признавшей Казанову.

Он [Казанова] прибыл из Антиба в великолепном экипаже и в компании еще одной путешественницы [Розали]. Гритти [знаменитый Панталоне] увидел его и побежал к нему с распростертыми объятиями. Авантюрист вдохнул воздуха и, бросив строгий взгляд, сказал: «Вы ошибаетесь, я — шевалье де Сенгалът». [Гритти] был поражен, но, прежде чем он смог оправиться от удивления, псевдо-рыцарь подмигнул ему, как бы желая сказать: «Слушай, смотри и молчи».

Так путешествовал Казанова. Венецианец Луиджи Гритти скоро стал должным образом общаться с Казановой, по-

няя необходимость подыграть Джакомо с его импровизированным титулом. Казанова предложил ему свой перевод на итальянский язык пьесы Вольтера «Шотландка», которую хотел ставить Пьетро Росси, менеджер Гритти. Несколько позднее тем же летом Казанова выступал на сцене, читая свой текст и играя одну из ведущих ролей, Мюррея.

Из Генуи зимой он отправился во Флоренцию, Рим и Неаполь, по дороге через Ливорно и Пизу. Джакомо захотел на Рождество остановиться во Флоренции. Там Беллино, выступавшая под именем Терезы Ланти, представила ему его шестнадцатилетнего сына, Чезаре Филиппо. Нетрадиционные семьи находили понимание у британского консула, Горация Манна, проживавшего во Флоренции с 1737 года и позднее ставшим поклонником литературных произведений Казановы. В давних традициях английской любви ко всему итальянскому консул собирал антиквариат и изучал итальянский язык — он оставил свою подпись на «Илиаде», подписанной Казановой, а венецианец оставил неплохое описание консульских садов, картин и благородной жизни джентльмена.

В этот момент течение жизни Казановы почти перевернула очередная случайная встреча, на сей раз с политиком-священнослужителем, которого он знал в молодости в Ватикане, с португальским аббатом по фамилии де Гама, который предложил Джакомо поработать на португальцев на предстоящем конгрессе в Аугсбурге, в связи с перераспределением сил в Европе по случаю окончания Семилетней войны. Между тем у Казановы снова кончаются деньги, и он вынужден покинуть Флоренцию после финансового скандала, в котором оказался замешанным (так свидетельствует уцелевшее полицейское досье, хотя, возможно, Джакомо был невиновен). В итоге на Рождество он очутился в Риме.

Прошло пятнадцать лет, как он уехал отсюда, однако он снова направился на Пьяцца ди Спанья и нашел ее мало изменившейся. Он расположился на вилла де Лондрез в нижней части Испанской лестницы, по рекомендации своего брата, Джованни, ставшего художником, как и Франческо, учившегося в Риме под руководством Рафаэля Менгса. Именно благодаря Джованни в этот приезд Казанова открыл для себя несколько иной Рим. Он проводил время с Менгсом, руководителем Римской академии живописи, а также с Иоанном Винкельманом, который, как считается, оказал огромное влияние на создание стиля, теперь известного как неоклассицизм. Винкельман был хранителем огромной коллекции древностей на попечении кардинала Александра Альбани, на вилле Альбани. Казанове устроили индивидуальную экскурсию, он познакомился с коллекцией произведений искусства и увидел процесс работы над потолком, который расписывал Менгс, а также работы своего брата для книги Винкельмана «История искусства древности».

Казанова, постепенно превращавшийся в библиофила, также снова отправился в библиотеку Ватикана и представился ее куратору, кардиналу Пассионеи, презентовав ему великолепно оформленный фолиант «Pandectorum liber unicus», которая и в наши дни хранится в коллекции Ватикана. В ответ Джакомо был удостоен аудиенции у нового папы, Климента XIII, которого Джакомо рассмешил, как и его предшественника когда-то, рассказами о братьях монахах. Папа и Казанова когда-то встречались мельком в Падуе, а семейное палаццо будущего венецианского папы находилось прямо напротив дворца Малипьеро и кампо Сан-Самуэле, где ребенком играл Казанова. Как представляется, именно из-за дара библиотеке, а не благодаря удивительным шуткам итальянца папа наградил его орденом Золотой шпоры. Это

была не самая высшая честь, но нечто выдающееся для сына актрисы и, кроме того, давало Казанове право носить титул «шевалье», под которым он путешествовал на протяжении нескольких лет.

Находясь в Риме, Джакомо сделал запрос в приход Санта-Мария-сопра-Минерва относительно семьи Монти, Сесилии и ее дочерей, в частности Анны-Марии Валлати. Мать умерла, и семья живет врозь, но Анна-Мария, ныне вдова, как ему сказали, проживала вблизи Неаполя, что стало одной из причин для очередного путешествия Казановы на юг.

* * *

В Неаполе, как всегда, Казанова пошел в театр. Его отчет исторически точен и поддается проверке: в Неаполе справлялся десятый день рождения мальчика-короля Фердинанда IV и первый год существования объединившегося вновь Королевства обеих Сицилий. Это было 12 января 1761 года и исполняли пьесу Метастазियो «Атиллий Регул». Герцог де Маталоне представил Казанову своей любовнице, которую Джакомо называет Леонильда и которая была любовницей вельможи только номинально, поскольку все знали об импотенции герцога. Первая встреча с Леонильдой для Казановы оказалась *coup de foudre* (любовью с первого взгляда), по крайней мере так он ее представляет в своих воспоминаниях. Возможно, его привлекало что-то в ней несомненно печальное, искусственная ситуация, в которой она находилась, но, так или иначе, Казанова довольно быстро решил, что влюблен в нее, и попросил герцога отпустить ее. Как он позже написал, он обратился вовсе не с просьбой отдать ее ему в жены, но с предложением стать любовником Леонильды вместо герцога. Ему ответили, что нужно спросить разрешения у ее матери, которая жила недалеко от Неаполя.

Когда произошла встреча, все изменилось. Матерью Леонильды оказалась Анна Мария Монти-Валлати, а сама девушка — семнадцатилетней дочкой Казановы. Казанова забросил всякую мысль о переговорах ради блага Леонильды, но не отказался от кровосмесительных отношений. Анна-Мария пустила своего бывшего любовника, теперь мужчину тридцати шести лет, к себе в постель и сделала это в присутствии своей дочери — в соответствии со словами Казановы. То, что кажется достоверным, — их разговор о возобновлении связи и даже о браке. Анна-Мария состояла с ним в переписке до конца жизни — и предлагала в будущем ему свое утешение и пенсию, — однако в 1761 году она была согласна на брак только при условии, если Казанова согласится поселиться в Неаполе.

Но жить степенной жизнью никогда не входило в его планы. Он покинул озадаченную Леонильду — воссоединившуюся с отцом при самых волнующих обстоятельствах, — оставив ей пять тысяч дукатов в счет возможного приданого. Она все еще оставалась девственницей, несмотря на то что была содержанкой герцога, а Казанова хотел видеть ее замужней или же просто лучше пристроенной, нежели в качестве любовницы при импотенте. Потом он сел в фургон римского *vetturino* на Страда ди Толедо, как восемнадцать лет назад, и через шесть дней пути снова прибыл в Рим.

На этот раз он пробыл в городе лишь столько, сколько нужно было для получения рекомендательных писем от друзей, новых и старых. Его брат Джованни передал ему камею для подарка доктору Мати из Британского музея в Лондоне (возможно, это была подделка из оникса с изображением Сострата, до сих пор хранящаяся там в коллекции). Джакомо явно намеревался попытать свое счастье дальше на севере.

Из Флоренции он отправился в Болонью, а оттуда — в Модену, Парму и Турин, где оставался до мая 1761 года. Здесь

он вновь списался с аббатом де Гама по поводу должности в португальской делегации в Аугсбурге. Это стало началом сложных отношений Казановы с политиками Португалии, Испании, Святейшего престола и иезуитами (последние в скором времени будут запрещены в Европе, за исключением «просвещенной» России, и даже в Южной Америке). Де Гама работал с португальским маркизом де Помбаль (с которым в своих путешествиях Казанова позднее столкнется), и ему были необходимы в делегации, отстаивающей португальские интересы, такие люди, как Джакомо, — полиглоты, прошедшие школу Церкви, обходительные и проницательные.

Казанова добирался на конгресс в Аугсбург через Шамбери — где он вновь встретил М. М., монахиню из Экс-ле-Бен, и прекрасно отужинал у нее в монастыре, — а потом через Лион, Париж и Мюнхен. В Турине, ожидая инструкций от де Гамы, он связался с местным повесой и масоном графом Джакомо Марчелло Гамба дела Пероза (де ла Перуз в мемуарах), который писал Казанове письма до конца его жизни.

* * *

В Париже, по пути в Аугсбург, Казанова убеждает маркизу д'Юрфе выписать ему аккредитив на пятьдесят тысяч франков. Он хочет взять у нее украшенные драгоценностями табакерки и часы в подарок делегатам конгресса. Он сказал маркизе, что это даст ему возможность договориться с лордом Стормонтом об освобождении из рук Лиссабонской инквизиции вымышленного розенкрейцера Кверилинта, который сможет помогать Джакомо в работе над ее возрождением. Она согласилась, но Казанова получил только наличные — драгоценности украл нанятый секретарь.

Наконец Казанова приехал в Аугсбург, но только чтобы узнать об отмене предполагавшегося конгресса. Переговоры между Фридрихом Великим и Великобританией были разорваны, и война затянулась еще на три года. Это был провал и для Казановы: он оказался не нужен ни де Гаме, ни правительству Португалии, и к тому же снова почувствовал недомогание, подцепив по пути на конгресс в Мюнхене от танцовщицы по имени Рене очередную венерическую инфекцию. Рене была замужем за ювелиром Бёмером, жизнь которого разрушила история с алмазными подвесками в Париже, запятнавшими репутацию французской королевы Марии Антуанетты.

Из Парижа Джакомо вернулся в Мец, потом в Понткарре, в шато д'Юрфе, а оттуда в Аахен, чтобы продолжить «воскресение» маркизы. Тогда, в 1762 году, это было прибыльным делом. Он находился в Аахене с начала мая 1762 года в окружении толпы прибывших на воды дам, одной из которых, по-видимому, была мадемуазель Ламбер, которую Казанова соблазнил в ожидании прибытия маркизы. Они поехали вместе в Безансон, а потом на время расстались — Казанова отправился в Женеву, чтобы поиграть там на деньги и продолжить начатые ранее отношения с Хедвигой, племянницей протестантского пастора, и ее двоюродной сестрой, Хелен. Описание его любовной связи с двумя женщинами — вероятно, с Анной Марией Майя, которой был тридцать один год, и с ее неопознанной кузиной — относится к числу самых эротических отрывков в мемуарах и к самым обсуждаемым. К сожалению, первый редактор Лафорг потерял оригинальный экземпляр, и у нас осталось только его интерпретация тех событий.

Казанова вернулся в Турин в сентябре 1762 года, через Лион, Шамбери, и прожил там зиму 1762/63 года, тратя день-

ги маркизы и то, что выигрывал в карты. Он подружился с лордом Хью Перси, бароном Уорквортом, сыном графа и графини (позднее — герцога и герцогини Нортумберлендских), который в то время совершал образовательное путешествие, но задержался в городе дольше, чем могло требовать знакомство с его художественными сокровищами, — чтобы разделить благосклонность танцовщицы по имени Агата с шевалье де Сенгальтом. В конечном итоге двое мужчин поменялись любовницами: Перси переманил Агату у Казановы, пообещав ей две тысячи гиней после окончания связи. Он также дал Казанове украшенную алмазами миниатюру со своим собственным изображением, какие обычно дарили в знак любви, но эта предназначалась матери Перси и должна была быть ей передана вместо «рекомендации» Казановы в Лондоне. Только англичанин, как с одобрением отметил Джакомо, мог сделать столь высокопарный жест, театрально выставляя напоказ свое финансовое процветание и выражая джентльменское презрение к деньгам.

Начало 1763 года застает Казанову в Милане, который означал для итальянца продолжение еще более развеселой карнавальной жизни, чем в Турине. Здесь он снова много и дорого развлекается, покупая костюмы для маскарадов и закатывая дорогие обеды. Некоторое время он провел за пределами города, в замке семейства Аттендоли-Болоньини, около деревни Сан-Анджело. Когда сестра хозяйки, Анджела Гардини, которую Джакомо называл то Клементиной, то Гебой, поддержала его любовь к литературе и богословию, он на свои выигрыши в карты купил ей массу книг. Когда он сопровождал обеих сестер на карнавал в Милан, то купил для всей компании костюмы, а потом порвал их на куски и сшил обратно вместе с более дорогими вставками — дабы ослепить местных жителей их богатством. Его наградой, конечно, бы-

ло то, что Анджела охотно легла с ним в постель, пока ее сестра спала — или делала вид, что спит — рядом с ними.

Он отправился в Марсель по желанию маркизы д'Юрфе и ради некромантии, что, в свою очередь, привело его в Геную, на лодке, и обратно в Антиб вместе с растущей командой единомышленников: братом Гаэтано, их общей любовницей Марколиной и Пассано, секретарем, который совсем скоро станет противодействовать Джакомо. На обратном пути во Францию погода на море испортилась и felucca зашла в город Ментон, тогда находившийся в составе княжества Монако. Это было традиционное убежище, и отсюда Казанова отправился в Париж через Экс-ан-Прованс.

Его экипаж, однако, вблизи Экса сломался, и Казанова практически снова попал в объятия Анриетты. Странники нашли приют в местном замке — в шато Альбертас либо в замке семьи Маргалет. Тут «Генриетта» жила в своем непростом браке и с детьми, вернувшись к ним после романа в 1749 году с Казановой. В тот раз они не увиделись, она услышала его имя и, отчаянно пытаясь избежать скандала, через Марколину отправила записку на имя «самого честного человека из моих знакомых», где говорила о необходимости не раскрывать ее тайну. Ей было нечего бояться, его чувство к ней было так свято, что он сжег ее письма, как она и просила. Экипаж отремонтировали, и Казанова отправился в Лион и Париж.

В мае 1763 года он наконец после шестнадцати месяцев отсутствия вернулся к себе в парижскую квартиру на улице дю Бак, где его ожидали горы писем не очень приятного содержания. Покуда он сидел, так и не сняв дорожного плаща, и читал корреспонденцию, его внимание привлекли два письма. Оба они были из Лондона от Терезы Имер, в настоящее время подписывавшейся как «миссис Корнелис». В пер-

вом она вежливо просила вернуть в Лондон Джузеппе, ее сына. Во втором, написанном после того, как не был получен ответ на первое послание, Тереза настаивала, чтобы Казанова немедленно направил к ней ее мальчика.

Казанова давно обдумывал поездку в самый быстро растущий город Европы, и письма Терезы укрепили его в решимости сделать себе новое состояние в Лондоне. Намерение разбогатеть не помешало ему взять значительные суммы, опять у маркизы д'Юрфе, а также собрать подаренные ему драгоценности и одежду, что позволило бы ему представить себя в Лондоне как аристократа.

Джузеппе, «графа д'Аранда», убедили или, вернее, обманом вынудили поехать.

АКТ IV, СЦЕНА III

ЛОНДОН

1763

Одинокая леди сможет немедленно расположиться в благородном и элегантно меблированном первом этаже... что дает некоторые особенные преимущества. Место удачно расположено на Пэлл-Мэлл... Въехать можно незамедлительно и жить на очень разумных условиях... больше ради компании, нежели прибыли. Пожалуйста, чтобы узнать точнее, обращайтесь напротив магазина игрушек мистера Деара на Пэлл-Мэлл.

*Размещенное Казановой объявление
о поиске любовницы (5 июля 1763 года)*

Объявление Казановой о поиске жильца, в идеале — одинокой женщины, которая умеет читать между строк, появилось на второй странице «Лондон гээзитир энд дэйли эдветайзер» от 5 июля 1763, наряду с другими, обращенными к обывателям, между рекламой подвязок и заметкой о пользе от венерических болезней некой настойки. Очевидно, газету не читали дочери священников из провинции. Почему же знатный, богатый и обладавший хорошими связями итальянец, арендовавший дорогой дом на Пэлл-Мэлл, дал рекламу о поиске жильцов?

Казанова был чужд католических ограничений во взглядах на любовь, жизнь и приключения. Во время своего девя-

тремядесятилетним пребыванием в крупнейшем и богатейшем городе Европы он завел отношения со своей жилицей-португалкой, семейством аристократов и кокеткой из Сохо, которая разбила ему сердце. Он лишился не одной тысячи фунтов, был привлечен к суду магистратом Боу-стрит за нарушение общественного спокойствия и хотел покончить жизнь самоубийством, прыгнув с парапета нового Вестминстерского моста. Его пребывание в Лондоне исполнено драматизма.

Казанова приехал в Англию 11 июня 1763 года с герцогом Бедфордом, вернувшимся из Версаля английским послом, путешествуя в качестве его гостя. Джакомо немедленно увлекся Англией, ее дорогами, экипажами, народом. Как он писал про англичан, относительно всего «они думают, что превосходят всех остальных»: Лондон был чистым городом с размеренной жизнью и — несмотря на все, что слышал итальянец — открытым для иностранцев и тех, кто искал жилье. Он нашел большой дом с экономкой на Пэлл-Мэлл спустя всего два часа после прибытия в Лондон, хотя, по правде говоря, сделал это, воспользовавшись четкими указаниями итальянца Винченцо Мартинелли, с которым повстречался в первый день прибытия в кофейне «Принц Оранский» на Хеймаркет-стрит, в клубе большой итальянской общины в Вест-Энде. Дом был «совершенным» во всех отношениях, с вызывавшими восхищение ватерклозетами в каждой спальне. Тем не менее Казанова не собирался здесь останавливаться. Он полагал, что, воссоединив молодого графа д'Аранда с его матерью, Терезой, теперь проживавшей как миссис Корнелис на площади Сохо, сможет стать желанным гостем у них в доме. В конце концов, Тереза воспитывала его десятилетнюю дочь, Софи, а Казанова, вероятно, зарекомендовал себя в воспитании восемнадцатилетнего Джузеппе достаточно хорошо, обеспечив мальчику блестящее парижское образование; пусть фиктивный, но получивший широкое

признание титул и — на несколько лет — заботу одной из самых богатых женщин в Европе. Однако, хотя он почти сразу же направился в дом на восточной стороне площади Сохо — он стоял напротив тогдашнего здания венецианского посольства, — его там вовсе не ждали с распростертыми объятиями. Тереза не выходила к нему так долго, что он, в конечном счете, побрел обратно в Сохо.

Что было делать Казанове в Лондоне или что он планировал там делать? Один из ключей к разгадке кроется в рукописной версии «Истории моей жизни», которая имеет относительно небольшое число поправок для столь объемного документа, и потому те, что все-таки сделаны, — особенно интересны. Когда Казанова рассказывает о своем появлении при дворе короля Георга III и королевы Шарлотты, состоявшемся во дворце Сент-Джеймс позднее тем же летом, то объясняет, что из-за его «натурализации» его представил французский посол. Впоследствии этот пассаж был вычеркнут. К 1763 году Джакомо не только использовал титул во французском стиле; «шевалье де Сенгалът», он фактически приобрел французский паспорт. В воспоминаниях он опустил это обстоятельство. В будущем он отрицал факт своей французской натурализации, что может быть связано с его отвращением ко всем французским вещам после эксцессов революции либо для защиты деталей собственного прошлого, скрывать которое имел основания: он был наемным шпионом французов. Кроме того, более конкретные подробности можно найти в архивах инквизиции в Венеции, куда в тот период Казанова начал настойчиво писать в надежде на помилование благодаря своей полезности за рубежом. В одном письме из Лондона, датированном 1763 годом, он предлагает промышленные секреты — опять окрашивание шелка, — которые, как ему кажется, могут быть использованы в Венеции. Однако есть основания полагать, что одновременно он

предлагал аналогичное ноу хау, тоже основанное на новой технологии, французам, на денежном довольствии которых мог по-прежнему находиться.

Он вернулся в Сохо поздно вечером — это был понедельник, 13 июня — в дом, где оставил спящего Джузеппе ожидать его мать. Там Тереза Корнелис, урожденная Имер, хозяйка лондонского клуба, наконец, вышла к Джакомо.

Годы для нее не прошли бесследно: теперь ей было сорок, и она начала толстеть; однако Лондон оценил ее старания и риск — она сделала состояние и имела доходное дело — частный клуб в собственном роскошном доме. В Лондоне в 1750-х годах наблюдалось настоящее помешательство на маскарадах в венецианском стиле и ридотто. Тогда их проводили в «Ротонде Ранела» или в Воксхолл-Гарденз, открытых для доступа высшего общества Лондона. Тереза, приехавшая в город всего на несколько лет раньше, удачно основала «Карлайл-Хаус маскерадес», где устраивались исключительно «частные» вечера. Она арендовала в Сохо дом, вход на вечера был дорогим и требовал одобрения строгих светских леди. Возможность того, что человеку могут отказать во входе, оказалась самым примечательным, наряду с ценой, которая позволяла организовать щедрый прием внутри. «Я даю двенадцать ужинов и двенадцать балов для знати ежегодно», — в первый же вечер Тереза перечислила Казанове свои успехи, и он нашел подтверждение ее словам в «Лондон паблик эдвертизер». «Расходы, — продолжала она, — огромны». По прикидкам Казановы, она зарабатывала около двадцати тысяч фунтов в год.

«Карлайл-Хаус» в Сохо не стоит рассматривать как заведение сомнительного толка, хотя все там надевали маски в стиле венецианского карнавала. Тереза Корнелис могла жить и любить по всей Европе и иметь детей не от одного мужчины, но в свете она держалась с исключительным достоин-

ством и соблюдала правила приличий. В конечном счете ее платные концерты, объединявшие эксклюзивность высшего общества и ее собственные связи в мире музыки, оказали глубокое влияние на историю музыки Лондона. Она обладала энциклопедическими познаниями в итальянской и немецкой музыке и представила Лондону работы Иоганна Себастьяна Баха. Тереза даже попыталась организовать концерт «чудо-детей», Леопольда Моцарта, Марии-Анны и Вольфганга-Амадея. Она была промоутером и продюсером, как сказали бы сейчас, клубным импресарио, рисковавшим и получавшим прибыли. Бывшая соседка по Сан-Самуэле, ко времени, когда Казанова оказался на пороге ее дома в Сохо, Тереза Корнелис превратилась в женщину стильную, модную и влиятельную.

Она пригласила его на последний бал сезона — по правде говоря, сезон закончился, многие аристократы уехали из города в свои загородные резиденции, — но ей необходимо было получить максимум прибыли перед тихими летними месяцами, и она сказала, что Казанова может прийти как репетитор сына и ее друг, хотя он и не аристократ. Это стало последней каплей в череде мелких оскорблений, которые, как Казанова утверждал, он терпел только в надежде, что ему позволят проводить время с его дочерью Софи, «чудом» десяти лет от роду. Он и Тереза, по понятным причинам, опасались друг друга. Он надеялся, что Тереза поможет ему войти в Лондонский свет, но обнаружил, что ее финансовое положение неустойчиво, она вела дорогостоящую судебную тяжбу с лордом Фермором, которому должна была деньги за обстановку в ее клубе «Карлайл-Хаус». Есть определенное сомнение в истинности версии событий, изложенной Казановой: хотя Тереза Корнелис в итоге пала жертвой разгневанных кредиторов, в 1763 году она была относительно успеш-

ной, и, как кажется, у нее были другие причины для оказания Джакомо скупого приема. Будучи довольно строгой мамашей, она не одобрила парижских замашек Джузеппе и на неделю запретила Казанове видаться с Софи. Она подозревала, и была права, что Джакомо хотел получить доступ к ее друзьям в модном сообществе и в городе, чтобы организовать новую лотерею, и отказалась помогать ему.

Казанова вернулся в «Карлайл-Хаус» в следующие выходные, получив приглашение на обед, где должен был повидать свою дочь. Он захватил портшез из дома на Пэлл-Мэлл, прибыл в компании лакея Ярбе, которого нанял на неделю за то, что тот был чернокожим и говорил на трех языках. Джакомо надел самый щеголеватый костюм с дорогим парижским кружевом. Ему удалось произвести впечатление. Тереза, однако, велела дочери обращаться к шевалье де Сенгалъту строго официально, и он провел мучительный вечер, пытаясь убедить смущенную девочку нормально поговорить. До некоторой степени Софи расслабилась, но только после ряда критических замечаний от обоих родителей. Этот пример, однако, показывает добродушное, хотя и непостоянное отношение Казановы к своему ребенку, его готовность щедро проявлять любовь к Софи, но при этом использовать ребенка в качестве пешки в ходе размолвки с бывшей любовницей, ее матерью. Он всю свою жизнь хранил записку от дочери, написанную по-французски на специально разлинованной ею по такому случаю бумаге; в записке выражались формальная благодарность за подарок и удивление одной аллегорией, которую девочка не поняла. По отношению к отцу Софи всю свою жизнь была внимательной, но суховатой.

Казанова рассказывает о Лондоне легко и просто; он запомнил все ключевые детали и понимал, что произвел впечатление в столице, которая ему понравилась. Он увидел зна-

менитого актера Гаррика в театре «Друри-Лейн», встречался и разговаривал с королевой Шарлоттой, которая хорошо знала французский, хотя почти наверняка овладела им не тогда, когда написал Джакомо. Благодаря своим друзьям — доктору Мате из Британского музея и Винченцо Мартинелли — он познакомился с доктором Сэмюелом Джонсоном. Двое мужчин обсуждали этимологию, возможно, в соборе Святого Павла, и происхождение слова «committee» («комитет») — вопрос, скорее, занимавший ум великого составителя словарей, нежели Казанову. Джакомо ездил, пытаясь продать свои планы лотереи, и оставил нам в воспоминаниях уникальное описание всего того, что Лондон предлагал модному иностранцу в 1760-е годы: городской кухни, мебели, возвышенных и низменных развлечений. Но затем деньги кончились.

Дом, который он выбрал, был одним из самых красивых, если исключить парижские апартаменты. Вместе с экономкой, которая необходима в каждом приличном доме, и «арапом» Ярбе Джакомо содержал камердинера Клермона, привезенного из Парижа, а также горничную Фанни и французского повара. Все это стоило ему более двадцати фунтов. Он посещал «Ротонду Ранела» в Челси, где во время концертов встречались общество и полусвет, за танцами и флиртом («заколдованный дворец гения» — напишет об этом месте итальянец). В один из таких ничем не примечательных вечеров произошел случай, который забавно характеризует Казанову, ту эпоху и англичан. Некая леди предложила отвезти его в Уайтхолл. Было темно. Он поцеловал ее руку в знак благодарности. Она рассмеялась, и он поцеловал ее лицо, потом грудь, и она, как он вспоминает, хихикала. Затем он предьявил ей, как пишет, «величайшее доказательство того, что нахожу ее вполне в моем вкусе», и она ответила, что они могут встретиться вновь. Когда Казанова пришел в дом леди Эли-

забет Жермен на Сент-Джеймс-сквер, 16, то был изумлен и возмущен, узнав, что дама, чью руку он прижал к «величайшему доказательству», теперь не желает подавать ему собственную руку. Леди «исключительно благородного происхождения и безупречной репутации» заметила ему, что, хотя она прекрасно его помнит, «такие выходки вряд ли дают основания считать знакомство состоявшимся». Английский снобизм оказался неожиданным для Казановы препятствием на пути к победам в обществе и в будуаре.

Воспользовавшись советом другого знакомого Мартинелли, Герберта Генри, графа Пемброка, Казанова сначала обратился к профессиональным услугам различных дам из Ковент-Гарден и Сент-Джеймс. Пемброк порекомендовал ему ряд куртизанок и даже предложил предоставить Казанове некоторые маленькие верхние комнаты в своем доме, чтобы тот жил в них с любовницей, объяснив, что подобное вполне приемлемо для холостяков Лондона. Граф затащил Казанову в веселое заведение «Голова Шекспира» — паб с отдельными номерами: там говорили по-французски, а девочек и частные номера можно было заказать вместе с пивом. Казанова счел пиво и девочек скверными. В конце концов, тоже через Пемброка, он вышел на куртизанку по имени мисс Кеннеди, проводницу в мир шлюх Вест-Энда по цене, ниже рекомендованных аристократом шести гиней. Согласно мемуарам, Казанова не занимался сексом в течение нескольких недель и снова стал делать это в том стиле, что предлагал город. Хотя он оставил известное описание секс-торговли в Лондоне как самой развитой в Европе («кровать, ванная комната и женщина; великолепный разврат!»), через некоторое время это ему наскучило, и он захотел завести более полноценный роман. Не раньше, однако, чем он с Пемброком проверил в номерах действительные прелести сестер Гаррикс, оценил публичный дом миссис Уэлч на Кливленд-

роуд и даже предложил быстрый секс Кити Фишер, самой прославленной куртизанке Лондона, «усыпанной бриллиантами стоимостью в 500 000 франков» и находившейся в ожидании королевского герцога. Она отказала Джакомо, но не из-за своей цены (она сказала, что он мог бы иметь с ней секс за десять гиней, предположив, что герцог уже не явится), а потому, что они говорили на разных языках. «Любовь, не умеющая объясняться, — отвратительное занятие». Может быть, он должен был чувствовать себя польщенным предложенной сделкой: ему дали понять, что Кити тем утром получила банкноту в тысячу гиней (или, как осмотрительно выразился Джакомо, «так она утверждала»). Очевидным свидетельством богатства Казановы и его положения в этот период является то, что круг его знакомых в Лондоне не ограничивался традиционными дамами полусвета, оперными звездами, каббалистами и масонами, но включал в себя знать, с которой он чувствовал себя стремительно прожигающим жизнь аристократом, — Пемброка, Бедфорда, а позднее и различных членов семей Херви и Фитцрой-Стэнхоуп, графов Бристоля и Харрингтона. Леди Харрингтон, урожденная Фитцрой, была адресатом рекомендательного письма, которое для Казановы написал венецианец Франческо Морозини. Леди Харрингтон представила Джакомо графине Нортумберленд, которой он передал миниатюру ее сына, Хью Перси, лорда Уоркворта, встреченного им в Турине в начале того же года. Знакомства погрузили Казанову в гущу событий. Леди Херви, давняя тайная жена графа, с которым Казанова общался наиболее плотно, была пресловутая мисс Чодлей, бывшая фрейлина принцессы Уэльской, затем разрушившая себе жизнь своим ранним браком с Херви и ставшая в 1763 году любовницей герцога Кингстона и фавориткой короля. Леди Херви и Тереза Корнелис были давними подругами. Леди Харрингтон прославилась в молодости сво-

ими любовными интригами, по словам Казановы, она была столь ненасытна и демократична в связях, что прозывалась в Лондоне «Мессалиной со Стейбл-Ярд». Дочери последовали ее примеру, переспав с Казановой, а в доме Нортумберленд он почти сразу же попал в приятную компанию леди Рошфор, «чьи многочисленные [связи]», как он вспоминал, «обеспечивали свежую тему для разговора каждый день». Казанова сблизился с практически каждым участником впоследствии «самого грандиозного [британского] матримониального скандала» восемнадцатого века, когда Елизавету Чодлей обвинили в двоемужестве за брак с герцогом Кингстоном, поскольку одновременно она состояла в законном браке с Августом Херви, позднее графом Бристолем, который, в свою очередь, делил свою любовницу, Китти Хантер, с приятелем Казановы, графом Генри Пемброком. Джакомо нашел себе подобающую среду: сексуально развращенное, ленивое и приобщенное к культуре лондонское высшее общество середины восемнадцатого века — или так могло показаться.

Он прибыл на бал в «Карлайл-Хаус» не как репетитор сына Терезы, но как новый элегантный спутник леди Харрингтон. Тереза играла роль хозяйки и представила Джакомо как человека, который присматривал за ее сыном в Париже. Леди Харрингтон сразу подметила нервное напряжение между знаменитой миссис Корнелис и Казановой и подшутила над его внешним сходством с Софи, когда та подошла пожелать доброй ночи гостям. Казанова и дочь станцевали в зале менуэт (это, безусловно, было странным зрелищем — высокий брюнет и застенчивая десятилетняя девочка). Джузеппе, теперь известный как Джозеф Корнелис, представлял собой фигуру еще более чудаковатую, он не умел говорить по-английски, тосковал по Парижу и особняку маркизы д'Юрфе, а потому провел вечер в углу комнаты.

Казанова воспользовался советом Пемброка и дал объявление о поиске «жилицы» в комнаты в доме графа (Джакано запомнил их расположенными на третьем этаже, но на самом деле они были на первом). Для любого прочитавшего текст было ясно, что речь в нем идет совершенно о другой вакансии в доме. Женщина, которая откликнулась на его рекламу, выпадала из рядов уважаемых в обществе дам по двум причинам: она была брошенной невестой и католичкой-португалкой. Тем не менее она прибыла в паланкине, говорила на нескольких языках, включая итальянский, и вскоре вселилась в маленькие комнаты дома на Пэлл-Мэлл, распорядившись отсылать прочь всех спрашивающих про нее. Роман начался в стиле, знакомом читателям «Истории моей жизни»: как сложная связь, в которой одна сторона — Казанова — убеждает себя в собственной влюбленности. Он обращался с Полиной, как называл «жилицу», будто отец семейства из Пэлл-Мэлл, а к маленькой Софи стал относиться как к нежеланной дочери, как только она попыталась попросить у него денег для своей увязшей в долгах матери, Терезы. Софи проводила ночи в доме с Полиной и отцом, все трое разыгрывали роли дочери, матери и отца.

Полина была благородного происхождения, образованной, красивой, но так же уязвимой, как и Анриетта, — она сбежала из своеобразной домашней тюрьмы. Представляется маловероятным, чтобы она была влюблена в своего хозяина. Она не извлекала большого дохода из их отношений, покуда своевременный несчастный случай в поездке не уложил Казанову на несколько дней в постель, возле которой Полина, как его няня, понемножку читала ему из его коллекции «философской» — или эротической — литературы.

Сомнения вызывают рассказы Казановы о черноволосой женщине, которая жила с ним на Пэлл-Мэлл, и, хотя он утверждает, что ее история была знакома всем, кто знавал об-

щество Лиссабона, исследователям ее личность установить не удалось. Несмотря на то что отдельные моменты ее истории почти наверняка были плодом вымысла ее самой или Казановы (например, ее связи с маркизой де Помбаль и бразильской принцессой), но неожиданно Казанова вплетает в свою историю поддающиеся проверке факты. Часовня, куда она и сообщество португальцев приходили на мессу к Голден-Сквэр, существует и по сей день, а в ночь, когда он говорит, что в первый раз увидел ее обнаженной через кисейный полог в Пэлл-Мелл — 24 июля 1763 года, — луна действительно была полной.

Связь продолжалась до начала августа, когда она вернулась в Португалию через Францию. В мемуарах ее история перемежается замечаниями Казановы, примерившего роль отца Софи. Это был несчастливый эпизод в странной траектории жизни Софи — ее использовали в качестве пешки в различных уловках матери и в конечном итоге сдали на попечение в королевский приют в Челтенхэме. В 1763 году она пережила некую болезнь или депрессию, вследствие чего сильно похудела — у нее подозревали анорексию. Казанова вмешался и попытался помочь, жестко поговорив с Терезой, которая согласилась с ним в том, что они направят «их ребенка» в Хаммерсмит, школу-интернат для юных леди.

Казанова и Тереза больше никогда не видели друг друга после 1763 года, хотя в Италии, шесть лет спустя, Джакомо встретился с сыном, Джузеппе. Жизнь Терезы была садом наслаждений в духе восемнадцатого века — полной веселья и зрелищ, долгов и нарушений норм. Ненадолго она стала одной из самых богатых простолюдинок в Лондоне, но потом закончила дни, продавая ослиное молоко, побывав в долговой тюрьме «Флит». Похоронили ее в общей могиле для бедняков. История Софи еще всплывет годы спустя через ее

школьную подругу, но с дочерью Казанова тоже больше никогда не встретится.

Итальянская опера, еврейские художники, африканские слуги-полиглоты, венецианка хозяйка клуба — Казанова рисует нам пестрый, космополитичный Лондон, поэтому не удивительно, что в этом городе он нашел других приехавших с целью разбогатеть, с которыми уже был знаком раньше. Одной из них оказалась Мари Анна Женестьева Шарпийон, франко-швейцарская куртизанка, едва не стоившая ему жизни и, безусловно, изменившая ее навсегда. Если Лондон стал для Джакомо местом кризиса среднего возраста жизни, то Мари Шарпийон — его катализатором.

Казанова знал ее и ее семью в Париже. Мари Анна была так красива, даже в раннем подростковом возрасте, что повеса вроде Казановы, несомненно, должен был заметить ее — таково, впрочем, было и ее намерение. Она, ее мать, тети и бабушки — все были профессиональными красотками. Несколько десятков лет назад бабушка и ее дочери были высланы из швейцарского Берна за аморальное поведение и в 1763 году продавали свое внимание на Денмарк-стрит. Именно здесь Казанова снова столкнулся с этой семьей. Мари Анне было всего восемнадцать лет, но ее уже содержал венецианский посол Морозини, который передал в Лионе Казанове письмо для нее. Так выглядела рекомендация в куртуазно-эпистолярном стиле продажной любви восемнадцатого века.

Мари Шарпийон вела игру любви и похоти профессионально и цинично. Хотя Пемброк предупреждал Казанову на ее счет, Джакомо заплатил ей за прогулку с ним по темным аллеям Воксхолл-Гарденз, укромному месту для свиданий. Но Мари Анна сбежала с деньгами и посмеялась над ним. Она научилась играть в семейном бизнесе жестко и бесчестно.

но и знала себе цену. Мари была молода, с удивительными глазами, густыми каштановыми волосами и вызывавшими в ту эпоху восхищение тонкими запястьями и щиколотками. Если ее груди и были маленькими, как заметил эксперт Казанова, то они были совершенной формы — она обладала изяществом и изысканностью, якобы унаследованными от маркиза де Сен-Сур, ее родного отца. Она делала карьеру как лучшая лондонская *grande horizontal*, фантастическая французенка, и у нее было мало времени на Казанову.

Она заявила Казанове, что намерена его завоевать его любовью, а затем мучить и оскорблять его. Было ли это любовной игрой — почувствовала ли она, что должна надеть маску доминирующей госпожи для такого игрока, каким являлся Казанова? Скорее всего, возможно, она почувяла то, о чем он только начинал догадываться — что под его ослепительными латами скрывается ранимый человек, который осознавал нелепость своего положения, придуманных им самим фантазий, нелепости мужского тщеславия и быстротечность похоти. И она осознавала свою власть изводить его сексуально в тот момент, когда его либидо уже прошло свой пик. «Я знал, — мелодраматически объявил Джакомо, — что, достигнув тридцати восьми лет, начал умирать».

Сценарий спектакля разворачивался по всем законам жанра. Джакомо пригласил ее в свой дом и намекнул на свои условия. Ко времени, когда это случилось, некоторые члены ее большой семьи — поскольку все они были европейскими путешественниками — задолжали Казанове деньги. События развивались довольно быстро. Шарпийон дала понять, что желает жить его любовницей в богатых апартаментах в Челси, вроде тех, какие имела, пока ее покровителем был Морозини. Ей нужны были ежемесячные выплаты и слуги. Казанова на все согласился. Договор подготовила ее

сутенерша-мать, получив в счет аванса от Казановы сто гиней. Это выглядит холодной финансовой операцией, но именно таким образом в Лондоне профессиональные куртизанки — дамы полусвета — тогда заключали контракты с благополучными джентльменами. Казанова сохранил письма Мари Анны, и они дошли до нас благодаря архиву Праги, многим свойственен необычно раздраженный и невыдержанный тон — она часто попрекала его за дурное настроение и болезненный вид, даже после того, как приняла у него деньги для поддержки «матери, бабушки, теток и человека, которого она выдает за своего отца».

Так или иначе, она решила проигнорировать ключевой аспект договора. Она не хотела заниматься сексом с Казановой. Действительно, она подралась с ним, когда он обнаружил, что девушка солгала о начавшейся менструации. Дело приняло отвратительный оборот, она ударила его, выкрикивала оскорбления, а он разбил ей в кровь нос, и Мари и её мать стали угрожать судом и намекать, что обвинят его в содомии — гораздо более серьезном преступлении, нежели побои и принуждение, по-видимому, числившиеся среди католического перечня сексуальных пристрастий Джакомо.

Через несколько дней все немного успокоилось. Семья Шарпийон захотела, чтобы Казанова вернул вексель, который они подписали (вексель доказывает то, что они были должны Джакомо свыше четырех тысяч ливров).

Мари Анна и Казанова принесли друг другу цветистые извинения, и дело казалось улаженным. Она сказала, что он может спать с ней, если откажется от векселя. Он так и сделал. Она плакала от благодарности, и они пошли в постель, но там Мари опять отказала ему. Для Казановы это было неизвестным дотоле опытом. Кроме того, Мари нарушала договор, но Казанова знал, что вынужден будет на публике при-

творяться женихом, а не добродетельным покупателем. Он посылал все больше подарков. Она в ответ писала благодарственные письма на плохом французском языке.

В конце концов Казанова почувствовал, что игра зашла слишком далеко, и хотя, как среди прочих говорили Пемброк и шевалье Андж Годар, Джакомо был сокрушен, кажется более вероятным, что вместе с его кошельком задеты были его гордыня и мужское тщеславие. Теперь получить Шарпийон стало для него дело чести.

На сельском празднике *fete champetre* в Ричмонде, в садах со знаменитым видом на Темзу, а затем, по-видимому, в королевском дворце Хэмптон, в лабиринте Тюдоров, Шарпийон продолжала свою изматывающую войну, уязвлявшую гордость Казановы. Она первой затеяла «полномасштабное любовное наступление», валялась с ним на траве и позволяла ему смотреть на свое тело, то есть «сделала все, чтобы [он] уверился в том, что она должна стать» его. И снова она вырвалась в последнюю минуту. На миг обезумев, о чем он сразу же пожалел, Казанова угрожает ей перочинным ножом, а потом встает, забирает шляпу и трость, и они возвращаются обратно в более людное место, словно заблудившиеся путники.

Они вернулись в Лондон. Казанова потребовал вернуть ему вексель. Семья отказалась и заявила, что они обдумают эту возможность, а пока пусть Казанова научится «уважать» Мари. Он отправился на Денмарк-стрит в ярости, ворвался в дом и нашел обнаженную девушку в компании парикмахера. Как в шекспировском духе сформулировал Джакомо, пара образовывала «зверя с двумя спинами».

То, что случилось потом, привело его в магистратский суд на Боу-стрит. Он разгромил мебель и фарфор. Опять же, он раскаялся и даже предложил оплатить ущерб. В письме, хранящемся в архиве Праги, он писал о своей невинности, но в то же время задумывался о своем поведении и о поведении

Мари: «Я превыше всего уважаю хорошие манеры и мораль, и было большой ошибкой очернить перед этими женщинами [семья Шарнийон] собственное имя столь безобразным преступлением».

Затем Мари, с диагнозом, который посчитали опасным для жизни и вызванным стрессом, слегла, потребовав десять фунтов с Казановы на оплату врачей и сообщив, что скоро умрет из-за учиненного им насилия. Состояние ее здоровья резко ухудшилось, и через несколько дней Казанова услышал, что ей не выжить. Это известие вызвало у него приступ внезапной, катастрофической и саморазрушительной депрессии. Почти сразу же, как вспоминал Джакомо, он решил убить себя. «В тот момент, — позже писал он, — я чувствовал, как будто ледяная рука сжимает мое сердце». Он вернулся в Пэлл-Мэлл, убежденный в том, что ответственен за безвременную смерть женщины, которую — как это ни странно — любил, и принялся приводить свои дела в порядок. Он написал письмо венецианцу, жившему в Лондоне, с просьбой передать Брагадину его личные вещи. Свои бриллианты, табакерки, кошельки, деньги и бумаги он положил в сейф, где их должны были найти после смерти хозяина.

Потом он надел самое плотное пальто — дело было в ноябре — набил его большие карманы купленной свинцовой дробью и пошел к Темзе. «Я шел медленно, из-за огромной тяжести в карманах». Он пришел на Вестминстерский мост и уже не вспоминал о прежних надеждах разбогатеть в городе на лотерейных спекуляциях, намереваясь броситься в серые воды.

Он был на грани самоубийства из-за депрессии, которая возникла от того, что его отвергли как сексуального партнера, и вины, что его гнев, по-видимому, вызвал гибель молодой женщины, к которой он питал сильное чувство — или даже любил. Конечно, суть была не только в этом. Мари не

была первой женщиной, которая отвергла Казанову. Она даже не была первой профессиональной куртизанкой, поступившей с ним подобным образом, — частью беспорядочного котильона любви и похоти была возможность для обеих сторон ретироваться в самый последний момент. Это было составным элементом острых ощущений, зеркально повторявших «реальное» обольщение, которое не запятнано денежной торговлей, но, как истинный романтик, Джакомо не мог предположить подобный результат.

Казанова был более уязвим в Лондоне, чем решался признаться. Деньги у него заканчивались — дело с семьей Шарпийон оказалось дорогостоящим. Он не имел ни сил, ни влияния, чтобы решить вопрос удовлетворительным для себя образом, как сделал до него Морозини. Ценой любви Мари была возможность поддерживать всю ее семью. Если раньше он часто преодолевал все препятствия благодаря мощи жизненной силы, обаяния и настойчивости, то эта девушка представляла собой неразрешимую задачу. Он ощущал себя старым и больным. Джакомо сознавался, что цепенел, когда кто-то просто оценивающе мерил его взглядом или когда он боялся, что его «жеребец» не сможет подтвердить свою «репутацию»; ужас быть отвергнутым женщиной, благосклонности которой он искал — атавистический страх мальчика, оставленного матерью, — почему-то поразил его в этом чужом городе, где он не мог говорить на своем языке. Он, вероятно, также страдал от болей, ставших характерными для его более поздних периодических депрессий — это похоже на симптом, и если это так, то он, возможно, подхватил в борделях Ковент-Гардена сифилис, с сопутствующим психозом «голубых дьяволов». Он упоминает о «великом лечении», ртутной терапии, которую перенес в то время, возможно полагая, что находится на начальной стадии сифилиса.

Он шел с набитыми свинцом карманами по мосту, где позже будет совокупляться с шлюхами Босуэлл, и уже хотел прыгать, когда ему помешал приятель. Им был сэр Эдгар Эллис Уэллбор, двадцативосьмилетний плейбой, сын члена парламента и друг Пемброка. С фамильярным добродушием британского невежи он заявил, что Казанова мрачно выглядит, и пригласил выпить за его счет. Хотя Казанова утверждает, что позже собирался повторить попытку убить себя, рецепта сэра Уэллбора оказалось достаточно, чтобы снять тяжесть с сердца, и итальянец в итоге вернулся к жизни.

Сэр Уэллбор полагал, будто точно знает, что необходимо для исцеления Джакомо: выпивка, женщина, говядина и йоркширский пудинг. С типичной для него тщательностью Казанова описывает тот вечер, когда он пребывал в смятении. Эдгар не смог соблазнить Джакомо едой, но только потому, что для начала пиршества не оказалось супа, а Казанова уже был в плену французской убежденности в том, что без супа питание наносит организму вред, и потому поел лишь немного устриц. Не смог Уэллбор отвлечь Казанову от мрачных мыслей и двумя французскими танцовщицами, которые для поднятия настроения итальянца плясали обнаженными. Сэр Уэллбор оплатил секс с ними обеими и занялся им в присутствии нанятых по случаю слепых музыкантов, такие оркестры, по видимому, являлись обязательным условием оргии в Лондоне. Казанова был слишком погружен в депрессию и разочаровал девочек, не оправдав репутации повесы, однако напитки и устрицы все же примирили его с жизнью настолько, что он согласился пойти с Эдгаром в «Ротонду Ранела». Он оставил свой пистолет и свинцовый груз и направился в сторону Челси, сказав, что на следующее утро заберет вещи и убьет себя. Он так и не сделал этого. В «Ротонде» он увидел Мари — танцующей среди толпы поклонников и в платье, которое Джакомо подарил ей. Она была здорова.

Хотя у Джакомо ушло несколько дней на поправку ущемленного самолюбия, дело пошло быстро, при помощи сэра Уэллбора он составил приказный ордер на семью Шарпийон для возвращения векселя, который ему по праву принадлежал. Джакомо заплатили двести пятьдесят гиней, в качестве посредника выступал Эдгар, который в итоге стал защищать Мари до такой степени, что сам в итоге был готов выплатить Казанове деньги и заботиться обо всей семье девушки ради ее внимания. Все было бы кончено, если бы не злость ее семьи на Казанову за публичное посрамление их с Мари выходок. Именно эта злость привела к аресту Джакомо, когда женщины дали показания под присягой об его агрессивном поведении на Денмарк-стрит. Слепой судья сэр Джон Филдинг, брат знаменитого Генри, сперва был настроен против Казановы и хотел приговорить его к тюремному заключению на неопределенный срок на основании того, что мадемуазель Шарпийон теперь опасается за собственную жизнь. Однако, когда Казанове дали слово — на итальянском, которым Филдинг овладел в детстве — венецианец был освобожден при условии, что два лондонских домовладельца поручатся, что он никогда не будет вновь посягать на Мари. Из протокола судебного заседания ясно следует: 27 ноября 1763 года два человека — Джон Пагус, портной, и Льюис Шатоню — такое поручительство дали, и, проведя в Ньюгейте два часа, Джакомо был освобожден.

Ему оставалась доступной лишь одна месть: Джакомо купил попугая, которого принес и оставил в здании Лондонской биржи, научив говорить фразу: «Мадемуазель Шарпийон — шлюха даже еще похлеще, чем ее мать».

Мари Шарпийон, после отношений с Уэллбором, стала любовницей одного из ведущих повес Англии, непредсказуемого красавца Джона Уилкса. Эпитафия, которую он ей

написал, пожалуй, лучшая из сочиненных им, поскольку он преуспел именно там, где Казанова был практически уничтожен:

Решив написать пьесу по следам моих походов в духе лорда Рочестера, я возвратился в дом, к мужским делам и бриджам... Ведь прежде всего нам надо усвоить, что наука о женщинах — навеки самая непонятная из всех.

Казанова лишь отчасти понимал, что был на грани краха. Он задумывал поездку в Португалию, отчасти в погоне за Полиной, или даже на другую сторону Атлантики, но ему помешал сифилис. Странно, но он избегал поездки в Америку именно по этой причине: данное заболевание было широко распространено и, как правильно предполагали, возникло там, поэтому считалось, что оно чаще атакует тех, кто оказывается к западу от Азорских островов.

Тем не менее не только болезнь и депрессия положили конец пребыванию его в Лондоне. Лечение ртутью было дорогим, но дело с Шарпийон оказалось гораздо более затратным. Расточительный образ жизни и многочисленные подарки для своей недолгой любовницы в Пэлл-Мэлл лишили Казанову значительных денег. Лотерейные схемы провалились — или, по крайней мере, в них не нашлось места для прибыли Казанове, поскольку в этой сфере уже эффективно работали другие игроки. Он, возможно, помогал с лотереей 1763 года как один из ее гарантов, но никогда не был снова в таком положении, как во Франции, когда принимал участие в лотерейных спекуляциях на самом высшем уровне. Он обратился к Брагадину с письмом о помощи, но, к несчастью, в то же время был то ли обманут, то ли сам втянулся в скандал с поддельным векселем, что чуть не привело его на виселицу.

Он уехал из Лондона, возможно, из-за проблем с оказавшимся фальшивым векселем на 520 фунтов, о подделке которого Джакомо, может, и не подозревал, но может, — сам ей способствовал. Если бы он вознамерился остаться, пришлось бы доказывать свою невиновность в суде, а это бы разрушило для него все перспективы лотерейной деятельности в сити, если бы его стали подозревать в соучастии. Если же, наоборот, он и так уже собирался уезжать, то, может стать, хотел просто бросить все побыстрее и замести следы.

Ярбе упаковал ему вещи и сказал, что присоединится к нему позже у пристани вместе с драгоценным грузом белья, которое стиралось в Ислингтоне. Но рубашки, кружева и Ярбе никогда снова не появились. Казанова уехал, плохо соображая от болезни и лечения ртутью, и — когда после нескольких дней кровопусканий немного пришел в себя — отправился, прихрамывая, больной, обанкротившийся и в растерянности, не имея представления о том, что делать дальше, в Брюссель дожидаться денег от Брагадина.

АКТ IV, СЦЕНА IV
ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ
1764

Преуменьшение собственного возраста обязательно для выступающих в театре, поскольку они знают, что — невзирая на все их таланты — публика отвернется от них, прознав, что они постарели.

Казанова (1764)

Из Брюсселя, восстановив здоровье и получив вексель от Брагадина, Казанова отправился в Брауншвейг, чтобы увидеть тамошнего герцога. Здесь он собирался с силами и строил планы на будущее, в надежде найти поддержку или занятие на поприще масонской ложи; с герцогом Брауншвейгским он познакомился в Сохо, возможно, через Терезу Корнелис, когда в честь прибытия высочайшей особы в Лондон был устроен пикник. Планы оказались нереальными — масонство было полезным для вхождения в общество, но не более того.

В Париже его друг Балетти объяснил финансовые затруднения Казановы каббалистке-графине дю Рюмен, пославшей в Брауншвейг деньги, с которыми Джакомо в одиночестве отправился в Берлин. Сперва, однако, он провел несколько дней в Вольфенбаттеле, в знаменитой библиотеке города за изучением текстов «Илиады».

Джакомо устремился в Берлин, в надежде на аудиенцию у Фридриха Великого, короля Пруссии.

Семилетняя война, завершившаяся в 1763 году, стоила Пруссии весьма дорого, и Казанова был среди тех многих, кто думал, что сможет извлечь прибыль от восстановления страны.

В Берлине, как знал Казанова, он сможет увидеть шотландского лорда Кейта, к тому времени маршала на службе Пруссии. Фридрих набирал себе армию и чиновников в управление независимо от гражданства и по неортодоксальным критериям. Он почитал себя великим знатоком людских характеров и меритократом. Он основал полк гвардейцев огромного роста и занимался кадетской школой для померанских юнкеров, которую комплектовал лучшими наставниками Европы. Казанова собирался убеждать короля в достоинствах одной из собственных лотерейных схем, но лорд Кейт посоветовал ему сначала просто испросить королевской аудиенции, чтобы представиться, как любил Фридрих.

Это было вовсе не так сложно, как может показаться, — получить аудиенцию у великого победителя. После 1763 года Фридрих был знаменит; один из монархов, которые позднее станут известны как «просвещенные деспоты», он состоял в переписке с Вольтером и реформировал государство и армию, впоследствии ставшую эталоном боевой эффективности. Кроме того, широко было распространено мнение о его гомосексуализме. Казанова, активный сторонник политики Фридриха и военной доблести, написал грубоватую поэму в его честь, воспевавшую секвестрацию Силезии, которая в стихах отождествлялась с женщиной, которую должен был взять безудержный монарх. Когда Казанова читал поэму кардиналу, лучше итальянца знавшему короля, тот смеялся над замыслом минут десять.

Лорд Кейт, граф Шотландии, был выслан из своей страны за якобитские симпатии. Он хорошо разбирался в том, как обращаться с Фридрихом, и наставлял Казанову, как приблизиться к королю. Казанова оделся в черное и прибыл в сады Сан-Суси, любимое место отдыха монарха за пределами Потсдамского дворца. Король появился без сопровождения и прямо спросил Казанову, чего тот хочет. Фридрих заранее получил письмо с просьбой о приеме и, казалось, не имел много времени.

Из всех оставшихся после Казановы портретов современных ему «знаменитостей» рассказ о Фридрихе особенно убедительный, позднее несколько приукрашенный в деталях, которые нынешние писатели, как правило, пропускают. Но память Джакомо сохранила образ короля таким: например, он писал, что Фридрих по ночам спал, не снимая парадной треуголки, «что было, по всей вероятности, неудобно».

Фридрих, которому было пятьдесят два года, «поразил Европу своими воинственными идеями... той самоуверенностью, каковой невозможно противостоять». В тот момент он стал ключевой фигурой при расчетах новых династических союзов и придворных церемоний, связанных с предполагаемой свадьбой принцессы Брауншвейгской и его сына. Казанова был свидетелем одного из редких появлений Фридриха, когда тот не был в военной форме — в оперном театре с сестрой в «камзоле из люстрина с золотым шитьем, [хотя] лишь старожилы припоминали, когда он появлялся на людях без формы и сапог».

Военному стилю монарха подражали при всех королевских домах Европы, и в Сан-Суси он был в военной форме. Первоначально разговор шел в высокопарном тоне. Когда Казанова выразил восхищение садами, Фридрих возразил, что они не походят на Версаль, с чем Джакомо был вынужден согласиться. Король принял его за «инженера-гидравли-

ка», и итальянец подумал, что, возможно, придется прибегнуть к своим скудным познаниям в области устройства фонтанов, чтобы получить работу. Фридрих считал, что лотерея — налог на глупость: «Я считаю это мошенничеством и не хочу этого, даже если есть материальные доказательства того, что я никогда не проиграю от дела... Невежественные люди не рисковали бы своими деньгами, если бы они не вдохновлялись ложной уверенностью». Названный просвещенным, Фридрих Великий, безусловно, таковым и являлся.

Казанова не терял надежды, и вскоре оказалось, что выраженные Фридрихом опасения были лишь позой. Однако лотерея была учреждена не Казановой, а его парижским конкурентом Джованни Кальцабиджи, который получил прибыль в первый год в сумме триста тысяч крон и был управляющим в течение трех лет. Тем не менее, как с горечью и сожалением замечает Джакомо, Кальцабиджи умер банкротом и не поблагодарил его за помощь в убеждении Фридриха в выгодности схемы.

Лорд Кейт сообщил Казанове, что он произвел хорошее впечатление на короля и следует дожидаться той или иной формы поощрения. Это не было совсем уж сюрпризом для Казановы, но и не очень порадовало его, из-за случившегося в садах.

Когда Джакомо покидал Сан-Суси, Фридрих повернулся к нему, смерил взглядом, а затем, «после минутного размышления», произнес: «Вы очень видный мужчина». Казанова был несколько шокирован, поскольку считал, что его воспринимают более серьезно. То, что в дальнейшем он назвал Фридриха Великого «гомосексуалистом, который не делает секрета» из своих наклонностей, пожалуй, показывает недовольство репликой короля, полученной, когда Казанова надеялся на работу. Фридрих Великий мог быть или не быть гомосексуалистом; Вольтер на этот счет посмеивался,

а британский посол отмечал «противоестественные вкусы» монарха, но Казанова, скорее всего, ошибочно почувствовал себя оскорбленным. Король сказал лишь то, что было правдой, Казанова выглядел предстательно, даже когда лишился удачи и похудел от недавней болезни.

Пять или шесть недель спустя король предложил Казанове работу. Лотерею отдали Кальцабиджи, но Фридрих правильно понял, что Казанова был начитан и много путешествовал. Он предложил ему должность воспитателя в новой кадетской школе. Казанова, похоже, обиделся и на это тоже, в своих воспоминаниях он описывает спартанские казармы, заработную плату оскорбительного уровня и низкую должность. Но это было далеко от истины: кадетский корпус должен был стать эксклюзивным и пользующимся монаршим покровительством учреждением, туда планировали принимать по пятнадцать самых ярких и лучших молодых мужчин ежегодно, а пять преподавателей различных искусств и языков (в том числе — эрудит шевалье де Сенгалы) должны были шлифовать манеры юношей и обучать их реалиям международных отношений. Казанова, все еще страдая от потери лотерейных доходов и опасаясь официальной должности, которая могла означать слишком много тяжелой работы, отклонил предложение. В независимой или воображаемой карьере есть точка, когда труднее, возможно, столкнуться с холодными финансовыми и профессиональными реалиями, чем цепляться за мечту о том, что в будущем некая великая победа возместит все прошлые потери и неудачи. Казанова — игрок, кутила, космополит и дилетант — подошел к такой точке и выбрал второе: продолжать ждать.

Существует еще один совершенно неожиданный портрет Казановы, относящийся к этому периоду его жизни. Джеймс Босуэлл путешествовал по Германии и был гостеприимно принят Фридрихом. Босуэлл встретил Казанову в гостини-

це и немедленно признал его интеллектуальные способности: «Мы обедали... Итальянцу хотелось блеснуть, подобно великому философу, и, соответственно, он сомневался в собственном существовании и во всем остальном».

Пока Казанова ожидал милостей от Фридриха в Берлине, прибыла целая кавалькада гостей из-за рубежа. Танцовщица, известная всем как Дени, а Казанове как Джованна Коррини, сразу привлекла его внимание, они знали друг друга детьми в Венеции. Она преуменьшала свой возраст и отчаянно умоляла его не раскрывать ее обмана (она была всего на три года младше его, но утверждала, будто ей около двадцати лет). Она была крестницей Дзанетты и в последний раз виделась с Казановой, когда он еще был долговязым аббатом, а она сама — девочкой. Он вновь оказался в сомнительной и родной атмосфере среди итальянцев театра «Шарлоттенбург оранжери», где все знали его мать и родственников.

С Пьером Обри, французским танцовщиком, Казанова познакомился еще в Венеции благодаря Балетти. В Венеции он достиг некоторой славы и на сцене, и в жизни, стал любовником одновременно и мужа, и жены в одной патрицианской семье и был выслан за это инквизицией. Обри уехал в Санкт-Петербург и там женился. Кроме того, в Санкт-Петербурге он встретил Джузеппе да Лольо, прославленного виолончелиста и тоже венецианца, который пользовался благоклонностью цариц Анны Иоанновны и Елизаветы. Именно этот человек, Джузеппе, сразу повлиял на ход путешествия Казановы и его карьеру. Да Лольо тоже нашел в Санкт-Петербурге себе жену, успех, признание и сколотил небольшое состояние при императорском дворе. «Именно да Лольо и его жена заставили меня думать о поездке в Россию, — пишет Казанова, — коль скоро король Пруссии не давал мне такую должность, как я хотел. Они заверили меня, что я на-

верняка сделаю там себе состояние, и дали мне отличные рекомендательные письма».

Он ждал несколько недель, прежде чем решиться. Он и Дени возобновили театральный флирт, начатый несколько десятилетий тому назад за кулисами в театре «Сан-Самуэле», где Казанова платил, чтобы посмотреть, как она раздевается. В Берлине он разглядел ее гораздо внимательнее.

Барон Трейден, другой спутник Джакомо в Берлине, предложил обратиться к своей сестре, герцогине Курляндской, чтобы та приняла Казанову в Риге по дороге на Восток, а Казанова написал неизменно щедрому Брагадину с просьбой прислать ему денег для обустройства в Санкт-Петербурге. Представляя, как он станет богатым в новом городе, возможно, благодаря новой лотерее, он уехал из Берлина в конце 1764 года, с новым франкоговорящим камердинером, которого нанял с целью произвести в России впечатление. Слугу звали Франц Ксавье Ламбер, и был он подающим надежды геометром с «ворохом книг по математике».

АКТ IV, СЦЕНА V
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1765

Разумеется, одна вещь, которую вы имеете, лучше двух, которые вы могли бы иметь.

Екатерина Великая

В России уважают только тех людей, которых надо просить о визите. Те, кто приходит сам, не ценятся. Возможно, это правильно.

Джакомо Казанова

Казанова покинул Ригу ради Санкт-Петербурга 15 декабря 1764 года. В то время года это было отважное решение, поскольку погода была «отвратной», и он не смог даже выйти из своего шлафвагена — экипажа наподобие гигантской кровати на колесах — в течение шестидесяти часов, которые потребовались, чтобы добраться до новой российской столицы. Не покидал экипаж и его компаньон, молодой камердинер-математик Ламбер, который занимал Джакомо. Ламбер бесконечно говорил о геометрии, и Казанова понимал, что они расстанутся, как только математик окажется в месте, где можно будет найти ему замену, на что надеялся в имперском Санкт-Петербурге. В этом месте мемуаров Казанова неверно указывает одну ключевую дату, когда утверждает, что находился в Риге во время визита туда царицы Екатерины II Великой. Его оценка характера, стиля и интеллекта императ-

рицы в четырех случаях, когда они действительно встречались (позже в 1765 году в Санкт-Петербурге), получила признание князя де Линя, который хорошо знал Екатерину и отозвался о написанном Казановой как об одном из самых прекрасных, наиболее правдивых и ясных мемуарных портретов известной монаршей особы. Таким образом, странно, что Казанова солгал о встрече с императрицей в Риге, где на самом деле она побывала за несколько месяцев до него. Это было смелое художественное решение автора, но неудачное; все, что заявляет Джакомо, поддается проверке, но не всегда его слова правдивы.

Для европейского читателя, однако, Екатерина II, носившая титул «Императрица и Правительница всея Руси», в 1765 году оставалась в пределах России, и потому здесь нет противоречия с художественным приемом автора, помещающего императрицу в повествовании на окраину ее империи в соответствии с моментом вступления туда героя рассказа.

Казанова прибыл в Санкт-Петербург 21 декабря 1764 года, в день зимнего солнцестояния, когда солнце стоит над Невой в течение лишь пяти часов с четвертью. Все в России смущало его. Он нанял франкоговорящего камердинера-казака и снял жилье на Миллионной улице, идущей от Зимнего дворца к Летнему саду. Это было фешенебельное место для иностранцев, в центре, но не бросающееся в глаза, поскольку находилось позади фасадов зданий, как тех, что смотрели на Неву, так и других, обращенных на Невский проспект. В своих комнатах он с удивлением обнаружил, что российские печи оказались неспособными хорошо прогреть помещение. Ему пришлось купить мебель, поскольку ему не предоставили ничего. И, собираясь непринужденно общаться благодаря прекрасному знанию французского языка и проживанию в квартале, где имели жилье многие итальянцы, французы и

британцы, он увидел, что в городе все говорят на немецком языке, который Джакомо с трудом понимал.

Санкт-Петербургу, столице страны с населением в двадцать восемь миллионов человек, едва исполнилось шестьдесят лет, и здесь жила подавляющая часть полумиллионной российской аристократии. «Младенчество» города, как выразился Казанова, придавало ему вид «руин, созданных с определенной целью». Будучи венецианцем, он мог заметить ту поспешность, с которой возводились здания на ненадежной болотистой почве. Аксонометрические карты того периода свидетельствуют о наспех построенных в столице дворцах, церквях среди огородов и рынков, шатких мостах, деревянных фасадах и мостовых. Это был оживленный порт и новейшая столица Европы, экспортирующая сырье империи — железо, кожу, коноплю и парусину. По словам одного посла, здесь пахло рыбными заводами и ревенем. Тем не менее вскоре Джакомо распаковывает вещи и начинает искать театральных контактов, масонов и возвышения в обществе, благодаря множеству рекомендательных писем, которые получил после отъезда из Лондона. Придя с одним из них к полковнику Петру Ивановичу Мелиссино (греку на службе в русской армии и бывшему любовнику синьоры да Лольо), Казанова через цепочку письменных рекомендаций сводит знакомство с двадцатилетним офицером Степаном Зиновьевым. Зиновьев был двоюродным братом могущественных братьев Орловых, причастных к перевороту, вознесшему в 1762 году Екатерину II на престол, а один из братьев, Григорий, пользовался влиянием, будучи фаворитом царицы.

Зиновьев был другом британского посланника, сэра Джорджа Макартни, «красивого молодого человека большого ума» (ему было двадцать восемь лет), который «имел английскую дерзость» сделать беременной одну из фрейлин царицы. За этот проступок, в конечном итоге, он был отозван

в Лондон, а его возлюбленную сослали в монастырь. Знакомой фрейлины была некая мадмуазель Сиверс, которая отличалась более осмотрительным поведением и вышла замуж за князя гораздо моложе себя, за Николая Путяткина. Сиверс дружила с певцом-кастратом Путини, который привез в Санкт-Петербург Галуппи, знавшего мать Казанова. Таким образом, в Санкт-Петербурге стал формироваться привычный Джакомо круг общения, состоявший из армейских офицеров, эмигрантов из Италии и Греции и, конечно же, из местных театралов, прибывших большей частью из Франции и Италии. Джакомо возобновил контакт со своим пражским знакомцем Джованни Локателли, миланским театральным импресарио, который в Санкт-Петербурге стал управляющим рестораном в бывшей императорской резиденции Екатерингофе. В этом ресторане, «по рублю с гостя, без вина», подавали «превосходные блюда». Кроме того, Казанова также познакомился с обществом города благодаря банкиру-греку Деметрио Папанелопуло, который каждый день приглашал итальянца к себе на обед, видимо, ради приятной компании и общения с вновь встретившейся в Санкт-Петербурге богемой.

Казанова вскоре выяснил, что знакомые ему итальянские танцовщицы имеют влиятельных друзей. Джованна Мекур, урожденная Кампи из Феррары, была танцовщицей и содержанкой, но представила его статс-секретарю Екатерины. Иван Перфильевич Елагин, в честь которого теперь называется остров, был также главным масоном Санкт-Петербурга, у него был грот для проведения тайных каббалистических церемоний, располагавшийся под водным павильоном его дачного имения. Несомненно, Казанова хорошо был об этом осведомлен, поскольку стал близким сподвижником Елагина, а через него и графа Панина, который имел сомнительную честь быть причастным к убийствам Петра III и Павла II, мужа

и сына царицы соответственно. Вероятно, именно через Елагина Казанова узнал, что Дашкова — женщина, бывшая правой рукой Екатерины во время переворота и получившая известность как глава академии наук в России — не была любовницей Панина, как часто утверждали, но была его дочерью. Дашкова и Казанова вскоре познакомились; а благодаря графу Панину в итоге Казанова был представлен самой царице.

На самом деле впервые Джакомо увидел Екатерину II на маскараде, состоявшемся в Зимнем дворце спустя несколько часов после прибытия итальянца в Санкт-Петербург. Хозяин комнат на Миллионной улице сообщил ему, что вечером должен быть бал на пять тысяч персон. Об этом событии, в частности, упоминает британский посланник Макартни. Тогда Джакомо не поговорил с императрицей, присутствовавшей на маскараде инкогнито. Когда Казанова прибыл в Санкт-Петербург, Екатерина правила всего два года и старалась заручиться одобрением общества и аристократов, поддерживая расположение последних, в том числе с помощью грандиозных празднеств для всех, кто может прийти на них надлежаще одетым. Она потратила на один из маскарадов более пятнадцати тысяч рублей, хотя ее годовой доход до того, как она стала царицей, составлял тридцать тысяч. Дворяне и все посетители отлично разбирались в том, как вести себя по-венециански; правила этикета диктовали, как и что надо носить, а столы ломались от «пирамид со сладостями и конфетами, от закусок и горячих мясных блюд». Маскарад, упомянутый Казановой, проводили 21 декабря 1764 года в венецианском стиле — одна из причин, возможно, почему он решил туда поехать. Джакомо прибыл в традиционном венецианском длинном плаще с капюшоном («домино»); но был вынужден послать за маской. Затем он отправился от Миллионной улицы к Зимнему дворцу.

Я хожу по комнатам, вижу большое количество людей, танцующих в нескольких залах, где играют оркестры; вижу буфеты, где все те, кто голоден или хочет пить, едят и пьют; изобилие свечей... И, как следовало ожидать, я нахожу все это великолепным.

Это был блестящий двор, даже в маскараде. Многие в то время говорили, что он буквально затмевал все другие королевские дворы Европы, с которыми был знаком Казанова. Мужчины носили французские костюмы, а дамы подражали версальскому стилю с его высокими прическами и сильным макияжем, но ничто не потрясло настолько сильно, как обилие драгоценных камней, украшавших платья придворных. Конечно, это было характерной чертой придворной моды Европы того времени, но в России, где эти камни добывали и продавали на открытом рынке, мужчины могли превзойти женщин в украшениях. Костюмы русских на маскарадах в Зимнем дворце, согласно описаниям, были «всюду усыпаны алмазами: на пуговицах, пряжках, погонах и даже шляпах, которые бриллианты украшали в несколько рядов».

Еда и питье были доступны в изобилии — гостям подавали «различные водки и лучшие красные вина, а также кофе, шоколад, чай, оршад, лимонад и другие напитки», а танцы продолжались от восьми вечера до семи утра.

Через несколько часов после прибытия на бал до Казановы дошел слухок, что царица в кабинете, в маске и костюме, принимает своего любовника Орлова. «Я убедился в этом, — писал Казанова, — ибо слышал то же самое от сотни масок — что она прошла, а они сделали вид, будто не признают ее». Императрица сознательно надела простой костюм, который, как отметили зрители, «не стоил и десяти копеек», чтобы подслушать, что на самом деле говорят о ее политике и правлении. Конечно, это было фарсом, если бы кто и не уз-

нал ее, пару выдали бы рост и габариты Григория Орлова, а придворные не отваживались на критику власть предержащих, не уверившись в отсутствии незнакомых им лиц.

Немка по происхождению, принцесса, вошедшая в династию Романовых и затем узурпировавшая престол, Казанова говорит о ней так: «Не красивая, [но] тот, кто изучил ее, мог остаться доволен, найдя ее высокой, стройной, нежной [и] доступной в обращении». Ее демократичностью Казанова намеревался воспользоваться в полной мере. Екатерина стояла во главе одного из самых авторитарных и репрессивных государств в Европе, но правление ее тем не менее считали открытым для прогрессивных изменений и реформ, по меньшей мере настолько, чтобы за рубежом возник образ просвещенной государыни, льстящий императрице. Строительство Санкт-Петербурга, начатое Петром Великим, было попыткой создать имперскую столицу в стиле европейского барокко и неоклассицизма. Между тем Екатерина решила привлекать к делам иностранцев, чтобы пропагандировать за рубежом идеи новой просвещенной России. Казанова был прав, когда думал, что Санкт-Петербург может быть перспективным для него местом.

Он приехал в Россию, более того, в место, где дух венецианского маскарада нашел одно из самых успешных воплощений за пределами самой Венеции. Екатерина Великая поручила братьям Волковым, Федору и Григорию, отцам-основателям русского классического театра, отказавшись от русского стиля, который они недавно начали облагораживать, создать в духе венецианского маскарада блестящую придворную феерию, посвященную ее коронации. Феерия называлась «Торжествующая Минерва» и потребовала столько усилий, что, работая над ней, Федор в буквальном смысле загнал себя в гроб. Мода на маскарады, однако, продолжилась, благодаря чему Казанова с такой легкостью получил возмож-

ность ближе рассмотреть общество из-под карнавальной маски, а само петербургское общество — расширить свои познания относительно различий в карнавальных костюмах.

Увидев в толпе настоящую маску с клювом, Казанова тут же признал соотечественника, им оказался уроженец Тревизо. Джаккомо также столкнулся со знакомой парижанкой, которую в последний раз видел в конце 1750-х годов, в России ее знали в качестве актрисы под именем Ланглад. Они возобновили общение не совсем охотно, оба понимали, что Казанова «уже не был при деньгах», а Ланглад была профессиональной содержанкой; но именно благодаря ей Казанову принял французский полусвет Санкт-Петербурга.

Бал в Зимнем дворце был идеальным местом для знакомства, поскольку обещал все интриги и приключения, какие мог желать Казанова, учитывая однако, что репутация и карьера нередко были поддельными, особенно среди иностранного сообщества, и где тем не менее Казанова смог мгновенно обзавестись талантливыми и хорошо устроившимися друзьями, а также некоторыми постыдными знакомствами, которые в скором времени приведут его к столь любимым им неприятностям.

По прибытии в Россию у Казановы не было любовницы. Вскоре после приезда, однако, он встретил двух женщин, которые сформируют — каждая на свой лад — его общее сексуальное впечатление от жизни в России. Одна, мадемуазель Ла Ривьер, появилась на пороге его дома с любовником, французом по имени Кревкер. Другая, русская крестьянка, имела фигуру «Психеи, как я видел у статуи на вилле Боргезе [в Риме]», когда она приняла Казанову в русском публичном доме, куда приходила каждую субботу, где «мужчины и женщины [были] все голышом». Он решил разыграть с ней собственную версию античного мифа о Пигмалионе, учил ее итальянскому и представлял как члена своей семьи, в чем

преуспел. Когда он покинул ее, она стала любовницей главного архитектора Екатерины II Антонио Ринальди, который возводил достопримечательности, доминирующие в Санкт-Петербурге и по сей день: Исаакиевский собор (третий), Мраморный дворец, Гатчинский дворец и дворцы в Ораниенбауме.

Казанова встретил русскую девушку в парке вблизи царского дворца Екатерингофа. Он был там с небольшой компанией новых друзей, которых любезно пригласили на обед к Локателли; единственным русским был Зиновьев, остальные были итальянскими певцами и музыкантами, туда же приехала французская куртизанка Проте, за которой увивался Казанова. Зиновьев, возможно, почувствовал себя не у дел и вышел в парк, один из нескольких, который использовали для императорской охоты, и хорошо приспособленный для разных игр. Казанова решил пойти с ним. Именно Зиновьев объяснил Казанове, что крестьянская девушка, которую они встретили в лесу, была крепостной и ее можно «купить» как слугу, если Джакомо договорится с ее отцом. Поскольку она еще была девственница, отец, который жил рядом, запросил сто рублей. Казанова был расстроен, он утверждал, что никогда не будет спать с девушкой, если она сама не захочет, но все же был достаточно заинтригован ею, чтобы заключить сделку. Он и Зиновьев вернулись на следующий день, и Казанова воспользовался возможностью, чтобы нанять экономку и любовницу по цене парика. Он назвал девушку Заирой, в честь героини одноименной пьесы, какую ранее обсуждал с Вольтером, и она стала его protégé — он учил ее одеваться, вести себя в обществе, а также итальянскому языку и французским манерам. Кроме того, она стала его любовницей, когда он в присутствии обоих родителей убедился в ее девственности.

Заира переехала в комнаты на Миллионной, а математик Ламбер съехал оттуда. Постепенно Казанова научил ее ита-

льянскому языку, основным правилам поведения за столом и одел ее по французской моде. Он с ее помощью освоил немного русский язык. Она также отвела его в новую баню, открытую в 1763 году на Малой Морской улице, чтобы он как следует «пропотел для здоровья», где Джакомо поразила непринужденность, с какой обнаженные мужчины и женщины находились вместе. Между ним и Заирой росло взаимопонимание, что, по-видимому, соответствует истине при всей односторонности его повествования. Девушка отличалась горячим темпераментом и несколько раз бросалась в него тяжелыми предметами. Она также могла быть раздражительной и ревнивой — но сила ее характера только привлекала Казанову, и скоро странная пара стала обычным зрелищем на Миллионной улице: высокий обходительный итальянец и его русская кукла.

Равновесие в доме нарушилось с появлением очередных актеров, присоединившихся к компании Казановы в Санкт-Петербурге, ими были французы, которые решили попытаться здесь счастья, их настоящие имена так и не установлены, однако Казанова вспоминает их как господина Кревкера и мадемуазель Ла Ривьер.

Они привезли Джакомо рекомендательные письма от князя Карла Эрнста Бирона из Риги, впечатлив этим Казанову, но больше у них ничего не было — ни денег, ни предложений о работе, ни планов — поэтому им оставалось только «выставлять [их] прелести на продажу». Казанова уверял пару, что не сможет общаться на таких условиях, но увидел, как Ла Ривьер проделывает свой первый трюк в его квартире, занимаясь сексом с пришедшим по делу бисексуальным немцем по имени Баумбах. На Заиру «французские манеры» не произвели столь сильного впечатления, но она сказала, что если все хотят отправиться развлекаться в пивную «Красный кабак», то она тоже пойдет за компанию. Казанова согласился. Он сделал это, как сам пишет, потому что «опасался последствий»

плохого настроения Заиры, слез и ругани, если ее не возьмут. И вот поэтому он, парочка французских авантюристов, русская крестьянка и немец отправились все вместе. Вечер был веселым, оживленным и пьяным. С Заирой обращались как с равной, что понравилось и ей, и Казанове.

Они играли в азартные игры. Кревкер позволял Баумбаху открыто заигрывать с Ла Ривьер, женщиной, которая также была и его любовницей, но, кажется, была готова принять любого по цене пирожка из «Красного кабака». Заира стала свидетелем неожиданно свободных нравов путешествовавших французов, чьи манеры ее учили уважать.

На следующую ночь Казанова решил оставить Заиру дома, он утверждает, что поступил так, поскольку знал, что Баумбах организовал вечер с участием нескольких русских офицеров, и хотел, чтобы Заира избежала компании соотечественников и не болтала с ними на не слишком понятном Джакомо языке. С учетом того, что произошло позже, однако, ему, возможно, было известно, что приглашение Баумбаха предполагало дальнейшее погружение в традиции русского офицерского разгула: вечер, кажется, был задуман с переходом в оргию. Первыми пришли братья Лунины, офицеры престижного Преображенского полка (впоследствии они приобрели большую известность в русской армии, но когда Казанова встретил их, старшему, Александру, было двадцать, а Петру Михайловичу — только семнадцать лет). В 1765 году Петр походил на «белокурую и красивую девицу». Казанова пишет, что его «любил государственный секретарь Теплов» и что «умный малый не только пренебрегал предрассудками, но и намеренно добивался ласками признания и уважения людей с положением». По свидетельству Казановы, Петр уже был в курсе бисексуальности Баумбаха и полагал, что итальянец тоже таков. Юноша счел, что итальянец с хорошими связями достоин его внимания, и настоял, чтобы сесть рядом. В эпизоде, напоминающем об увлечении Беллино, Ка-

занова сперва верил — или хотел верить, — будто Петр Лунин на самом деле девушка, переодевшаяся в военную форму. Джакомо влекло к нему, и он заявил о своем подозрении. Тогда Петр Лунин расстегнул бриджи, чтобы доказать собственное мужское естество, и занял «такое положение, чтобы сделать себя и меня счастливым». Ла Ривьер обозвала их «содомитами», а они ответили, что та «шлюха». Когда старший Лунин и Баумбах вернулись с прогулки, они привели с собой еще двух офицеров. Затем, во время долгого пьяного дебоша, все четверо мужчин занимались сексом с Ла Ривьер. Между тем Казанова и Петр наблюдали за действием, «как двое добродетельных пожилых мужчин, которые снисходительно смотрят на безумства разнузданной молодежи». Это был странный для Казановы вечер, не только из-за того, что он даже не знал имен всех участников оргии, но и из-за роли пассивного вуайериста, в которой оказался Джакомо, выбравший к тому же в ту ночь гомосексуальный контакт и согрешивший «против природы» своей собственной, устроенной по замыслу божьему.

По возвращении он застал Заиру в приступе дикой ревности. Она утверждала, будто обнаружила его неверность по астрологическим картам, но с той же легкостью могла слышать от соотечественников о том, что чаще всего происходит с группой пьяных мужчин в компании Ла Ривьер. Она бросалась в него предметами, и он пошел спать, а утром решил успокоить ее гнев — или загладить свою вину, — взяв с собой в Москву. «Те, кто не видел Москвы, — считал Казанова, — не могут говорить, что увидели Россию». Это была дорогая поездка для человека, жившего на сокращающиеся кредиты из Венеции и Франции: восемьдесят рублей за шесть дней и семь ночей путешествия с Заирой в шлафвагене. Они сделали семьдесят две остановки (или смены лошадей), что, по оценке Казановы, составило около пятисот итальянских миль.

Они отправились в начале лета — дата установлена посылке Казановы на начало в Санкт-Петербурге «белых ночей», когда о конце каждого дня возвещал пушечный выстрел у Петропавловской крепости, поскольку солнце не садилось. Дорога до Новгорода заняла сорок восемь часов, а в Москве они оказались к концу недели.

Там Казанова нашел квартиру и нанял слугу, который говорил по-французски, а потом позаботился об отправке полудюжины рекомендательных писем, которые должны были открыть ему двери в московское общество. Как всегда, письма сработали. Джакомо был в городе в качестве заезжего гостя, Москва уже не являлась столицей, но сохраняла загадочный дух старой Московии, с ее тяжелыми колокольными перезвонами, ароматом благовоний и суеверий. Он обратил внимание на пищу («изобильную и сочетавшую разные вкусы»), женщин («более привлекательных, нежели в Санкт-Петербурге, и более кокетливых») и «мануфактуры, старинные памятники, естественно-научные коллекции, библиотеки... и знаменитый Царь-Колокол». Заиру он везде брал с собой, с радостью представляя ее как свою дочь. Тем не менее спустя неделю Казанова решил вернуться в Петербург и готовиться к аудиенции у императрицы, в надежде получить от нее какую-нибудь выгоду для себя.

Он воображал, будто быть итальянцем-самоучкой с хорошими связями и познаниями в разных науках достаточно, чтобы возвыситься среди русских в их франко-итальянской по духу столице. Но он ошибался. «В России уважают только тех людей, которых надо просить о визите. Те, кто приходит сам, не ценятся. Возможно, это правильно». Между тем он успел побывать в великолепных столичных пригородах, в императорских дворцах Царского села, Петергофа, Ораниенбаума и в Кронштадте, где базировался русский военный флот. Он ждал приглашения в Зимний дворец, но оно так никогда и не пришло.

В конце концов граф Панин — загадочный друг Дашковой — устроил ему встречу с царицей в Летнем саду, где она гуляла погожим утром. Сад, расположенный на берегу Невы, был задуман Петром I как салон в европейском духе под открытым небом, где монарх мог бы устраивать увеселения для своего двора и приближенных, «особенно по вечерам, после ужинов, и до полуночи». В 1765 году граф Панин сказал Казанове, что лучшим шансом для разговора с императрицей будет случайная встреча в Летнем саду среди итальянских статуй. По-видимому, Джакомо долго бродил по саду в ожидании, поскольку успел заметить, что многие мраморные изваяния (до наших дней сохранилась примерно половина из оригинальных работ) на подписях к ним назывались на удивление неверно — то ли из-за невежества, то ли как русская шутка, направленная против претенциозности классицизма, например подпись «Сафо» украшала постамент с явно пожилым мужчиной грубоватой внешности.

Наконец Казанова увидел в тенистой аллее идущую навстречу Екатерину в сопровождении нескольких приближенных. Григорий Орлов шел впереди, позади — две дамы, одной, возможно, была Дашкова. Граф Панин был справа от императрицы и указал на высокого итальянца в толпе придворных, и тогда Екатерина заговорила с ним и состоялась короткая беседа о России. Царица была, как отметил Казанова, не слишком красива, но привлекательна, сравнительно небольшого роста и плотного сложения, имела прямой взгляд и царственную осанку — все вместе это соответствовало тому, что он ожидал увидеть, памятуя рассказ Вольтера. Они беседовали по-французски; этот язык Екатерина II знала отлично, возможно, лучше, чем Казанова, хотя ее письма перед отправкой правили, особенно если они предназначались Вольтеру. Казанова утверждал, что беседа продолжилась час, но это маловероятно, учитывая занятость Екатерины. Когда она упомянула, что она не видела его на сво-

их регулярных музыкальных вечерах, Казанова вспомнил, что всем хорошо известно об отсутствии у нее интереса к музыке — однажды, слушая квартет Гайдна, Екатерина Великая поманила придворного и сказала: «Когда кто-то играет соло, я знаю, когда должна аплодировать, но я совершенно путаюсь с квартетом... Пожалуйста, дайте мне знак, когда игра музыкантов или работа композитора потребуют одобрения». Императрица часто говорила, будто музыка производит на нее такое же впечатление, что и уличный шум. И потому, объясняя свое отсутствие на ее музыкальных вечерах, Казанова поделился с императрицей сожалением, что находит мало удовольствия в концертах. Она улыбнулась.

После этого Казанова каждое утро ходил в Летний сад в надежде снова увидеть императрицу. Это была возможность быстрого продвижения по службе в имперском Санкт-Петербурге, хотя Казанова не представлял, какие именно функции могут быть ему поручены, и, по мере того, как недели переходили в месяцы, его желание остаться в России таяло. Когда, однако, он увидел царицу во второй раз, Екатерина II дала знак одному из своих гвардейцев, чтобы тот подвел итальянца. Они заговорили о Венеции, где Екатерина никогда не бывала, но хотела бы включить ее в будущее путешествие своего сына, в которое он должен был отправиться полуинкогнито как «граф Северный». Это привело к разговору о различиях между русским и венецианским календарями.

Казанова обрадовался: он имел большие познания в астрологии и даже зарабатывал благодаря им во время своего пребывания в Париже, периодически предсказывая будущее суеверным аристократам Версаля, которые доверяли его кабале. Конечно, он лучше, чем большинство людей мог рассуждать о новом григорианском календаре, сдвинувшем даты в большинстве стран Западной Европы в начале восемнадцатого века в соответствии с новыми данными об истинной продолжительности года: немногим более 365 дней. Реформа от-

нимала от календаря одиннадцать дней, а также вводила систему с високосными годами. Она вызывала протесты среди суеверных, почитавших святые дни и всех, кто верил в предопределенность даты смерти и потому считал, что реформой им укорачивают жизнь на одиннадцать дней. (Одна из рукописей Казановы, найденная после смерти вместе с мемуарами, была посвящена именно вопросам григорианского календаря. Она написана почти через тридцать лет после беседы с Екатериной Великой, но в ней Джакомо — за несколько лет до своей смерти — все еще приводил календарную арифметику, собственные расчеты и анализировал високосные годы.) Он напомнил Екатерине, что Петр Великий собирался использовать григорианский, а не юлианский календарь, когда русские отказались от восточного православного летоисчисления, и царя отговорили от этого только потому, что подобная реформа вызвала беспорядки даже в протестантской Англии. Когда Екатерина возразила, что царь Петр не всегда принимал мудрые решения, Казанова снова не упустил случая польстить царице и выразил мнение, что монарх был гением среди мужчин. Примечательно, что именно Екатерина закончила беседу — с намерением продолжить, когда сможет изучить тему более детально. Она явно собиралась последовать советам Казановы — как еще одному способу обозначить свою власть в России. Для Екатерины тем не менее баланс между западными прогрессивными реформами и непримиримостью могущественной Русской Православной Церкви был вопросом деликатным и требовавшим умелого обращения. В конце концов она уступила обстоятельствам, опасаясь осуждения Церкви, ведь русскому календарю тогда не исполнилось еще и поколения. Мечте Казанове о том, как он будет жить на пенсию от русского двора за составление государственного календаря, не суждено было осуществиться.

Десять дней спустя, снова в Летнем саду, он опять встретился с императрицей. За это время она многое узнала, и ее

интересовали вопросы о последствиях реформы для Пасхи, дня весеннего равноденствия и то, как выравнивают летоисчисление иудеи. Пасха, как и на Западе, в конечном итоге должна была определяться в зависимости от фазы Луны, а даты изменялись в соответствии с движением Земли, но все это могло бы вызвать недовольство русских крестьян или дворян из-за их приверженности к старым порядкам. «Она имела удовольствие увидеть меня изумленным и оставить меня в таком состоянии», — пишет Казанова, добавляя, что «она изучила вопрос, чтобы удивить меня».

Это было типично для Екатерины Великой. Ей странствующий итальянец вроде Казановы, который, как она знала, недавно встречался с Фридрихом Великим и Вольтером, был в Санкт-Петербурге менее полезен, чем за пределами ее города и страны. Императрица выразила надежду, и оказалась права, что он будет говорить и писать об их встрече, а затем придаст блеск ее образу просвещенной и образованной правительницы, тем не менее хорошо понимающей Россию. В его мемуарах записи об их разговоре занимают более десяти страниц, в основном они касаются календаря, но также содержат обсуждение жизни в Венеции и размышления о смерти. Мог ли он помнить такие подробности тридцать лет спустя? Вполне вероятно. Похоже, как, например, в случае его подробных и поддающихся проверке сведений о погоде и транспортных расходах, он записывал то, что в один прекрасный день делается его личными мемуарами, и уже тогда сознавал величие Екатерины II: «Эта великая женщина, которая царствовала тридцать пять лет, никогда не делала критических ошибок и всегда действовала взвешенно».

В конце лета 1765 года Казанова собирается уехать из Санкт-Петербурга. Ему ясно, что назначения при дворе не случится, и он, возможно, не хотел переживать еще одну русскую зиму. Он встретил французскую актрису, Вальвиль, которая была занята в комедийной постановке пьесы 1704 года

«Любовные безумства» для императрицы, но получила не слишком хороший прием. Вальвиль попросила Казанову помочь договориться о том, чтобы ее отпустили — необходимая просьба для кабальной царской актрисы, — и предложила вместе двинуться на Запад. Казанова признал родственную душу и соответствующим образом написал ей: «Я хочу, мадам, вступить в связь с Вами... Отправляясь в Варшаву в следующем месяце, я предлагаю Вам место в моем мягком экипаже, который будет стоить Вам только позволения мне лечь подле Вас. Как получить паспорт для Вас, я знаю». Актриса немедленно согласилась.

Для иностранцев — таких как шевалье де Сенгалът и актриса Вальвиль — объявление о своем намерении покинуть город необходимо было разместить в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Такая практика была продиктована правилами обеспечения им доступа к кредитам, было невозможно сбежать от долгов — совершить морской переход через Кронштадт или уйти по суше через городские города — без официального разрешения. Несмотря на это, оказалось невозможно идентифицировать личность актрисы, что указывает на сравнительно большое число иностранцев, искавших в русской столице различных выгод.

Пара завершила приготовления, дела с полицией и паспортным контролем были тоже улажены (граф Александр Голицын доставил Казанове паспорт на имя «графа Якоба Казановы де Фарусси»), Джакомо нанял повара-армянина, купил шлафваген и снабдил его матрасами и мехами. Вальвиль засмеялась, когда увидела экипаж: «Мы на самом деле как в постели». Заиру он оставил на попечение архитектора Ринальди. Казанова решил попытать счастья в Польше, договорившись о деньгах с Брагадином и с различными петербуржцами о рекомендательных письмах к дворянам в Варшаве. В Варшаву он прибыл 10 октября 1765 года.

АКТ IV, СЦЕНА VI

ПОЛЬСКАЯ ДУЭЛЬ

1765—1766

5 марта 1776 года, 5 утра

Милостивый государь, вчера вечером в театре Вы нанесли мне серьезное оскорбление, не имея ни права, ни оправданий, чтобы вести себя подобным образом. Исходя из этого, я имею право и буду требовать удовлетворения.

Вызов на дуэль, посланный Казановой графу Браницкому

Венецианцу приятно видеть, как Казанова превращается в героя, подобно гусенице, которая вдруг обращается в бабочку.

Мельхиор Чезаротти

В Польше Казанову приняли хорошо: помогли рекомендательные письма к князю Адаму Чарторыйскому и англиканскому священнику в Варшаве. Опять же, Джакомо рассчитывал на аудиенцию у правящего монарха, короля Станислава Понятовского, бывшего любовника Екатерины Великой. В 1765 году Польша была почти вассальным государством России, сохраняя безопасность своих границ и престола от разных соседей, поскольку существовала под постоянной угрозой расчленения и разрушения конца восемнадцатого века. Политика зачаровывала Казанову до такой степени, что

он захотел разобраться в сдвигах властных структур в Европе в надежде извлечь из своих познаний выгоду. Он предпринял своего рода ознакомительную поездку по Польше, останавливаясь в домах многих дворян, к которым получил рекомендации в Санкт-Петербурге и Дрездене. Графиня Екатерина Козаковска дала ему кров в Лемберге (Львове), а граф Вацлав Ржевский и граф Потоцкий — в Кристианполе. Ныне их имена совсем забыты, исключая упоминание или благодарность в написанной Казановой «Истории смуты в Польше», опубликованной в 1774 году.

Казанова добился быстрого успеха при польском дворе и в театре. Он, как и прежде, мечтал разбогатеть с лотереи, но первые деньги, кажется, сделал за игорным столом. Король, которого интересовали новости из Санкт-Петербурга от человека, только что оттуда приехавшего, уделил ему время, но места не предложил. Казанова проводил каждое утро за исследованиями в библиотеке монсеньора Залуски и ел в доме русского князя Палатина, таким образом, разумно полагал Джакомо, он много экономил и многое узнал. Это было еще одним знаком того, что, по мере уменьшения его энергии и богатства, он все больше и больше становился библиофилом и жил литературными интересами, отчасти в надежде на писательскую славу, но также и ради чистого удовольствия от академических занятий. «Я читал подлинные документы, касающиеся всех интриг и тайных заговоров, целью которых было свержение всей системы Польши».

Пять месяцев спустя приезда в Варшаву случилось событие, однако, которое разрушило все его достижения в Польше, хотя, по иронии судьбы, обеспечило ему прочную литературную славу. Четвертого марта он обедал при дворе, с королем среди прочих гостей, и был приглашен в театр, чтобы увидеть двух великих звезд варшавского балета, которые вдвоем должны были танцевать в одной постановке. Обе

они были, конечно, известны Казанове, поскольку были итальянками, а одна из них, Анна Бинетти, кажется, даже переспала с ним в Лондоне. Теперь у нее был любовник-поляк; некий граф Ксавье Браницкий, ее покровитель. Казанова знал правила поведения придворных в таких ситуациях и после выступления пошел засвидетельствовать танцовщицам свое почтение. Но Бинетти разозлилась, что начал он не с нее. Она настроила Браницкого затеять ссору с ее бывшим приятелем-венецианцем. Граф обвинил Казанову в «трусости», чем только спровоцировал его колкость, что само это слово звучит «довольно сильно». Когда Джакомо отвернулся, Браницкий публично назвал его «венецианским трусом». Это оказалось уже слишком: итальянец заявил, что венецианский трус вполне способен убить поляка — таким образом, по сути, вызвав Браницкого на дуэль.

Это был неожиданный поворот событий. Хотя Казанова сражался на дуэлях и раньше, они не были частым явлением в его исполненной опасностей жизни. У него были некоторые навыки фехтования, но он предпочитал разрешать ссоры словами, а не силой. С 1749 года со времен графа Сели он не применял оружия. Но с тех пор мир поменялся: Браницкий хотел драться на пистолетах. И хотя Казанова не пишет, где и когда выучился стрелять, но упоминает о том, что регулярно носил с собой пистолеты в Лондоне и упражнялся с ними в Париже в 1750-е годы. Тем не менее он должен был понимать, что рискует жизнью и репутацией и нарушает закон, стреляясь с польским дворянином, — история с дуэлью получит нежелательную огласку и слухи о ней дойдут до самого Лондона.

Двое мужчин встретились в назначенный час, и оба были ранены: Браницкий — шрапнелью в живот, после чего, как ни удивительно, выжил, а Казанове пулей задело левую руку. Дело могло бы, конечно, обернуться намного хуже. Казано-

ва сбежал в поисках убежища в монастырь под Варшавой, а об истории почти напрямую доложили королю. Графу Августу Мосинскому, министру иностранных дел, поручили провести расследование в отношении чужестранца-«аристократа», который нарушил варшавские строгие законы против дуэлей, и доклад министра сохранился до наших дней. Первым, что вменялось в вину шевалье де Сенгальту, было, конечно, то, что он не был рыцарем, а являлся сыном актрисы. Когда это обстоятельство стало достоянием общественности, оно нанесло ему большой вред, и не столько его положению в обществе — где он все равно перемещался вместе с театральной толпой, — но его надежде на серьезное внимание со стороны власть имущих. В докладе Казанову описали как интригана и игрока.

Он все больше и больше влезал в долги. Он с нетерпением ждал средств из Венеции, часть из которых переправляли ему через Санкт-Петербург. Казанова экономил, как мог; но по-прежнему содержал двух слуг и хорошо одевался, чтобы присутствовать при дворе. Однако довольно быстро, и особенно после дуэли, стало ясно, что он не сможет убедить короля Станислава поддержать лотерею, как не сумел убедить в этом Фридриха Великого или Екатерину II. В конце концов, тем не менее проводивший расследование масон Мосинский проявил симпатию к человеку, который действовал по понятиям того времени, защищая свою честь, будучи принужден к дуэли. Мосинский даже одолжил ему тысячу дукатов, которую больше никогда не увидел, написав: «Для Казановы. Вы являетесь человеком слова. Я считаю Вас таковым. Возможно, лучшая судьба ждет Вас в странах, куда Вы собираетесь, и помните, что я Ваш друг. Мосинский». Эта записка была найдена после смерти Казановы, вместе с еще одной, приложенной к первой: «Получил тысячу дукатов от польского короля, когда он приказал мне уехать из Варша-

вы [из-за дуэли]. Я послал его министру счета моих кредиторов. Министр написал мне это письмо, и я укатил в тот же день. 8 июня [на самом деле — июля] 1766 года».

Дуэль в Польше стала переломным моментом для Казановы. Она принесла ему не только аплодисменты и славу, но и новую, не совсем лестную известность как опасного гостя в любом городе. Впоследствии он и Браницкий стали большими друзьями, и Казанова посвятил ему работу 1782 года «Ни любви, ни женщин». Джакомо превратил рассказ о поединке, которым в конечном счете гордился, в один из своих любимых анекдотов. Казанова был убежден, что когда-нибудь следует опубликовать эту историю.

На короткое время он воспрял духом. Литератор, способный действовать не только на словах, он соответствовал донкихотским идеалам эпохи, его рыцарство оценили, а добиться этого в Польше было не так-то просто. В тот период Казанову описывали как «человека, известного в литературном мире и с глубокими познаниями». Именно так, как ему всегда хотелось, чтобы к нему относились. К сожалению, у него, разумеется, все еще не было реальных источников дохода и еще меньше имелось идей о том, как добиться успеха в жизни. Но это он перенял от старого мира аристократии, в игры которой вынужден был играть, но которой не изменял, впечатляя многих байками, распространяемым по салонам Европы. С ним обошлись жестоко, поскольку он был простым сыном актрисы, но он сам смог устроить себе своего рода дворянство, что отвечало духу времени. Тайное негодование; которое впоследствии сметет старые порядки — из чего Казанова, надо сказать, по-прежнему стремился получить прибыль, — копилось. Аббат Тартаффи, итальянский священнослужитель в Варшаве, тогда увидел в Казанове героя, но такое впечатление было недолгим. Как написал поэт из Падуи Мельхиор Чезаротти:

Очень жаль, что знаменитый Казанова, бывший герой и мнимый дворянин и, прежде всего, острослов, не имел возможности продолжать свою великую роль... Вскоре после его блестящего подвига неприятные истории из прошлого, которые можно было легко проверить, омрачили его славу, и восхищение сменилось презрением... Так, в свой черед, наша великолепная бабочка вдруг превратилась в гусеницу.

ИНТЕРМЕДИЯ

КАЗАНОВА И КУХНЯ

Он носит с собой все время три небольших листочка бумаги, чтобы иметь возможность писать с комфортом, как только того пожелает:

*Пометки инквизиции Венеции
относительно писателя Казанова*

Я ненасытен... всегда задаю вопросы, любопытен, требователен, нетерпим.

Казанова, обращаясь к Кребийону

Казанова был весьма оригинальным писателем, и в историческом, и в литературном смысле. Нет ничего, похожего на «Историю моей жизни», и в некоторых отношениях работа уникальна и имеет особенное значение в силу нетривиального опыта, раскованности и откровенности автора. Одним из аспектов, который, в частности, присущ книге Казанова, является новаторский взгляд на еду как пример его всеобъемлющего подхода к истории общества, а также, конечно, простое подтверждение личного интереса писателя к гастрономии. Он любил поесть. Позднее, с годами, друзья с озабоченностью отмечали проявления у него зверского аппетита во все более редких случаях, когда была доступна хорошая еда. Хороший обед был одним из последних чувственных удовольствий, оставшихся у него после того, как его здоровье ухудшилось.

Однако интерес к пище обеспечил Казанове место в истории гастрономии. Мемуары Джакомо — неоценимый источник сведений о том, что ели в Европе в то время, когда о подобных записях мало заботились. Если его описания как гурмана почти всегда и прерывались романтической интригой, тем не менее воспоминания о еде ярко вспыхивали в его памяти. С тихой грустью он радовался, что каким-то образом в замке Дукс сохранился рецепт венецианского, возможно, буранского печенья. Он утверждал, что оно помогает его пищеварению. На самом деле, это печенье было отрадой для старика: «...печенье, которое я долго ел, для укрепления желудка пропитывалось вином и состояло из небольшого количества муки, яичного желтка и большой порции сахара».

Подобно Дон Жуану из либретто да Понте, Казанова едва различает любовь к еде и женщинам. Он использовал язык любви и секса для описания продуктов питания и наоборот. «Для мужчин, — писал он, — плотская любовь как еда, а еда как плотская любовь: это насыщение... И подобно тому, как получают различные удовольствия благодаря различным соусам [ragouts], так обстоит дело и с высшим наслаждением во время любовных утех [la jouissance amoureuse]. Хотя результат может показаться на первый взгляд одинаковым, мужчина знает — каждая женщина является уникальным опытом». Как также любил говорить Казанова, «обоняние играет немалую роль в удовольствиях Венеры». Возможно, именно стремление перепробовать все удовольствия жизни и раскованный рассказ-воспоминание о них в прозе сделали Казанову таким первоклассным писателем по части кулинарии. Он вспоминает в мемуарах, что положил себе в рот в каждой гостинице, столице, на балу или в ридотто, начиная с яичницы, которой его встретили, когда он впервые увидел Рим, и дальше к парижскому мороженому, пиву Лондона, устрицам в Неаполе и импортируемым из венецианской колонии

Корфу засахаренным фруктам. Он никогда не отправлялся в дорогу, не позаботившись о своем желудке, и даже брал с собой в путь в качестве возможной закуски жареных зайцев.

Заметки делались им весьма тщательно, но дневник все-го съеденного, который предшествовал «Истории», был утерян. Вместе с тем, данные описания могли быть доказательствами его сенсорной и чувственной памяти и результатом той скудной на ощущения жизни, с какой он столкнулся в старости. Казанова переживал заново вкусы и запахи своего прошлого. В «Истории моей жизни» в результате встречаются записи более чем о двухстах блюдах, по крайней мере о двадцати различных винах со всех уголков Европы и описания десятков гастрономических эпизодов из прошлого венецианца. Так, сообщается о макаронах в Париже времен Людовика XV, о поленте в Чехии, ньокках в венецианской тюрьме, записаны стоимость сотни устриц в Риме и цены на водку и оршад в Зимнем дворце Екатерины Великой.

В молодости Казанова застал последний великий век венецианской кухни, последний расцвет уникального смешения культурных влияний и оригинальных специй. Казанова посыпал свою пасту — вероятно, походившую на спагетти, хотя он ел и макароны — корицей и сахаром, как делали в эпоху позднего Средневековья, в стиле, который давно забыли даже в более отдаленных и нетронутых островах лагуны и которому не следовали больше нигде в Европе.

Во время своего первого визита во Францию в возрасте двадцати пяти лет он был поражен частично открытой для публики королевской резиденцией в Пале-Рояль не как гастрономическим раем, которым она станет ближе к концу века, а изобилием выбора для взыскательных пьяниц: настойки, наливки, оршад, ячменные напитки, баварское пиво и сладкий чай с яичным желтком, молоком и вишневым ликером. Все это предлагалось ему, как и кофе, «au laif», хотя последний по-

давали только в первой половине дня и никогда — после еды. Его парижский друг Патю повел его в табачную лавку «Цветта», напротив будущего «Кафе де ла регенс». Здесь его мемуары становятся почти современным путеводителем по прелестям парижских кофеен — он даже отмечает плетеные стулья — с дополнительной информацией о том, что его приятель-француз знал наизусть не только названия кафе и блюд в них, но и дам легкого поведения из Пале-Рояль, которые торговали собой в комнатах над заведениями.

В Лондоне Казанову сразу же впечатлили британские продукты, но в меньшей степени — умение поваров справляться с ними. Джакомо считал, что британцы готовят мясо просто потому, что имеют его с избытком, но лондонские трактирщики смотрели на это с другой стороны, как жаловался Казанова, английские блюда похожи на вечность, поскольку в них нет ни «начала, ни конца». Его нёбу, воспитанному во Франции, не хватало супа, который в Лондоне в 1760 году считали парижской прихотью.

В Пэлл-Мэлл Казанова держал французского шеф-повара и часто ел дома сложные блюда. Тем не менее он любил простой хлеб и масло, а также пить чай и лимонад в «Ротонде Ранела». Он указывал, что в притонах Лондона — борделях Сент-Джеймса, которые предшествовали более поздним клубам джентльменов — отличная еда входила в обслуживание. Безусловно, он восхищался итальянской кухней, особенно кухней Неаполя больше, чем любой другой. «Все в ней вкусно; много зелени, молочных продуктов, красного мяса, телятины, и даже мука удивительна — она из Сорренто и придает любому тесту специфический аромат... Мороженое пахнет лимоном, а шоколад, кофе и круги сыра вкуснее, чем можно себе вообразить».

Казанова постоянно связывал в своем творчестве любовные утехы, еду и запахи. «Я всегда находил женщину, в которую

был влюблен, приятно пахнушей... и чем сильнее она потела, тем слаще мне казалась», — пишет он и далее продолжает в том же предложении, что, по его мнению, сыры только тогда достигают совершенства, «когда маленькие существа, населяющие их, становятся видимыми». Он жил в мире, более богатом ароматами — приятными или отвратительными, — чем в наши дни. Наиболее эротические отрывки из «Истории» нашпигованы описаниями продуктов. В истории с обольщением Казановой монахини М. М. более подробно говорится о том, что они едят, нежели об их любовных схватках:

Я обратил ее внимание на пищу, и нашел все превосходным; икру, осетрину, трюфели, устриц и великолепные вина. Я только упрекал повара, что он забыл положить сваренные вкрутую яйца и анчоусы и добавил уксус в салат... Я также сказал, что хотел бы горькие апельсины с ароматом пунша и ром, а не арак.

В ту ночь он знал, что будет заниматься любовью с опытной развратницей. Он положил ее волос из медальона в сладости, которые предполагал есть во время секса, заранее найдя еврея-кондитера, который сделал им особенные засахаренные фрукты с добавлением ликера и смолы. Немногие влюбленные шли на такой довольно смелый рецепт. Потом на глазах у своей любовницы Казанова много выпил и провозгласил, что умрет, если она не поцелует его. Еда была частью мизансцены любого соблазна, и он помнил это.

Что касается афродизиаков, он пишет на удивление обычные вещи. Казанова питал доверие к шоколаду — одному из его любимых напитков — кофе и шампанскому. Также его иногда считают родоначальником утверждения о том, что афродизиаком служат устрицы. Казанова оставил один подробный рецепт блюда для долгого секса, снабдив его предуп-

реждением своей любовнице, что уже пребывает в опасности взорваться от желания, поскольку съел «чашку шоколада и шесть белых свежих яиц с салатом, заправленным маслом лука* и смесью из винного уксуса, пряных трав и чеснока». Как считал Казанова, яичный белок позволит ему мощно эякулировать пять или шесть раз. Чтобы облегчить его дискомфорт и испытать эффективность афродизиака, подруга предложила освободить его от первого «яичного белка» своими умелыми руками. Более известный его совет, из той же любовной истории, гласит, что лучшим соусом для устриц является слюна возлюбленных; Джакомо сам следовал ему в ряде случаев и использовал как элемент сексуальных игр с неопытными женщинами. «Нет более похотливой и сладострастной игры... она комична, но комедии не причиняют вреда». Девушки смеялись, ели, целовались и падали в его объятия. Игра, как он пояснял, заключалась в том, чтобы передавать живых моллюсков из уст в уста, а затем есть их с грудей и других частей тела. Такому в ресторанах не учили.

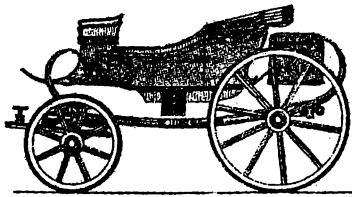
Казанова вспоминал, что М. М. — возможно, наиболее склонная к авантюрам и наиболее одержимая пищей любовница — наслаждалась неким блюдом, которое готовил французский шеф-повар де Берни. Чтобы угодить ей, Джакомо решил научиться готовить его: «Повар, которого звали дю Розье, стал моим другом, а блюдо именовалось франсиад (Franciade)». К сожалению, его рецепта он нам не раскрыл. В аналогичном ключе он делает заметки о предпочтении короля Людовика XV, о его любви к куриному фрикасе — в эпоху, когда французская королевская семья удовлетворяла все свои прихоти в присутствии версальской знати, прислуживавшей за столом. Что такого особенного было в пристрастии короля, Казанова не уточняет.

* Разновидность оливкового масла.

Умел ли Казанова готовить? Он приводит со своей стороны точное свидетельство, заявляя, что предпочитал руководить шеф-поваром, нежели быть им. Он подал омлет Джустиниане, но, скорее всего, поручил готовку хозяину гостиницы или шеф-повару — шевалье не мог быть поваром. Он учил, как сделать английский бланк-пуддинг (вероятно, бланманже или некий вид белого пудинга) — для юной Бетти из Хаммерсмита, рецепт он, должно быть, приобрел в Лондоне в 1763 году. Казанова полагал, что одежда и сервировка стола играют важную роль в обольщении, и вспоминал подробности съеденного как часть любовной прелюдии. Так или иначе, среди своих бумаг он оставил нам семистраничную коллекцию рецептов, которую собрал в путешествиях. В стиле того времени там смешиваются с пищей медицинские предписания, советы путешественнику, астрология и химия — имеются даже советы по чистке картин и рецепт отбеливания зубов. Такие пометки (вроде совета взять в дорогу итальянские приправы и котелок) помогали в пути, и они добавляют в портрет непостоянного любовника, Казановы, неожиданные черты человека, способного себя обслужить.

То, что Джакомо почти не имеет известности как гурман, хотя его мемуары являются одним из самых разносторонних источников, касающихся гастрономических вопросов истории общества восемнадцатого века, имеет особые причины. Обрамляя почти все эротические и романтические встречи и просто общение описаниями пищи, Казанова обнаруживает в себе искушенного сладострастника с потребностью подтверждать свое существование — и собственную память о нем — в царстве вкусов. Его очевидная сексуальная зависимость может в меньшей степени объясняться аппетитом и возможностями, но больше — поврежденной или жаждущей психикой, которая находила успокоение только в сопоставимой с ней чувственности.

AKT V

АКТ V, СЦЕНА I
IL TRAVIATO, ЗАБЛУДШИЙ
1766–1770

В моей жизни есть красивые моменты; счастливые, неожиданные, непредсказуемые и чисто случайные встречи... и, следовательно, это все более драгоценные истории.

Джакомо Казанова

Он поехал из Варшавы в Дрезден, чтобы навестить мать, а затем в Вену и Аугсбург. Там он намеревался добыть себе место у курфюрста Мангейма через знакомого ему по Парижу с 1757 года графа Максимилиана Ламберга, чьи многочисленные письма к Казанове сохранились до наших дней в пражском архиве. Для Казановы становится все менее типичным полагаться на впечатлительных аристократок и каббалу, и все более — на мужчин вроде Ламберга, литературного поклонника и масона. Однако последние годы венецианца в качестве странника прошли в почти оперных традициях, как у *traviato* — потерявшего свой путь человека с пропащей душой.

Он отправился в Кельн, Аахен и Спа, где в сезон 1767 года занимался лечением с августа по сентябрь. К его собственному отчету о визите туда приложены сувениры, которые, как кажется, он сохранил по ностальгическим причинам (до сих пор находятся в пражском архиве): открытки, списки

имен жителей города и пригласительные карточки. В 1760-е годы курорт посещали более двух тысяч человек в год, чаще пивших целебные воды, чем купавшихся в них. Люди играли в азартные игры и общались в удовольствие и в Баден-Бадене, и в Экс-ле-Бэн, и в Карлсбаде и Теплице; доходы от азартных игр частично поступали к князю-епископу Льежа, под чьей юрисдикцией все это находилось. Казанова знал многих игроков и гуляющих, — публику, которая постоянно разъезжала, проводя время в Париже, Дрездене, Риме и Спа.

Бывший знакомый Джакомо, маркиз делла Кроче, тоже был там, но уже не с мадемуазель Кросен, которая однажды сопровождала Казанову на юг до Марселя, а с другой молодой любовницей, Шарлоттой Ламот. Кроче проиграл все свои деньги за игорными столами, как и драгоценности Шарлотты, оставив ее — нищей и беременной — на попечение человека, которого знал как помогающего женщинам в бедственном положении. Казанова отвез девушку рожать ребенка обратно в Париж, Кроче оказался прав, полагая, что Джакомо будет заботиться о несчастной — итальянец был у ее постели, когда она умерла в родах.

После похорон, на которых он присутствовал один, Казанова получил плохие новости из Венеции. Брагадин умер, и хотя Дандоло послал Джакомо по завещанию сенатора тысячу экю, с постоянной финансовой поддержкой было покончено.

Несчастья, как известно, по одному не случаются. Возможно, по инициативе семьи маркизы д'Юрфе, но столь же вероятно — по инициативе кредиторов, Казанова получил *lettre de cachet** за подписью Людовика XV, который означал временно изгнание из Франции, главного дома Казановы на

* Указ об изгнании (*фр.*).

протяжении десятилетия. Ему дали сорок восемь часов, чтобы покинуть Париж.

Герцог де Шуазель, давний партнер в финансовых делах и друг де Берни, организовал Казанове проезд через Пиренеи в Испанию и снабдил его рекомендательными письмами от принцессы Любомирской и маркизы де Карачьоли к различным испанским министрам.

Казанова поехал через Бордо и пересек Пиренеи на мулах. Он располагал достаточными средствами для путешествия с большим количеством книг, которые с сожалением вынужден был оставить на границе, поскольку их конфисковали. Он прибыл в Мадрид через ворота Алькала и снял квартиру на Калле-де-ла-Круз. Почти сразу же Казанова отправился к главе испанского правительства, графу д'Аранду, который законно носил титул, некогда присвоенный венецианцем Джозефу Корнелису. Несмотря на отсутствие у него полномочий, карьеры, денег или происхождения, Казанова тем не менее хотел служить испанскому правительству на самом высоком уровне. По понятным причинам, испанский премьер-министр ему отказал и посоветовал лучше обратиться в венецианское посольство, с тем же самым его отправил восвояси испанский герцог де Лоссада.

Когда Казанова обратился к Гаспару Содерини, секретарю венецианского посла Мочениго, Содерини тоже заявил, что ошеломлен подобной наглостью — разве Джакомо не скрывается от венецианского правосудия? — и рассмеялся ему в лицо. Казанова холодно заметил, что просил быть не представителем венецианской инквизиции, а венецианского государства, с которым у него нет разногласий. Тем временем Дандоло поработает от его имени в Венеции и через несколько недель добудет ему бумагу о том, что Венеция больше не имеет претензий к Казанове, даже если таковые есть у

инквизиции, и что с ним надо обращаться со всяческой любовью, покуда он находится в Испании.

Так началось пребывание в Испании и вхождение Казановы в жизнь мадридского общества, экзотическую из-за смешения в ней эротики и репрессий. Святейшее ведомство, или инквизиция, проникло тут во все аспекты жизни. Здесь процветал театр, но в нем сидели в потайных местах ее шпионы. Здесь были различные оперы и музыка, но актеры и оркестр должны были падать на колени при выкрике «Dios!», сигнализовавшем о прохождении мимо религиозной процессии. А испанские женщины, как вспоминал Казанова, прежде чем отправиться с ним в постель, завешивали вуалью распятия и изображения святых в своих спальнях.

17 января 1768 года, в день Святого Антония, Казанова принял участие в мессе в церкви Соледад на кале Фуенкарраль и потом проводил домой одну девушку, чтобы попросить у ее отца, который оказался сапожником, разрешение пригласить ее на бал. Так полагалось в Мадриде, объяснял Джакомо в «Истории». Девушку звали донна Игнасия, и она стала объектом его внимания, покуда он был в Испании. Он договорился с ее отцом, на каких условиях возьмет ее на содержание. Однако донна была поистине благочестивой католичкой, которая не слишком поняла, по крайней мере на начальном этапе, чего же от нее требовали отец и венецианец. Сначала она согласилась танцевать фанданго, новый танец для Казановы, с предполагаемым любовником и плясала «столь сладострастно», как пишет Казанова, «что не могла бы выразить более полно то же самое в словах». Но долгое время девушка не шла дальше. Она и Казанова чувствовали сильное влечение друг к другу, но их отношения продвигались с трудом и никогда так и не завершились, как мечтал итальянец, надлежащим финалом.

В ожидании королевской милости, после того как Джакомо заручился хорошей дипломатической поддержкой, Казанова неизбежно столкнулся с финансовыми трудностями. Как и всегда, он жил не по средствам, продолжая все более отчаянные попытки произвести впечатление на тех, кто облечен властью, дабы присоединиться к ним. Кроме того, обнаружилось сокрытие им пистолетов, что было нарушением законов Мадрида. Он бежал в дом придворного художника Рафаэля Менгса, друга своего брата, которого встретил в Риме семь лет назад, но 20 февраля 1768 года был арестован.

Казанова провел в тюрьме всего два дня, но вышел потрясенным — нахлынувшими воспоминаниями о заточении в Пьомби и отсутствием какого-либо реально предъявляемого обвинения. Испанское правительство извинилось и выдало финансовую компенсацию, но он заболел — он утверждает, что его лихорадило, хотя это могло быть и очередной атакой сифилитической инфекции, подцепленной в Лондоне или в других местах. Он пропустил пасхальную мессу, будучи слишком больным и валяясь в постели в доме Менгса, и не смог принять приглашение присоединиться ко двору и дипломатическому корпусу в Аранхуэсе, в результате привлек внимание инквизиции по подозрению в атеизме, и Менгс вынужден был просить его покинуть свой дом.

Казанова был в бешенстве — не от инквизиции, но от Менгса. Он встал с постели и пошел в церковь Аранхуэса, публично покаялся в грехах и провозгласил себя католиком. Он никогда не простил художника, но потом, уже в Риме, Менгс объяснил, что сам был под наблюдением испанской инквизиции, которая тогда подозревала в нем тайного протестанта.

Посол Мочениго передал Казанове приглашение нанести визит. Казанова ел в венецианском посольстве и там убе-

дил Пабло Оливадеса в том, что может оказаться человеком, способным помочь испанскому правительству в планах колонизации испанской Сьерра-Морены католиками-швейцарцами и немцами. Завершил беседу Джакомо идеями о проведении в Испании лотереи как части схемы колонизации, но все прожекты ни к чему не привели. Его смелость как предпринимателя возрастала, но давала все меньше и меньше плодов. Он продолжал предлагать секреты шелковой промышленности, хотя его дела в Париже не удались, и венецианцы, как и русские, отвергли его идеи окраски тканей и устройства тутовых плантаций. Джакомо хотел заняться табачной фабрикой в Мадриде и фабрикой мыла — в Варшаве, но не получил поддержки капиталом или иными ресурсами. Казанова стремился удивить, но удивление — лишь один из компонентов успеха в бизнесе.

Параллельно с делами он никогда не бросал литературных друзей и амбиций, что отнимало у него подавляющую часть времени и энергии. В Мадриде он и придворный капельмейстер сотрудничали в работе над новой оперой с итальянским либретто, которое в итоге сочинил Казанова. Однако он оставил Мадрид в облаке сплетен и из-за неосторожности. Казанова проговорился, что юный поставщик мужчин-проститутток для венецианского посла, который называл себя графом Мануцци, на самом деле был сыном шпиона инквизиции, донесшего некогда на Джакомо, — Джованни Мануцци. Так Казанова заслужил вечное порицание почитателей Мануцци за лицемерную и ненужную нескромность — независимо от того, были ли его слова правдой — и в конце 1768 года отправился в Валенсию, а затем и в Барселону.

Здесь он влез в более серьезные проблемы. Натолкнувшись на двух мужчин, которые могли быть наняты, чтобы ограбить или даже убить его, Казанова выхватил шпагу и убил одного из них. Он был заключен в тюрьму на сорок два

дня, а пока он сидел, против него распространялись враждебные письма (они только недавно выплыли на свет) — как представляется, имел место сговор с целью заклеить его как лжеца, мошенника и вора. Во многом, клеветническая кампания была организована Джакомо Пассано, его бывшим сообщником и секретарем в деле с д'Юрфе. Пассано написал Терезе Корнелис в Лондон, маркизу делла Пьетре в Геную, генералу Каталонии графу Рикла в Барселону и Джозефу Бонно, другу Казановы в Лионе, очерняя имя венецианца, а в письме к делла Пьетре — убеждая возбудить иск против Казановы. Душа Пассано жаждала крайних мер, и Казанова понимал, что отчасти сам виноват. Но обвинения в использовании недействительных векселей и не исполнении картонных долгов чести противоречили интересам Казановы, который часто жил на выигранные деньги и дорожил своей репутацией игрока. Маловероятно, чтобы обвинения были справедливы, хотя Казанова имел многолетние картонные долги, он не был настолько глуп, чтобы отказываться от них в узком кругу европейских путешественников.

Пассано питал глубокую неприязнь к Казанове — за то, что тот обманул его в якобы выгодном деле д'Юрфе. В этом он был прав. Казанова сделал много тысяч ливров благодаря недвижимости аристократки, в то время как его сообщники получили лишь жалкие суммы на покрытие расходов. В течение нескольких месяцев Джакомо пытался покинуть Испанию, для чего ему нужен был паспорт от нового венецианского посла, Кверини, и документы со стороны испанских властей, которые должны были выдать разрешение (как когда-то в России), призванное препятствовать иностранцам сбегать из страны со значительными долгами.

Его было признали оправданным как совершившего преступление в целях самообороны — согласно одной из версий, нападавших наняли испанские или барселонские власти, а

не Пассано — и Казанова получил, наконец, документы, необходимые для отъезда.

В бумагах, однако, отсутствовало всякое упоминание о его реальных или предполагаемых титулах, не было даже венецианского «монсеньор». Лишенный корней, гражданства и статуса, он отправился в Перпиньян, Нарбон, Безье и Монпелье — где вновь встретил бывшую возлюбленную мадемуазель Бласин, теперь состоявшую в счастливом браке — и побывал у литературного светила, в доме маркиза д'Аржана в Экс-ан-Провансе, где провел четыре месяца.

В первые месяцы 1769 года Казанова, похоже, испытал второй крупный срыв сродни тому, что случился у него в Лондоне. Он остановился в гостинице на улице Кватре Дофинс, изредка виделся с д'Аржаном, который одалживал ему книги, и наблюдал за приходящими и уходящими священнослужителями из папского конклава: его старый знакомый, папа Климент XIII, умер второго февраля, и на пути к Ватикану в городке проездом было несколько кардиналов. Недомогание Казановы, возможно, было вызвано истощением или очередным проявлением сифилиса, который медленно атаковал его тело — Джакомо упоминает этот период как «большую болезнь», а лечение ртутью — как «великое лечение». Кроме того, как он пишет, с ним могли случиться лихорадка или плеврит, воспаление легких.

Пока он бредил, его время от времени навещала медсестра. Джакомо предполагал, что ее вызвал хозяин гостиницы, но оказалось, что ее прислала Анриетта. Они знали о присутствии друг друга в маленьком городе: «Я постоянно думал об Анриетте, уже зная ее настоящее имя, и всегда ожидал увидеть ее на каком-нибудь городском собрании, где я бы сыграл любую роль, которую она бы захотела».

Между тем он поселился в удобном пансионе в Экс-ан-Провансе. После выздоровления его посетил д'Аржан — быв-

ший директор Академии наук в Берлине и хорошо известный в вотчине Фридриха Великого человек, он консультировал Казанову по поводу академических занятий и писательства.

Казанова решил навестить Анриетту только тогда, когда собрался уезжать из Экс-ан-Прованса в Марсель. Он остановился на дороге Экс-ан-Прованса—Марсель и нашел путь в замок, где в 1763 году останавливался после разрыва с Марколиной. Он постучал в дверь, и ему открыла женщина, которая ухаживала за ним — она оказалась экономкой Анриетты. Экономка сказала, что ее хозяйка, по случайному совпадению, находится в Экс-ан-Провансе в собственном особняке, где легко могла бы встретиться с ним, если того пожелает. Из гордости, либо осмотрительности, венецианец решил не преследовать ее. Казанова написал ей, оставив письмо у экономки вместе с адресом в Марселе, на который можно было ответить. Когда Анриетта в свою очередь напишет ему, выяснится, что, по-видимому, в Экс-ан-Провансе они находились в одной и той же компании, но Казанова — через двадцать лет после их последнего свидания — не узнал ее.

Ничего, мой дорогой друг, не добавилось бы к прежнему роману, если бы мы встретились шесть лет назад у меня в доме или нынче через двадцать два года после того, как расстались в Женеве. Мы оба постарели. Вы верите, что, хотя я все еще люблю Вас, я очень рада, что Вы не узнали меня? Не то чтобы я стала уродливой, но набранный вес изменил мое лицо, я знаю это. Я вдова и счастлива, и богата достаточно, чтобы предложить Вам помощь, когда Вам нужно. Не возвращайтесь в Экс, поскольку Ваше возвращение может привести к сплетням... Если Вы захотите писать мне, я постараюсь регулярно отвечать Вам. Теперь я могу Вам это обещать, потому что Вы дали мне са-

мые надежные доказательства Вашей осторожности...
Прощайте.

Как утверждал Казанова, в течение нескольких десятилетий они обменивались письмами, которые тем не менее в пражском архиве отсутствуют. Может быть, он поступал так, как всегда делал в случае с Анриеттой — защищая ее имя и репутацию, уничтожил ее письма перед смертью. По крайней мере с Анриеттой Казанова был, как она говорила, «человеком самой высшей чести». А, может быть, эти письма никогда и не существовали.

* * *

Примерно в то же время, после четырнадцати лет жизни в изгнании, Казанова все чаще стал думать о возвращении в Венецию. Согласно документам инквизиции, он регулярно испрашивал официальное разрешение на въезд, по меньшей мере начиная с конца 1750-х годов. Его промышленный шпионаж власти не впечатлил, поэтому Джакомо предпочел объединить свои литературные и политические амбиции и обратить их в письменную полемику. Он уже работал над современной политической историей Польши и переводом «Илиады», но забросил их ради трактата о венецианском правительстве в ответ на сатиру Амелота де ла Уссея «История правительства Венеции» (1676). Как представляется, это дело занимало Казанову еще со времен его тюремного заключения в Испании, и он обсуждал его с д'Аржаном в Эксе и в переписке со своим регулярным корреспондентом Гарибой де ла Перузом, который заранее пожелал подписаться на пятьдесят экземпляров будущей книги. Казанова искал и других подписчиков — и нашел некоторых из них в доме сэра Уильяма Линча, британского консула в Турине; когда при-

был в город осенью 1769 года, проехав Антиб, Ниццу и Пьемонт. В итоге Казанова и его спонсоры издали книгу в Лугано, «где была хорошая печать и не было цензуры».

Мемуары показывают, что перспектива публикации приободрила Казанову. Это была амбициозная работа, и он проявлял интерес ко всему, от бумаги и до шрифта. В конце концов, он впервые передал в печать три написанных тома. «Моей целью при печатании данной работы, — категорично заявлял он, — было заработать помилование от венецианских государственных инквизиторов. После поездок из одного конца Европы в другой я был настолько поглощен желанием вернуться в родную страну, что мне казалось, будто я больше не могу жить в каком-либо другом месте». Шаг за шагом Джакомо доказывал пользу венецианского способа управления, тогда когда Амелот описывал его как средневековый и обскурантистский. Казанова направил копию в Венецию в декабре 1769 года с синьором Берлендисом, венецианским министром в Турине. Венецианский политический истеблишмент никак не отреагировал.

Казанова был вынужден искать срочное финансовое подкрепление. От британского консула Линча он получил рекомендательное письмо к сэру Джону Дику, британскому консулу в Ливорно, и отправился к нему в январе 1770 года, надеясь получить место у графа Алексея Орлова. Орлов, друг Казановы из Санкт-Петербурга и брат бывшего любовника Екатерины Великой князя Орлова, пребывал в Ливорно, готовя там русский флот к нападению на Османскую империю на Черном море. Орлов вспомнил образованного венецианца, встреченного в Летнем саду в Петербурге. Он предложил взять Казанову с флотом на восток, без оплаты — как писателя и наблюдателя. Казанова отказался от приглашения. Он больше не мог позволить себе приключение ради забавы. И он по-прежнему не имел вестей из Венеции.

Джакомо отправился во Флоренцию, где о его присутствии написали в «Газетта». Он потребовал от редактора опровержения сообщения, будто Казанова венецианский дворянин — еще одно доказательство того, что истово хотел получить милость от дожа: «Мы писали в последнем номере “Газетта”, что синьор Джакомо Казанова — венецианский дворянин. Мы должны сказать, что упомянутое нами лицо явилось, чтобы сказать нам, что он венецианец, но не знатный, и заявить, что он никогда не приписывал себе подобное звание».

Он отправился в путь через Пизу, Парму, Болонью, Сиену, как казалось, в Рим. В Сиене Джакомо пробыл несколько недель, где, в силу все более сильной привычки, разыскал местные городские библиотеки и архивы, а также некоторое время проработал с аббатом Киакери, библиотекарем университета Сиены. Он проводил время и обменивался книгами с анатомом Табаррини, общался с ученой маркизой Киджи и с графом Пикколомини, известным тем, что он не говорил по шесть месяцев в год, чтобы освободить свой ум для писательства. Кроме того, его развлекали две сестры, знаменитые своей способностью импровизировать с классическими стихами. В женщинах его все сильнее привлекал интеллект — гораздо больше, чем какие-либо их физические атрибуты, — хотя в то же самое время он с сожалением отмечал, что долгое время прожил без любовницы.

Анриетта была не единственным человеком, заметившим, что Казанова, теперь примерно сорока пяти лет от роду, постарел. Граф де ла Перуза в Турине и шевалье Райберти тоже сказали ему об этом, как и мадемуазель Кросен в Марселе. Он был тщеславный человек и в свое время — шеголь, и ему было больно такое услышать. Его кожа, смуглая в духе моды того времени, становится морщинистой, он уже не так силен — в сексуальном и ином плане, — как в предыдущие

годы, и угасание либидо, которое было его единственным неизменным утешением в суровые времена, с течением лет становится для него основной психологической травмой.

По дороге в Рим в начале лета 1770 года с ним случился один эпизод. Как пишет Казанова, путешествие в небольшом транспортном средстве по дорогам Европы всегда было легким способом найти всевозможные приключения. Его попутчицей оказалась молодая англичанка. По случайному совпадению, она была из школы Хаммерсмит, где училась дочь Казановы, Софи Корнелис. Так он узнал новости о дочке, хотя опустил объяснение, почему ему это было важно. Бетти, английская девушка, не являлась женой человека, с которым ехала, как скоро догадался Казанова, начав ухаживать за ней по дороге в Рим. Их объединяла Софи, с которой Бетти сдружилась в школе. Казанова сознался только в дальнем родстве с Софи, говоря, что поразительное сходство между ними — случайность. В пользу Казановы сыграло и скверное поведение попутчика Бетти, которого посылали вперед позаботиться о питании и проживании, но тот чаще устраивал дебоши и драки с гостиничной службой. Когда Бетти призналась, что он также проявлял насильственные действия в ее адрес, Казанова был покорен — но ему еще было необходимо ее убедить в том, что прежний спутник ей больше не годится. Казанова сделал это, предложив мужчине пари, что тот никогда не позволит итальянцу переспать с Бетти. Мужчина принял условия, а затем попытался убедить девушку лечь спать с Казановой. Бетти была оскорблена и осталась в комнате венецианца из-за оскорбленной гордости. Негодяй же утром сбежал с ценным портфелем Казановы с документами и векселями.

Позже Джакомо заполучил девушку, но связь, какой бы удовлетворительной она ни была, преподавала ему новые уроки искусства дорожного любовного приключения. Он с со-

жалением согласился играть на публике роль отца Бетти — из-за боязни, что другие люди могут посчитать его ее сутенером. Он не указывал прямо на явный разрыв поколений и ее связь со своей дочерью, но Бетти описывала Казанова своего бывшего защитника в Ливорно как «пожилого — вроде вас», что итальянец вспоминал с содроганием. Он отметил также, что ночь, проведенная в одной постели, была напоминанием ему о его исключительной страсти не к сексу как таковому — у него были короткие встречи в начале года, — но к отношениям. Еще в Испании помимо либидо его влекли к женщине сердце и ум.

Казанова вернул свой драгоценный портфель, а Бетти воссоединилась со своим английским баронетом, сэром Миллером, который простил ей одну измену и остался в неведении по поводу второй (с Казановой), и они всей компанией отправились в Рим. У Миллера и Казановы оказался общий друг — лорд Балтимор, которого итальянец не видел со времени отъезда из Лондона в 1763 году. Балтимор находился в Риме и собирался оттуда ехать в Неаполь, когда Миллер, Бетти и Казанова прибыли в город. Казанова, будучи всегда отзывчивым на приглашение и всегда охотно ездивший в Неаполь, согласился поехать с тремя британцами на юг, хотя его связь с Бетти закончилась и, что необычно, он был не в состоянии руководить разговором, несмотря на год пребывания в Лондоне. Джакомо никогда не утруждал себя изучением английского языка.

АКТ V, СЦЕНА II

ПАПСКИЙ РЫЦАРЬ И ЛЮБИТЕЛЬ УСТРИЦ

1770–1774

Я сказал, что с большим сожалением должен подавлять в себе желания, в действительности я их культивирую... Эмилия ответила, что все столь вкусные вещи должны быть греховны, поскольку слишком вкусны... И наш Папа не запрещает подобное?

Казанова об устрицах (1770)

Неаполитанское общество всегда было к Казанове милостивым, в особенности — летом 1770 года. Половина гостей каждого салона, куда он приходил, уже сталкивалась с ним где-либо в Европе. Аббат де Гама знал его по Турину, здесь же была и Агата — бывшая любовница лорда Хью Перси, а ныне — жена неаполитанского адвоката. Здесь был и Анджиги Годар, лондонский знакомый, который позже представил лорда Балтимора куртизанке Шарпийон. Лорд Балтимор, как в свое время и Джон Уилкс, получил от Шарпийон то, чего не удалось добиться Казанове.

Годар был женат на Саре, ирландке, с которой познакомился в лондонском баре, теперь она старалась представить себя как музыкальное дарование. В этом у нее и Казановы было нечто общее, и они стали друзьями. Джакомо немного поиграл в карты с Годаром, оплатившим и проигрыш собственной жены. Вероятно, выиграл Джакомо — он смог за-

платить двадцать неаполитанских дукатов (восемьдесят французских франков) за аренду жилья для студентки-певицы по имени Агата Каррара (известной как Каллимена) и ее тети. Такой поступок был вполне в его духе.

Тем временем через многочисленных друзей по Лондону, перебравшихся потом в Неаполь, Джакомо стал частью британского сообщества экспатриантов. Он часто обедал за элегантным столом с сэром Уильямом Гамильтоном — еще не женившимся на более известной Эмме, — к которому на вечера приходили знакомые Казановы из прошлого, среди них Элизабет Чадлей, бывшая леди Херви, а теперь герцогиня Кингстон. Микеле Имперiali, князь Монтены и Фанкавиллы, пригласил их в имение неаполитанского короля у подножья Везувия. Князь по-королевски развлекал их, в том числе купанием вместе с лебедями. Герцогиню Кингстон, как утверждалось, затея напугала. Чтобы не отстать, Казанова вместе с другими плавал в бассейне, когда внезапно почувствовал дурноту. «Это чуть не убило меня», — позже написал он.

Остатки благосостояния Казановы — или денег маркизы д'Юрфе — испарились в округе Неаполя в 1770 году, и были истрачены в основном на Агату Каррару и ее семью. В отличие от многих предыдущих танцовщиц и певиц Казановы, она, кажется, была настоящим талантом, который он стремился всемерно развивать, хотя ей это стоило собственной девственности, а ему — урегулирования долгов всей ее семьи. Это был классический договор эпохи между женщиной-исполнительницей и спонсором-аристократом. За исключением того, что Казанова не был ни богатым, ни аристократом. Драгоценности, которые он когда-то отдал другой Агате (бывшей одно время — любовницей лорда Хью Перси, а ныне — синьорой Орчиволо), снова вернулись к нему. Она и ее муж догадались о его безденежье, и она, похоже, пыталась создать у итальянца впечатление, будто он был ее крестным отцом. С помощью

этих драгоценных камней, которые оценивалось в сумму свыше 15 000 ливров, Казанова намеревался ехать на север в Рим. Но до отъезда он отправился к прежней своей любимой Анне Марии и их общей дочери Леонильде.

С тех пор как он последний раз видел их и написал пьесу для Леонильды, еще не зная, что она его дочь, Леонильда обрела финансовое благополучие. Она вышла замуж за маркиза и вместе с матерью с комфортом жила в большом доме, напомнившим Казанове сады Фраскати, где была зачата Леонильда. Когда Анна Мария обнаружила, что Джакомо находился в Неаполе, она пригласила его посетить ее и их дочь с мужем.

Уже второй раз за свою недолгую жизнь — ей было еще только двадцать лет — Леонильда оказалась с человеком, который был могущественным, но импотентом. Старый маркиз де К., как Казанова вынужден его называть (Анна Мария, Леонильда и сын Леонильды, другой маркиз де К. были живы, когда он писал мемуары в конце 1780-х годов), страдал от подагры. Он не мог стоять, когда его молодая жена познакомила его с шевалье де Сенгальтом. Леонильда, как заметил Казанова, выросла на несколько дюймов, но не утратила своей девичьей порывистости — она побежала прямо в объятия отца. Маркиз поцеловал его в губы, что удивило Джакомо только отчасти, поскольку, как он пишет, традиции масонства редко, но встречались среди дворянства старого поколения в этой части Италии.

Казанова и Анна Мария засвидетельствовали друг другу свою дружбу и обсудили дела своей дочери. Хотя Леонильда удачно вышла замуж и Анна Мария получала выгоду от ее брака, мать беспокоилась, что ее дочь несчастна: девушка хотела иметь и ребенка, и любовника. Старый маркиз был нервным и негодным в постели, но он бы, возможно, смог поверить, что будущий ребенок от него. Анна Мария и Каза-

нова наверняка помнили молодую женщину во Фраскати, побывавшую в аналогичных обстоятельствах.

Мать, дочь и Казанова вышли в сад. Стоял жаркий день, но в саду имелись тенистые беседки, и холодная весна охлаждала дом. Во многом место действительно походило на сады Фраскати. Как представляется, вся троица была замешана в том, что случилось дальше.

Мы спустились в грот, где, как только остались одни, стали с наслаждением называть друг друга «отец» и «дочка», что давало нам право на удовольствие, которое, хотя и было несовершенным, тем не менее было греховным... [Анна Мария] предупредила нас о необходимости сдерживаться, дабы не завершить наше взаимное преступление, но, сказав так, ушла в другую часть сада... Однако ее слова после ее ухода возымели обратный эффект. Будучи преисполнены решимости не допускать нашего так называемого преступления, мы сблизились настолько, что невольное движение заставило нас завершить полностью... Мы оставались неподвижными, глядя друг на друга и не меняя своих позиций, оба были серьезны и молчаливы, погружены в размышления, изумлены — как мы рассказывали друг другу потом, — потому что не чувствовали себя виновными и не мучились угрызениями совести.

Это один из самых удивительных эпизодов мемуаров и практически уникальное признание в кровосмешении. Приводится конкретный контекстуальный фон: Леонильде нужен был ребенок, Анна Мария была заинтересована найти ей самого молчаливого любовника, и тогда практиковались в значительной мере отличные от современных ценности — в определенных церковных кругах серьезной озабоченности инцестами не было, а в семейной жизни не хватало приватности. Но факт инцеста оставался. В печальной нисходя-

шей траектории второй половины жизни Казановы его роман с Леонильдой выделяется как короткий миг эротического счастья, окрашенного, возможно, желанием вернуть свою молодость с Анной Марией, а также и изучить все границы интимного опыта.

То, что начиналось как шок, вскоре обратилось в фарс. Казанова, возродив свою сексуальную уверенность самым неортодоксальным образом, затеял серьезный роман с горничной Анны Марии, Анастасией. Это была неудачная идея. Каждый человек, в том числе старый маркиз, высмеивал пару, особенно после того, как Анастасия призналась Леонильде в домогательствах к ней их «гостя в летах». «Аппетит, — как замечал Казанова, ублажая по ночам Анастасию, — приходит во время еды». С Леонильдой он, по его словам, встретился в саду «еще только два или три раза». Он словно вернулся к себе прежнему, и все недолгое время они жили счастливо. Естественно, так не могло продолжаться вечно. Старый маркиз знал, что средства Казановы значительно истощены, что он был отцом Леонильды, а также и о переданном им несколько лет назад через Анну Марию приданом для дочери. Маркиз вернул его Казанове обратно, все пять тысяч дукатов, и Казанова взял деньги. Это было его платой за отъезд.

Он отправился обратно в Рим через Монте-Кассино в сентябре 1770 года. У него были деньги и легко на душе, несмотря на то, что он оставил двух любимых им женщин.

Несколько недель спустя Леонильда обнаружила, что беременна.

* * *

Поселившись в Риме в доме у Пьяцца ди Спанья, где он жил в 1745 году и останавливался в 1760 году, «в красивой квартире с видом на испанское посольство», Казанова вскоре принялся завоевывать местное общество. Он снова был в

форме и необычным образом совратил дочь хозяйки жилья, Маргариту Полети, купив ей искусственный глаз у британца-окулиста, Джона Тейлора, служившего Георгу III. В ночных беседах в спальне Казановы девица призналась, что потеряла свою девственность с жившим рядом молодым портным в присутствии другой девушки-подростка. Это была знакомая история для Казановы, чей первый сексуальный опыт произошел при сходных обстоятельствах. Джакомо устроил встречу с Маргаритой, ее подругой Вирджинией Буонаккорси и их соблазнителем, Маркуцио. Ему доставляла удовольствие интрига, и все чаще ему нравилось смотреть. Достигнув сорока пяти лет, Казанова впутался в беспорядочную связь вчетвером, которую находил интересной во многом из-за молодого Маркуцио и, вполне возможно, своих воспоминаний о К. К., М. М., Нанетте и Марте. «Любя обеих [девушек] и чувствуя величайшую тягу к молодости, я часто с удовольствием смотрел, как он исполняет любовные подвиги». Но глаза венецианца оставались глазами знатока и, вероятно, извращенца. Ему нужна была дополнительная стимуляция для возвращения того, что когда-то давалось слишком легко. «Я был очень рад заметить, что вместо того, чтобы завидовать наслаждению Маркуцио и его способностям, я обнаружил, что он был так щедро одарен природой, что, когда я увидел его орудие, то почувствовал благотворное влияние на место, наконец разделившее радости по мере роста наслаждения от вида юноши более красивого, чем Антиной, и исцелившего меня».

Примерно в это же время в жизнь Казановы вернулся де Берни. Хотя они не контактировали с конца 1750-х годов, общее пребывание в Риме позволило им сейчас возобновить дружбу и соучастие в плохом поведении, начавшееся с Венеции и М. М. Кардинал де Берни был теперь в Церкви ведущей фигурой, но открыто имел любовницу, известную в городе светскую львицу, принцессу Санта-Кроче.

Описание, которое Казанова дает римскому высшему обществу того периода, совпадает с рассказами других путешественников. Подруга Санта-Кроче, принцесса Боргезе Агнес Колонна стала туристической достопримечательностью в сказочном дворце: британский консул в Турине, друг Казановы, посылал к ней молодых британских аристократов «поднабраться опыта», а лорд Честерфилд говаривал, что «ничто не обтесывает юношей сильнее, чем побывать между ногами синьоры Колонна». Казанова запросил у де Берни помощи в получении разрешения на время отпустить из монастыря двух молодых послушниц. Джакомо познакомился с ними через Маркуцио, который, хотя и спал с дочерью хозяйки квартиры Казановы и ее подругой, был влюблен в другую. Его возлюбленную звали Эмилия, и ее отправили в Институту ди Санта Катерина де Фунари вблизи Порты Сан-Паоло. Там же находилась и сестра Эмилии по имени Армелина. В монастыре Казанова увидел Армелину и воспыал к ней чувствами, решив в перспективе помочь юным сестрам обойти правила монастыря. Де Берни дал добро; все пошло как в старые времена.

Рассказы венецианца о Риме в 1770 году рисуют примеры масштабной коррупции в Церкви, иезуитской политики и сексуальной круговерти, которая всегда казалась самой разнузданной Казанове именно в этом городе. Позже Казанова оказался втянут в политический спор с церковными властями касательно послабления правил посещения монастыря — чтобы девушки могли знакомиться с будущими мужьями, а не выбирать между платком монахини и проституцией. Он потратил много времени на это — и много денег, чего не мог себе позволить — и на своих новых молодых друзей. Он часто брал их в театр и выучил своей венецианской игре с устрицами, которых любовники передавали из уст в уста. На описание этой сцены у пожилого Казановы ушло

несколько страниц. Он тоже был счастлив, вместе с Маркуцио, когда девушки попросили показать им различия между мужскими и женскими половыми органами; счастлив своими занятиями и счастлив рассказывать обо всем благодарной аудитории в лице кардинала де Берни и его королевской любовницы. Таким был тогда Рим для Казановы: кофейни улицы Кондотти, устрицы в тавернах у Испанской лестницы и постели девушек, достаточно молодых, чтобы годиться ему в дочери.

Он был представлен еще двум юным девушкам, своим родственницам. Одна была дочкой его брата Джованни, зачатая им в то время, когда он в Риме учился рисовать у Менгса. Джованни не женился на ее матери и теперь обитал в Дрездене. Другая девушка звалась Джакоминой и являлась собственной дочерью Джакомо от Мариуции, с которой он имел связь в 1761 году.

Мариуция вышла замуж за изготовителя париков, чему после окончания их недолгого романа поспособствовал Казанова, но ее первый ребенок, Джакомина, был, несомненно, от венецианца. Девочке было уже почти десять лет, и она знала свою двоюродную сестру, потому что бывшая любовница Джованни теперь учила ее музыке. Мариуция захотела осуществить нетрадиционное воссоединение семьи и привела Казанову познакомиться с девочками. Они вместе спали в постели, и Мариуция показала гостю их обнаженные тела, а затем мастурбировала перед ним в сцене одновременно тревожной и опасно-пророческой. Чем старше он становился, честно признавался Казанова, тем более его влекло к молодым девушкам. Но на этот раз у него хватило разума или приличия, чтобы воздержаться от контактов с Джакоминой, хотя со своей племянницей он был не столь осмотрительным.

Он продолжал контакты с семьями обеих юных девушек. Он взял их в Рим и купил серию лотерейных билетов, угадав

некоторые выигрышные номера — редкий поздний пример в мемуарах, свидетельствующий о том, что он сохранил интерес к каббале.

Казанова выиграл огромную сумму — примерно шесть тысяч фунтов для мужа Мариуции, около трех тысяч фунтов для теток племянницы и около двадцати тысяч фунтов для себя.

Мало-помалу он убедил себя, что они с племянницей влюблены друг в друга. С одной стороны, она находилась в возрасте, который часто привлекал его, и он видел содействие их растущей привязанности со стороны ее матери. Джакомо хотел написать к Джованни в Дрезден, чтобы поздравить его с дочерью, что свидетельствует об отсутствии тогда запрета на романтические отношения между дядями и племянницами. С другой стороны, шокирует откровенно сексуальный интерес к Казанове со стороны его маленькой дочери. В физическом смысле ничего не случилось, и ее матери было известно все, что происходит, но Казанова несколько раз занимался любовью с племянницей, когда с ними в постели лежала Джакомина, проявлявшая живой интерес к процессу. Ее отец сказал ей, что она может смотреть и спрашивать, но не трогать.

Казанова провел в Риме десять месяцев, в период с сентября 1770 года по июль 1771 года. Это время совпало с падением в Европе иезуитского ордена. Папа Климент XIV был избран при поддержке французов и испанцев на условиях, что будет действовать против богатого и могущественного ордена. Папская булла, распустившая орден иезуитов, еще не была подписана, однако Казанова знал о грядущей буре и, как папский рыцарь Золотой Шпоры, должен был иметь мнение на сей счет. Де Берни принимал непосредственное участие в делах антииезуитского лагеря, но тем не менее смог достать Казанове аккредитацию для работы в иезуитской

библиотеке в Риме, где тот продолжил свой перевод «Илиады». Джакомо проводил дни в библиотеке, будучи папским рыцарем среди иезуитов, а ночи занимал беглянками из монастыря и своей племянницей. Римская литературная Аркадианская академия гарантировала ему почести, и его рассуждение о Горации «Scribendi recte sapere est principium et fons»* встретили, согласно сохранившемуся свидетельству, «бурными аплодисментами».

Тем не менее он снова начинает чувствовать фрустрацию. В течение некоторого времени он гостит в палаццо Санта-Кроче с принцессой и кардиналом, веселится со слишком молодыми для него девочками, но, в конце концов, проводит все больше и больше времени с Маргаритой, дочкой хозяйки квартиры. «Только она одна и заставляла меня смеяться». И Джакомо думает о будущем. В планах было провести шесть месяцев в Риме в «тихом спокойствии», писать, не выделяться и казаться уважаемым. Это не вполне удалось. «Я размышлял о том, — писал он, — что состарился. Сорок шесть лет казались глубокой старостью... Я серьезно думал о себе и пришел к выводу, что должен искать достойной пенсии».

Он покинул Рим тихо. С частью выигранных денег, драгоценностями и экипажем, который можно было продать, он направился во Флоренцию, чтобы жить там и спокойно писать в надежде на возможное помилование и возвращение в Венецию. Когда он приехал в Триест, по-видимому, об этом проинформировали венецианскую инквизицию, внимательно следившую за ним: «Он человек высокого роста, приятной наружности, энергичный, очень смуглый и с живыми глазами. Он носит короткий парик каштанового цвета. Из того, что мне сказали, у него смелый и надменный характер;

* «Быть мудрым — вот начало и источник того, чтобы правильно писать» (лат.).

но в особенности его отличают умение изъясняться, остроумие и знания».

Он целиком погрузился в писательство. Казанова закончил труд по истории Польши, составленный на основе собственного исследования, проведенного в 1765—1766 годах. «История смуты в Польше» написана на итальянском, а не на французском, как он предпочитал, и явно предназначалась для хождения в Венеции; опубликовали ее в конце концов в Гориции в 1774 году. Он также пишет театральную комедию, «Сила настоящей дружбы», которую поставили в Триесте в июле 1773 года. Он пишет стихи, либретто, кантаты и сотни писем, подбирая слова все более истово, тщательно и с еще большей надеждой на успех, который позволил бы ему вернуться домой.

В сентябре 1774 года пришло письмо с венецианским львом на печати. Почти девятнадцать лет спустя после побега из Пьямби он получил прощение и разрешение вернуться в Венецию.

Хотя Джакомо страстно хотел верить, что это позднее помилование было результатом его литературных усилий и достижений, ему помогли добиться желаемого другие навыки. В течение многих месяцев своего пребывания в Триесте Казанова находился на службе венецианских властей, занимаясь подпольными дипломатическими миссиями. Заключение в тюрьму и изгнанный венецианской инквизицией за преступления, обвинения в которых ему так никогда и не предъявили, он нашел свой способ вернуть милость инквизиторов. Он был прагматик. «Мне не доставляла неудовольствия работа на тот же трибунал [инквизицию], который лишил меня моей свободы и власти которого я бросил вызов. Мне казалось это триумфом, и я чувствовал гордость быть полезным ему любым образом, каковой не нарушал законы природы или законы человеческие».

АКТ V, СЦЕНА III
И СНОВА ВЕНЕЦИЯ
1774–1782

Казанова? Что вы хотите узнать? Он пьет, ест,
смеется и рассказывает невероятные истории.

Портрет Казановы, принц Белосельский

«История моей жизни» заканчивается в 1774 году, когда Казанове было сорок девять лет. На последней странице, в незаконченном предложении, Казанова повествует о мало-значительном романе в Триесте с актрисой. Это выглядит так, как если бы он был прерван на полуслове, возможно даже смертью — как иногда утверждают. Неясно, действительно ли он собирался продолжать писать после возвращения в Венецию в 1774 году, со временем, как он говорил, его жизнь становилась все более горестной, а не развлекательной, чтобы ее пересказывать, и, как драматургу, ему может быть, нравилась идея о симметрии композиции, заканчивающейся возвращением в город-порт. Реальная жизнь была менее гармоничной.

Вернувшись в Венецию 14 сентября 1774 года, Джакомо встретил теплый прием. Это был, как Казанова писал своему другу, «самый счастливый день в моей жизни». Дандоло был еще жив, Казанова увидел Марколину, Анджелиу Тозелло, мадам Манцони, Кристину и ее мужа, чей брак он помог организовать несколько десятилетий назад. Они одолжили

ему деньги. Он встретился с Катариной Капретта, с которой бегал нагишом в садах Джудекки, ставшей теперь уважаемой дамой. Его дружба с Андреа Меммо в целом по-прежнему продолжалась, хотя в настоящее время Меммо стал влиятельным патрицием, и у Джакомо создалось впечатление, будто аристократ несколько смущается его; Джустиниана Уинн осталась в далеком прошлом.

Бывший посол, а сейчас — прокурор, Лоренцо Морозини и сенатор Пьетро Дзагури много лет упорно просили за Казанову и недавно были вновь назначены в Совет десяти, так что у Джакомо до сих пор оставались друзья в высших эшелонах власти, но в основном они были из тех венецианцев, кто ориентировался на остальной мир в Европе, которому изгнание Казановы казалось лишь очередным примером византийской отсталости Венеции.

Казанова нашел, что город сильно изменился. Инквизиция по-прежнему властвовала, но среди среднего класса возросло недовольство. Что более важно, здесь имелась живая, политизированная и конкурентная издательская культура, от чего Казанова смог извлечь выгоду и, конечно, — пострадать.

Он поселился в небольшом доме, на Калле-де-ла-Балоте около Сан-Марко и сел писать свой будущий шедевр: современный перевод «Илиады». Первый том будет опубликован в 1775 году, следующий — в 1776 году, а третий — в 1778 году, но затем публикации прекратились из-за отсутствия подписчиков. Достойная классическая литература была в Венеции больше не в моде — все 339 подписчиков были из числа его зарубежных приятелей, а не местными жителями, которые могли бы поддержать тот дух, который он хотел предложить городу.

В 1776 году он стал работать, опять тайно, на инквизицию в качестве гражданского осведомителя. Это было совсем дру-

гим делом, нежели шпионаж за границей: он следил за устроителями азартных игр, по иронии судьбы делая почти то же самое, что и Мануцци двадцать лет назад. Отчеты Казановы, написанные под именем Антонио Пратолини, существуют и по сей день. Инквизиция платила ему ежемесячную зарплату в пятнадцать дукатов за позорный труд шпионить за своими согражданами, когда те занимались собственными делами. Но это давало ему регулярный доход, плюс небольшую сумму ему до сих пор выделял Дандоло. Джакомо стремился увеличить поступления и потому приобщился к миру венецианских журналистов. В январе 1780 года он начал выпускать ежемесячный литературный обзор («Opuscoli Miscellanei»), содержащий целый ряд статей, которые были написаны им самим. Выпуски продолжались всего лишь несколько месяцев. Затем он вернулся к семейному бизнесу — как импресарио театра, в котором имел некоторый успех в прошлом. Он работал с театром «Сант-Анджело» и дешевой труппой французских актеров вместе с более дорогими звездами. Казанова также основал еженедельный журнал драматической критики, чтобы публиковать в нем мнения о своем театре. Журнал называли «Вестник» («Le Messenger»), но он тоже просуществовал недолго.

По стандартам Казановы, его жизнь текла размеренно и плавно. Летом 1779 года он встретил швею Франческу Бучини и стал жить с ней в гражданском браке вместе с ее матерью и братом в маленьком доме с видом на Барберлио делла Толле, который стоит и по сию пору и смотрит на школу Вивальди. Мы мало знаем об их совместной жизни, кроме того, что она писала ему в течение семи лет после того, как он оставил ее, нежные, наполненные сплетнями, заинтересованные письма. Она, должно быть, любила и понимала его и чувствовала, что может предложить ему теплый домашний очаг, которого у него никогда по-настоящему не было и ко-

торый, как она думала, был ему нужен. Они жили как respectable венецианская пара в течение нескольких лет.

Казанова завел несколько новых друзей, среди них — писателя, с которым у них было много общего. Лоренцо да Понте, еврей, обратившийся в христианство, был секретарем сенатора Дзагури, который выступал за возвращение Казановы в Венецию, и теперь они часто встречались друг с другом в сенаторском палаццо и в оживленных театрах города. Да Понте часто спорил с Казановой за чашкой кофе или стаканчиком мальвазии. «Мы могли встретиться иногда у Дзагури и иногда у Меммо, — вспоминал да Понте, — оба они любили то, что было в Казанове хорошего, и прощали плохое в нем и научили меня делать то же самое. И даже сейчас я не знаю, на какой стороне баланс». В некотором смысле, Казанова вышел на «пенсию», как хотел, со старыми и новыми друзьями-единомышленниками обсуждал книги, театр, жизнь и любовь. Но литературная слава, не говоря уже о финансовой стабильности, все еще ускользала от него.

По меркам восемнадцатого века он считался достаточно старым, и теперь его жизнь отмечали известия о смертях близких. Его мать умерла в Дрездене в 1780 году, ей было шестьдесят восемь, и в том же году скончалась Манон Балетти, но только в возрасте тридцати шести лет. Десятки любовных писем последней отправятся вместе с Джакомо, когда он покинет Венецию через несколько лет — может быть, она была права, полагая, что может оставаться в сердце Казановы только не давая ему ничего большего. И Беттина Гоцци, которая первая научила его сладострастию, если уж не любви, тоже умерла на его руках.

Казанова становится сварливым. С одной стороны, он чувствовал, что Венеция и весь мир французской литературы должны его признать, хотя большая часть написанного

по-прежнему оставалась неопубликованной. Однако в антагонистической журналистской культуре Венеции конца восемнадцатого века он начал обращать свой талант в желчные комментарии. Ежедневно в городе продавали агрессивные полемические брошюры, и споры неизменно вращались вокруг конкретных фракций, как правило, возглавляемых патрицием либо известным местным писателем. Казанова добровольно втянулся в подобную полемику. Находясь на водах в Абано вблизи Падуи летом 1779 года, он начал работать над трудом, призванным шокировать. «Материалами к жизнеописанию г-на де Вольтера», опубликованном в Венеции в 1779 году. Казанова, вместе с другими писателями, ненадолго прославился выпадом в адрес гения, как и стремился. Возможно, его репутация как «человека незначительного», космополитичного бродяги и игрока, мешала венецианцам относиться к нему так серьезно, как он того хотел и заслуживал, а может, против него выступал тот неоспоримый факт, что он являлся сыном комедийной актрисы. Разочарование из-за исключения из общества легло тяжелым бременем на него, поскольку он никогда не мог примириться со своим прошлым, репутацией или даже самым мелким пренебрежением. Он впадал в опасную тоску.

В мае 1782 года, когда он обедал с патрицием Карло Гримани в великолепном палаццо ди Санта-Мария Формосса, Казанова вступил в разговор с неким Карлетти, которому был должен денег Карло Спинола, генуэзский дипломат, а Казанова как раз выполнял черновую секретарскую работу для генуэзца. Карлетти попросил Джакомо напомнить дипломату про долг. Казанова согласился, но неохотно, «вынужденный... текущим состоянием собственных дел». Гримани выступил в качестве свидетеля их соглашения о том, что венецианец получит процент от суммы долга как посредник.

Джакомо пошел к Спиноле, добился от него расписки о намерении оплатить долг и вернулся.

Карлетти отказался оплачивать услуги Казановы, за исключением отчисления ему процентов с периодических платежей, на которые согласился Спинола. Гримани отмалчивался, а Казанова возражал. Он обвинил Карлетти в нарушении слова, в ответ Карлетти обрушился на него с оскорблениями. Тогда в спор вступил Гримани, сказавший, что не прав Джакомо, и приказавший тому спокойно сесть. Казанова так и сделал, после чего Карлетти продолжил поносить его.

Казанова пришел в ярость из-за поведения Гримани, который был свидетелем соглашения и мог бы ему помочь. Он сидел в бешенстве. «Секретарь Спинолы стал предметом всеобщего осмеяния» в окрестностях Венеции, как говорили. Дело было не столько в том, из-за чего все случилось (касательно нарушения слова чести в сложном денежном соглашении мнения разделились), но, ввязавшись в обмен ругательствами, Казанова подорвал славу, завоеванную на дуэлях с аристократами. Он был разоблачен как временщик и обманщик. А как говорил о нем да Понте, «этот странный человек больше всего ненавидел быть в неловком положении».

Следующий шаг Казановы перевел ссору в другую плоскость. Используя свои журналистские контакты, он написал и опубликовал едкую сатиру, вроде тех, что ежедневно распространялись у кофейни «Флориан», по поводу всего произошедшего. Она была написана достаточно подробно, а патриции-участники — довольно известны в Венеции, поэтому их «маскировка» под классических персонажей никого не обманула. Прилагавшийся к сатире листок с кратким содержанием делал картину еще более ясной. Карлетти изображался как бешеная собака, «принадлежущая некоему сыну-бастарду аристократа», под которым подразумевался

Гримани. Это была ссылка на стародавнее пятно на репутации Гримани, которую мало кто из венецианцев пропустил. В рассказе Казанова, изображая себя в качестве невинного наблюдателя Эконеона, описывал свои необычные отношения с семьей Альчиде-Гримани: Эконеон оказывается незаконнорожденным сыном предполагаемого отца самого Альчиде и актрисы. Пока его мать была жива, Казанова, возможно, и избегал говорить об этом вслух, но истина не смотрит на титулы. Он и Гримани были в некотором смысле братьями, и Казанова имел основания претендовать на дворянство. Джакомо был сыном предполагаемого отца Гримани, Микеле Гримани, но обречен ходить по иной дороге, будучи рожден от актрисы. Карло Гримани, родившийся в палаццо от неверной матери, не был сыном Микеле. Что касается секса и тайн рождения, мужчины были равны, и Казанова это понимал. Кто знал, кто на самом деле являлся отцом Карло Гримани? Как Карло посмел порочить истинного сына Микеле, то есть порочить Джакомо? Это было взрывоопасной ситуацией.

Лоренцо Морозини посоветовал Казанове временно покинуть город. Гримани оставались самой богатой и влиятельной семьей Венеции, и то, что всегда тревожило власти в Джакомо — его неуважение к классовым границам, — снова опасно всплыло на поверхность. Казанова пожалел о своей поспешности и отправил письма с извинениями своему сводному брату Карло, а также придумал либо восстановил в мемуарах на десяти страницах генеалогию Газтано Казановы, чтобы откреститься от собственного признания насчет своей матери и Микеле Гримани. Все было безрезультатно. Он просил возможности пожить в Венеции, по крайней мере, пока не сможет списаться со своим братом Франческо в Париже или с Джованни, в настоящее время возглавлявшим Академию художеств в Дрездене, но этому не суждено

было состояться. Казанова сбежал в Триест, опасаясь тюремного заключения или официального изгнания. «Мне пятьдесят восемь лет, — писал он Морозини, — приближается зима, и когда я думаю о том, чтобы снова стать искателем приключений на дорогах, то начинаю смеяться над собой, едва только посмотрю на себя в зеркале».

Но дорога была неизбежной.

Он уехал от Франчески 17 января 1783 года и, хотя смог вернуться ненадолго 16 июня 1783 года, чтобы забрать некоторые вещи (письма, книги и кое-какую одежду), но не ступил на венецианскую набережную из страха быть арестованным. Он никогда не увидел снова ни Франчески, ни Венеции.

АКТ V, СЦЕНА IV

ДОН ЖУАН

1783–1787

Любовь подобна пище: мне женщина нужна, как хлеб.

Лоренцо да Понте. Дон Жуан (1787)

Соблазн любви! Источник боли! Отпустим с миром бедную невинность. Я не бунтарь и никогда обиды вам не нанесу.

Джакомо Казанова. Дон Жуан (1787)

Из Венеции в Триест, затем в Вену, Инсбрук и Больцано, Аугсбург, Франкфурт-на-Майне, Аахен, Спа, Гаагу, Роттердам и Антверпен — Казанова приехал в Париж к 20 сентября 1783 года — и был слишком стар для такого рода вещей.

В Париже он нашел убежище у Франческо, который рисовал картины эпических битв в Лувре и Фонтенбло для Людовика XVI. Джакомо был представлен там дипломатическому представителю новой американской нации — Бенджамину Франклину. Казанова составил отчет об их встрече 23 ноября 1783 года, они обсуждали недавно состоявшийся подъем на воздушном шаре Монгольфье и возможности управлять полетом. «Это дело все еще находится в зачаточном состоянии, — докладывал Франклин в Парижской академии наук в присутствии Казановы. — Следовательно, мы должны подождать и посмотреть». Казанова не просто сидел среди

членов аудитории — его пригласил «знаменитый американец Франклин», видимо, по результатам некоторых предыдущих встреч и научных обсуждений. Позднее Казанова использовал часть этих идей в своем научно-фантастическом романе «Икосамерон», а годом позже собирался попробовать полетать на воздушном шаре в Вене, но счел, что слишком стар.

Чтобы покинуть Францию, ему был нужен паспорт из Венеции, документ прибыл в Фонтенбло в ноябре. Он и Франческо вместе выехали из Парижа в Дрезден, чтобы повидать брата и его семью, а оттуда — в Вену. После лет, проведенных в студии Симонетти и затем в Париже, Франческо нашел надежного спонсора-аристократа в Вене в лице князя Кауница, что, предположительно, и являлось для него целью поездки. У старшего брата, Казановы, как всегда, планы были менее определенные. Он влез в дипломатическую почту, которую отправляли из Вены в Венецию, и вставил туда ложное сообщение о том, что скоро в соответствии с давно указанными в каббале датами в Светлейшей республике случится землетрясение. В Венеции случилась паника, не ненадолго, а сам Казанова не получил удовольствия от шутки. Франческо остался в Вене, рисовать для Кауница, а Казанова отправился в Дрезден и далее в Берлин и Прагу. Там он получил приглашение на работу от венецианского посла, жившего в Вене, и в 1784 году Себастьян Фоскарини нанял Джакомо себе в качестве секретаря. Это было хоть что-то.

В Вене в тот период обитал еще один вероотступник из Венеции. Лоренцо да Понте и Казанова хорошо понимали друг друга. Они много чем занимались в жизни, начав неортодоксальные карьеры в Венеции, и теперь жили, не будучи привязанными к государственным границам. В юности оба, невзирая на церковные карьеры, были известными либертенами, однако в конце 1780-х годов их сблизила общая любовь к театру. Основным предметом их забот было сотрудничество

над шедевром да Понте, либретто для оперы «Дон Жуан» Моцарта. Имена Дон Жуана и Казановы в западном мышлении стали почти синонимами.

Трудно обойти вниманием популярность итальянской оперы в то время, что позволяло Казанове чувствовать себя как дома почти в каждом городе. После ошеломляющего успеха в Праге «Свадьбы Фигаро» Моцарта в начале 1787 года композитору поступило предложение написать что-нибудь еще для зрителей чешской столицы и нового театра Ностица. И, как и Казанова, курсировавший вместе с двором Габсбургов между Веной и Прагой, Моцарт познакомился с итальянскими спектаклями в обеих столицах. В том же 1787 году один из друзей венецианца, Паскуале Бондини — глава Национального театра Праги, — поручает Моцарту написать новую оперу.

Мало что известно о дальнейшем развитии истории создания «Дон Жуана», кроме того, что Моцарт и да Понте сразу же выбились из графика работы. Дата премьеры в Праге должна была совпасть с торжествами по случаю бракосочетания князя Антона Клеменса Саксонского. Пока пара новобрачных ехала на юг от Дрездена через Теплице, Моцарт и да Понте спешно представили первый вариант либретто на суд пражских цензоров. В опере не было ключевой сцены, завершающей бал Дон Жуана, на котором все действующие лица на сцене выкрикивают «Liberta!» — считается, так было сделано из цензурных соображений, ее добавили позднее, отчасти, похоже, вдохновенную и «улучшенную» старым повесой да Понте, который смог придать новое звучание повествованию о наказанном разврате. До октября, по данным последних исследований рукописи Моцарта, опера «Дон Жуан» не имела той самой формы, которую мы теперь столь хорошо знаем. Позднее в нее было добавлено еще несколько арий. За считанные дни до премьеры по-прежнему не

были готовы потрясающая увертюра, с полдюжины небольших сцен (теперь воспринимающихся в качестве неотъемлемой части постановки), финальное и благополучное разрешение всего действия.

Примерно тогда же да Понте вернулся в Прагу и изменил либретто, рискуя попасть под порицание придворной цензуры из-за привнесения в драму ряда дерзких акцентов. В этот момент и появился Казанова. Его участие в «Дон Жуане» встречает мало документальных подтверждений — две страницы заметок (сейчас они находятся в пражском архиве), из которых следует, что он, похоже, вносил поправки в работу да Понте, в слова Лепорелло и Дон Жуана во втором акте оперы, перерабатывая историю пражского музыканта Мейснера. Однако некоторые факты очевидны: да Понте не был в Праге, когда в оперу в последнюю минуту вносились дополнения, но Казанова там был. Итальянец прекрасно знал труппу, немного знал Моцарта и, возможно, решил поучаствовать.

Он без приглашения пришел на сбор итальянской оперной труппы, которая работала в театре Ностица. Туда входило несколько венецианцев — многие были известны Казанове — и компания репетировала, точнее пыталась, покуда наскоро и беспорядочно написанные части оперы по кускам прибывали из дома господина Моцарта. Раздраженные участники, по словам Мейснера, в конце концов заперли Моцарта в комнате наверху театра и сказали, что не выпустят его, пока композитор не закончит «Дон Жуана». В силу своей риторики, обаяния и, возможно, богатого опыта борьбы с истериками профессионалов театра, Казанова убедил взбунтовавшихся, что Моцарт закончит оперу и нужно ему позволить выйти из его «одиночной камеры». Моцарт, должным образом признательный, в ту же ночь написал увертюру, добавив зловещие аккорды из пятнадцатой сцены третье-

го акта во вступление к опере. Но премьеру все равно пришлось отложить, в назначенный вечер директор театра решил, что новая опера Моцарта непригодна для показа публике и вместо нее надо дать столь любимую «Свадьбу Фигаро». Опера «Дон Жуан» была, наконец, представлена на суд зрителей 29 октября, и Казанова видел ее премьеру. Пражская и, позднее, венская аудитория восторженно приняли сочинение. Среди множества отзывов можно встретить и слова Гете: «Ее давали каждый вечер в течение четырех недель, и весь город был так увлечен, что даже жалкий лавочник занимал себе место в партере или в ложе вместе со своей большой семьей, и никто не мог пропустить зрелище горящего в аду Дон Жуана».

Забытые почти на два столетия, доказательства из пражского архива поддерживают версию Мейснера о том, что Казанова работал над «Дон Жуаном», либо с да Понте и для итальянской оперной труппы, либо же ради собственного удовольствия. Даже если правда последнее, пристальный интерес и точное знание недавно исполненного произведения говорят в пользу причастности Джакомо к его созданию. В пражском архиве хранятся два варианта десятой сцены из второго акта, в которой Дон Жуан и его слугу Лепорелло ловят на обмане три переодетые маски, здесь чувствуется рука Казановы. Диалог написан на сложенной вчетверо дорогой бумаге. Это не просто заметки-примечания: написанное читается как замысел или же часть большого проекта.

Кто автор этих элегантно оформленных страниц? Видели их да Понте или только члены труппы, пытавшиеся сделать связный спектакль в отсутствие оригинального либретто и с безнадежно запаздывающим композитором? Насколько «Дон Жуан» был и остается образом Казановы? В смысле собственно текста — Джакомо если и участвовал, то крайне мало. Из сохранившихся заметок Казановы следует только

ситуационная связь с тем либретто, которое сейчас исполняется, и неизвестно, включил ли Понте предложения Казановы в премьерный спектакль на сцене Ностица или нет. Возможно, да Понте переработал их на свой лад позднее и утерял «оригинал» Джакомо, или, может быть, Казанова сохранял свои правки к опере, потому что они никогда не были в ней учтены. Мы знаем тем не менее, что Казанова присутствовал в 1787 году на премьеры в Ностице. Очень жаль, что он не написал об этом ничего, кроме заметок, касающихся либретто. Был ли он обижен на то, что его идеями так в итоге и не воспользовались? Ревновал ли он к почету, которым окружили его друга и порой соперника, благодаря истории, которую Казанова имел право рассматривать как собственную? Где-то примерно в то же время Казанова стал составлять свой «каталог песен». Казанова никогда не превзойдет явно преувеличенный список из тысячи восьмисот побед Дон Жуана, но будет без стыда и раскаяния на свой собственный лад вершить свою жизнь параллельно великому опусу да Понте и Моцарта, увиденному им в Ностице.

АКТ V, СЦЕНА V
ЗАМОК В ДУКСЕ
1787–1798

Вы слышали этого необыкновенного человека? Я знаю лишь нескольких людей, которые могут сравниться с ним в познаниях, интеллекте и воображении.

*Граф Ламберг о Казанове
в письме к Дж. Ф. Опиц (1785)*

Здесь [в Дуксе] находится еще один совершеннейший оригинал, брат художника Казановы из Вены, литератор, поэт, философ, астролог, предсказатель и колдун — полубезумец.

Граф Клари о Казанове (1787)

Примерно в феврале 1784 года Казанова в качестве секретаря венецианского посла в Вене присутствовал на обеде с графом Йозефом Шарлем де Вальдштейном, главой знаменитой пражской семьи с поместьями по всей Чехии. Граф в свои двадцать с чем-то лет еще не состоял в браке — к огорчению его матери, — служил императору Иосифу II и владел огромным имением Дукс (иначе — Духов) на северо-востоке Чехии. Дукс располагался вблизи модного курорта горячих источников, Теплице, и не очень далеко от Дрездена, поэтому вполне вероятно, что Казанова слышал о нем раньше. Однако он не мог знать, что в замке имелась библиотека, насчитывавшая, как он сам потом утверждал, сорок тысяч томов — или всего

лишь двенадцать тысяч, если верить брату Вальдштейна, «и большинство из них я бы бросил в огонь». Тем не менее собранию книг в 1784 году потребовался библиотекарь.

Казанова умел ладить с шумными молодыми аристократами, и Вальдштейн оказался одним из таких. Общего у мужчин было только пристрастие к разнообразному чтению и некоторые специфические познания в каббале. При их первой встрече граф упомянул книгу «Ключи Соломона», а позднее тем же вечером повернулся к венецианцу-каббалисту и сказал: «Стало быть, поезжайте в Чехию со мной. Я отправляюсь завтра».

Приглашение было принято не сразу, но когда 23 апреля 1785 года умер Фоскарини, Казанова оказался и безработным, и бездомным. Опять. Он совершил поездку в Карлсбад, чтобы увидеть свою старую подругу принцессу Любомирскую, бывшую там на водах, а затем поехал в Теплице и Дукс. Он согласился занять пост библиотекаря в замке за годовой оклад в тысячу флоринов (тогда — около ста фунтов) — это была солидная плата — и вдобавок получил возможность питаться вместе с хозяевами домашней пищей, статус гостя и разрешение совершать регулярные поездки в Теплице. Хотя Казанова часто бывал в Праге — следя за публикацией своего романа «Икосмерон» и премьерами опер «Дон Жуан» и «Милосердие Тита», и еще чаще в Теплице, в течение долгого времени ему приходилось жить в маленьком чешском городке. Поезд в Дукс стал последним в его жизни.

Хозяин, граф Вальдштейн, в Дуксе часто отсутствовал. Казанова, несомненно, завидовал графским подвигам в Европе: попытке увезти в безопасное место французскую королевскую семью, прославившей аристократа в Лондоне и Вене как мужественного и храброго человека. Возможно, именно Вальдштейн послужил прообразом для вымышленного героя романа «Алый Первоцвет». Однако про свой долг перед семьей и про своего библиотекаря граф забывал.

Комнаты Казановы в замке выходили окнами на парадный двор и на центральную площадь Дукса, тогда и ныне — унылого провинциального городка. Относительно современный замок был построен в стиле классического итальянского барокко, поэтому напоминал церковное учреждение и казармы и пребывал в довольно запущенном состоянии, хотя при нем также имелись охотничий домик и конюшня на сто двадцать лошадей — район был известен как прекрасное место для лесной охоты, с суровой погодой, продолжительной снежной зимой и тяжелой атмосферой из-за запаха добываемого поверхностным способом угля. У ворот возвышался обелиск в стиле барокко со зловещими вырезанными в камне сценами, изображающими ад. Когда Казанова смотрел на падение Дон Жуана в «ад» — в люк на сцене Ностица, — то, возможно, думал, что он сам страдает от собственного варианта «dissolute punito» («наказания распутника») — наказания провинциальным адом за то, что жил слишком на широкую ногу и слишком хорошо.

Джакомо не был единственным несчастным обитателем замка или единственным там человеком с неопределенным статусом. Так, управляющий замка, немец, которого звали Георг Фельдкирхнер (либо Фолкирхер), считал себя более важной персоной, нежели бедный итальянский библиотекарь, и делал жизнь Казановы невыносимой. Еще один слуга, Карл Видероль (Видерхольт) аналогичным образом презирал Казанову за претензии на аристократизм и литературную известность, хотя сам не умел даже читать. Посетители замка Дукс описывали имение как сообщество настоящих чудаков: «здесь жили конюх-еврей, кучер-француз и английские лошади — вы не понимали, в какой стране очутились», и это вгоняло Казанову в уныние. Еще здесь был элегантный, украшенный фресками в духе барокко садовый павильон, через который можно было ходить вдоль расчерченных

французских садов, и огромный английский парк, где устраивались конные скачки.

Но библиотекарь неизбежно имел лишь косвенные связи с истеблишментом, предававшимся скачкам, охоте и стрельбам фазанов. Шум и запах лошадей были повсюду, а питаться, в отсутствие Вальдштейна, приходилось в неприятной компании Видероля и Фельдкирхнера, готовил же им сварливый и бездарный повар. Пища оставалась единственной чувственной радостью, доступной Казанове, но за столом в Дуксе он видел мало хорошего.

Одним из преимуществ Дукса, однако, с точки зрения Джакомо, являлась близость к городку Теплице, ненадолго ставшему на раздираемом войной континенте центром притяжения для искателей удовольствий и курортниц. В 1787 году княжество с большим замком в Теплице, который по-прежнему доминирует в этом маленьком городке, унаследовал Иоганн Непомук Клари-Альдринген. Иоганн был женат на бельгийской принцессе Кристине де Линь, которая, как и ее отец, князь Шарль Жозеф де Линь, бежала от Французской революции. В это время Казанова и подружился с ними в Теплице. Семья де Линь была связана с Вальдштейном через родственников и знала Казанову по Вене и Праге. Замок де Линя конфисковали революционеры, и в конце 1780-х и в 1790-е годы принц тратил значительные суммы на дом своей дочери в Теплице, с огромными роскошными комнатами, и с видом на городскую площадь. Он чувствовал себя счастливым, встретив другого беженца из дореволюционного высшего общества, и с ним Казанова в последний раз снова с радостью стал шевадье де Сенгальтом.

Революция и ужас террора потрясли людей, на гильотину отправились многие из друзей и бывших любовниц Казановы. Словоохотливая, остроумная, богатая и непростая семья Клари и де Линь приняла библиотекаря из соседнего

замка, и он стал гостем вечером в Теплице и в маленьком театре при замке. «Надевайте Ваш парик, мы собирается в Теплице — все Клари и де Линь будут рады видеть Вас», — обращается к Казанове де Линь в своем обычном дружески-приказном стиле. Принц также писал: «Mon cher Казанова, Вы никогда не постареете — не с Вашим сердцем, Вашим гением и Вашим желудком... Приходите к нам повидаться, мы не перестаем говорить о Вас... У меня прямо все прыгает в волнении от такой перспективы».

Именно принцу — писателю, большому любителю женщин и знатоку придворных обычаев и слухов от Версаля до Санкт-Петербурга — Казанова первому показал черновик собственных воспоминаний. Де Линь сказал, что не смог прочесть ни одной главы, чтобы не испытать зависти, удивления, интереса либо эрекции. Он был очарован книгой, как и самим Казановой. Принц был превосходным комментатором, поскольку прожил в чем-то сходную с венецианцем жизнь, и высказал мнение о том, например, что рассказы о царице Екатерине II и о Фридрихе Великом являются наиболее достоверными из всех тех, что ему доводилось встречать. Убежденность де Линя, как бывалого путешественника и сверстника Казановой, в правдивости мемуаров делает его, пожалуй, главным свидетелем в защиту Казановой. Мужчины «упали друг другу в объятия», как было указано, словно беженцы из потерянной эпохи, знающие, что внешний мир «катится к дьяволу».

Де Линь оставил печальный портрет своего друга из Дукса, который, при всем при том, по мнению принца, сам был повинен в собственных несчастьях.

Дня не проходило, чтобы у него не случилось ссоры из-за кофе, молока или тарелки макарон, на которых он настаивал. Повар не смог порадовать его полентой, конюх для поездки ко мне отправил с ним негодного кучера, со-

бака лаяла по ночам, гостей было больше, чем ожидал Вальдштейн, когда привел его к себе угостить за небольшим столом. Охотничий рог раздражал его фальшивыми или резкими нотами. Священник беспокоил его, пытаясь обратить его... Граф не пожелал ему доброго дня... Граф одолжил у него книгу, не сообщив ему... Он рассердился, а люди смеялись. Он показал свои стихи на французском, а люди смеялись. Он жестикулировал, пока читал свои итальянские стихи, они смеялись. Он поклонился, когда входил — как Марсель, известный мастер танца, научил его делать шестьдесят лет назад — люди смеялись. Он исполнял на балу в замке свой менуэт, они смеялись. Он надел свой старый костюм с шелковой золотой вышивкой и подвязки с блестящими пряжками и шелковые чулки, и они смеялись. Он называл их «сволочи».

В редких случаях Казанова решался отправиться дальше Теплице. Он проводил время в Праге в 1787 году и в 1791 году, по случаю коронации нового императора Габсбурга, Леопольда II. Это была возможность встретиться со старыми друзьями. Именно здесь, в театре и на посольском приеме, он наткнулся на молодого итальянца из свиты неаполитанского короля. Маркиз де К. был сыном Леонильды, и поэтому, вероятно, внуком Казановы — ему был двадцать один год. Казанова увидел сильное сходство молодого человека с мужем его матери, покойным маркизом, и предпочел игнорировать возможность того, что молодой человек являлся ему и сыном и внуком от кровосмесительной встречи с Леонильдой в 1770 году. Как Казанова отметил, молодой человек был мудр не по годам.

Это было время маниакального писательства Джакомо. Он проводил за столом часы в надежде получить экономическую выгоду и убедить правительства в своей способности управлять лотереей. Он задумал снова написать о Вольтере и о Рос-

сии и отправил десятки писем, но, в основном, не далеким европейским литераторам, а местным друзьям и молодым женщинам, которые стали доминировать в его жизни в последние годы, Сесиль де Роггендорф и Элизе фон дер Рекке.

Многие подробности о жизни Казановы в Теплице и Дуксе известны благодаря беспокойному внуку де Линя, принцу Шарлю Клари, которого обычно называли Лоло. Он написал толстый журнал и много писем о человеке, которого называл «Каз», а также поведал нам об укрепившейся дружбе Казановы с собственным «зловным» дедом, принцем де Линем и с разведенной Элизой фон дер Рекке, дружившей с обоими постаревшими кутилами. Они были, как писал восемнадцатилетний Лоло, весьма веселыми, когда не говорили о прежних временах и собственных душах, и полны нежных воспоминаний об ушедшей эпохе. «Я когда-нибудь говорил о боли воспоминаний? — писал пожилой де Линь. — Что такое жизнь? Как мало в ней моментов истинного счастья? И как они недолговечны?» Ежегодно в течение нескольких месяцев Казанова и он утешали друг друга, встретившись в красивом и маленьком оживленном курортном городке Теплице с его космополитичными салонами и крохотным замковым театром.

Заметки Казановы из Дукса включают в себя ряд напоминаний для других членов домохозяйства, инструкции по изготовлению мыла для белья, рецепты поленты и печенья побурански, жалобы на плохие дрова и Фельдкирхнера. Кроме того, Казанова сочинил к Фельдкирхнеру десятки писем — с бранью, враждебных и презрительных, — но многие из них, если вообще хоть одно, были отосланы. В одном из них, написанном на оборотной стороне заметок о реформе календаря, Казанова отказывает управляющему в его приглашении на кофе. «Я не хотел бы, — пишет венецианец, — допустить дисбаланс в вашей экономической системе». Это не было счастливой жизнью в доме престарелых.

Джакомо стал не только враждебным, его преследовала депрессия. Когда его мир сузился до комнат замка, оживление в жизнь итальянца внесли Элиза и Сесиль, хотя они служили для Казановы болезненным напоминанием о его собственных стесненных обстоятельствах и об «ослабевшей» способности находить «наслаждение в удовольствиях». Элиза, по-видимому, говорила с ним по поводу его депрессии, потому что он оставил ей печальный небольшой трактат об эвтаназии. Но такой путь был не для него.

Мало что из написанного Казановой было опубликовано, поскольку недоставало требовавшихся для этого подписчиков — круг друзей, умерших либо обиженных им, постоянно сокращался. В 1786 году, однако, была издана философская работа «Мыслитель», после чего в 1787 году последовала публикация «Истории моего побега» — истории, уже хорошо известной в Европе, но лишь время от времени рассказываемой доходчиво и без фактических пробелов. Затем Казанова сосредоточился над «Икосмероном» — научно-фантастическим романом, который будет опубликован в Праге в 1788 году. Роман состоял из пяти томов, и его было трудно читать даже по меркам того времени, но Казанова становился все более многословным и в жизни, и в творчестве. По мере уменьшения числа посетителей Дукса его письма все удлинялись, а проза и математические работы прибавляли в объемах. Тем не менее три брошюры «О расчете удвоения куба, которое занимало математиков от древнего Египта и до Декарта и Ньютона» в 1790 году были опубликованы в Дрездене. Но это не принесло университетского признания, на которое рассчитывал Казанова, и не решило математической проблемы. А Казанова был уверен, что его математический труд, наряду с фантастическим романом, обеспечат ему бессмертие — и заставят слуг из Дукса прекратить насмешки над ним.

Разочарование в связи с отсутствием критического отклика на роман, возможно, частично побудило его к написанию

полноценных мемуаров, хотя не следует считать, что таким способом он продолжал искать бессмертие или когда-либо думал об их полном издании. То, что начиналось как продолжение предыдущего автобиографического эссе, «Истории моего побега», и его рассказа о дуэли с графом Браницким, превратилось в полномасштабную и слишком объемную для публикации автобиографию. Казанова пристрастился к писательству в точности так, как некогда питал слабость к приключениям, путешествиям и сексу.

На склоне лет его графомания настораживала не только неграмотную прислугу Дукса, но и друзей. После смерти Джакомо в 1798 году осталось 1703 письма, пятьдесят проектов диалогов, 150 памяток, шестьдесят семь печатных изданий, 390 стихов, а также почти пять сотен страниц не классифицированных текстов; более чем три тысячи рукописных страниц различных незавершенных работ плюс почти четыре тысячи страниц мемуаров, существовавших в различных рукописных версиях. От его энергии захватывало дух. Но его амбиции, как часто бывает в жизни, мешали его таланту. «Икосамерон» и остальные труды провалились, и он в своей гордости и тщеславии остался еще более нелепым. Он, похоже, не стремился найти издателя для мемуаров, хотя никогда не отказывался от надежды обрести литературную славу. Его последняя работа, «К Леонарду Снетлаге», содержащая более личные воспоминания (о Сэмюэле Джонсоне и Фридрихе Великом, например), намекала на еще готовящийся и потому неопубликованный шедевр. Книгу «К Леонарду Снетлаге» издали незадолго до смерти Джакомо.

С годами отчаяние Казановы в Дуксе росло, и несколько раз он угрожал уехать из замка. Он уезжал в Теплице при первом же удобном случае и жил во второй резиденции Вальдштейна тогда, когда не мог находиться в Дуксе. Однажды его избили на улице вблизи рынка, в другой раз на его маленькую собачку натравили полуприрученного волка. Это был

скверный город в отсутствие графа и его окружения, и Казанова не слишком ладил с его жителями.

Но каждый раз, когда приезжал Вальдштейн, Джакомо был вынужден показываться в замке, где его самого и перепады его настроения принимали терпеливо и с хорошей долей юмора, «успокаивая его тщеславие словами о том, какая честь иметь такого известного неординарного человека в качестве гостя дома».

В конце ноября 1797 года Казанова выразил желание в последний раз съездить в Венецию, «чтобы сказать “прощай” моей несчастной стране», хотя не ясно — готовился ли он к собственной смерти или к гибели республики. Он попросил у Вальдштейна разрешения покинуть библиотеку ради поездки длительностью в несколько месяцев. Вальдштейн написал, что одобряет решение «от всего сердца», ибо хорошо знал, если не сам Казанова, то его путешествия были близки к финалу.

22 февраля 1798 года молодая приятельница итальянца, Сесиль де Роггендорф, прислала из Вены рецепт припарок от его «болезненной слабости» — воспаления мочевого пузыря, хотя Казанова, вероятно, страдал от воспаления простаты, которое в конечном итоге переросло в сепсис. Сесиль написала, что «чрезвычайно беспокоится». Он никогда не намекал на это непосредственно, но мог, пожалуй, страдать от сифилиса, которым болел, по крайней мере, с 1763 года и вероятно еще и ранее, что неизбежно повлияло на его организм. Его жалобы на боли от артрита и холод в Дуксе, его раздражительность и депрессии могли быть симптомами болезни. То же самое касается, возможно, его безумной энергии и склок с внешним миром. Хотя, может быть, все это были приметы старости.

Казанова пережил свой семьдесят третий день рождения и всю весну 1798 года, медленно увядая и надеясь на исцеление супом, в рецепт которого всегда верил, — пригото-

ленным из крабов, которых невозможно было найти в чешских горах, либо из свежих небольших раков, сезон ловли которых как раз настал к моменту его смерти.

Смерть старого библиотекаря настала неожиданно. Казанова пребывал в обычном своем состоянии: был сварливым, желчным и требовательным. Его маленькая Финетта — левретка, подаренная ему принцессой Лобковиц, и последняя из трех его собачек, которую он обожал, была при нем. Он сидел в своем кресле — оно до сих пор остается в замке, большое, украшенное крыльями и похожее на трон, как было когда-то модно — и умер в нем ярким солнечным днем. «Я жил, как философ, а умираю, как христианин», — де Линь приводил эту фразу как последние слова Казановы, но мне кажется более вероятным, что это было нечто вроде регулярной мантры, которую де Линь слышал из уст Казановы за их обедами в Теплице. Для них «философ» одновременно означал также свободного мыслителя, просвещенного либертена, человека мира; а *livres philosophiques* служило им эвфемизмом эротики. Таков был их юмор. Казанова ушел, не крича о своем презрении к морали, как Дон Жуан, он ушел, когда занавес за ним упал, с кривой улыбкой и шуткой. В сером городке Дукс, где над ним смеялись и пинали на улице, он уже познал судьбу *il dissoluto punito* — наказанного развратника. Всегда самостоятельно ставя себе верные диагнозы, Казанова хотел найти терапевтическое средство от своего последнего долгого изгнания и, к счастью, нашел его — в писательстве.

За год до того Венеция была захвачена Бонапартом и тысячелетняя республика прекратила свое существование.

Неопубликованные воспоминания старого венецианца лежали рядом с ним, когда его нашли мертвым.

Это случилось 4 июня 1798 года.

ЗАНАВЕС

ИСТОРИЯ «ИСТОРИИ МОЕЙ ЖИЗНИ»

В каждом человеке живут три: один — каким он видит себя сам, второй — каким его видят другие люди, и третий — каким он на самом деле является.

Карло Гольдони

Тело старого венецианца провезли через площадь города и вдоль рыночной улочки на кладбище Санта-Барбара, между стенами старого города и озером. Хотя де Линь говорил, что Казанова умер у него на руках, это невозможно. Родственник Казановы, Карло Анджолини, который работал в итальянской опере в Дрездене, был в замке и занимался погребением. Казанову похоронили в могиле, которая впоследствии была утеряна. Кладбище было перекопано и устроено на новый лад, когда в 1920-е годы там обнаружили могильную плиту с именем Казановы и датами его жизни, однако его прах, как полагают, был перенесен, и никто сейчас не знает, где упокоилось его тело.

Дукс скоро забыл своего сварливого итальянского библиотекаря, и письма, записки, книги и предметы, оставшиеся после него в его комнате и библиотеке, спокойно лежали на вместительных полках замка Вальдштейна в течение жизни следующих двух поколений. Позднее они превратились в настоящее сокровище и попали в ведение современного чешского государства. В начале двадцатого века их пе-

ревели в другой замок Вальдштейна, Мнихово Градиште. Некоторые письма из коллекции — хранящиеся не в Праге — еще предстоит каталогизировать. Мемуары, хоть и медленно, нашли иной путь к потомкам.

* * *

После похорон Карло Анджолини привез свое тяжелое наследство в Дрезден и, по-видимому, забыл о нем. Неизвестно, показывал ли он его племяннице Казановы, Манон, но он явно не сознавал величину подарка. Пожалуй, выбор Карло в качестве распорядителя литературным наследством был странным и, как оказалось, неудачным.

История публикации сама по себе является историей создания легенды о Казанове и постепенной переоценки его работы, начавшейся с девятнадцатого века и длящейся до настоящего времени. Отдельная литературная жизнь Казановы началась в 1820 году, спустя полных двадцать два года после его смерти, когда издателю Брокгаузу в Лейпциге была предложена рукопись на французском языке с заглавием «История моей жизни» от «очень знаменитого» Казановы. Сначала издатели, возможно, полагали, что мемуары — творение одного или другого брата Казановы, Франческо или Джованни, которые в то время более-менее справедливо претендовали на большую посмертную славу, чем их старший брат. Издательство согласилось с условиями, и между 1822 и 1828 годами в сокращенном виде вышло плохо переведенное немецкое издание. Никто не поставил под сомнение аутентичность того, что было написано.

Вскоре выпустили первое издание на французском, переведенное с немецкого задолго до появления понятия об авторских правах. Это убедило Брокгауза опубликовать на основе оригинала французское издание, редактором которого

назначили Жана Лафорга. Однако Лафорг взял на себя смелость переписать целые абзацы и добавить безвкусные, а порой и непристойные, сцены, которых у Казановы вообще не было. Аналогичной практике последовал другой редактор, Филипп Бузони, который подготовил четвертое издание мемуаров на основе «потерянного» оригинала. Как и с историографией пьес Шекспира, выясняется, что существовали различные оригиналы, только частично нашедшие отражение в более поздних переводах и изданиях. Так, например, Казанова изготавил несколько слегка разных копий для друзей или для собственного удовольствия. «Отправьте мне скорее, — писал князь де Линь, — третий том своих мемуаров, граф Сэлмор проглотил их и жаждет еще». Какие-то варианты отправлялись к друзьям при жизни Казановы, часть потом попала к Лафоргу, и больше их никто не видел. Уцелел только один из оригиналов, пережив даже бомбардировки Дрездена во Вторую мировую войну. После войны его перевезли на грузовике в Висбаден, где никто иной как сам сэръ Уинстон Черчилль немедленно поинтересовался, есть ли такая книга среди спасшихся сокровищ культурной столицы Саксонии. Этот оригинал так и остается в подземных хранилищах в Висбадене. Он не доступен для ученых, и с ним можно ознакомиться только в виде факсимиле, в виде уникальной копии, хранимой в замке Дукс в архиве. Однако различные версии, переводы и переводы переводов, ставшие достоянием общественности, нанесли урон как репутации Казановы, так его литературному стилю. Ошибки с датами, фактами, местами и героями в переделанных за него работах копились, а личность самого автора становилась неясной. Так рождались представления о Казанове как о пустом хвастуне и недостоверном мемуаристе.

В течение всего двадцатого века репутация Казановы как фантазера на темы эротики, псевдохудожника и лицемер

довлела над драматическим и кинематографическим воплощением образа этого человека, и отклик на произведения, основанные непосредственно на его мемуарах, нередко был критическим. Особенно постаралась английская пресса после издания, наконец, в 1960-х годах полной «Истории моей жизни». «Результат впечатляет, даже если тема является тривиальной», — посмеивались в «Таймс лайтерари сапплмент». «Моя ненависть к Казанове, — писал Гарольд Николсон в «Обсервер», — не уменьшилась из-за этой дотошной агиографии». В других частях света к Казанове относятся значительно лучше — как к историку, писателю и мыслителю. Но, несмотря на целый ряд международных академических работ, вышедших после окончания Второй мировой войны, где делались попытки пересмотреть жизнь и творчество венецианца, в англоязычном мире по-прежнему за ним упорно сохраняется репутация лживого плейбоя.

Одна из причин, почему люди настроены против него — и достаточно справедливо — его столь аморальная и беспечная жизнь. Те, кто писал о своих деяниях в мемуарах или дневниках, испытывали удовольствия трижды — один раз в реальной жизни, второй раз — в ходе написания, а третий — когда позднее читали написанное; и в этом смысле Казанове повезло. Он провел, в целом, очень счастливую жизнь, полную приключений и смеха, авантур и постоянно меняющихся декораций восемнадцатого века. Его особенно презирают те, кто верит, что история представляет собой хроники бедствий и несчастий либо деяний великих или хороших людей. В этом отношении Казанова мало информативен. Кроме того, в намерения Казановы вряд ли входила задача установления истины для потомков, что считают еще одним достойным поводом для написания мемуаров. Тем не менее наши современники начинают уделять надлежащее внимание произведениям итальянца, а его в любом случае великая

работа «История моей жизни» постепенно находит достойное понимание. Это происходит в контексте более широкого пересмотра рассказов о той эпохе — жизни путешествовавших по Европе в то время людей, размышлений «просветителей» о либертенизме. Восемнадцатый век, с его эмблемой — Амуром и Казановой в качестве главного социального комментатора, открыто делал любовь и секс модными, что положило начало утверждению сексуальности в европейском сознании — одному из наиболее заметных аспектов современного западного мышления. Жизнь и любовь Казановы, представленные в интимных (хотя редко явных) деталях, теперь могут занять свое достойное место среди ключевых документов эпохи и обоснования современной идеи о том, как описывать любовную жизнь, как очертить всю жизнь человека и, в конечном счете, почему ее стоит записывать. Уникальная способность Казановы жить и практиковать провозглашенные новые сексуальные свободы — открытие им секса для современного мира — передается из поколения в поколение, через эмансипацию, политическую и феминистскую, в девятнадцатом веке и сексуальную революцию в веке двадцатом. Это — иная часть его литературной жизни после смерти, за которую его когда-то высмеивали, но теперь она представляется пророческой. В своем «новом завете» современному миру Джакомо Казанова стал мессией и ведущим актером, любовником, богом секса и главным героем и одновременно оказался главным неудачником, комиком, мошенником, дуном и жертвой обмана. Психологические травмы, по-видимому, вынуждали его во взаимодействии с любым человеком — и особенно на сексуальной почве — искать представления-игры, а потом воссоздавать через нее Вселенную чувственности и придавать ей новый драматизм в воспоминаниях. Это смелая, трогательная и, в своем роде, вдохновляющая позиция. Современность Казановы заключается в его

способности смеяться над собой и проводить некоторые различия между тем, кем он был, и тем, кем он казался. Биограф или автобиограф не могут ставить себе более высокие цели.

Жизнь Казановы и его записи о ней также завещают нам радоваться бытию; и завещание это написано с присущим всем венецианцам предчувствием гибели от неуклонного подъема уровня моря и сожалений во времена Французской революции о том веке, что ей предшествовал. Джакомо пишет как старый человек — ворча вместе с принцем де Линем, что весь мир «скатился к чертям»; и его работа и жизнь были омрачены тяжелой тенью нависшей катастрофы и сломаны подводными камнями наслаждений, оборачивавшихся опасностями. Это было частью того, что делает его эпоху столь драматической — чувство неминуемого краха, — и являлось одной из причин, возможно, почему Казанова в столь бешеном темпе прожигал свою жизнь. Его мемуары выглядят в наши дни тревожно современными. Танец Венеции со смертью был и остается гипнотическим, город буффонады и комедии знал, что смех и счастье могут разрушать все барьеры, создавать из ничего и делать игру любви и жизни элементом театрального спектакля, но этот город ни тогда, ни теперь не радовался виду умирающего на собственном карнавале старого мира. И хотя жизнь Казановы и его «История» ведут нас к пониманию счастливых моментов человеческой природы и к глубокому осознанию той эпохи, мы также заново слышим голос человека из прошлого, который красноречиво говорит с нашим настоящим. Его стиль — стиль человека, севшего на мель и смеющегося перед лицом надвигающегося прилива. Возможно, все мы сейчас напоминаем венецианцев.

БЛАГОДАРНОСТИ

Жизненный путь Казановы пролегал через всю Европу, а потому и свидетельства о нем разбросаны здесь повсюду. Подход при выборе материала для этой книги тоже чем-то близок плутовскому роману совершенно в духе Джакомо и определялся как личным любопытством автора, так и необходимостью, продиктованной самим изданием, поскольку география приключений оказалась слишком обширной. Однако, мне повезло и я получил доступ ко многим архивам по всей Европе, а потому, как и подобает книге о Казанове — создана она была главным образом в пути, протянувшемся от Сан-Маурицио в Венеции (здесь в двух шагах от родного дома Казановы были написаны самые большие разделы) и через Россию, Францию, Италию, Германию, Голландию и Великобританию до архива замка в Дуксе, где писал и умер Казанова. Поэтому моя благодарность принадлежит прежде всего архивам и библиотекам, где хранятся документы, рассказывающие об удивительных приключениях Джакомо Казановы, к тому же, поскольку он и сам был библиотекарем, то вполне вероятно, в первую очередь захотел бы засвидетельствовать свою признательность именно им.

Архивы и библиотеки

Государственный архив Венеции деи Фрари, библиотека музея Коррер (Сан-Марко), библиотека научного фонда Кверини-Стампаля и архив музея Гольдони и палаццо Мочениго в Венеции, Библиотека Ватикана, Парижская национальная библиотека, Российский государственный архив древних актов РГАДА (Москва), фонды Государственного центрального теат-

рального музея имени А.А. Бахрушина (Москва), Российский государственный исторический архив (СПб), библиотека Эрмитажа (СПб), архив Александринского театра (СПб).

Спасибо за неизменную помощь Марии Тарантовой, Мартину Соваку и персоналу Государственного архива Чешской республики в Праге, сохранившему большую часть оставленного Казановой после его смерти, а также сотрудникам музея в Дуксе Иржи Вольфу, Петре Кофранновой и Иржи Буресу. Без них вряд ли было бы возможно написание этой книги. В Лондоне я хочу выразить благодарность сотрудникам Британской библиотеки (особенно отделу редких книг и рукописей), Лондонской библиотеки, чрезвычайно признателен я служащим читального зала герцога Хэмфри Центральной библиотеки Оксфорда Бодлейн, а также Философскому и литературному обществу Ньюкасла.

Путешествия

Огромное количество поездок, необходимых для работы над этой книгой, стало возможным исключительно благодаря щедрой поддержке Кристин Уолкер из отдела путешествий «Санди таймс» и Майкла Бэттерберри из «Фуд артс мэгэзин» (Нью-Йорк), которых очень вдохновила идея статей о путешествиях с кулинарным уклоном по местам их более раннего собрата по перу Джакомо Казановы. Без них и Дэвида Уикерса из «Санди таймс» мне было бы не по средствам проконсультироваться в таком необычайном множестве архивов.

За содействие, подсказавшее те или иные идеи книги, и творческий приют, я чрезвычайно благодарен Бланш и Эндрю Сиббалдам, Джереми Айронсу и Шинед Кьюсак, Робу, Сьюзи и остальным в «Хилл Клоуз Хаус» и замке Килки соответственно, и Ли Холу, Максу Робертсу, Беву Робертсону, а также всей команде и актерам занятым в пьесе «The Pitmen Painters» в Ньюкасле, Рине и Такису Ануссис, «The Ideas Foundry», театру «59e59», Райану Эрли, Саймону Грину и всем занятым в пьесе Рона Хатчинсона «Красавец Бруммель» в Нью-Йорке, а также всей съемочной группе фильма «Адмирал Колчак» в России.

Венеция

Я приношу глубочайшую благодарность моему гостеприимному хозяину и другу Иеремии Магориану, а также другу и переводчику Максимилиану Тедески, которые открыли мне Венецию и ее архивы, а также Мишель Ловрик и Джону Берендту, Крейгу Райну, Анни ла Граванезе, Робин Скай, Роуз и Питеру Лоуритцен, Франческо и Джейн да Мосто, Лудовико ди Луиджи, Франку Бийо и отделению «Альянс Франсез» в Венеции, Кэт Бауэр, Дэйлу Вессону, Марку Эшурсту и Саре Йелич, Федерике Чентулани из архива музеев Коррер и Мочениго, Алессандре Бонетти Рубелли из музея Гуггенхайма, Джойс Филдсенд из «Гран театро ла Фениче» за ее ценные указания относительно Дон Жуана и Анне Барнабо из палаццо Малипьеро.

Рим

В Риме я благодарю Зиту де Вески, князя Оддоне Колонну, «Качча клуб», агентство «Итальян джорнейс» и персонал отеля «Бернини Бристоль». Я весьма признателен Андреа ди Робийану за его комментарии к письмам его предка Андреа Меммо, адресованным Джустиниане Уинн. А также хочу сказать спасибо мэру и туристическому отделу Фраскати.

Прага

Я благодарен всем сотрудникам Государственного архива Чешской республики в Праге, Томасу Станеку из Государственного театра и всему коллективу, занятому в его постановке «Дон Жуана» в 2007 году, а кроме того Катерине Палитовой и всему персоналу «Мандарин ориентал отель», а также Жаклин Химан из студии реставрации театральных костюмов чешских театров.

Дукс

Еще раз выражаю признательность Иржи Вольфу, Петре Кофранновой, Иржи Буресу, Анне Сейвловой, Павлу Коукалу, а также дирекции замка и музея Дукса и архива Казановы. Спасибо переводчице Мирке Хиггинс.

Санкт-Петербург

Мой друг Тобин Обер, Ирина Кутова, Галя Столязова и сотрудники «Санкт-Петербург таймс» сделали для меня все, что могли, так же, как и гостеприимный и чрезвычайно проницательный Дмитрий Озерков из Эрмитажа, Елена Федосова и Евгения Суздалева из Санкт-Петербургского театрального архива. Джордж Уолден и Марио Корти великодушно поделились со мной своей теорией об анаграмматическом происхождении псевдонима «Сенгальт». Чрезвычайно внимателен был персонал гостиницы «Астория».

Москва

В Москве мне очень помогла в поиске материалов Галина Степанова. Я также благодарен киногруппе, работавшей над фильмом «Адмирал Колчак», и в частности Константину Хабенскому, Ольге Каричкиной, Андрею Кравчуку, Варваре Каськовой, Николаю Миронову и Эвклиду Кюрдзидису.

Амстердам, Утрехт и Дрезден

Я премного обязан Марко Лифлангу не только потому, что он пригласил меня участвовать в доставке последних записей каталога для архива Дукса в замок Дукса из Утрехта через Дрезден, а также за все, что я узнал в пути, но и за то, что он разрешил мне сослаться на отысканную им заметку в «Амстердамсе Курант» от 16 сентября 1758. Стоит отметить, что любой казановист, справляющийся о чем-либо в архиве замка Дукса, находится в неоплатном долгу у Марко, который, не жалея своего личного времени и сил, постоянно ведет совершенно бесценную работу по каталогизации над всем литературным наследием, ускоряя и облегчая поиски и доступ к оригиналам, хранящимся в Праге.

Монако и Ментон

Огромное спасибо Диане и Максу Тедески, а также сотрудникам Библиотеки Луи Нотари и архива дворца Монако.

Хорватия

Спасибо Саше Дамиановски за консультации по далекой стране и неизменную поддержку.

Прованс

Спасибо Линдси Клэй и Мэтью Уайту, а также персоналу отеля и ресторана «Дю Пар», в Лорге.

Казановистам

Я нашел неизменное доброжелательное отношение в кругу разбросанных по всему миру ученых и архивариусов, интересующихся жизнью Казановы и временем, в которое он жил, они благосклонно и одобрительно отнеслись к моей работе, и сделали ряд ценных замечаний и исправлений, когда я отсылал им черновики своей работы. Особенно я хочу поблагодарить Марко и Жанну Лифлангов, Гельмута Ватцлавика, Тома Вителли, Фурио Луччикенти, Антония Бадаламенти, Мари-Франсуазу Луна, Джанлуку Симеони, Сандро Паскуаля и Алана Хукера. Продолжая эту мысль, я, как автор, пишущий о Казанове, хочу сказать, что моя работа опирается на исследования нескольких поколений гораздо более серьезных историков и архивариусов. Бернхард Марр из Дукса, и его последователи Дж. Ривес Чайлд, Гая Эндор, Шарль Самаран, Лидия Флем, Дерек Паркер, Джудит Саммер, Джон Мастер и скрупулезный Джереми Блэк — все они так или иначе причастны к этой книге. Ошибки, конечно, принадлежат только мне.

* * *

Я безгранично признателен за советы и поддержку Ивану Малкэхи, бесценному другу и агенту, также моему редактору и другу в издательстве «Ходдер» Руперту Ланкастеру, и еще Джоулю Джорджу Фотиносу, Кену Симэну, Кэт Кимбэл и Саре Литт в американском издательстве «Тарчер Пингвин». Хьюго Уилкинсон, Лора Маколей и Джозин Мейер, а также пристальное внимание и опыт Хейзел Орм сполсобствовали тому, чтобы эта

книга обрела свой окончательный вид. Моя дорогая подруга Эрика Вагнер, Чарли Вини и Джонатан Конвей, Джени Дженкинс в «Майк Ли Ассошиэтез», Карл Рэймонд, Джулия Пикмэн, Наташа Макенрой, Халли Рубенхольд, Кейт Чисхолм, Кейт Вилльямс, Саймон Чаплин из института Хантера, Фиона Ричи, Фрея Джонсон и все участники семинара доктора Джонсона в Пембрукском колледже Оксфорда (2007), Изабель Поллен, Селина Кэделл, Виктор Уинд и Дэвид Пипер из «Общества последнего вторника» также заслуживают особенной благодарности. Относительно медицинского и психиатрического аспекта мемуаров Казановы я консультировался у доктора Ларри Думонта, доктора Кейт Герни, у Эндрю Келли, но, более других я обязан доктору Виктории Кортес-Папп за неоценимую психологическую проницательность, дружбу, советы и поддержку.

В некоторой степени завидуя странствиям Казановы, должен признаться, что я в свою очередь напротив большую часть этой книги написал в Хэкни, в северной части Лондона, которая находится к Венеции не ближе, чем кафе «Венеция» в Сток Ньюингтоне, при этом я разрывался между строительством дома и двумя маленькими детьми. Поэтому поддержка друзей и семьи была еще более важна, чем обычно, и я хотел бы поблагодарить за огромную заботу о детях и помощь в строительстве дома моих родителей и братьев, а также Рэчелл Олбики, Джулию Мэнкин и Лиэма О'Флаэрти.

Но, кто действительно сделал для меня все — точнее, дал мне возможность гоняться по следам Джакомо Казановы, — так это мой сын Оскар, моя жена Клэр и наша крошка Сесилия, чье появление на свет и первые шаги, я чуть было не пропустил, работая над этой книгой, — и именно это делает меня, я знаю, намного более счастливым человеком, чем Казанова.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основными источниками для написания данной биографии послужили три экземпляра оттисков «Истории моей жизни» Казановы, все они основывались на оригинале из архива Брокгауза в Висбадене: один экземпляр — факсимиле оригинала, в настоящее время хранится в музее Дукса и архиве замка. Я выражаю признательность официальным представителям архива Брокгауза и музея Дукса за разрешение цитировать оригинал и университету Джона Хопкинса за разрешение ссылаться на перевод Уилларда Траска и издание 1967 года, перепечатанное в 1997 году. В большинстве случаев в книге использованы мои собственные переводы, выполненные по факсимиле из Дукса [Casanova HV Dux facs.] или по полному французскому изданию «Букин» (1960) [Casanova HV Bouquins], в остальных случаях цитируется англоязычное издание Траска (1967) [Casanova HL Trask].

Casanova Giacomo (Jacques Casanova, Chevalier de Seingalt). Histoire de ma vie jusqu'à 1774. 12 vols, facsimile manuscript of Brockhaus original, Duchcov Archive [Casanova HV Dux facs.]

Giacomo Casanova, Chevalier de Seingalt. History of My Life / trans.Trask Willard R. Baltimore and London, 1967, republished 1997 [Casanova, HL, Trask].

Casanova, Jacques, Chevalier de Seingalt. Histoire de ma vie. Suivie de texts inedits / ed. Bouquins, Laffont, Robert. Plon, Paris, 1960 [Casanova HV Bouquins].

Другие цитировавшиеся работы Казановы

Casanova Giacomo (Jacques Casanova, Chevalier de Seingalt) Zoroastro / Trans. Cahusac. Dresden, 1752.

- Les Thessaliennes ou Arlequin au sabbat. Prague, 1752.
- La Moluccheide, a comedy. Dresden, 1753.
- Confutazione delta Storia del Governo Veneto d'Amelot de la Houssaye. Amsterdam and Lugano, 1769.
- Lana caprina, o Epistola di un licanthropo. Bologna, 1771.
- Istoria delle turbolenze della Polonia. Gorizia, 1774.
- Dell'Iliade di Omero (The Iliad) tradotto in ottavo rima. Venice, 1775–1778.
- Opuscoli miscellanei. Venice, 1779.
- Scrutino del libro; 'Eloges de M. de Voltaire' par differens Auteurs. Venice, 1779.
- Lettere della Nobil Donna Silvia Belegno. Venice, 1780.
- Le Messenger de Thalie. Venice, October 1780 to January 1781.
- Di Aneddoti Viniziani e Amorosi Del Secolo Decimoquarto. Venice, 1782.
- Ne Amori ne donne ouvero la stalla ripulita. Venice, 1782
- Lettre historico-critique sur un fait connu, dependant d'une cause peu connue. Hamburg, 1784.
- Exposition raisonnée du différence qui subsiste entre les deux republicues de Venise et d'Hollande. 1785.
- Histoire de ma fuite des prisons de la République de Venise qu'on appelle les plombs, écrit à Dux en Bohème en 1787, 313 Paris. 1788 A Leonard Snetlage, Geneva 1797.
- Examen des Etudes de la Nature. Leeflang, Marco (ed.), Utrecht, 1985.
- The Duel. Trans. Nichols, J.G. Hesperus, London, 2003.

Рукописи и архивные материалы

Пражский государственный архив, [PSA]

Собрание Марра содержит все материалы, какие в начале двадцатого века каталогизировал Бернхард Марр из Дукса — почти три тысячи артефактов на девяти тысячах листах бумаги, что оставались в замке в 1798 году. В настоящее время собрание хранится в Государственном архиве Праги. Ссылки к документам сделал сам Марр, и они касаются разных бумаг, включая пись-

ма, стихи Казановы на нескольких языках, пьесы, диалоги, советы, напоминания, афоризмы, шифры, математические вопросы (включая геометрию), вопросы химии, политики и множество томов диалогов с теологом и философом, а также «прочее» — квитанций из прачечных, рецепты и паспорта. Автором всегда является сам Казанова, если не указано иное.

U1.1 *Della filosofia e de filosofi* 1780?; U1.4 *rêve dieu et moi*, 1792; U2.18 1780; U2.98 de Ligne, 1794; U2.102 de Ligne, *poème, Pourquoi parler sans Cesse de la Mort?* 1794?; U2.135 de Ligne, letter, 1794?; U4.9 *récipe pour faire la lessive*, undated; U4.13 Casanova to Orlov, 1765; U4.59 address of Casanova in London, 1764?; U4.82 Sophie Cornelys to Casanova, London, 1764; U5.13 *passport*, Russia, 1765; U6.17 *Anglais et Venetien* 1791?; U7.8 *Tetide et Peleo*, atto primo sc. 1–5, Casanova, 17??; U7.9 *Ulisse et Circe*, ballet pantomime, Casanova, 17??; U8.41 Wilkes to Casanova, 1757; U8.55 Charpillon to Casanova, 1763; U8.67 recipe, Semina Lini, 1798; U8.126–U8.161 Manon Balletti to Casanova, 175–760; U8.162–U8r.200 Francesca Buschini to Casanova, 1779–87; U8.209, London 1763; U8.210 Charpillon to Casanova, London 1764?; U8.211 Manon Balletti to Casanova, Paris, 1757; U8.214 Caterina Capretta Marsili to Casanova, 1779?; U9.35 *L'affaire 'Ne Amori ne donne'*, 1782?; U9.46 Notes for *mémoires*, 1791?; U9.48 *'Sur les Paradoxes de J.J. Rousseau'*, 1769; U9.63 Notes sur la *réformation du calendrier*, 1792; U10D.1–U10D.18 Lorenzo de Ponte to Casanova, 1792–95; U12.59 Dr Peipers to Casanova, prescription, 1766; U16a.27 *poème sur Angleterre*, 1764; U16a.66 *poème; 'Noblesse est un zero'*, 1796?; U160.22 *'In Praise of the French Language'*, 17??; U16C.12 varia laundry list, 1792?; U16.C.13 *poème; 'La belle Valville'*, 1765?; U16C.29 *poème; 'Les Cinq Doigts'*, 17??; U16C.36 *poème: 'Praga'* 1788?; U16d.2 varia, *'Recettes'* 17??; U16h.31 *Don Giovanni*, fragment, 1787; U16i.5 memo, list of friends to be asked for help, 1792?; U16i.8, *sur l'affaire Charpillon*, 176; U16i.16 *Le mot Paradisum*, 1787; U16i.31 A prayer for understanding, 17??; U16i.33 *poème, 'A Sophie'* 1792?; U16i.34 On shame, modesty, 17??; U16i, *'Orgueil et Sottise'*, 1791; U16k.2 varia List of Travel Necessities,

1793?; U16k.18 '*C'est des bisquits que je veux manger*', 1798; U16k.26 on Passion, 1789?; U16k.41 Note *pour les mémoires*, 1793; U16k.59 on dissimulation, 17??; U16k.63 On the female sex, 17??; U17a.12 *poème*, '*La langage des soupirez*', 1790; U17a.42 *Introduction pour les Mémoires*, 1791?; U17a.54 Note *pour les mémoires, surtout*. Vol. 4. 1789?; U17a.55–U17a.68 *Duplication du cubes et problèmes géométrique*, 1789–90; U18.29 Letter on Republic, 1793?; U19.4 *Si l'homme ne parloit pas, penseroit-il?*, 1790?; U20.2 proposal for a lotto in Venice, 1782?; U20.5 '*Loterie grammaticale*', 17??; U20.8 on Jesus Christ and Lying, 17??; U21.1 *Précis de ma vie*, 1797; U21.4 Histoire de mon existence, 1791; U21.9 About Mulberries and silk production in Russia, 1765?; U25.1–U25.8 *Dell'Iliade d'Omero*, Cantos 1–18, 1765?; U29.1 '*Songe d'un quart d'heure, Dieu et moi*', 17??; U30.19 '*Pouvons nous être mécontent*', 1789; U31.35 *Suicide, courte réflexion d'un philosophe*, 1793; U31.37 '*Sur Voltaire*', 1794; U33.1 *Trésor Cabalistique (nombres heureux)* 1757; U33.2 Customs declaration for Count Farussi, 1764; U36.20 *Avis aux amateurs de l'histoire*, 1784.

Замок Дукс, Чехия,

в том числе рукописные факсимиле [DCM]

Casanova Jacques, Chevalier de Seingalt. Histoire de ma vie à 1797 (facsimile of Brockhaus original).

de la Houssaie, Amelot. Histoire du Gouvernement de Venise. Paris, 1685?

Casanova, G. Esposizione Ragionata della Contestazione, che susiste tra'le due republiche di Venezia e di Olanda. 1785.

Rives Childs, J., ed. Casanova Gleanings. 21 vols. Paris and Geneva, 1958–1978.

Marr, Bernhard. Pour le dossier de Miss XCV.

Marr 40 1–300. Casanova archive exterieures a Dux (collected Casanova references and letters, facsimiles and copies, not in Prague State Archive or Dux collection).

Leefflang, M. Dux Ionnaire. Vols. 1 and 2. Utrecht, 2005.

Dossier de Dux (documents concernant Dux et Casanova). Utrecht, 1998.

Les Archives de Dux. Utrecht, 2002.

Государственные архивы Фрари в Венеции [ASV]

Letter e riferte dei confidante ex 137 199 bb 542–662.

Inquisitori di Stato ex 197 Tome I–III.

Appunti sul Giovan' Battista Manuzzi, 1750–1759.

Inquisitori di Stato referta del 22 marzo 1755.

Inquisitorial documents on Giacomo Casanova, 11 Novembre 1754 —
24 luglio 1755 referta Casanova, Giacomo:

1773 29 genio e seg 181

1771 30 genio 159

1763–1782 565 confid riferte; Venezia, Londra, Trieste.

1756 31 luglio — 1 Octobre 962 V polizza di speca sel mantimento.

1756 29 settembre condannato anni 5 per co di religione.

1769 27 genio 171 ma opera «*Confutazione d'amelot*» lett. Torino.

1774 3 settembre salvo condotte.

1766–1768 922 Memmo, Nob. Andrea corrispondanza col duca di
Wirtemberg *Memorie storiche degli ultimi cinquanta anni della
repubblica di Venezia*, Venice, 1854.

Библиотека музея Коррер, Венеция

Gli Abiti de Veneziani di quasi ogni eta con diligenza raccolti e dipinti
nel secolo XVIII di Grevembroch.

Архив Джустиниана Реканти, Венеция

Prospetto schematico dei palchi del teatro di San Samuele.

Архив Каза Гольдони, библиотека Гольдони, Венеция

Catalogo Drammi per musica, Venezia, 1883.

Teatro San Samuele, Volume Primo e secondo 163–164 1710–1729,
vol. V e VI 167–168; 1742–1751.

**Санкт-Петербург, Российский государственный исторический
архив (РГИА), Русский государственный архив**

Матвеев А. Записки. Русский дипломат во Франции, 1705–1706.

Axonomic Plans of Saint Petersburg 1765–1773. F2/4, 146, L, M52

Санкт-Петербургские Ведомости (городская газета), 1728–1765.

Примечания к «Ведомостям», 1728–1742.

Москва, Российский государственный архив древних актов (RGADA) — Русский государственный архив древних документов
 Rusllili Telegraf

Москва, Архив театрального музея Бахрушина

Новиков Н. Опыт историка-составителя словаря о писателях в России. Рукописная статья о Федоре Волкове. 1729—1763.

Волков Ф. Чествуя Минерву, о придворном маскараде в честь Екатерины II. 1763.

Офис общественных архивов, Кью

Letters of Sarah Bentham, d. 1809, PRO 30/9/43

Библиотека Бодлея, Оксфорд

Ms. Add. A 366 fol. 60, Dodwell Tracy Letters.

Ms. Eng. Misc. d. 213, Edmund Dewes, servant, on tour of Italy, 1776.

Ms. Douce 67, George Carpenter, 1695—1749.

Британский музей

Add Man 351222, Burney, Charles. Journal written during a Tour through France and Italy undertaken to collect material for a General History of Music. 1770.

Add Man Burney 002844853 519 b. *Gazetteer and London Daily Advertiser*. 1743—1796.

Add Man N R Burney 5465—18632. *Public Advertiser (London)*. 1728—1794 (1763 and 1766).

Прочие первоисточники

Addison J. Remarks on Several Parts of Italy. London, 1705.

Agrippa Henry Cornelius of Nettesheim. Three Books of Occult Philosophy. London, 1651.

Andrea Memmo to G. Casanova. Epistolari veneziani del secolo XVIII // Letters / ed. Molmenti Pompeo. Milan, 1914.

Anonymous / Abbe du Prat, attrib, Jean Barrin or François de Cavigny de la Brétonnière. Venus dans le Cloître ou la Religieuse en Chemise. Paris, 1737.

- Baschet A.* Archives des affaires etrangeres, serie Holland 1759. Paris 1851.
- Beckford William.* The Travel Diaries of William Beckford of Fonthill. London, 1781.
- Boswell James.* Boswell on the Grand Tour; Italy, Corsica and France 1765–1766 / eds. Brady F., Pottle A. Yale University Press, New Haven and London, 1955.
- Brooke N.* Observations on the Manners and Customs of Italy by a Gentleman. Bath, London, 1798.
- Brosses Charles de.* Lettres Familières écrites d'Italie en 1739 et 1740. Paris, 1869.
- Burney Charles.* Music, Men and Manners in France and Italy, 1770. Being the journal written by Charles Burney. During a Tour through those countries undertaken to collect material for a «General History of Music». Folio Society. London, 1974
- Burney Charles.* The Present State of Music in France and Italy or the Journal of a tour through those countries, undertaken to collect Materials for a General History of Music. London, 1771.
- Catherine II.* «Le Tracassier». Composé par cette princesse. Théâtre de l'Hermitage de Catherine II. Paris, 1799.
- Clary-Aldringen.* Prince Charles Joseph (Lolo). Le Journal. Tome 1. 1795–1798.
- Coyer, Abbé G. F.* Voyages d'Italie et de Hollande. Paris, 1775.
- Créquy, Marquise de.* Souvenirs. 8 vols, Paris, 1842.
- Dashkova, Princess Elizabeth.* Memoirs of Princess Daschkaw, Lady of Honour to Catherine II Empress of All the Russias, written by Herself, comprising the letters of the Empress and other correspondence. London, 1840.
- de Ligne, Prince [Charles].* «Amant Ridicule», Theatre de L'Hermitage de Catherine II. Paris, 1799.
- Annales Prince de Ligne. 19 vols. Brussels, 1920–1938.
- Fragment sur Casanova, suivi de lettres a Casanova, Paris, 1988.
- Fragments de l'histoire de ma vie, 2 vols, Paris, 1928.
- Letters and Papers. New York, 1899.
- Lettres et Pensées du Maréchal Prince de Ligne. Paris, 1809.
- Mémoires et mélanges historiques du prince de Ligne, Paris, 1828.

- (Tome IV quoted as «Fragments sur Casanova», in *Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt suivi de Fragments des mémoires du Prince de Ligne*, Paris, 1921).
- de Ponte L., Mozart W. A.* Il dissoluto punito ossia il Don Giovanni, dramma giocoso in zwei akten text von Lorenzo da Ponte KV 527. Vienna and Prague, 1787.
- de Vries Leonard, Fyer Peter (compilers).* Venus Unmasked or an Inquiry into the nature and Origin of the Passion of Love, interspersed with curious and entertaining Accounts of Several Modern Amours, 1705–1793. Reprinted Arthur Baker Ltd. London, 1967.
- Dittersdorf Carl Ditters von.* The Elder. Autobiography. London, 1896.
- Doran John.* «Mann» and manners at the Court of Florence 1740–1786. 2 vols. London, 1876.
- Goethe J. W.* Travels in Italy. London, 1849.
- Goldoni Carlo.* Mémoires de M Goldoni pour servir à l'histoire de sa vie et à celle de son théâtre. 3 vols. Paris, 1787.
- Hanbury-Williams Charles.* Letters. 92 vols, 1928.
- Hoare R. C.* Hints to Travellers in Italy. London, 1815.
- Kelly Michael.* Reminiscences of Michael Kelly of the King's Theatre and Theatre Royal Drury Lane. London, 1826.
- La Lande J. de.* Voyage en Italie. Geneva, 1790.
- Lamberg Maximilian.* Memorial d'un mondain. Paris, 1774.
- Lettere di donne a Giacomo Casanova / ed. Rava Aldo. Milan, 1912.
- Macartney George, Earl.* An Account of Russia addressed to the King. London, 1768.
- Meissner Alfred.* Rococobilder. Gumtönnin. Germany, 1871.
- Memoirs of Goldoni written by himself / trans. Black J. 2 vols. London, 1814.
- Nugent Thomas.* A Grand Tour through the Netherlands, Germany, France and Italy. 4 vols. London, 1749.
- Parfait.* Dictionnaire des theatres. Paris, 1756.
- Pitton de Tournefort Joseph.* A Voyage into the Levant. London, 1718.
- Postel Guillaume de Barentonius.* De originibus seu de Hebraice linguae et gentis antiquitate. Paris, 1538.
- Rose William Stewart.* Letters from the North of Italy addressed to Henry Hallam Esq. London, 1819.

- Sharp Samuel*. A View of the Customs, Manners, Drama of Italy as they are described in «The Frusta Letteraria» and in The Account of Italy in English by Mr Barretti, compared to the Letters from Italy by Mr Sharp. London, 1768.
- Shaw Joseph*. Letters to a Nobleman. London, 1709.
- Sidgewick Owen*. The Universal Masquerade or The World Turn'd Inside Out. London, 1742.
- Southwell Edward*. The Hell-Fire Club: kept by a Society of Blasphemers — a Satyr. London, 1721.
- The Complete Letters of Lady Mary Worthy Montagu / ed. Halsband R. Oxford, 1967.
- The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia 1762–1765 / ed. D'Arcy Collyer, Adelaide. London, 1899.
- Walpole Horace*. Correspondence. 3 vols. London, 1837.
- Wilkes John (Pego Borewell)*. An Essay on Woman. London, 1763.
- Wolf J. Christopher*. Bibliotheca Hebraea sive notitia turn auctorum hebr. Hamburg and Leipzig, 1715.
- Wortley Montagu Lady Mary*. Embassy to Constantinople / ed. Pick C. London, 1988.

Прочая периодика

- Gentleman's Magazine. London, 1763–1765.
- Lady's Magazine. London, 1773.
- Санкт-Петербургские Ведомости 1728–1765, Примечания к Ведомостям (Footnotes to the Gazette), 1728–1742.
- Amsterdamse Courant. Amsterdam, 16 September 1758.
- Gazetta Urbana Veneta. Venice, 31 May 1788.

Другие источники

- Adventures of Casanova, Selection from The History of My Life by Giacomo Casanova / ed. Wilson Frances. London, 2007
- Andrieux Maurice*. Venise au temps de Casanova / trans. Mary Fitton. London, 1972.
- . Venise au temps de Casanova. Paris, 1969.

- Aries Philippe*. Centuries of Childhood / trans. Baldick R. London, 1996.
- . L'Enfant et la familiale sous l'ancien regime. Paris, 1962.
- Ashton John*. A History of English Lotteries. London, 1893.
- Barbier Patrick*. The World of the Castrati / trans. Crosland Margaret Souvenir. London, 1998.
- Bartolini Elio*. Le Crepuscule de Casanova / trans. Abrame-Battesti. Paris, 1994.
- Benedict Barbara M*. Eighteenth Century British Erotica. 5 vols. London, 2002.
- Berelowitch Wladimir, Medvedkova Olga*. Histoire de Saint-Petersbourg. Paris, 1996.
- Black Jeremy*. Italy and The Grand Tour. New Haven and London, 2003.
- . The Grand Tour in the Eighteenth Century. London, 1992.
- Bleakley Horace*. Casanova in England. London, 1923.
- Bloom Harold*. Kabbalah and Criticism. New York, 1975.
- Bond Frederick Bligh, Simcox Thomas*. A Preliminary Investigation of the Cabala contained in the Coptic Gnostic Books and of similar Gematria in the Greek text of the New Testament shewing the presence of a system of teaching by means of the doctrinal significance of numbers. Oxford, 1917.
- Boswell on the Grand Tour, 1765. / eds. Pottle F., Brady F. London, 1955.
- Bowman Horace Bushnell*. The Castrati Singers and their Music. PhD thesis. Indiana University Library, 1951.
- Busetto G*. Pietro Longhi Gabriel Bella, Scene di vita veneziana. Venice, 1995.
- Carlo Goldoni and the Eighteenth Century Theatre / ed. Farrell Joseph. New York, 1997.
- Comisso Giovanni*. Agenti segreti veneziani nel 1705-1797, Milan, 1941.
- Darnton Robert*. The Forbidden Bestsellers of Pre-Revolutionary France. New York, 1995.
- de Vries Leonard*. Venus Unmasked. London, 1967.

- di Robillant Andrea*. A Venetian Affair. New York, 2005.
- Endore Guy L.* Casanova, His Known and Unknown Life. London, 1930.
- Erdogan Sema Nilgun*. Sexual Life in Ottoman Society. Istanbul, 1996.
- Franzoi Umberto*. Le Prigioni di Palazzo Ducale a Venezia. Venice, 2005.
- Fraser David*. Frederick the Great, King of Prussia. London, 2000.
- Gatrell Vic*. City of Laughter — Sex and Satire in Eighteenth Century London. London, 2006.
- Giacomo Casanova tra Venezia e l'Europa / ed. Olschki, Leo. S. Venice, 1999.
- Ginsburg Christian*. The Kabbalah — Its Doctrines, Development and Literature. London, 1920.
- Goldoni Luca*. Casanova, romantica spia. Venice, 1998.
- Grayling, A. O.* «The Age of Reason» // Rizzol, RA magazine, no. 93, winter 2006.
- Gregor Joseph*. Casanova in Petersburg. Vienna, 1947.
- Gunther Pablo*. The Casanova Tour. A Handbook for the Use of the Private Travelling Carriage in 18th-Century Europe. Lindau (printed by the author), 1999.
- Halevi Z'ev ben Shimon*. Kabbalah, Tradition of Hidden Knowledge. London, 1979.
- Hallamish Moshe*. An Introduction to the Kaballah / trans. Ruth bar-Han, Ora Wiskind-Elper. State University of New York. New York, 1999.
- Heriot Angus*. The Castrati in Opera. London, 1956.
- Holme Timothy*. A Servant of Many Masters. The Life and Times of Carlo Goldoni, Jupiter, London, 1976.
- Hunter Mary*. The Culture of Opera Buffa in Mozart's Vienna: A Poetics of Entertainment, Princeton University Press, New Jersey, 1999.
- J. W. Goethe*. Italian journey 1786–1788 / trans. and eds., Auden W. H., Mayer Elizabeth. London, 1962.
- Jervis Henry W.* The History of Corfu. London, 1852.
- Kihli-Sagols Didier*. La Comédie médicale de Giacomo Casanova. Paris, 2005.

- King C. W.* The Gnostics and their Remains, Ancient and Medieval. London, 1887.
- Kronld Michael.* The Taste of Conquest; the Rise and Fall of Three Great Cities of Spice. New York, 2008.
- Labande Leon-Honore.* Histoire de la Principauté de Monaco. Monaco, archives du Palais, 1934.
- Lauritzen Peter.* Venice: a thousand years of culture and civilization. London, 1978.
- Leppman Wolfgang. J. J. Winckelman.* New York, 1970.
- Libertinage and Modernity / ed. Cusset Catherine. Yale University Press. New Haven, 1998.
- Lovric Michelle.* Venice. Tales of a City. London, 2003.
- Lowe Alfonso.* La Serenissima, The Last Flowering of the Venetian Republic. London, 1974.
- Luna Marie-Françoise.* Casanova Memottaliste. Paris, 1998.
- . Casanova, Fin de Siécle. Actes au colloque international. Paris, 2002.
- MacCarthy Fiona.* Byron: Life and Legend. London, 2002.
- MacDonogh Giles.* Frederick the Great. London, 1999.
- Mamy Sylvie.* Les Grands Castrats Napolitains a Venise au XVIIIe Siécle. Liege, 1994.
- Mangini Nicola.* I Teatri di Venezia. Milan, 1974.
- Mansel H. L.* The Gnostic Heresies. London, 1875.
- Mansel Philip.* Prince of Europe, The Life of Charles-Joseph de Ligne 1735–1814. London, 2003
- Marr Bernhard, de Givry G.* La Kabbale de Jacques Casanova // Patrizi e avventurieri. Ed. III. P. ix–xxi. Milan, 1930.
- Massi E.* La vita, i temps, gli amici di Francesco Albergati. Bologna, 1878.
- Masters John.* Casanova. London, 1969.
- Maynial Edouard.* Casanova and his Time / trans. Ethel Colburn Mayne. London, 1911.
- McMahon Darren M.* The Pursuit of Happiness. New York, 2006.
- Molmenti P.* Storia di Venezia nella vita privata dalle origini alia caduta delta repubblica. Bergamo, 1908

- Venice; the Decadence / trans. Brown H. F. 2 vols from the original // La Storia di Venezia nella vita privata dalle origini alla caduta della repubblica. London, 1908.
- Monglond A.* Revue d'histoire diplomatique. Paris, 1938.
- Monnier Philippe.* Venice in the Eighteenth Century. London, 1910.
- Neyremand M.* Séjour en Alsace de quelques hommes célèbres. Paris, 1861.
- Noat-Antoni Olivia.* Vivre à Monaco aux XVIIe et XVIIIe siècles. Nice, Serre Editeur, 2000.
- Norwich John Julius.* A History of Venice. London, 1989.
- Paradise of Cities — Venice and its Visitors. London, 2003.
- Ober William B.* Boswell's Clap and other Essays. London, 1969.
- Parker Derek.* Casanova. London, 2002.
- Pearson Roger.* Voltaire Almighty. London, 2005.
- Petráň Josef.* Kalendář — aneb Čtení o Velkém plese korunovačním v pražském Nosticově divadle 12. září 1791 v časech francouzské revoluce / trans. Mirka Higgins. Prague, 2004.
- Picard Liza.* Dr Johnson's London. London, 2000.
- Plath Wolfgang, Rehm Wolfgang.* Introductory notes // Dissoluto punito ossia il Don Giovanni, dramma giocoso in zwei akten text von Lorenzo da Ponte KV 527 / trans. Douglas Woodfull-Harris. London, Salzburg, 1977, 1991.
- Porter Roy, Rousseau G. S.* Exoticism in The Enlightenment. Manchester University Press, New York, 1990.
- Porter Roy.* Flesh in the Age of Reason. London, 2003.
- The Creation of the Modern World. Norton; New York; London, 2000.
- The Enlightenment. London, 2001.
- Quennell Peter.* Casanova in London and Other Essays. London, 1970.
- Regnier Henri de.* Casanova chez Voltaire. Paris, 1929.
- Rives Childs J.* Casanova: a New Perspective. New York, 1988.
- Saige Gustave.* Monaco, Ses origines et son histoire d'après les documents originaux. Imprimerie de Monaco, 1897.
- Sainsbury J.* John Wilkes, Ashgate, London, 2006.

- Samaran Charles.* Jacques Casanova, vénitien, une vie d'aventurier au XVIII siècle. Paris, 1914.
- Scholem G. Kaballah.* New York, 1987.
- . Major Trends in Jewish Mysticism. London, 1955.
- Scholz Piotr O.* Eunuchs and Castrati. Princeton; New Jersey, 1999.
- Selected Interdisciplinary Essays on the Representation of the Don Juan Archetype in Myth and Culture / eds. Ginger Andrew, Hobbs John, Lewis Huw. New York and Lampeter, 2000.
- Selvatico Riccardo.* Cento note per Casanova a Venezia, 1753–1756. Vicenza, 1997.
- Sexual Underworlds of the Enlightenment / eds. Rousseau G. S., Porter R. Manchester, 1987.
- Sollers Philippe.* Casanova l'admirable. Paris, 1998.
- Spector Sheila A.* Glorious Incomprehensible; the development of Blake's Kabbalistic Language. London, 2001.
- Spector Sheila A.* Wonders Divine; the Development of Blake's Kabbalistic Myth. London, 2001.
- Steptoe A.* The Mozart — Da Ponte Operas. Oxford, 1988.
- Straub Kristina.* Sexual Suspects; Eighteenth Century Players and Sexual Ideology. New Jersey, 1992.
- Summers Judith.* Casanova's Women. London, 2006.
- Taylor G. Rattray.* Sex in History. London, 1968.
- The Commedia dell'Arte from the Renaissance to Dario Fo, The Italian Origins of European Theatre VI. The Papers of the conference of The Society for Italian Studies / ed. Cairns Christopher. Edwin Mellen Press, Lewiston/Queenston/Lampeter, 1988.
- The Theatre of the Estates / eds. Roubinek O., Cerny J., Jerie P., Kral J.
- The Triumph of Eros, Art and Seduction in 18th Century France / eds. Ozerkov D., Padiyar S., Alexandrian S. St Petersburg; London, 2006.
- Thomas Chantal.* Casanova, un voyage libertin. Paris, 1985.
- Tis Nature's Fault — Unauthorized Sexuality during the Enlightenment / ed. Purks Maccubbin Robert. Cambridge University Press. Cambridge & New York, 1987.
- Traverso O.* The Church of San Samuele Venice. Genoa, 2002.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Venise en fête / eds. Urban L., Romanelli G., Gandolfi F. Paris, 1992.
- Waite A. E.* The Holy Kabbalah. New York, 2003.
- Weil Taddeo.* Teatri Musicali Venezani dell Settecento. Venice, 1897.
- When Flesh Becomes Word, An Anthology of Early 18th Century
Libertine Literature / ed. Mudge Bradford K. Oxford, 2004.
- Ze'evi Dror.* Producing Desire; Changing Sexual Discourse in the
Ottoman Middle East 1500–1900. University of California Press.
Berkeley, California, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Прелюдия. TEATRO DEL MUNDO	7
Вступление. ОПЕРА-БУФФ ПОД НАЗВАНИЕМ ВЕНЕЦИЯ	12

АКТ ПЕРВЫЙ

Акт I, сцена I. КАЛЛЕ-ДЕЛЛА-КОМЕДИА (1725–1734)	35
Акт I, сцена II. В ШКОЛЕ В ПАДУЕ (1734–1738)	43
Акт I, сцена III. Я СТАНОВЛЮСЬ СВЯЩЕННИКОМ (1739–1741)	51
Акт I, сцена IV. ЛЮЧИЯ, НАНЕТТА И МАРТА (1741–1743)	59
Акт I, сцена V. УЖЕ НЕ СЕМИНАРИСТ (1743)	71
Интермедия. КАЗАНОВА И ПУТЕШЕСТВИЯ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ	77

АКТ II

Акт II, сцена I. ДОРОГА В РИМ И НЕАПОЛЬ (1743–1745)	87
Акт II, сцена II. ЛЮБОВЬ И ТРАВЕСТИ (1745)	103

Акт II, сцена III. ИСТОРИИ ИЗ ГАРЕМА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (1745)	115
Акт II, сцена IV. ПАЛАЦЦО БРАГАДИНА И ВХОЖДЕНИЕ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВО (1745–1748)	127
Акт II, сцена V. «ВЫ ЗАБУДЕТЕ И АНРИЕТТУ» (1749)	143
Интермедия. КАЗАНОВА И СЕКС В ВОСЕМНАДЦАТОМ ВЕКЕ	153

АКТ III

Акт III, сцена I. ДОРОГА ВО ФРАНЦИЮ (1750)	173
Акт III, сцена II. ПАРИЖ МАДАМ ПОМПАДУР (1750)	179
Акт III, сцена III. МОНАСТЫРСКИЕ СТРАСТИ (1753–1755)	196
Акт III, сцена IV. ТЮРЬМА И ПОБЕГ (1755)	220
Акт III, сцена V. КОМЕДИЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ, ПАРИЖ (1756–1757)	229
Акт III, сцена VI. МАСКА НЕПОСВЯЩЕННОГО: МАРКИЗА Д'ЮРФЕ И ЭКСПЕРИМЕНТЫ В НЕКРОМАНТИИ (1757–1760)	244
Интермедия. КАЗАНОВА И КАББАЛА	256

АКТ IV

Акт IV, сцена I. РАЗГОВОРЫ С ВОЛЬТЕРОМ (1760–1761)	271

СОДЕРЖАНИЕ

Акт IV, сцена II. ШЕВАЛЬЕ ДЕ СЕНГАЛЬТ (1761–1763)	290
Акт IV, сцена III. ЛОНДОН (1763)	303
Акт IV, сцена IV. ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ (1764)	325
Акт IV, сцена V. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (1765)	332
Акт IV, сцена VI. ПОЛЬСКАЯ ДУЭЛЬ (1765–1766)	350
Интермедия. КАЗАНОВА И КУХНЯ	356

АКТ ПЯТЫЙ

Акт V, сцена I IL TRAVIATO, ЗАБЛУДШИЙ (1766–1770)	365
Акт V, сцена II. ПАПСКИЙ РЫЦАРЬ И ЛЮБИТЕЛЬ УСТРИЦ (1770–1774)	379
Акт V, сцена III. И СНОВА ВЕНЕЦИЯ (1774–1782)	390
Акт V, сцена IV. ДОН ЖУАН (1783–1787)	398
Акт V, сцена V. ЗАМОК В ДУКСЕ (1787–1798)	404
Занавес. ИСТОРИЯ «ИСТОРИИ МОЕЙ ЖИЗНИ»	415
Благодарности	421
Библиография	427

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шаришино», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

**Келли Иен
Казанова**

Ответственный редактор Е.Г. Кривцова
Выпускающий редактор О.К. Юрьева
Технический редактор Л.Л. Подъячева
Корректор Е.П. Николаева

Подписано в печать 19.10.10.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 23,52.

С.: Ист. библиограф. (84)-3. Тираж 2 000 экз. Заказ № СК 1721.

С.: Биографии. Тираж 3 000 экз. Заказ № СК 1722.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Типография ООО «Полиграфиздат»

144003. г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

Иен Келли – известный британский журналист, историк и публицист, номинант престижных премий, автор трех международных бестселлеров –

«Повар королей», «Бью Бруммель» и «Казанова».

Личность Джакомо Казановы была и остается загадкой, тревожащей умы историков и биографов. Кто он? Один из многочисленных авантюристов XVIII века? Тайный информатор правителей? Мошенник, чей талант граничил с гениальностью?

Бонвиван и ловелас? Идеальный любовник? Великолепный литературный мистификатор, знаменитые «Мемуары» которого не имеют ничего общего с реальностью?

Современные историки до сих пор не могут прийти к единому мнению об этом легендарном человеке.

Иен Келли использовал в своей книге множество не опубликованных ранее материалов – от протоколов венецианской инквизиции до писем самого Казановы, – и эти документальные свидетельства позволяют читателям по-новому взглянуть на жизнь загадочного итальянца.

Биография, которая могла бы выйти из-под пера самого Бальзака!
«Mail on Sunday»

Блестящая, захватывающая книга, написанная на основе научных знаний и исторической правды.

«Sunday Telegraph»

Лицедей, шпион, любовник. Лучшая книга о Казанове.

«BBC radio 4 Book Club»

Биографии лучше просто не может быть.

«Times»

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-065490-1

9 785170 654901